

ДЖЕЙМС РЕССЛЕР

**МАНЬЯК
ПРОТИВ
БОГА**

Маньяк против Бога

Джеймс Ресслер

Оглавление

ЧАСТЬ I. Пробуждение инстинкта охотника

Глава 1. Прощай, тихая гавань

Глава 2. Имя на доске

Глава 3. Исходные данные

Глава 4. Генезис зла: Камни в яме

Глава 5. Яша, кораблики и пустое небо

Глава 6. Внутри «Системы»: Наркотический туман 70-х

Глава 7. Ангел смерти из 67-й больницы

Глава 8. Охотничьи угодья

Глава 9. Учителя

Глава 10. Больше, чем профессиональный азарт

ЧАСТЬ II. Американский инкубатор

Глава 11. Депрограммирование

Глава 12. Видеоигра

Глава 13. Уэйко

Глава 14. «МС Дое 33»

Глава 15. Недостающий пазл

Глава 16. Отец психотронного оружия

Глава 17. В голове стрелка

Глава 18. Кукловоды скулуштинга

Глава 19. «Красные флаги» и чешский пример

Глава 20. Покушения на политиков

Глава 21. Код убийства

ЧАСТЬ III. Захват государства

Глава 22. Возвращение субъекта на родину

Глава 23. Нацистский след: от гестапо до Москвы

Глава 24. Создание Инквизиции: RACIRS и захват институтов

Глава 25. Экспертный совет 2009 года

Глава 26. Эскалация репрессий

Глава 27. Китайский полигон

Глава 28. Цифровой бункер: 2025 год и система изоляции

Глава 29. Тень над Кремлем

Глава 30. Кукловод и престол

Глава 31. Дивеевский контур

Глава 32. Разжигание ненависти

Глава 33. Цивилизационная война

ЧАСТЬ IV. Маньяк против Бога

Глава 34. Профиль субъекта. Выводы

Глава 35. Поиск конечной цели

Глава 36. Пустое небо над головой

Глава 37. Противоядие

ЧАСТЬ I

Пробуждение инстинкта охотника

Глава 1

Прощай, тихая гавань

Декабрь 2025 года выдался в Вирджинии на редкость паршивым — сырым, серым и пронизывающим до костей. Я сидел в своем любимом кресле у камина, сжимая в руках тяжелую кружку с черным кофе. Никакого сахара, никакого чертова виски — я завязал с выпивкой еще в девяностых, когда понял, что либо я смотрю в бездну трезвым, либо она сожрет меня вместе с потрохами.

Мне шестьдесят шесть. В этом возрасте нормальные люди копаются в саду или обсуждают страховку. Мы с Мэри планировали кругосветное путешествие. Я обещал ей это еще когда работал в Куантико, зарывшись в фотографии с мест преступлений, от которых обычного копа вывернуло бы наизнанку прямо на ботинки шерифа.

Мэри уже месяц заваливала кофейный столик брошюрами о кругосветном круизе. Она хотела увидеть фьорды и храмы Киото; я же просто хотел, чтобы во сне перестали прокручиваться снимки с мест преступлений и протоколы вскрытий.

— Послушай, Джеймс, — Мэри вошла в комнату с подносом, на котором стоял чайник. У меня на коленях лежал рекламный буклет: «Лайнер "Oceanic Dream" — 120 дней блаженства». Блаженство. Для меня это слово всегда было антонимом реальности.

Она посмотрела на меня тем самым взглядом, с которым со временем жены профайлеров перестают верить словам — и начинают видеть то, что за ними скрывается.

— Мне интересно, что ты думаешь о нашем кругосветном путешествии. Ты ведь не собираешься просто смотреть на океан с палубы лайнера, верно?

Я криво усмехнулся. Она была права, черт возьми. Мы вместе прожили много лет, и она прекрасно знала мою сущность. Мэри понимала меня, как никто другой. Однажды, видя горящие глаза и мое стремление довести дело до конца, она сказала,

что ей кажется, что новые задачи по работе дают мне заряд и новый импульс к жизни.

Она всегда была права. Я видел это дерьмо тысячу раз: наши ребята уходят на пенсию, покупают чертову лодку и через полгода либо начинают выть на луну от пустоты, либо обивают пороги полевых офисов, напрашиваясь в консультанты. Ты можешь сдать жетон, но Бюро не уйдет из тебя никогда — для федералов это вечная истина. Весь мой путь — от тех времен, когда методики BSU (Behavioral Science Unit, Подразделение поведенческих наук) только-только выбрались из подвала Академии и еще вызывали усмешку у старых агентов, до тех лет, когда мы в BAU (Behavioral Analysis Unit, Подразделение поведенческого анализа) разрабатывали методологию для полевых офисов страны — весь этот опыт сидел во мне, как неразорвавшаяся пуля у позвоночника. Тяжелый, опасный и готовый напомнить о себе при каждом неосторожном движении. Мой отдел был для меня не просто работой. Я был частью того механизма, который превратил интуицию в доказательную базу, и такие вещи не отпускают.

Мы с Мэри вели спокойную, размеренную жизнь. Утренние прогулки с собакой, закупка продуктов на неделю по понедельникам. По воскресеньям Мэри обязательно пекла пирог, мы надевали все лучшее и шли на утреннюю мессу. Отстаивали службу, болтали с соседями на ступенях церкви о погоде и политике и из вежливости звали отца Томаса к нам на ужин, а он всегда учтиво отказывался. А в моей голове все это время до сих пор крутились лица и имена: Тед Банди, Гари Риджуэй, Роберт Хансен... Мы ловили этих тварей, разбирали работу их сознания до мелочей, составляли профили, которые позволяли нам залезть им под кожу раньше, чем они сделают следующий шаг. Это была вся моя жизнь. И никто из них никогда не покинет мою голову полностью. То и дело я видел их в снах. Порой я терял связь между реальностью и своими собственными воспоминаниями по долгу запираясь в кабинете и перечитывая копии своих старых отчетов.

Но я никогда не жаловался. Я благодарил Бога за то, что жив и здоров. Благодарил за то, что несмотря на нестерпимо тяжелый график в течение более 30 лет, постоянное состояние стресса и переутомление, мы с Мэри все еще вместе, живем в своем доме мечты, отстроенным по кирпичикам с нуля. Смогли вырастить двух замечательных детей, нянчим внуков, и живем свою спокойную жизнь, в безопасности и вдали от офисов Федерального Бюро.

И вот, среди этого заслуженного, казалось бы, спокойствия с оттенком скуки, на моем рабочем столе в кабинете материализовалась бандероль. Курьер доставил ее сегодня утром. Отправитель — Виктор Фридман. Я поставил кофе на стол и вскрыл пакет. Внутри оказался увесистый файл — то ли отчет, то ли стопка скрепленных распечаток. Среди них лежали флешка и короткая записка: *«Джеймс, я знаю, ты на пенсии, но посмотри на это. Только ты сможешь подтвердить, не сошел ли я с ума. Это масштаб, о котором мы даже не могли и думать. Помнишь, ты говорил, что маньяк в тени — это хищник? А что, если хищник — это сама тень?»*

По этим строкам я узнал отправителя. Черт возьми, я не слышал о нем несколько лет. Толковый парень, один из лучших в моей команде. Виктор... Разумеется, это было не его настоящее имя. Да, есть пара ярких «персонажей» из нашего отдела, которые после выхода на пенсию не смогли удержать эго в штанах: они раздают интервью направо и налево и пишут бестселлеры под своими именами. Но те из нас, кто копал по-настоящему глубоко и нажил себе врагов вне тюремных камер, не могут позволить себе такую роскошь. Жить под своим именем, тем более писать книги — для Виктора это было бы самоубийством.

Он пришел к нам как внештатный консультант, выходец из СССР. Ох, какой же переполох тогда возник в нашей секции, особенно у парней из контрразведки. Русский эмигрант в Бюро, читающий наши рапорты? Парню пришлось пережить не один год паранойи, косых взглядов и проверок на полиграфе. Да что там говорить, я и сам по-настоящему воспринял Виктора, как своего напарника, только после многих лет работы бок о бок. Человек с холодным, как сибирский лед, аналитическим умом. Если Виктор вгрызался в след, он не отпускал, пока не доходил до кости. Он видел связи там, где мы еще только начинали распутывать хаос. Виктор был тем, кто мог учуять след волка в лесу, полном собак и обладал абсолютно уникальным и критически важным для Бюро опытом, которого не было ни у кого из американцев. Мы вместе прошли через десяток дел, которые никогда не попадут в официальные учебники и публичные отчеты, потому что правда в них была слишком уродливой даже для прожженных спецов.

Я опустил в кресло, открыл ноутбук, вставил флешку, на которую Виктор очевидно продублировал цифровую копию своей рукописи, и мои глаза наткнулись на заголовок первой страницы. Рабочее название гласило: «Кремлевский маньяк». Я почувствовал, как внутри что-то щелкнуло. Тот самый аналитический механизм, который я с выходом на пенсию пытался сделать заржавелым намеренно. Мой мозг,

обученный искать паттерны в человеческом поведении, мгновенно отозвался на эти слова. В контексте современной геополитической повестки не сказать, что это была тема, которая будоражила мое нутро. Скорее тот факт, что эта тема вышла «из-под пера Виктора» взволновал меня и даже вызвал чувство определенного предвкушения.

Я замер. Мой палец застыл над клавишей прокрутки на компьютерной мышке. Первой реакцией был смешок — старый добрый американский скепсис. «Ты глянь, на кого замахнулся», — подумал я. Послушайте, я видел политических деспотов, видел коррумпированных сенаторов, но ставить диагноз «серийный маньяк» первому человеку в государстве? Как всегда Виктор в своем стиле. Но Виктор никогда не кидался словами просто так. Если он замахнулся на такой уровень, значит, у него были факты, которые не укладывались в обычную политическую аналитику.

Я открыл книгу и начал читать. Неожданным для меня стало начало его истории. Мне казалось, что Виктор прислал мне свои мемуары, может быть что-то про жизнь в СССР и его путь эмиграции. Ну или быть может он пошел по стопам наших коллег и решил написать о временах, когда мы занимались профилированием.

Но меня ждало совсем иное. Неожданно история его книги начиналась с приезда знакомых Виктора, которые были членами международной религиозной организации «Свидетелей Иеговы». Они рассказывали о переживаниях, связанных с притеснениями их организации в России. Честно сказать первые несколько страниц прочтения меня несколько удивили и вызвали недоумение. «С чего бы вдруг он стал писать об этом книгу?».

Дальше перед глазами поплыли фамилии. И, очень скоро стало очевидно, что одна нить тянется сквозь весь файл рукописи: Александр Дворкин. Какой-то российский профессор, «сектовед», якобы борец за безопасность общества. Судя по поверхностному поиску в сети — ничего примечательного. Очередной скучный кабинетный старик с бородой и кучей регалий. Но чем глубже я вчитывался в текст Виктора, тем сильнее во мне просыпался старый инстинкт. Тот самый зуд в затылке, который появлялся, когда я исследовал кейс Генри Лукаса или когда мы с группой проводили глубокую аналитику писем ВТК.

Виктор провел колоссальную работу. Он нашел связи, которые ускользали от обычных журналистов. Он раскопал биографию этого Дворкина, начиная с его

юности в Москве, через эмиграцию в США в семидесятых, до возвращения в Россию. И там, среди пыльных архивов и забытых свидетельских показаний, вырисовывалась картина, от которой у меня по спине пробежал знакомый холодок.

— Ничего себе, — прошептал я, не замечая, как кофе в кружке окончательно остыл.

Все-таки это был кейс для нашего юнита. Речь шла о классическом психопате с садистическими наклонностями. Но который нашел себе идеальную ширму для прикрытия. Это уровень выше, чем даже мне доводилось сталкиваться за все время моей практики. Это было гениально и ужасно одновременно. Неизвестный субъект (прим. пер.: от англ. unsub — «неустановленное лицо») больше не прячется в подвале, не скрывается под сменой различных масок, фамилий и специальностей. Он создает организацию под благовидной вывеской, становится «экспертом» по сектам и культам, ездит по странам с лекциями. Он выбирает жертв публично, объявляя всех, кто «приглянулся» — «сектантами», «опасными фанатиками», «раковой опухолью». И на глазах у всего общества, руками других, совершает зверства немыслимого масштаба. В конечном итоге именно садистические наклонности серийного убийцы становятся «поведенческой нормой» государства.

Я откинулся на спинку кресла. Мой пульс участился. Это был тот самый «азарт охотника», который я обещал себе никогда больше не испытывать. Тот самый электрический ток, который пробегает по позвоночнику, когда ты понимаешь: профиль сходится. Когда хаотичные куски пазла — странные фразы о страшном влиянии сект, холодные глаза, необъяснимая жестокость к бывшим союзникам — вдруг складываются в единую картину.

Это то, что в криминальной психологии называют «Комплексом Бога», когда субъект считает себя вправе решать, кому жить, а кому умереть, основываясь на собственной, воспаленной фантазии. Обычно это касается наших «подопечных», которые держат своих жертв в подвалах. Но что, если подвалом становится целая страна?

Виктор знал, на что нажать. Он прекрасно понимал, что моя стариковская привычка перепроверять выводы за ребятами из нашей секции все равно возьмет верх. Я просто не мог пройти мимо такого сложного психологического почерка. Серийный убийца, легализованный на государственном уровне? Признаюсь, масштаб впечатлил даже меня. Раз уж я потратил более тридцати лет, заглядывая в головы психопатам, моя прямая обязанность — довести этот профиль до конца.

Я закрыл глаза, пытаюсь структурировать информацию. Даже еще не дочитав полноценно книгу Виктора, в голове уже начал набрасываться профиль.

- Субъект: Высокий уровень интеллекта, патологическое отсутствие эмпатии.
- Мотивация: Тотальный контроль и получение удовольствия от страданий жертв, замаскированное под «спасение» или «защиту общества».
- Метод: Дегуманизация. Сначала ты лишаешь жертву человеческого облика, называя ее «сектантом», а потом общество само аплодирует, когда ты ее уничтожаешь.

В ВАУ ловят «крупных зверей» и гордятся тем, что вычищают улицы от мусора. То, что описывал Виктор, — это был совершенно другой уровень. Это маньяк, который превратил целую страну в свой охотничий заказник. Он не просто убивает физически — он убивал тысячи людей, руками других, используя закон как удавку.

Я снова посмотрел на экран. Фамилия «Дворкин» теперь не казалась мне случайной. За ней стояла система, которую мне предстояло вскрыть. Из книги Виктора то, что однозначно было ясно по набору фактов: «Антикультовая деятельность» как легальное прикрытие для садизма. РАЦИРС — организация, которая фактически стала инквизицией XXI века. И все это под прикрытием государства, под лозунгами «борьбы за безопасность».

Мой искаженный профессией ум начал фиксировать пробелы в книге Виктора. Он был хорош, но он был слишком эмоционально вовлечен. Я видел, где он пропустил детали, где нужно было перепроверить связи. Итак, что я могу сейчас сделать? Когда я сдал жетон, для меня стали закрыты доступы в секретные архивы и базы данных. С одной стороны, я был этому рад и вздохнул с облегчением, ведь мне больше не приходилось ежедневно отмечаться в системе и заново переписывать коды доступа. Но черт возьми, как бы они мне сейчасгодились! У нас был доступ к базам, о которых обыватель даже не подозревает.

Однако контакты и кое-какие «пароли», даже на пенсии у меня все же оставались. Да и OSINT исследования никто не отменял. Развитие современных технологий дает возможность быстро и качественно переводить материал с любого языка, открытые источники, архивы статей в интернете, блогерские платформы, на которых сохранилось довольно много переписок, содержащих крайне важные

детали, интервью и видеозаписи лекций, публичных выступлений — это все сильные инструменты, для создания профиля.

Я подошел к окну. Дождь все еще барабанил по стеклу. Мэри была права. Путешествия не будет. Мои извилины уже работали на полную мощность. Я чувствовал азарт охотника, который внезапно обнаружил, что зверь, за которым он следил всю жизнь, все это время был на виду, замаскированный под такого же охотника.

Виктор, старый ты лис. Ты знал, что я не смогу просто так прочесть твою писанину и не вовлечься. Работая вместе столько лет, зная мой интерес к запутанным делам, прислав мне эту чертову посылку со своей рукописью — ты словно снова вручил мне жетон и папку со снимками с места преступления.

Я посмотрел на флешку. Она тускло мерцала в темноте. Но на этой флешке содержались не просто файлы с информацией. Это можно сказать ключ от клетки, предназначенной для зверя такого масштаба, какого ВАУ еще не изучал. И зверь этот, судя по информации из книги Виктора, не собирался останавливаться.

Психологи-криминалисты, профайлеры, аналитики совершенно разных отделов ФБР знают — у серийных убийц нет кнопки «стоп». У них есть только «финал» — либо их ловят или убивают, либо они совершенствуют свою технологию убийств.

Поразительно, но копаясь в файлах, которые прислал мне Виктор, я не заметил, что вовлекся в это дело настолько, что по привычке схватил телефон, намереваясь отдать приказ перепроверить связи Дворкина с КГБ семидесятых-восьмидесятых годов, но вовремя остановился. Черт возьми, я же на пенсии. Я горько усмехнулся.

— Бывших не бывает, Джеймс, — прошептал я сам себе нажимая на кнопку блокировки экрана на телефоне.

Виктор здорово меня подставил. Он лишил меня сна. Он бросил мне вызов, от которого я не мог отказаться. Как мы могли десятилетиями идти по следу серийных убийц и не заметить фигуру такого масштаба? Как мы могли пропустить психопата, который сделал свои патологии частью государственной политики?

Я вернулся к ноутбуку. На экране светилась фотография Александра Дворкина. Холодные глаза, хаотичная борода, вид «эксперта». В видео фрагментах различных интервью, Дворкин всегда с четками. От Виктора я знаю — это в традициях

ортодоксальных православных христиан. Еще в одной папке были собраны отрывки выступлений Александра Дворкина в церкви. На скриншотах интернет-изданий было сказано: «Чтец храма Святой Троицы в Хохлах». Интересная картина складывается.

Некий богослов Русской Православной Церкви, профессор, в некоторых источниках указан как историк, блюститель «чистоты веры» и защиты общества от якобы опасных культов и сект. Но смотря на его фотографии и видео-интервью я видел другое. Я видел микровыражения, видел ригидность мышления, заикания и оговорки. Видел блуждающий холодный взгляд и как он застыл на определенных словах и выражениях, особенно смакуя, когда речь шла о сектантах, и членах каких-то общин, которые Дворкин считал «опасными для общества». Пока я недостаточно изучил информацию, но проработав столько лет в сфере криминальной преступности, чутье подсказывало, что передо мной был классический профиль хищника.

— Хорошо, Виктор, — сказал я в пустоту комнаты. — Посмотрим, что ты нарыл. И посмотрим, что смогу найти я.

Хоть кофе уже и остыл, но привычный его горький привкус на языке, мерцание компьютера, разложенная рукопись книги Виктора и приглушенный свет, навевали атмосферу былых рабочих времен. Ночь обещала быть долгой. И, честно говоря, я не чувствовал себя на шестьдесят шесть. Я чувствовал себя так, словно снова вхожу в комнату для допросов, где за столом сидит самый опасный противник в моей карьере. Тот, кто не просто убивает, а кто меняет закон, заставляя само правосудие помогать ему в этом.

Пусть это будет первый том. И я докопаюсь до правды, чего бы мне это ни стоило. Потому что ошибки в нашем деле недопустимы — от них зависят жизни людей. И если этот «Кремлевский маньяк» думает, что он надежно спрятался за границами и профессорскими званиями, он глубоко заблуждается. Я видел это дерьмо тысячу раз. И я знаю, чем это заканчивается.

Говорят, что, когда ты уходишь со службы, служба уходит из тебя. Я провел в этом деле более десятка лет, охотясь за хищниками в человеческом обличье, и знаю правду: работа — это не костюм, который можно снять и повесить в шкаф. Это словно отпечаталось на сетчатке. Ты закрываешь глаза и видишь совсем не пляжи Флориды, а углы комнат, где происходило нечто непоправимое, и почерк, который оставил после себя очередной психопат.

Ночь не отступала. За окном моего дома в Вирджинии ветер шелестит голыми ветвями деревьев, а в гостиной пахнет остывшим кофе. Я не пью спиртное — слишком много раз видел, как алкоголь превращает острый ум в кашу, — но сегодня мне чертовски не помешал бы глоток чего-нибудь покрепче.

Передо мной на экране ноутбука открыт вордовский документ, присланный Виктором.

Я видел сотни серийных убийц. У каждого — у Кемпера, Литтла, Гейси — была своя территория. Они почти всегда действовали в пределах одного города, одного штата, максимум — одной страны. Но то, что описывает Виктор в деле Дворкина, — это маньяк межгосударственного масштаба. Психопат, который не просто прячется в тени, а сам стал тенью, накрывшей целую нацию. Виктор копнул глубоко. Он вышел на свидетелей, которые дали ценные показания.

Я уже определил для себя отправную точку. История о маленьком мальчике первокласснике, над которым Дворкин, будучи девятиклассником, совершил физическое и сексуальное насилие, а затем забросал камнями в яме, пока тот еще был жив. Эта история требовала тщательного изучения. Если бы главные свидетели этих событий — парнишка по прозвищу Заикашка и его давняя подруга, которой он рассказал о пережитом — были живы, мы бы быстро подтвердили, что имеем дело с первым убийством серийного маньяка. Но позже, по словам Подружки, Дворкин утопил и самого Заикашку — единственного свидетеля зверства Дворкина.

Что стало с Подружкой в дальнейшем — совершенно неизвестно ни по рассказу в книге Виктора, ни исходя из той информации, которую удалось отыскать в открытом доступе. По прошествии десятилетий наверняка любые данные о ней стерлись, и установить личность этой свидетельницы теперь почти нереально.

Сопоставляя рассказ Николая (человека, который учился вместе с Александром Дворкиным в одном университете) с фактами из книги Виктора и материалами из сети, я пришел к важному выводу. Убийство первоклассника для Дворкина не было просто актом жестокости. Это был момент триумфа его воли — миг, когда будущий диктатор антикультового террора осознал, что человеческая жизнь лишь хрупкая фигурка, которую можно разрушить с пугающей легкостью.

Совершенно очевидно, что Дворкин не просто психопат под маской «профессора». Это человек, который всю жизнь сублимировал свои патологии в систему. Многочисленные данные указывают на то, что он создал вокруг себя сеть адептов, которые не просто верят и подчиняются ему — они в буквальном смысле

являются его продолжением, разносчиками его идеологии. Это коллективное «Мэнсон-стайл» объединение, только вместо ранчо в пустыне у них — официальные кабинеты, кафедры университетов, церковные помещения и благословение спецслужб. И раскинулась эта сеть по всему миру. Меня поразили масштаб. США, Италия, Франция, Чехия, Украина и даже Китай... Паутина РАЦИРС, организации, возглавляемой Дворкиным была везде.

Анализ данных Виктора об украинском филиале сети Дворкина, включал информацию о некой Ирине Кременовской. Профиль таких личностей — классика криминальной хроники. Она начинала с догхантерства. Убийство более сотни собак, наслаждение от их агонии — это «школа» любого серийного убийцы. Тот, кто получает кайф от стонов умирающего животного, рано или поздно перейдет на людей. И можно сказать, она и перешла, став юридическим клыком Дворкина в Украине, штампуя безосновательные экспертизы, которые ломают жизни тысячам людей.

В Чехии — свои последователи, заикливающие на темах насилия и скулуштинга. Это симбиоз психопатов. Дворкин, словно магнит, притягивает к себе девиантов всех мастей. Догхантерство, садизм, педофилия, — Виктор в своей книге приводит факты и свидетельства, от которых даже у меня, видевшего вскрытия в морге Балтимора, перехватывает дыхание.

Но главный вопрос, который заставил меня подняться с кресла и начать мерить комнату шагами: как человек с клиническим диагнозом (циклотимия, психиатрическое прошлое) смог взобраться на вершину власти?

Дворкин не просто борется с малыми религиозными движениями. Он дегуманизирует их, чтобы оправдать их уничтожение. Когда ты называешь людей «раковой опухолью», ты подготавливаешь почву для их физического устранения. Человечество видело это в 30-е годы в Германии. Выходит, что мы видим это сейчас и в России, и в Европе, и в Америке.

Глава 2

Имя на доске

Электронные часы на каминной полке в моей гостиной лениво сменяли минуты. В доме стояла та особенная, густая тишина, которую можно услышать только в пригородах Вирджинии, когда даже вой койотов стихает на окраинах. Моя жена Мэри давно спала наверху, и ее мерное дыхание, которое я улавливал сквозь открытую дверь кабинета, было единственным якорем, удерживающим меня в реальности. Перед глазами плыл текст — десятки страниц на английском и русском, переплетающиеся в одну зловещую нить. Хорошо, что сейчас есть нейросети: перевод страниц сайтов и целые книги происходит за считанные секунды.

История Подружки в книге Виктора поначалу меня не зацепила. Когда годами сталкиваешься со смертью детей от рук психопатов, психика выстраивает броню. Однако даже поверхностная проверка информации о Дворкине и масштабах его сети в сопоставлении с историей подруги его молодости заставила меня «заглотить крючок». Стало ясно: речь идет не о разрозненных серийных убийствах. Среди вереницы фактов отчетливо проступили маркеры угрозы национальной безопасности. И речь шла вовсе не о России, а о дорогой моему сердцу Америке.

Шестеренки моего, казалось бы, заржавевшего аналитического ума разгонялись, и я уже не мог остановить процесс сбора данных. Мне уже было недостаточно утолить любопытство, дочитав книгу Виктора до конца. Было совершенно очевидно, что пока я не составлю полный профиль субъекта — спокойной жизни на пенсии мне не видать. Слишком много фактов указывали на то, что этот Дворкин — идеальный кейс для ВАУ. Будь старина Ресслер жив, ох, как бы задрожал он от восторга, не упуская возможности написать об этом деле очередной бестселлер.

На моем лице возникла ухмылка при воспоминании о нем. Когда-то в отделе мы посмеивались над «писательством» и публичной жизнью наших коллег. В том числе и Виктор. Но вот и до чего мы докатились? Этот кейс с Дворкиным заставил и его и меня, так сказать «взять перо в руки».

Что ж, но если судьба дает мне в руки это дело — я не могу упустить шанса вывести на чистую воду возможно самого опасного маньяка, с которым мне доводилось иметь дело.

Первое что мне предстояло — начать поиск информации с работ, которые могли помочь в этом деле. Я в очередной раз кликал мышкой на папки с файлами, которые оставил мне Виктор на флешке вместе с электронной версией рукописи. В папках содержались различные резюме по взаимосвязям Дворкина с другими агентами его сети, фото, скриншоты статей. На первый взгляд Виктор проделал неплохую работу. Но на самом деле он крайне «красиво» разыграл со мной партию. Ему было проще ознакомиться с материалом, ведь большая часть информации была на русском языке. Да он слил мне всю информацию, которую ему за это время удалось найти. Но под предлогом того, чтобы узнать мое мнение о его книге, совершенно очевидно, что на самом деле распутывать это дело он предоставил именно мне.

Я в очередной раз чертыхнулся, размышляя над тем, в какие сети он меня заманил. Что это — дань уважения бывшему начальнику? Ирония со стороны старого друга? Или все же надежда на то, что мой опыт расставит всю информацию по местам?

«Виктор, черт возьми», — подумал я.

Уже пять утра. Мэри встает в шесть, чтобы готовить мне завтрак, а в восемь у нас уже традиционная прогулка с Роджером, нашим старым английским бульдогом.

И что делаю я? Вперившись в экран монитора, с полопавшимися от недосыпа сосудами в глазах, в буквальном смысле проглатываю информацию о человеке, о существовании которого еще во время прошлого завтрака я и не знал. А сейчас, я уже понимаю, что от этого дела зависит и моя жизнь. И меня пугало вовсе не то, с чем я столкнулся, а то, что в свои 66 лет, когда уже каждый сустав ежеминутно напоминал мне о «тикающих часах жизни», я совершенно не чувствовал усталости. Мне нужно было дойти конца. Мне нужно было дорыться до сути. Азарт охотника вовсю бурлил в моем теле. Я уже принял решение, что сообщу Мэри о том, что наше путешествие отменяется. Начинается другое путешествие: в самое логово Кремлевского маньяка.

Нужно было с чего-то начать. Давно я таким не занимался, но во мне возникло непреодолимое желание снова достать доску для анализов связей. Предстоит составить сложную карту дела и таймлайн. Да, когда я уходил из Бюро такими методами там уже давно никто не пользовался. На смену пришли различные компьютерные программы, которые справлялись с этой задачей гораздо быстрее и эффективнее. Но, кто мне, черт возьми, запретит вспомнить молодость и хоть

немного, но романтизировать этот жуткий процесс проникновения в разум серийного убийцы?

Я достал из-за шкафа в моем рабочем кабинете пробковую панель, отряхнул ее от пыли и прошелся влажной тряпкой. Она была потрепанной и сплошь изрубцованной от кнопок-гвоздиков, которыми я прикреплял различные улики, FD-302, фотографии с места преступления, сводки и вырезки из прессы, важные для дела.

Теперь доска висела на стене рядом с рабочим столом. Ох, Мэри будет недовольна, когда ее увидит. Она знает, что обозначает для меня эта доска. Значит в ближайшее время я буду безвылазно погружен в работу.

В самом центре доски, на уровне моих глаз, краснела пустая карточка с надписью «UNSUB» — символ неизвестности, который преследует профайлера, которому поручают новое дело. Пока преступник анонимен, он кажется почти мифическим существом, тенью без прошлого. Но в Академии нас учили: как только у монстра появляется имя, он становится уязвимым.

Я взял черный маркер и твердой рукой зачеркнул аббревиатуру. Рядом, аккуратными печатными буквами, я вписал: «ДВОРКИН». Следом я закрепил его фото, вырезанное из распечатанных файлов Виктора. Снимку не хватало четкости, но суть была видна: всклокоченные, торчащие в разные стороны волосы и взгляд, направленный прямо в камеру. Этот взгляд кричал миру о том, кем его обладатель является на самом деле. К сожалению, мир этого пока не замечал. *Пока.*

Ниже, на отдельном стикере, я вывел названия двух его ключевых структур: Центр религиозно-исследовательских исследований имени Ирины Лионского и РАЦИРС (Российская Ассоциация центров изучения религий и сект). Это были одновременно и его инструменты власти, и его прикрытие.

Аккуратно отрезав красную нить от мотка, который я втихаря вытащил из тумбочки Мэри с безделушками по рукоделию, я закрепил ее кнопкой-гвоздиком у фотографии Дворкина. Игла кнопки с сухим хрустом вонзилась в податливую пробку, намертво пригвоздив к доске первый клочок информации. Протянув нить далеко к краю доски, я снова закрепил бумажный стикер кнопкой и небрежно написал маркером «ДЕТСТВО».

Теперь это не просто расследование — это дуэль. Моя задача — потрошить биографию Дворкина до тех пор, пока сухие факты не надавят на ту «болеву

точку», которая превратила Дворкина-девятиклассника в создателя глобальной деструктивной сети.

Серийный убийца — это не просто набор действий. Это сигнатура, а сигнатура всегда рождается из фантазии. И эта фантазия, как правило, продукт травмы, полученной в детстве. Научный консенсус среди ведущих специалистов в этом вопросе однозначен: детство является критическим периодом, в котором закладывается фундамент личности серийного убийцы. Хотя не каждый ребенок, переживший травму, становится преступником, практически каждый серийный убийца имеет в анамнезе тяжелый травматический опыт, полученный в семье. Травма не ограничивается только физическим насилием; она включает в себя отсутствие одного из родителей, чаще отца, эмоциональное пренебрежение из-за болезни других членов семьи и общую нестабильность среды. Эти факторы создают «идеальный шторм», который в сочетании с биологической предрасположенностью запускают механизм формирования патологической личности.

В обычном кейсе — хотя едва ли на моем веку бывали обычные, учитывая с какими ублюдками мне приходилось иметь дело — я бы начал с места преступления. Фотографии с разных ракурсов, схемы, протоколы осмотра. Потом — данные экспертиз: кровь, волокна, отпечатки. Все, что UNSUB оставил после себя, все, чем он дышал на жертву, на пространство вокруг нее. Серийник не может не оставить следов — потому что убийство для него не просто акт, это ритуал, а ритуал требует присутствия. Затем — свидетели, если повезет. Соседи, коллеги, случайные прохожие. Люди видят больше, чем помнят, а помнят больше, чем говорят. Моя работа — вытащить это наружу. И только потом — автобиография. Детство, семья, школа, друзья, первая работа, первая любовь, первая потеря. Где трещина? Где момент, когда что-то внутри сломалось и больше не срослось?

К моменту интервью ты должен знать убийцу лучше, чем он сам себя знает. Я должен вычислить его главную уязвимость еще до того, как войду в комнату с зеркалом Гезелла, чтобы один точный удар в допросной разрушил его защиту. Чтобы заходя в эту комнату, ты заходил не с вопросами, а с картой его внутреннего ада.

Но с Дворкиным все наоборот. Он уже дал мне интервью, растянутое на сотни страниц, но я не задавал вопросов. Он сам выбирал, что показать, а что спрятать.

Значит, начинать придется с конца. Читать между строк. Искать то, что он не хотел сказать, но проболтался.

В свободном доступе я нашел две автобиографические книги Александра Дворкина. Про себя я подметил, что даже несколько разочаровался тому, как легко это было. Мне даже не пришлось поднимать архивы. Похоже наш субъект любит рассказывать о себе в деталях и подробностях. Для составления профиля это именно то, что нужно.

Я скачал книги «Учителя и уроки», «Моя Америка» и заодно скачал том «Сектоведение». Немного пролистав Википедию и первые попавшиеся статьи про Дворкина стало очевидно, что именно «Сектоведение» он считает своим главным «детищем». Результатом его кропотливого труда по созданию идеального оружия для уничтожения невинных судеб.

К своему удивлению, я также обнаружил, что в сети выложены десятки книг и сотни статей про так называемое антикультовое движение или «антикультизм», в центре которого и стоит фигура Дворкина. Оказывается, люди по всему миру уже во всю развивают дискуссии и исследуют эту тему. Много информации доступно в том числе и на английском языке.

Под руку также попались доклады USCIRF — Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) и Доклад НПО CAP Liberté de Conscience (Франция) для совещания ОБСЕ об отрицании религиозного плюрализма в России и роли российских структур FECRIS. В обоих докладах содержалась критика Дворкина и подконтрольных ему структур.

Мне понравилось достаточно емкое определение его деятельности на одном из сайтов с американским доменом, на котором ряд независимых журналистов разоблачают движение борцов с культами. Они нашли и проанализировали много фактов, документов, исторических событий — вскрыли огромное количество информации, проделана действительно большая работа, но я вижу пробелы, и понимаю, что мы с коллегами могли бы в этом деле их заполнить. Но база собранной независимыми журналистами информации хорошая, мне она пригодится. Было удобно, что вся собранная информация на сайте и статьи были на английском.

Это и многое другое я добавил в закладки. Но вернулся к автобиографиям Дворкина. Обе книги были на русском — пришлось прогнать через переводчик. Благодаря Мэри, которая в шутку звала меня «пентиумом», я все же сумел в свои

шестьдесят шесть оседлать волну новой эпохи. Когда я вышел на пенсию, только начинали появляться первые голосовые помощники — Google Assistant, Alexa. Потом началась гонка. Нейросети, боты, поисковики — все это множилось и мутировало со скоростью, за которой я не успевал и не хотел успевать.

Мне они совершенно не нравились. Я человек старой школы. Мне нужна информация перед глазами. Выписать от руки. Прочитать на бумаге. Порой даже прорисовка карты связей — линии, стрелки, имена в кружках — помогала мне понять психологию субъекта лучше, чем любая таблица с анализом данных. Но Мэри всегда шагала в ногу со временем. Может, потому что больше времени проводила с детьми, пока те учились в колледже, и ей приходилось быть в курсе всех тенденций, включая технологические. Но когда дети выросли, завели свои семьи, оставшись наедине со своим вечно закопанным в отчеты мужем, Мэри научилась развлекать себя сама и не останавливаться в саморазвитии.

Она в совершенстве овладела этим загадочным для моего ума искусством ведения соцсетей: ежедневно пополняла свою кулинарную блогерскую колонку рецептами, участвовала в вебинарах, обсуждала с подругами посты каких-то селебрити и политиков, но еще и всегда держала руку на пульсе, была в курсе новых нейросетей. На это она пыталась вдохновить и меня. Видя успех некоторых моих коллег — книги, лекции, интервью журналам, консультации для режиссеров топовых сериалов — ей казалось, что с моим опытом я недополучил признания. Что общественность должна знать мое имя. А мне это никогда не было нужно.

Не будь я на пенсии, я бы, наверное, с азартом изучал все эти инструменты. Потому что работа требовала. Потому что от нее зависела безопасность людей, количество спасенных жизней. Сейчас страницы в соцсетях, публикации, блоги — это, можно сказать, неотъемлемая часть материалов для составления профиля убийцы.

Так что мало-помалу я стал робко обращаться за помощью к жене.

— А как работает это? — А куда нажать, чтобы сделать вот это? — А если мне нужно... чем можно воспользоваться?

Она всячески сдерживала насмешки, но я чувствовал, какой счастливой ее делал этот процесс. Впервые за многие годы она обучала меня чему-то, что знала сама.

Так что сейчас, предвидя какой огромный пласт материала мне предстояло изучить и проанализировать на самых разных языках мира, я не чувствовал привычного ужаса от осознания, сколько времени уйдет только на банальную первичную обработку.

Итак, спустя некоторое время прочтения автобиографий Дворкина, я уже стал замечать некоторые совпадения и подтверждения, которые возвращали меня к рукописи Виктора. На момент, когда я закончил читать «Учителя и уроки», «Моя Америка», — весь мой кабинет уже был завален листами А4 рукописи Виктора. Что-то я исчеркал ручкой. Что-то в очередной раз вырезал и крепил на свою доску-взаимосвязей.

Но было слишком много пробелов. В сети я нашел несколько его интервью, в которых он рассказывал о своем детстве и молодости. Но в них одна и та же история. И одни и те же пробелы, которые я отчетливо замечал, но совершенно не понимал, как их восполнить. Несколько дней, проведенных с утра до вечера в интернете, не дали мне желанных результатов. Но я узнал много другой информации, которая наверняка пригодится мне в будущем. Сейчас же я нервно и раздраженно пошатывался в своем рабочем кресле, скомкивая чистые листы бумаги и швыряя их в свою доску расследования, целясь в фото Дворкина по центру. «Черт возьми, ну неужели не сохранилось ни единого упоминания об истории этой Подружки?» — буркнул я под нос в очередной раз бросая комок бумаги в стену.

Подходили к концу третьи сутки моего безостановочного марафона изучения информации о субъекте. В нашей работе ясность и трезвость ума — это вопрос выживания и успеха, а я привык иметь успех. И он не заставил себя долго ждать. Птица счастья прилетела прямо мне в руки в виде книги, изданной в Париже в 1980 году. Копаясь в каких-то заархивированных статьях про жизнь хиппи 70-80х годов я наткнулся на любопытное упоминание Дворкина.

«В романе Аркадия Ровнера "Калалацы", написанном по мотивам устных рассказов о московской Системе его участника АЛ. Дворкина...».

«Так, так, так...» — подумал я. — «Какая-то знакомая фамилия автора». Я был уверен, что еще совершенно недавно сталкивался с этим именем и фамилией. Но прокручивая информацию в голове я все никак не мог обнаружить нужный файл. Затем я пересмотрел все свои заметки и подчеркивания, но опять тщетно. Каким-то чудом, когда я в очередной раз пролистывал «Моя Америка» Дворкина, мой

взгляд упал на фразу *«Так я познакомился с Аркадием Гроднером — московским эзотериком, эмигрировавшим в Нью-Йорк за несколько лет до меня».*

Аркадий Гроднер — Аркадий Ровнер. Кто бы мог подумать, Дворкин сможет так красиво опрометчиво наследить и помочь мне в деле. Еще вначале книги он указал «Все события в книге реальны. Некоторые имена изменены».

Я решил не терять времени и начал поиск книги «Калалацы» Аркадия Ровнера. Я надеялся, что натолкнусь, на очередную автобиографическую повесть, которую я мигом проглочу и выделю необходимую информацию. Но это «чтиво» заняло у меня несколько дней. Мне пришлось открыть вкладки с десятком разных переводчиков и ИИ-чатов, чтобы понять, о чем вообще пишет автор. Казалось, что это поток какого-то шизофренического бреда или наркоманский «угар». Но что-то заставляло меня вновь и вновь перечитывать это. В конечном итоге я был благодарен, что в очередной раз прислушался к своей интуиции. Все-таки за годы работы в Бюро, хоть и не вслух, но каждый из агентов, знал, что интуиция — это очень важный компонент в нашей работе.

Итак. Книга Аркадия Ровнера «Калалацы» написана по мотивам устных рассказов о московской «Системе» хиппи и ее молодого участника Александра Леонидовича Дворкина. Для обывателя это просто проза 80-х, но для профайлера это бесценный анамнез.

Аркадий Ровнер — личность, исходя из общедоступных данных, противоречивая. Значится как философ, поэт и публицист, чьи тексты публиковались на трех континентах, он стал классическим примером интеллектуального эмигранта: отъезд из СССР в 1973-м, преподавание богословия и религиоведения в Нью-Йоркском университете и создание журнала «Гнозис». В 1979 году в Нью-Йорке пути Ровнера пересеклись с молодым эмигрантом Александром Дворкиным. Психологическая сцепка была очевидна: Дворкин, будущий борец с сектами, тогда, по своим словам, сам искал духовный ориентир. В своих мемуарах «Моя Америка» он называет Ровнера «чем-то вроде наставника», «мой бывший учитель», слишком очевидно скрывая его под псевдонимом «Аркадий Гроднер».

Роман Ровнера «Калалацы» — это не просто проза, это слепок психоэмоционального состояния эпохи. Это погружение в «Систему» советских хиппи 60–70-х: мир, где интенсивный религиозный поиск переплетался с беспорядочными половыми связями и наркотическими экспериментами. Именно

в этой среде, очевидно, и формировался психотип Александра Леонидовича Дворкина, который мне предстояло проанализировать.

Знаете, в Куантико нас учили одной важной вещи: преступник всегда оставляет след, даже если он считает себя гением маскировки. Но здесь случай был уникальный. Субъект не просто оставил след — он продиктовал свою биографию в виде художественного романа, а спустя тридцать лет подтвердил ее реальность в собственных мемуарах, лишь слегка подправив декорации. Это то, что мы в Академии называем неосознанной исповедью.

Если вы хотите поймать зверя, вам нужно найти момент, где он впервые попробовал кровь. Для Александра Дворкина этим местом стала не аудитория университета и не церковный алтарь. Его первое место охоты — это девятый класс, стройка, а затем грязные подворотни московской «Системы» семидесятых, очевидно, запечатленные Ровнером под видом сюрреалистической прозы.

Глава 3

Исходные данные

Передо мной на экране монитора были открыты файлы автобиографии Дворкина и книга «Калалацы». Я сравнивал тексты часами. И находил все больше и больше моментов, которые пересекались. Те же локации, те же люди, те же детали, тот же образ «московской Системы», те же интонации.

Очень скоро стало очевидно, что в книге «Калалацы», большая часть биографии молодого Дворкина воплощена через рассказ о Косте Лопухове.

Биография, события жизни, родственники: дед, отсидевший в сталинском лагере, психически нездоровая сестра, мать, отсутствие отца...

Но что меня, заставило впиться пальцами в подлокотники кресла, так это то, как Дворкин-Лопухов описывает свое прошлое.

В рамках психологического профилирования Александра Дворкина роман Аркадия Ровнера «Калалацы» словно выполняет функцию «независимого самописца». Книга была издана, когда Дворкину было всего 25 лет, и как это было указано ранее, базируется на его устных рассказах. Это уникальный случай, когда

можно наблюдать объект исследования в моменте, без ретуши, наложенной тридцатилетним опытом.

Очевидно совпадение поведенческих паттернов, речевых оборотов и даже сценарных образов сновидений между персонажем 1980 года и автобиографиями самого Дворкина, написанными спустя три десятилетия. Ровнер, осознанно он это делал или нет, зафиксировал исходный код личности Дворкина: мотивацию, страхи и специфический образ мышления, которые он позже подтвердил в своих мемуарах, скорее всего, сам того не осознавая.

Но ключевое и самое важное из этих мемуаров стало то, что я нашел информацию необходимую для восполнения пробелов. Виктор в своей книге прислал мне зацепку про «Заикашку». В «Калалацы» этот персонаж очевидно назван Яшкой. Очень похоже, что и Подружка, которая и поведала свою историю, даже не осознавая, что спустя много лет эта информация окажется в руках бывшего американского федерала, в книге звалась Аленой. Да имена, скорее всего, вымышленные. Но суть осталась неизменной. Похоже, что «Калалацы» — это протокол формирования психопата

В моей практике в Куантико я видел сотни «дел из прошлого». Мы часто возвращались к детским травмам серийников, чтобы понять их почерк.

Старина Джон Дуглас в своих работах отмечает, что не встречал ни одного серийного убийцу из по-настоящему благополучной, стабильной и любящей семьи. Более 40 % серийных преступников до совершеннолетия проживали вне семьи: в интернатах, приютах или колониях. Корень преступности лежит в эмоциональной депривации. Многие хищники в детстве чувствовали себя «ничтожествами». Во взрослом возрасте их преступления становятся способом «утвердиться и пережить ощущение полноты жизни за счет подчинения другого».

На детстве Дворкина и условиях формирования личности я решил остановиться подробнее.

В книге «Учителя и уроки» Дворкин пишет о своей семье:

«Когда мальчику было десять лет, родители развелись — после этого воспитанием Саши и его старшей сестры занималась мама. Кроме них, в квартире подолгу гостили бабушка и дедушка. Последний был доктором экономических наук и профессором — но попал под каток репрессий. Его освободили из сталинских лагерей в 1955-м, вскоре после рождения внука, однако

реабилитировали лишь года через полтора. Так как с судимостью деда в Москве на работу не брали, он устроился старшим экономистом на сыроваренный завод в Угличе, где и поселился, а посещая внука, во многом заменял ему отца».

Есть упоминание о деде и в книге «Моя Америка»:

«Когда мой дед, в свое время отсидевший приличный срок в сталинском лагере, увидел в нашем доме эти деньги, он остолбенел от ужаса и потребовал, чтобы я незамедлительно, пока всех не арестовали за валютные махинации, выкинул их куда-нибудь подальше».

А вот романе «Калалацы», где Ровнер сестру Дворкина Евгению очевидно назвал именем Дарья, можно увидеть условия жизни Александра Леонидовича в юном возрасте и деда, который оказал немалое влияние на внука, который представлен в истории, как Костя Лопухов:

«Мы с мамой и сестрой жили в маленькой комнате на Старом шоссе. Комната была в скатерках, салфетках, занавесках, ковриках. В углу на тахте мурлыкала перед телевизором менингитная Дарья, заламывала руки и кривлялась. Время от времени она, цепляясь за мебель, пробиралась на цыпочках к холодильнику и, стоя перед открытой дверцей, ела ложкой из банки сливовый джем и, перемазавшись, ползла назад на тахту, вертя головой.

По воскресеньям к нам приходил дедушка и за чаем ругал на чем свет моего отца, разрезал торт из "Праги". Еще он ругал совдеп, Сталина, колхозы, снабжение и волосатых. "Я бы их собственными руками передушил!" — восклицал он и показывал, как бы он это сделал сухими ручками с приплюснутыми пальцами. При этом Дарья возбужденно повизгивала и опрокидывала чашку. Мама виновато суетилась».

«Дедушка был принципиальным человеком. Он отсидел свое за химию (Сталин говорил, что химия нам не нужна, а дед придерживался иного мнения) и при Хрущеве вышел. Отказался от сына — моего отца — за то, что тот бросил нас с мамой. Волосатые его особенно донимали. "Я понимаю, — говорил он, поднимая ложечку, вымазанную кремом, — они продукт социального разложения, но тогда им следовало бы публично самоуничтожиться, — это хотя бы принесло общественную пользу"».

«Я шел по улице, и на меня глазели, со мной заговаривали, шипели вслед или испуганно косились. Мама плакала, а дед советовал сдать меня в

исправительную колонию, кричал "Паразит!" и топал ногами. Несколько месяцев он вообще к нам не приходил. Потом не выдержал, принес торт и устроил разборку, разбившуюся о тупые выкрики разбушевавшейся Дарьи. На прощанье он сказал речь, из которой мне запомнилось: "бездумный выверт"».

«Трудно возвращаться домой к Дарье, мычащей перед телевизором, к проповедям деда, к отводящей глаза маме, в комнату в скатерках, оборках, — чувствовать свою усталость и ничтожность. Трудно записать себя в систему».

«С такими делами дед меня прибьет. Я у него и без того из нахлебников и тунядцев не вылезая. Или в психушку навсегда засадит — он человек принципиальный».

«Я вырвался из комнаты, где Дарья, телевизор, разборки, на улицу, и вот несусь, не знаю куда, и радостно оттого, что свободен. Пока не напомнят грубым шипением, издевкой. Тогда я привычно огрызался. Отбиваться было легко, за плечами я чувствовал систему — наш воздух».

«В семнадцать лет я догадался: кайф — это выход... Цель системы — качать кайф. Кайф — надмирная работа. Системы растят мастеров кайфа».

«Система дала мне идею выхода из круга повторений, но не научила, как удерживать кайф, сделать его постоянным. И не потому, что кайф — это радость, нет. Кайф — это правдивая жизнь и долг, а все остальное — ложь».

А вот уже не в книгах, а в зафиксированных медицинских документах Александра Дворкина, которые я нашел в архивах интернета, записано со слов матери: «Наследственность психиатрическими заболеваниями не отягощена. Сестра наблюдается психоневрологом. Инвалид с детства (родовая травма)».

Подводя резюме семейной ситуации, я вижу патологический микроклимат.

Развитие личности субъекта проходило в условиях крайне неблагоприятной и эмоционально обедненной среды, характеризующейся высоким уровнем латентного стресса и социальной стигматизации. Семейная система представляла собой «закрытый тип» с жесткими внутренними границами и патологическим распределением ролей.

Я отметил ключевые характеристики среды:

- Эмоциональная травматизация: Постоянное присутствие в доме тяжелобольного члена семьи и авторитарного деспота.

- Стигматизация: Ощущение «социальной мечености» из-за инвалидности сиблинга и сложной биографии предков, что сформировало базовое чувство стыда.
- Дефицит безопасности: Отсутствие стабильной родительской поддержки, вынуждавшее ребенка искать способы адаптации через мимикрию под агрессора или уход в жесткие интеллектуальные конструкции.

Если провести разбор факторов развития, то конечно стоит еще и отметить уход отца Дворкина из семьи — утрата защиты и дефицит авторитета. Развод родителей и исчезновение отца из жизни Александра Дворкина в возрасте 10 лет произошло в критический период препубертата, когда завершается формирование мужской идентификации.

Итак, что я имею по Дворкину на данный момент?

Отсутствующий отец. Развод, когда мальчику было десять. Сестра — инвалид, с детства на учете в психоневрологическом диспансере. Дед с судимостью, взявший на себя роль главы семьи и воспитывавший внука методами подавления и манипуляции.

Отсутствие отца в семье — это не просто количественный недостаток родительского внимания, а качественная деформация системы социализации ребенка. В психологии развития отец традиционно выполняет роль «представителя внешнего мира», устанавливающего границы и закон.

Роб Ресслер в одной из своих книг зафиксировал: «Многие серийные убийцы были воспитаны в неполных семьях, где доминировала властная, часто эмоционально нестабильная мать, а фигура отца либо отсутствовала, либо была крайне слабой и обесцененной». И я с ним в этом целиком согласен.

Наличие в семье ребенка с тяжелым психическим заболеванием или инвалидностью радикально меняет распределение эмоциональных ресурсов. Здоровый ребенок часто оказывается в ситуации «хронического пренебрежения», так как все внимание взрослых поглощено больным членом семьи.

Отсюда следуют три следствия:

1. Эмоциональная депривация: Ребенок чувствует себя менее значимым, что порождает глубокую обиду и гнев, которые в будущем могут трансформироваться в агрессию против общества.

2. Бремя ответственности: На ребенка часто возлагаются непосильные задачи по уходу за больным сиблингом, что ведет к «парентификации» — утрате детства и формированию холодного, отстраненного типа личности.

3. Стигматизация: Сочетание судимости родственников и болезни сестры создает вокруг ребенка «вакуум нормальности», заставляя его чувствовать себя изгоем.

Среда, описанная в предоставленных материалах, является классическим примером «инкубатора» для развития психопатологических черт. Согласно исследованиям Митчелла и Аамодта (2005), подавляющее большинство серийных преступников имели схожий семейный анамнез.

Статистика травматизации из того же исследования фиксирует:

- 74 % преступников подвергались психологическому или эмоциональному насилию в детстве.
- 42 % пережили физическое насилие.
- 70 % были свидетелями сексуально стрессовых событий.

В условиях, когда дед использует методы подавления и манипуляции, а мать эмоционально недоступна из-за болезни второго ребенка, у мальчика формируется деструктивный нарциссизм. Он учится манипулировать, чтобы получить хоть какое-то внимание, и подавлять других, чтобы не чувствовать себя жертвой.

С точки зрения клинической психологии, сопоставление всех этих факторов представляет собой кумулятивную травму. Сочетание отсутствия позитивной мужской фигуры, авторитарного давления со стороны старшего поколения и эмоционального пренебрежения из-за болезни сиблинга создает условия для развития «диссоциального расстройства личности».

Такая среда, конечно, не гарантирует, что ребенок станет преступником, но она создает критическую массу факторов риска. Агрессия, накопленная в детстве из-за несправедливости и унижения, в зрелом возрасте может найти выход в актах насилия, направленных на восстановление иллюзорного контроля над миром, который когда-то его отверг.

Даже если внешний фасад семьи транслирует благополучие в таких семьях, на самом деле за этим скрываются одни и те же паттерны. Постоянные конфликты. Нестабильное эмоциональное состояние взрослых. Пренебрежение одними

членами семьи на фоне гиперопеки других — тех, у кого «особые потребности». Эмоциональные вспышки. Отсутствие эмпатии. Несправедливость, которую ребенок чувствует кожей, но не может объяснить словами. Как правило ревность. Ненависть. Страх.

Все это — питательная среда для психологических проблем, зависимостей, неадаптивного поведения. И в конечном счете — для насилия.

Касло в своем справочнике по дисфункциональным семейным моделям описывает это детально. Но и без справочников я видел это своими глазами множество раз.

К чему это приводит? Депрессия, тревога, суицидальные мысли. Склонность к аддикциям — алкоголь, наркотики, особенно если в семье уже были зависимые. Ребенок учится играть роль — либо «преследователя», запугивающего других членов семьи, либо «жертвы», в зависимости от обстоятельств.

Когда такие дети вырастают, они становятся закоренелыми эгоистами. Испытывают злость, тревогу, изолируют себя от других. Могут иметь расстройства речи из-за эмоционального насилия в детстве. Становятся недоверчивыми, параноидальными. Сбегают из дома в раннем возрасте. Проваливают учебу. Не умеют строить здоровые отношения со сверстниками.

А потом, когда вырастают, жестоко «отыгрываются» на тех, кто их подавлял. Меняются с ними местами. Проецируют дисфункциональное поведение на все свои отношения — с друзьями, знакомыми, собственными детьми. Некоторые поддаются в религию. Но не ради веры — ради признания, которого не получали дома. Или чтобы обрести убеждения, в корне противоположные тому, чему их учили. И практически все — рано или поздно — совершают правонарушения.

Я видел это снова и снова. Поломанная семья. Отсутствующий отец. Властная мать, склонная к гиперопеке. Ребенок растет с ощущением, что он — неудачник. И это ощущение въедается в него так глубоко, что единственный способ доказать обратное — совершить что-то, что заставит мир заметить его. Некоторые попадают в психиатрические клиники. Стоят на учете за социально опасное поведение. Но большинство — просто ждут своего часа. И вопрос лишь в том, когда этот час наступит.

Дуглас в своих работах закрепил наш коллективный опыт в профайлинге, заключив, что детство — это не просто период биографии, а фундамент, на котором

выстраивается вся логика будущего преступления. Травматичное прошлое объясняет поведение, но не снимает моральной ответственности за сделанный выбор.

Что касается социальной адаптации, то Виктор достаточно подробно раскрыл детство Дворкина, и отношение сверстников к нему в своей книге. Но для полной картины, я решил проанализировать все доступные выдержки из медицинской карты и автобиографий Дворкина, и наиболее показательными мне показались следующие моменты, которые я распечатал и прикрепил на карту расследования, в зону «ДЕТСТВО»:

«С детства был фантазер. Мечтал, что у него отец грек, потом индеец. С малолетнего возраста часто обращался к врачам, предъявлял много жалоб, набивал себе температуру. Отличался хвастливостью, в школе его били за это. Друзей мало. Но со слов матери, тянулся к друзьям».

«Учился на 3-4. Особенно плохо давались науки. Математику не любил. Увлекался историей. Учителя жаловались на его несобранность и неорганизованность. Представлял себя героями прочитанных книг. Стремился к общению со сверстниками, но те его в свой коллектив не принимали из-за хвастливости, физической неразвитости. Отличался хвастливостью, в школе его за это били. Друзей было мало, близких друзей не имел».

«С 3 класса перевели его в другую школу, где не нашел контакта со сверстниками, там его били за хвастливость. Мальчик постоянно просил перевести его в другую школу. По характеру оставался прежним, но близких друзей не имел».

Есть один важный маркер, мимо которого я не смог пройти. В книге «Учителя и уроки» Дворкин о себе пишет: *«После второго класса Саша побывал в пионерском лагере, но опыт жизни "под горн и барабан" оказался для него резко негативным, и с тех пор Дворкин невзлюбил коллективизм, а также все, что с ним связано».* А затем уточняет в мемуарах «Моя Америка»: *«Единственный раз в детстве я был в пионерском лагере, но через две недели перелез через забор и сбежал».*

Что могло произойти в лагере с мальчиком после второго класса, что он перелез через забор и убежал? И это произошло в возрасте 8-9 лет. Не исключая, что против него могло быть применено коллективное насилие. Что также могло послужить одним из факторов для спускового крючка при совершении им

изнасилования и коллективного (с Заикашкой) убийства первоклассника на московской стройке. В книге Виктора со слов свидетелей упоминается, что Саша Дворкин получал свой первый сексуальный опыт в школе с Заикашкой, а потом к ним прибилась Подружка. И уже тогда их взаимоотношения носили далеко нездоровый характер с явной доминацией Саши.

В дополнение к своему профилю Дворкин, под псевдонимом Лопухов в книге «Калалацы» также упоминает:

«Я был стриженным, и меня все били или игнорировали, а теперь я отрастил волосы, чуть прикрывавшие уши, и сразу стал заметной личностью. В школе все стали искать со мной дружбы».

Все эти моменты я выделил и отнес в отдельные заметки и понял, что на этом этапе подхожу к ядру парафилии Дворкина.

Глава 4

Генезис зла: Камни в яме

В книге Виктора, по свидетельствам Подружки, девятиклассник Саша Дворкин совершает жестокий акт физического и сексуального насилия над первоклассником. Он взял с собой своего запуганного, заикающегося друга, как соучастника преступления. Затем Дворкин заставил Заикашку, сбросить в яму еще живого избитого и изнасилованного мальчика и закидать эту яму камнями.

Описание этой сцены я перечитывал снова и снова, пока мне не показалось, что могу пересказать его наизусть. Любой федерал доверяет только прямым уликам и протоколам допросов, но в этом деле передо мной лежало важнейшее свидетельство, хоть и переданное в четыре руки: история из книги Виктора, пересказанная его знакомым, который слышал ее в молодости от своей бывшей подружки, знавшей когда-то пассию самого Дворкина. Да, это всего лишь история. Переданная через призму памяти, эмоций, времени. Но в профилировании мы редко имеем дело с «чистыми» фактами. Мы работаем с отражениями. С эхом. И иногда именно эхо — единственное, что остается от крика жертвы. Поэтому я запомню каждое слово. Каждую деталь. Юрист, адвокат, судья назвал бы это

мусором, непригодным для дела. Но я не в суде. И не мне доказывать достоверность улик и свидетельств, этим возможно придется заниматься моим коллегам из бюро.

Я аналитик, ищущий не юридическую истину, а психологическую. Исповедь, сорвавшаяся с губ молодого Дворкина в наркотическом угаре, и бережно пронесенная через годы женской памятью, сохранила то, что не зафиксирует ни один официальный допрос: интонацию первобытного ужаса и детали, которые невозможно выдумать. В этом многократно пересказанном эхе я искал психологический оттиск — те самые маркеры девиации, которые проросли в субъекте еще в девятом классе. Это не те подробности, которые придумывают для красного словца. Это сигнатура — уникальный, эмоционально необходимый элемент преступления, который преступник не может не повторить. Для меня эта история, пусть и записанная на полях чужой книги, была первым чистым отпечатком его личности, зафиксированным в момент, когда Дворкин, будучи еще подростком, впервые разорвал связь с человечностью. Это было генетическое ядро его будущего серийного поведения, и для построения профиля, для понимания его психологической необходимости убивать, эта история была важнее десятка официальных, но пустых протоколов. Как это очевидно было и для Виктора. Иначе, для чего он прислал мне свою книгу?

Я вернулся к хаотично разбросанным листам А4 с рукописью Виктора. Страницы уже вдоль и поперек исполосованы стрелками, красным и синим маркером. Покопавшись среди них, я отыскал те, что были помечены красным наиболее ярко.

Стройка. Девятиклассник Саша Дворкин, его запуганный заикающийся друг и маленький мальчик, первоклассник.

«Первое, что Сашка сделал — сорвал с мальчика серый шарф. Он использовал его, чтобы завязать мальчику руки за спиной. Стянул так сильно, что узлы впелись в детскую кожу».

«А потом... потом он его изнасиловал. Там, на бетонных плитах, среди серой пыли и ржавой арматуры».

«В конце Сашка развязал серый шарф с рук мальчика. Но не для того, чтобы отпустить. Он накинул его ребенку на шею и начал душить. Мальчик дергался, отчаянно цепляясь за жизнь, но хватка была жесткой. Когда ребенок затих, Заикашка стоял рядом, парализованный страхом, и смотрел, как жизнь уходит из этого тельца по капле».

«Сашка взял серый шарф и школьный портфель мальчика и швырнул их в яму туда, где уже лежал первоклассник. А потом... потом он начал с силой кидать в яму камни. Он приказал Заикашке делать то же самое. Но мальчик еще дышал, Витя! Он был жив, когда первый град камней обрушился на его голову. Его закидывали заживо. Но самым жутким во всей этой сцене был смех. Сашка Дворкин дико, истерически смеялся. Он кричал что-то бессвязное, захлебываясь в этом inferнальном хохоте, пока камни дробили кости ребенка. Это не просто смех — это был торжествующий вопль существа, которое окончательно разорвало связь с человечеством. Он был не в себе, он упивался агонией, он кричал что-то бессвязное, швыряя камень за камнем. Заикашка был в ужасе от этого хохота, от того, как исказилось лицо его "друга". Он в ужасе смотрел на Сашку и понимал, что перед ним не человек, а нечто, вышедшее из бездны. Когда они уходили со стройки, Сашка был абсолютно спокоен. Словно он не ребенка в яме похоронил, а просто сходил в кино».

В описании этой истории Подружки, прослеживаются очень яркие психологические и поведенческие маркеры, которые в криминалистическом профайлинге ассоциируются с высоким потенциалом к серийному насилию и психопатическими расстройствами личности. И не спроста Виктор так подробно все зафиксировал, не упуская ни малейшей детали. Он знал, что именно детали играют ключевую роль в окончательном обличении неизвестного субъекта.

Поведение Дворкина в этом отрывке из книги Виктора демонстрирует черты, характерные для организованного, садистского типа серийного преступника, находящегося на ранней стадии эскалации насилия.

Первым действием преступника является фиксация жертвы с помощью ее собственного предмета — в данном случае этим предметом, явно выступает серый шарф. Проявление фетишистского связывания — это классический маркер, указывающий на острую потребность в тотальном контроле над жертвой. Шарф — это не просто пута, а символ удушения, контроля над дыханием, над самой жизнью.

Классическим примером преступника с фетишем на связывание является Деннис Рейдер, известный как BTK Killer. Именно его письма в свое время поставили на уши все бюро, включая и наш юнит. Само его прозвище, которое он себе выбрал, ставит связывание на первое место. Для него процесс связывания жертв был не просто элементом *modus operandi*, а важнейшим элементом его сексуального ритуала и фантазий. Он получал огромное удовлетворение от вида

беспомощной, связанной жертвы. После убийств он забирал с собой личные вещи жертв — трофеи — и использовал их вместе с фотографиями для воссоздания сцен насилия и мастурбации, где центральным элементом были фантазии о связывании.

Но исходя из деталей ужасающей истории Подружки в книге Виктора, действия Дворкина являются ярчайшей и трагической иллюстрацией процесса овеществления, своего рода расчеловечивания. Для исследуемого мной субъекта вещи жертв имели другое значение. Сначала он бросает в яму шарф и портфель. Сразу после этого он начинает бросать туда же камни, где уже лежит сам мальчик.

Я прихожу к выводу, что с одной стороны, шарф и портфель — это своего рода символы идентичности ребенка, его связи со школой, семьей, его повседневной жизнью. И выбрасывая их вместе с жертвой, преступник символически стирает личность мальчика, сводя его к безымянному телу, объекту.

Но, с другой стороны, очевидно, что ребенок в сознании субъекта, его личные вещи и камни становятся однородными объектами, которыми можно манипулировать и которые можно бросать в яму. Мальчик перестает быть живым человеком, а становится просто еще одним «предметом» в этой яме.

Это критический маркер, поскольку он свидетельствует о полном отсутствии эмпатии и способности воспринимать другого человека как субъекта. Я подчеркнул и выписал весь этот анализ в заметки.

Еще одним маркером, который бы наши аналитики назвали бы «тревожным» и «патологическим» является «дикий, истерический смех» Дворкина в момент, когда он, со слов Николая в книге Виктора, закидывает яму камнями и камни эти летят еще живую жертву. Все указывает на то, что этот смех является проявлением злокачественного садизма и эмоциональной диссоциации.

В моей практике с подобными субъектами такой смех — всегда пиковое переживание, момент высшего экстаза, когда психопат чувствует себя Богом, окончательно разорвавшим связь с человеческой моралью. В этот момент похоже и родился тот Дворкин, которого мир знает сегодня. Человек, который швыряет «камни» своих экспертиз в живых людей, заживо погребая их в тюрьмах. Для него нет разницы между той ямой на стройке и залом суда в России или любой другой стране. Уже на этом этапе можно выделить важную характеристику его сигнатуры — это погребение заживо. Он должен видеть, как его жертва борется, прежде чем окончательно скроется под грузом его «камней».

Смех в момент агонии жертвы — это не просто отсутствие эмпатии, а получение пикового аффективного удовольствия от демонстрации своей абсолютной власти над жизнью другого человека. При этом демонстрация эмоциональной уплощенности и отсутствие раскаяния в момент совершения чудовищного акта совершенно точно соответствуют классическим чертам психопатии по PCL-R (Psychopathy Checklist-Revised, Пересмотренный опросник психопатии)

Многие из подчеркнутых мною маркеров указывают на глубоко укорененное расстройство личности, вероятно, злокачественный нарциссизм или психопатию, и подтверждают, что перед нами персонаж, чье преступление является не единичным актом, а частью формирующегося серийного паттерна.

То, что определяет Дворкина как маньяка с сигнатурой — забрасывание камнями еще живого ребенка в яме. Он выбрал жертву младше себя. Беззащитный. Символ чистоты, невинности — всего того, чего, видимо, сам Дворкин уже давно лишился. Он убивает не в пылу гнева, не в самозащите, не в результате несчастного случая. Нет. Он знает, что мальчик в яме еще жив, но он уже получил полный контроль над его телом и жизнью. И камни в его руках и в руках друга, над кем он также имеет полный контроль при помощи шантажа, дают ему право решать будет он жить или нет. Теперь его тело, всего лишь такой же предмет, как и портфель и шарф. Это не просто убийство. Это ритуал дегуманизации. Камни — это способ не пачкать руки и коллективное уничтожение «объекта». Субъект находится сверху. Жертва — внизу, в ловушке. Это классическая вертикаль власти, которую Дворкин позже перенесет на всю свою «антикультовую» деятельность. Для него не существует полутонов. Весь мир в его искаженной оптике бинарен: ты либо стоишь рядом с ним на краю ямы, с камнем в руке, либо корчишься на дне.

Спустя десятилетия его виктимология осталась прежней. Он по-прежнему выбирает жертв по принципу наименьшего сопротивления — невинных, беззащитных, тех, кому сама вера запрещает отвечать насилием на агрессию. Это логика трусливого хищника: нападать только на тех, кто не даст сдачи.

Методы стали изощреннее, но суть не изменилась. Он заманивает людей в созданную им же структуру, которая по всем признакам напоминает те самые «тоталитарные секты», с которыми он якобы борется. Он обрабатывает сознание последователей, превращая их в свое оружие. И теперь, стоя на безопасном

расстоянии, он чужими руками забрасывает камнями яму, где лежит очередная искалеченная, изнасилованная клеветой и разрушенная дегуманизацией жизнь.

— Джеймс, ты вообще смотрел на часы?

От внезапного хриплого голоса Мэри я вздрогнул так, что едва не кувыркнулся вместе с креслом. Я даже не слышал, как она вошла.

— Ну сколько можно. Тебе уже не тридцать. Пожалей свои суставы, дорогой. Пойдем спать.

Ее рука мягко легла мне на плечо. Пока она говорила, я инстинктивно, почти судорожным движением, попытался прикрыть рукой бумаги на столе. Я знал, что там написано. Я сам, как одержимый, обводил эти слова красным маркером, вдавливая стержень в бумагу: **«Первоклассник», «изнасилование», «связал руки», «забросал камнями», «заживо».**

Я поднял глаза. В полумраке кабинета, подсвеченного лишь синим свечением монитора, лицо Мэри казалось бледным пятном. Потом я выдохнул: она была без очков. Без них в такой темноте она едва ли могла различить даже мою фигуру, не говоря уже о страшных словах на бумаге. Она щурилась, борясь со сном, явно только что встав с постели.

Я перевел взгляд на часы в углу экрана. 3:20 ночи. Стоило мне осознать время, как тело тут же отомстило за игнорирование. Колени пронзила тупая, ноющая боль, а голова налилась свинцом. Я попытался расправить плечи и скрипнул зубами: позвоночник словно зацементировали. Все эти часы, пока я перечитывал свидетельства, копался в отчетах Виктора и анализировал каждое слово, я сидел в таком чудовищном напряжении, что мышцы превратились в камень.

— Ты права, Мэри, — прохрипел я, чувствуя усталость. — Пойдем спать.

Глава 5

Яша, кораблики и пустое небо

Я вынырнул из апноэ сна рывком, будто всплыл с глубины, когда воздуха в легких уже не оставалось. На часах не было и шести. Мэри мирно спала рядом, ее дыхание было ровным и спокойным.

То, что я видел, сложно назвать просто сном. Это была хаотичная нарезка кадров, спроецированная моим воспаленным подсознанием. Серые, недостроенные стены. Бетонная пыль, скрипящая на зубах. И дети — школьники с портфелями, мечущиеся по заброшенной стройке, как испуганные зверьки. Я бежал за ними, пытаясь перехватить, защитить от невидимой угрозы, но они рассыпались в стороны, истошно вопя.

Во сне меня накрыла та же одышка, что и в реальности. Слабое сердце — мой верный спутник последние три года — давало о себе знать. Врач давно запретил мне нагрузки, но здесь, в лабиринтах кошмара, что-то гнало меня вперед, заставляя игнорировать жжение в груди. Я понимал: еще шаг — и я рухну замертво.

Вдруг один ребенок замер. Остальные растворились в тени бетонных плит, а этот маленький мальчик повернулся ко мне. Лица я не видел — оно было словно смазано, скрыто расфокусом. Он громко, надрывно заплакал. Я попытался крикнуть, используя свой командный голос, отработанный десятилетиями службы: «Как тебе помочь? Кто тебя обидел? Я федеральный агент, я помогу!».

Но вместо слов из горла вырывались лишь рваные, лающие звуки. Рот не слушался. Я с ужасом понял, что заикаюсь.

— Р-ра-ра-расскажи мне... Я по-по-полицейский..., — мой язык заплетался.

Ребенок продолжал плакать, захлебываясь слезами. Я двинулся к нему, волоча свинцовые ноги. Рука сама, повинувшись многолетней мышечной памяти, потянулась за удостоверением. Привычка, которую не вытравить даже пенсией: в любой непонятной ситуации предъявляй жетон.

Пальцы нырнули в карман, но вместо привычной кожи и холодного металла нащупали что-то иное. Тяжелое. Шероховатое. Влажное. Я был уже в шаге от мальчика, когда посмотрел вниз. В моей руке лежал не жетон. Я сжимал огромный, увесистый кусок бетона с острыми, сколотыми краями. По его боку медленно стекала густая, алая жидкость, пачкая мне пальцы.

Сердце пропустило удар, когда до меня дошло: это кровь. И в ту же секунду над ухом раздался смех. Громкий, истерический хохот. Я проснулся. На долю секунды мне показалось, что смех все еще звучит в комнате, прямо у изголовья кровати. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Мне пришлось сесть и жадно глотать воздух, вглядываясь в утренний сумрак за окном, чтобы вернуть себя в «здесь и сейчас».

До пенсии это было моей нормой. Если удавалось урвать пару часов сна, они чаще напоминали пытку, чем отдых. Мозг, перегруженный деталями преступлений, продолжал работать и ночью, генерируя бесконечные вариации насилия. В этих снах я был то наблюдателем, то жертвой, а иногда, к своему ужасу — самим убийцей.

Сны, в которых фигурировали дети, всегда были моей персональной преисподней. Я помню тот момент, когда стал отцом. Работа в Бюро мгновенно приобрела иные, куда более зловещие очертания. Профессиональная отстраненность дала трещину. Я стал одержимым. Мне постоянно чудилось, что тень, которую я изучаю по фотографиям с мест преступлений, ползет к моему порогу. Логика была параноидальной, но железной: если я не помогу вовремя идентифицировать неизвестного субъекта, если упущу малейшую деталь в профиле или халатно отнесусь к показаниям свидетелей, то этот хищник не остановится. И следующей жертвой какого-нибудь умалишенного ублюдка может стать мой маленький Эндрю или едва вставшая на ноги Мишель. Лишь иногда, когда мозг отключался от перегрузки, экономя последние ресурсы, я проваливался в черную пустоту без сновидений. Все остальное время каждое пробуждение было мучительным возвращением в реальность. Мне нужно было несколько секунд, чтобы убедить себя: я дома, мои близкие живы, им ничто не угрожает. Я жив. И у меня еще есть шанс остановить тех, кто считает охоту на людей своим хобби.

Но все это должно было остаться в прошлом. Я выстроил себе новую, безопасную жизнь в Ричмонде: жена, собака, стрижка газона. Никаких отчетов по форме 302, никаких ночных звонков от дежурного, никаких экстренных вылетов, когда ты пакуешь чемодан за пять минут, зная, что увидишь семью не скоро.

Мои будни наполнились безопасной рутинной: починка протекающих кранов, субботняя рыбалка с друзьями, которые ничего не знали о виктимологии, и чтение новостей. Мэри, кстати, строго-настрого запретила мне подписываться на криминалистические паблики, и я, как примерный пенсионер, делал вид, что слушаюсь. Время от времени я брался за художественные книги, но быстро бросал. Любые выдуманные сюжеты казались мне пресными, слабо тлеющими угольками на фоне того адского пламени, в которое мне приходилось смотреть тридцать лет подряд.

Все было спокойно, понятно и стерильно. Пока в мою жизнь не ворвался очередной маньяк, но со званием профессора и степенью по богословию.

Чтобы стряхнуть с себя липкие остатки кошмара, я тихо, почти по-воровски выскользнул из спальни. Будить Мэри в мои планы не входило. Я побрел на кухню, чувствуя, как дом постепенно возвращает меня в реальность.

На первом этаже меня уже ждал «комитет восторга» в лице Роджера. Этот английский бульдог, которого дети торжественно вручили мне в день выхода на пенсию, был, пожалуй, самым неуклюжим антидепрессантом в мире. Те, кто хоть раз имел дело с этой породой, знают: радость английского бульдога — это стихийное бедствие.

Он несся мне навстречу, издавая звуки, напоминающие работу неисправного дизельного двигателя: хрипел, похрюкивал и давился собственным восторгом. Свисающие брыли подпрыгивали в такт бегу, обнажая розовые десны, а слюна разлеталась во все стороны, как шрапнель. По старой, неистребимой традиции, затормозив о мои ноги, он принялся яростно тереться о штанину, щедро вытирая об меня весь стратегический запас слизи, накопленный за ночь.

Глядя на это пыхтящее у моих ног существо, я в сотый раз задался риторическим вопросом: почему, черт возьми, не бигль? Или хотя бы лабрадор — стандартный выбор для американской мечты?

— Привет, старина, — пробормотал я, пытаюсь беззвучно стряхнуть слюну Роджера с пижамных штанов.

Я без особого энтузиазма покосился на кофемашину в углу, затем перевел взгляд на холодильник. Желудок молчал. Аппетита не было, да и совесть не позволяла перехватить кусок. Мэри скоро встанет, и я знал: если она обнаружит, что я уже позавтракал в одиночестве, это будет катастрофа локального масштаба.

Готовка завтрака была ее любимым утренним ритуалом, ее способом держать этот мир под контролем. Тот самый банальный, но священный для нее «американский завтрак»: яичница, бекон, тосты. И, конечно, разговоры. Мы должны были сидеть за столом, обсуждать новости, которые она вычитала вчера, радоваться росту подписчиков в ее кулинарном блоге. По традиции она обязательно посетует, что мне тоже стоило бы завести свой блог, а я буду молча кивать, скрывая за улыбкой тот факт, что мой «блог» сейчас пишется на пробковой доске с фотографиями мертвых людей.

В теплое время года мы завтракали на террасе. Вид на нее прямо сейчас открывался из гостиной.

Пространство здесь всегда действовало на меня умиротворяюще: высокие потолки, обшитые теплым деревом стены, и огромные окна во всю высоту этажа, будто стиравшие границу между домом и улицей. Утренний свет свободно проникал внутрь, ложился на пол широкими полосами и отражался в стеклах, за которыми начиналась терраса. Там, за деревянными перилами, стояли стол и кресла, сейчас пустые и не занятые разговорами и тарелками, ведь пора на улице стояла холодная. Дальше — деревья: высокие, редкие, спокойно расступающиеся, оставляя место для широкой прогулочной территории. Казалось, стоит лишь сделать шаг — и дом закончится, уступив место воздуху, хвоинкам под ногами и медленному утреннему ходу мыслей. Я задержался у окна чуть дольше, чем планировал. Сегодня наконец-то перестал идти дождь. На деревьях проглядывался легкий, едва заметный иней. Я понял, что завтрак все же сегодня подождет. Мне нужно проветрить голову.

Я накинул куртку, взял поводок, и мы с Роджером вышли на улицу. Дом остался позади почти сразу — здесь это происходило быстро. Дорога мягко изгибалась между деревьями, асфальт, укрытый инеем и морозной прохладой ночи, а тени от ветвей ложились поперек, будто чья-то небрежная штриховка. Наш укрытый не слишком густой лесополосой район в это время был почти пуст. Машины мирно припаркованы возле соседских домов, голосов и шумов практически нет — только редкий скрип ветвей и тяжелое, довольное сопение Роджера, который с силой тянул вперед, потому что знал маршрут лучше меня, и что в конце пути его ожидала его любимая забава.

Мы шли медленно. Я позволил шагам задать ритм, как делал это когда-то, много лет назад, в те утренние часы, когда думать еще рано, но мозг уже начинает работать сам. Повороты сменяли друг друга, дома прятались за деревьями, и дорога постепенно переставала быть улицей — превращалась просто в путь. Где-то на середине я поймал себя на том, что снова прокручиваю сон. Не образы — ощущения. Это было хуже. Сны мне всегда врут и очень плохо объясняют, что именно хотят сказать. А вот ощущения вполне реальные.

Первые мысли о сцене из книги Виктора пришли не сразу. Сначала — обрывками: интонации, паузы, смех, слишком аккуратная деталь в виде шарфа, которая не имела права быть такой аккуратной. Я не пытался удержать их. Пусть идут рядом, как Роджер — на поводке, но без натяжения. Через десять, может, пятнадцать минут пешеходная дорога вдоль трассы вывела нас к воде. Лес расступился, и впереди открылось озеро — спокойное, широкое и равнодушное к

человеческим тревогам. Особенно к моим. Я остановился у берега. Вода была гладкой, как поверхность мысли, которую еще не тронули. Именно здесь мне всегда удавалось начать сначала.

Я отстегнул поводок с ошейника Роджера, и тот, издав несколько звуков, похожих то ли на рев медведя, то ли на хрип деревенского хряка, захлебывающегося собственной слюной, ринулся к берегу. Там, ничего не подозревая, мирно побрякивали утки — столпились у воды и что-то неторопливо поклевывали у самой кромки. Это была его утренняя рутина. Безудержно гонять несчастных птиц из стороны в сторону, поднимать шум и изображать охоту. Кто кого пытался перекричать или догнать — утки пса или Роджер уток — было не сразу понятно.

Я усмехнулся, в очередной раз представив, как Роджер вообразил себя благородным охотничьим псом, честно добывающим дичь для любимого хозяина. Впрочем, кроме хлопающей пасти, брызг воды и глухих ударов о землю, когда он в очередной раз падал плашмя после неудачного прыжка вслед за взлетающей уткой, ему ничего не удавалось. Охотник из него был никакой.

Я перевел взгляд с подпрыгивающего Роджера на водную гладь, уходящую далеко вперед, спокойную и равнодушную. А какой охотник тогда я?

Перед глазами в очередной раз возник образ окровавленного булыжника, который во сне я видел у себя в руках. Вслед за этим, в голове прокручивались строки из материала Виктора, в которых фигурирует «Заикашка» — единственный близкий друг детства Саши Дворкина. Кем был этот мальчишка? Что, чувствовал и переживал в момент, когда Дворкин сделал его соучастником чудовищного преступления?

«Сашка тогда был в девятом классе. Единственным свидетелем того, что там произошло, был Заикашка. В тот день они пришли на стройку. Сашка взял с собой какого-то первоклассника. — Николай сделал паузу, словно раздумывая над тем, как озвучить остальную часть истории. — Первое, что Сашка сделал — сорвал с мальчика серый шарф. Он использовал его, чтобы завязать мальчику руки за спиной. Стянул так сильно, что узлы впились в детскую кожу».

Отрывки из книги Виктора проплывали перед глазами.

Ночью я распечатал книгу Аркадия Ровнера «Калалацы», написанную с устных рассказов Дворкина и отдельно выделил строки, где под псевдонимом

Лопухова, описаны некоторые эпизоды из жизни Дворкина, связанные со своим другом детства — Яшей:

«С Яшей мне было просто, наверное, потому, что он краснел, заикался и виноватился даже больше моего. Он кашлял, болел — мы учились вместе с первого класса, — и бабушка — он жил с бабушкой — возила его в Елоховскую церковь».

Даже это короткое описание давало серьезные основания считать, что именно Яша в книге Калалацы — это и есть тот Заикашка, в свидетельстве, которое зафиксировал Виктор у себя в книге.

Психопаты вроде Дворкина не выбирают сильных друзей. Им нужны «сателлиты» — слабые, дефектные, зависимые, на фоне которых их собственная ничтожность выглядит величием. Заикашка был идеальным свидетелем. Он присутствовал при первом акте сознательного насилия субъекта. Неспроста в свидетельстве Подружки также зафиксирована немаловажная деталь — Дворкин заставил Заикашку кидать камни в яму, где еще хваталось за последние капли жизни маленькое, избитое и изнасилованное тельце первоклассника. Фактически, Дворкин завершил преступление чужими руками. Ведь именно усыпанная камнями яма забрала последние вздохи ребенка. И именно это подписало смертный приговор Яше.

Вернувшись домой с прогулки меня уже ждала Мэри с приготовленным завтраком. Она не задавала лишних вопросов, увидев мой сосредоточенный задумчивый вид. Кажется, наконец до нее дошло, что я не просто от скуки вновь лезу в свое профайлерское прошлое. Я был в серьез озабочен проблемой, причины и решения которой я пока еще не находил. Поэтому мы лишь слегка перебросились парой фраз за завтраком, и я постарался поскорее вернуться к себе в кабинет.

Я подошел к стене с картой расследования и пометил новую секцию стикером, на котором жирными буквами написал «ЯША — ЗАЙКАШКА». Порывшись в своих вчерашних записях и пометках, зафиксировав важные моменты, которые уже обдумал во время прогулки, я вырезал их и закрепил на доске.

Выбор ближайшего друга для Дворкина никогда не был случайным. Заикающийся, болезненный, социально уязвимый мальчик — Яша — представлял для Дворкина идеальный объект: слабее физически и психологически, зависим от одобрения, склонен к чувству вины и подчинению. Такие люди интуитивно притягивают будущих манипуляторов. Рядом с ним Дворкин мог ощущать свое

превосходство, закреплять роль лидера и тренировать механизмы подавления чужой воли. Но для него был важен не только контроль над Яшей, но и конструкция алиби внутри собственной психики: «Это не я один. Мы оба». Соучастник становится не просто свидетелем — он становится психологическим щитом, который размывает ответственность. Это особенно характерно для людей, которые одновременно чувствуют превосходство, но панически избегают внутреннего признания «я убийца». То есть Яша нужен как «вторые руки», чтобы потом можно было самому себе сказать: «не я один это сделал». Однако в этих отношениях присутствовал и второй, более опасный слой — **зависть**.

Я сел в кресло за рабочим столом, включил ноутбук и монитор и принялся перечитывать файлы. Ох, как бы мне сложно не давалась эта книга «Калалацы», но все же я понял, что в ней содержится слишком много ценной информации, которая во многом пересекается с фактами в автобиографиях Дворкина. Поэтому я заставлял свой мозг внимательно вчитываться в слова, которые скакали от корявого автоперевода снова и снова.

Я вынес в отдельный документ, а затем распечатал на принтере еще несколько важных, на мой взгляд отрывков. С Яшей связаны ключевые воспоминания Дворкина, под именем Лопухова, о рассуждениях о Боге и о яме:

*«Бог живет в горах и оттуда посылает молнии и громы. Его нельзя увидеть, но он может протянуть руку и достать кого захочет, — рассказывал мне Яша на уроках ботаники, пока мы рисовали в тетрадах лепестки и пестики маков, а учитель у окна в золотом улье, забывшись, тер переносицу перепачканными мелом пальцами. Яшин цветок получался большим и красивым с уверенной линией лепестков и живой сочной чашечкой, **мой же был чахлым и кривобоким**».*

Последние слова я подчеркнул красным маркером.

*«— А здесь в классе — тоже может? — спрашивал я, пугаясь, **и видел: опускалась в окно огромная золотистая из солнечного сияния рука** и, обняв учителя, осторожно поднимала его в воздух, а он, не замечая ничего, продолжал тереть переносицу.*

*— Это тайна. Однажды он уже приходил, **но его поймали и бросили в яму**».*

Перечитав, подчеркнутые мною слова *«Яшин цветок получался большим и красивым с уверенной линией лепестков и живой сочной чашечкой, мой же был чахлым и кривобоким»*, я тут же потянулся к краю стола к стопке с рукописью книги Виктора и нашел нужную страницу:

«Он заставлял ее делать вещи, которые вызывали у нее тошноту, а Заикашку использовал как инструмент, чтобы еще сильнее подавить Подружку. Она боялась Сашку до паралича, но именно этот страх, кажется, и был для Дворкина главным источником возбуждения. Он не искал наслаждения плоти — он искал наслаждения от осознания того, что он может сломать другого человека, превратить его в вещь. Подружка любила Заикашку, но Сашка сделал так, чтобы эта любовь стала грязной и болезненной».

Несмотря на внешнюю слабость, Яша обладал тем, чего у Дворкина не было: внутренней мягкостью, способностью вызывать симпатию и любовь. Он лучше рисовал, вызывал искреннюю привязанность у Подружки, оставался «человечным» — и именно это делало его не просто зависимым другом, а скрытой мишенью для уничтожения. Для личности Дворкина такая ситуация была невыносима.

Далее в книге «Калалацы» Дворкин, которого по всей видимости Ровнер прозвал Лопухов, невзначай пробрасывает фразу:

«Когда было время, мы шлялись по городу. Шли от Герцена по бульвару, присаживались во дворике рядом с согбенным Гоголем, через Никитские мимо "плешки" добирались до Трубной. Иногда с нами ходила Аленка — мы смеялись до колик. В конце девятого класса весной Яшу выловили в Сокольничьих прудах и похоронили где-то в Переделкино. Аленка ходила три дня зареванная. Я все собирался туда поехать».

По прошествии более трех десятков лет Дворкин пишет в книге «Моя Америка»:

«Приведу тут несколько историй из моего детства... Как тяжело ребенку не верить в Бога! Как мучительно для детской души не знать опыта молитвы и не иметь в жизни никакого вертикального измерения! Помню, как ночью в своей кровати я мечтал о том, что было бы, если бы Бог существовал, как я беседовал бы с Ним, рассказывал Ему о своих делах, просил бы Его о помощи девочке на костылях или слепому дяденьке, которых я видел на улице, и почувствовал, как острая жалость сдавливает мое сердце. А недавно мама подруга потеряла

сына: **мальчик утонул**. С тех пор меня от нее прятали, чтобы не напоминать ей о сыне и не усугублять горя. Как я боялся момента появления ее высокой, грузной фигуры в дальнем конце коридора маминной работы, когда мне приходилось сворачивать в ближайшую комнату и прятаться там за шкафом! Я точно попросил бы Бога вернуть ей сына, чтобы они опять жили вместе. А как страшна смерть!

С мыслью об этом ужасе невозможно примириться: ты есть, живешь, думаешь, двигаешься, любишь, переживаешь, а потом раз — и тебя больше нет. Совсем нет. И все было напрасно и ненужно. Вот если бы Бог существовал, то после смерти можно было бы встретить всех, кто жил до тебя, общаться с ними, радоваться, благодарить Бога...

Но Бога нет, и ничего этого не будет. Не будет жизни, не будет радости, не будет ничего. Вообще ничего. **Есть только абсолютно пустое небо над головой**. Это доказано. Ведь космонавты Бога не видели».

Преступники редко молчат. Вопреки расхожему мнению о «тайне, унесенной в могилу» или «утопленной», в случае с Дворкиным, человеческая психика — крайне ненадежный сейф. Вина не статична; это энтропийный процесс. Спустя десятилетия она начинает просачиваться сквозь трещины в эго, принимая форму исповедей, мемуаров или философских трактатов. Это произвольный выброс критически значимой информации, замаскированный под литературную рефлексию.

Эти отрывки послужили толчком к сопоставлению многих пробелов в этом деле. Во-первых, повторяющееся упоминание в обоих книгах об утонувшем друге. В книге Виктора Николай рассказал ему:

«Вечером, накануне трагедии, Заикашка зашел к Подружке. Он был воодушевлен, почти счастлив. Сказал, что Сашка **пригласил его завтра на пруды "пускать кораблики"** и поговорить по душам. Кораблики, Виктор... В пятнадцать лет. Это было так по-дворкински — использовать детскую, невинную забаву как приглашение на казнь. На следующий день Заикашки не стало».

Хмм...Кораблики. Я кое-что вспомнил и кликнул мышкой по папке со скачанными электронными версиями книг, и нажал на автобиографию Дворкина «Учителя и уроки». Пдф-файл открылся и первой страницей меня встречала обложка книги — маленький Саша Дворкин, склонившись, стоит у деревянной

лодки по колено в воде и придерживает самодельный кораблик. Следующей страницей был более приближенный портрет той же сцены, но Дворкин уже сидел внутри лодки и угрюмый взгляд был направлен сквозь толстую черную оправу очков прямо в камеру. На фоне — водная гладь и небо. Исходя из подписи к фото «1963 год. Куршская коса. Школьник Саша Дворкин на отдыхе», Дворкину тут 8 лет.

Вопрос, который неизбежно возникает при анализе обложки, заключается не в том, *что* изображено, а *зачем* именно эти образы были вынесены на самый видимый, программный уровень книги. При внимательном рассмотрении становится ясно: в этой композиции нет случайных элементов. Пустое небо. Вода. Игрушечный кораблик. И рука — нависающая, почти зависшая над ним.

Вырви эти детали из контекста, и любой кабинетный мозгоправ назовет их абстрактной метафорой одиночества или детских травм. Но если наложить их на эволюцию профиля моего субъекта, все становится кристально ясно. И эта ясность пугает.

Для эксперта, составляющего поведенческий профиль, подобное сочетание — не просто мрачная эстетика. Это экстернализация его фантазии, паттерн, вынесенный в визуальную форму. Особенно если учесть, что ребенку на фотографии восемь лет. Это именно тот период, который предшествовал травме — событиям, ставшим позже центральным ядром его воспоминаний и извращенных текстов.

Жест руки в психоаналитической традиции трактуется как символ власти и контроля. Здесь он не тянется к кораблику — он нависает над ним. Это не жест игры, а жест управления: возможность либо позволить плыть, либо остановить. Кораблик в данном контексте — не просто игрушка, а объект, лишенный субъектности, чья судьба полностью зависит от чужой воли.

Этот визуальный мотив неожиданно рифмуется с ранним школьным эпизодом, связанным с Яшей — тем самым заикающимся мальчиком, который в первом классе рассуждал о Боге как о невидимой силе, способной «протянуть руку и достать кого захочет». Для детского сознания подобный образ — попытка осмыслить абсолютную власть. Для взрослого автора, спустя десятилетия, — символ, к которому он возвращается вновь и вновь, уже в ином, лишенном религиозного смысла ключе.

После смерти Яши в конце девятого класса — весной, когда его тело было выловлено в Сокольничьих прудах, — в текстах появляется другой устойчивый

образ: пустое небо. Не как метафора свободы, а как утверждение окончательной пустоты. «Бога нет. Есть только абсолютно пустое небо над головой». Эта фраза не столько философская, сколько бросающая вызов. Она обнуляет идею «небесного» суда, воздаяния, протянутой сверху руки. Если небо пусто — никто не смотрит. Именно поэтому я вернулся к цитате из «Калалацев», которая раньше казалась мне странной и неуместной. Но теперь, анализируя символ лодки и его значение для Дворкина, эта цитата обретает совершенно иной смысл. Это был эпизод о «формуле» везения, упомянутой в контексте удачного избежания задержания правоохрнительными органами: «Здравствуй, Бог универсальный, я стою немного сальный, **лодку, память и весло, слава небу, унесло**».

Перечитав этот отрывок, перед глазами отчетливо сформировалась картинка, как двое школьников катаются на лодке и гребут веслами. «Лодку, память и весло, слава небу, унесло», — прошептал я. Не веслом ли он завершил прогулку и жизнь самого Яши? А «слава небу унесло» — как насмешка над Богом, что основные улики, да и память о происшествии смыта. Вот правоохрнительные органы и не смогли ничего накопать, и возможно поэтому рассказывая Ровнеру, казалось бы, бессвязные детали, Дворкин назвал это «формулой успеха». Формула успеха сокрытия преступления? Формула успеха избежания наказания?

Обращает внимание еще один факт, что в 1970 году, когда Александр Дворкин учился в 9 классе и погиб Яша, в парке «Сокольники» (парк, расположенный на территории района Сокольники на востоке г. Москвы) и его прудах в тот период использовались для проката традиционные **деревянные весельные лодки**.

Вода, лодка, уход. Эта триада выстраивалась в четкий поведенческий шаблон. Само по себе это не улика, к делу ее не подошьешь. Но это демонстрирует глубокую фиксацию объекта. А в нашем деле именно фиксация — это первый шаг к тому моменту, когда латентное насилие прорывается наружу.

Отдельного внимания заслуживает критический инцидент восьмилетнего возраста — побег из пионерского лагеря, описанный как резко травматичный опыт. Именно здесь впервые проявляется устойчивая антипатия к коллективу, институтам и любой форме внешнего контроля. В книге «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» Дворкин фиксирует это прямо: опыт жизни «под горн и барабан» оказался резко негативным, после чего он невзлюбил коллективы и все, что с этим связано. В «Моей Америке» эпизод звучит еще

конкретнее: он сообщает, что через две недели перелез через забор и сбежал — то есть выбрал риск и наказание, лишь бы прекратить участие в происходящем.

Именно в этом месте важно не переоценивать художественную форму высказывания и не недооценивать поведенческий факт. Для восьмилетнего «столичного мальчика» побег из лагеря — не каприз и не протест в стиле подросткового бунта. Это крайняя стратегия спасения. Так поступают тогда, когда внутреннее чувство угрозы становится сильнее страха перед взрослыми, наказанием и неизвестностью за пределами забора.

Следовательно, здесь можно говорить о высокой вероятности того, что в лагере маленький Александр Дворкин, пережил что-то, что он воспринял как очень травматическое: острый стресс, сильное унижение, насилие или ситуация, где ребенок пережил беспомощность и потерю контроля.

Что же там случилось остается неизвестным. Но можно очертить диапазон вероятных факторов, которые в детских коллективах способны запускать столь резкую реакцию: систематическое физическое давление, травля, принудительные наказания, публичное унижение, либо сексуальное насилие. Именно этот возможный инцидент, в последующем мог способствовать формированию дезадаптивных когнитивных схем, повторению травматического сценария в поведении и развитию паттернов, связанных с контролем, манипуляцией и насилием. Если сопоставить эти элементы — травматический опыт в восемь лет, сексуальное насилие и убийство первоклассника, и с целью сокрытия этого преступления убийства друга Яши, символику воды и лодки, жест руки как власти, образ пустого неба, как символ отсутствия наказания — становится очевидно: это не разрозненные воспоминания, а единый внутренний сценарий, который снова и снова воспроизводится в разных формах.

Криминологические и поведенческие исследования указывают, что для серийных преступников первый акт насилия часто становится ядром будущей фантазийной жизни. Он не обязательно вспоминается прямо. Чаще он возвращается в виде символов, повторяющихся образов, пространств и ритуалов. Это не ностальгия и не раскаяние. Это компульсивное воспроизведение — попытка снова и снова удерживать контроль над тем, что однажды вышло за пределы допустимого.

Сами по себе подобные паттерны — это еще не вердикт присяжных. Адвокат разбил бы их в пух и прах как косвенные улики. Но мы не в суде, мы внутри головы

субъекта. В совокупности с биографическими фактами, скользким нарративом, избеганием прямой ответственности и маниакальным возвращением к одним и тем же символам, эти детали складываются в картину, хорошо знакомую судебным психиатрам. Это классический профиль личности, скрывающей эпизоды насилия в прошлом.

Именно поэтому выбор обложки для его книги — не дизайнерское решение, а крик подсознания. Рука, нависшая над корабликом. Вода. Он — победитель, единственный в своей лодке. Он один, и «пустое небо» над ним — это символ совершенства, которого он достиг. Символ безнаказанности.

Можно было бы назвать это «скрытой исповедью», но термин слишком мягок. Это бессознательная символическая репрезентация — отпечаток того самого события, которое подкрепило субъекта как убийцу.

Лишение жизни другого человека не проходит бесследно. Оно не хранится в архиве памяти как пыльная фотография. Оно въедается в несущие конструкции личности, перестраивая ее архитектуру навсегда. Убийство живет не в воспоминаниях, оно живет в самой структуре психики. И иногда оно прорывается наружу — даже на гляцевую обложку собственной книги.

В этом контексте я выделил еще один фрагмент из романа Ровнера «Калалацы». Он написан по устному рассказу Дворкина и содержит эпизод, который я считаю критически важным. Это разговор двух друзей-наркоманов, Бутова и Кости Лопухова. На первый взгляд — наркотический бред, но мой глаз видел иное: символическую реконструкцию травмы, связанную со смертью Яши.

Лопухов (он же Дворкин) начинает свою исповедь:

*«У меня был друг Яша, он покончил с собой в девятом классе. Могилка его в Переделкино. Он был такой тихоня, заикался и всегда виноватился. Я не был у него ни разу, а тут выбрался. Я стоял у его могилки, пробовал, но никак не мог зацепиться. Дрожал от ужаса. И еще этот ослепительный снег, и все так четко и ясно. А на обратном пути я споткнулся и поранил себе руку. **Очень меня испугала кровь на снегу.** Но зато стало легко и зыбко, будто вышло из меня темное, густое, мучавшее. Все, что случилось потом, наматывалось на руку, которую я нес перед собой, как сверток. Я куда-то стучался, мне не открывали сперва, но все же впустили. Угрюмые муж и жена промывали мне рану, перевязывали грязным бинтом. Они собирались в гости, и вот вместо этого возились со мной. Я слышал их перебранку за стеной по поводу того, каким*

бинтом — новым или уже использованным — меня перевязывать. Их голоса были перекошенными, гулкими. Потом я стоял на платформе, а рука тихонько ныла и жгла, а я думал, вернее, пытался думать, и было трудно понять все, что случилось: могилка, снег, кровь на снегу. И вдруг сзади подходят и спрашивают тихо:

— Ну как?

От страха все во мне оборвалось. Потом я понял, что это могли быть они же — муж и жена, перевязавшие мою руку. Но в ту минуту я не мог заставить себя оглянуться.

Сколько я простоял на платформе — не знаю. Холода я не слышал, напротив, даже жарко было. Я сел на лавку и как будто задремал даже. Проснулся от голосов Яши с Аленой: они говорили, но я не мог разобрать ни слова. Я все смотрел, не мог оторваться от его лица. Господи, что это было за лицо! **Черное с ввалившимися глазами — я его никогда таким не видел. Я вообще таких лиц не видел у людей, чтобы столько в них муки и серьезности, и чтоб не было баловства — никакого.** И вот Яша подвел ее ко мне, отпустил ее руку, повернулся и ушел с тем же жутким лицом. Я Алену спрашиваю:

— Кто это был только что?

— Я не думала, что это так страшно. Я вообще никогда об этом не думала. Как я теперь буду жить? Скажи — что мне делать?

Я ее начал успокаивать, как мог, целовал, усадил на скамейку, а потом угрелся, и сам задремал. Когда я проснулся, ее не было, и вообще никого не было — один я на пустой платформе.

Дома я попробовал записать все, что со мной было, чтобы избавиться от навязчивой яркости. Но мне стало скучно и стыдно слова были не настоящие. За тем были дыхание, жизнь, а за листком бумаги — **только безнаказанность и дурная воля.** И вы знаете, что я понял? Все — ничто, пшик. Seriously только то, что накручивается на боль, на рану. И через боль, через раны приходишь к себе в самую главную глубину.

Яша часто говорил: "Ну что ты, Кость, мечешься. Ведь Он уже приходил и пострадал. И слова уже все сказаны, что тебе еще нужно?" Но я не хочу,

слышите, Буптов, не хочу чужой болью мазохировать. И в чужие игры отказываюсь играть, бегать, как гончая, по кругу. Стоп. Я завязываю. Баста».

Я откинулся на спинку кресла и с силой потер переносицу. Глаза пекло, словно в них насыпали песка, но мозг работал с пугающей ясностью — холодно и стерильно, как в операционной.

То, что я только что прочитал, меньше всего напоминало связный художественный текст. В Бюро мы называли это «leakage» — утечка. Это тот самый момент, когда подсознание преступника, не в силах больше сдерживать колоссальное давление вытесненных воспоминаний, ищет выход. И находит его в сублимации: в творчестве, в оговорках, в громоздких и странных философских конструктах.

Аркадий Ровнер, сам того не ведая, задокументировал психотический эпизод, который для специалиста по криминальной психиатрии читается как открытая книга.

Я порылся в ящике рабочего стола, нащупал футляр и извлек очки. Оправа носила следы боевых ранений: моя дурная привычка бросать вещи где попало подарила Роджеру отличную возможность поточить о них зубы. Я водрузил слегка погрызенные очки на нос. Сквозь линзы агрессивный свет монитора стал мягче, перестав резать уставшую сетчатку.

Я начал переносить ключевые места в отдельные заметки, готовясь добавить их к стопке материалов по делу Дворкина, которая росла на моем столе с пугающей быстротой. Ощущение было специфическое — будто я патологоанатом, который берет в руки скальпель, чтобы вскрыть гнойный нарыв.

Занеся руки над клавиатурой, на чистом белом поле экрана жирным шрифтом 16-м кеглем пропечатал первый пункт: **«Маркер 1: Кровь на снегу и визуальный якорь».**

Следом шла фраза: *«Очень меня испугала кровь на снегу...»*. Почему обычный порез вызывает «ужас» и ощущение, что «вышло темное, густое»? В психоанализе это классическое **смещение аффекта**. Субъект видит свою кровь, но его эмоциональная реакция неадекватна бытовой травме. Это триггер. Красное на белом. Контраст, который возвращает его в момент первичной травмы — к убийству. Кровь на снегу — это визуальный отпечаток (imprinting) сцены смерти Яши. Для девиантной личности вид крови является триггером, который сбрасывает

психическое напряжение, на что и указывает фраза «вышло темное, густое, мучившее». Возможно, ему стало «легко», потому что в его искаженной логике пролитие крови — это акт очищения, освобождения от «темного».

Маркер 2: Рука-сверток и диссоциация. *«Все, что случилось потом, наматывалось на руку, которую я нес перед собой, как сверток».* Это блестящий пример **диссоциации**. Он не говорит «моя рука болела». Он объективирует конечность. Рука становится «свертком» — отдельным объектом. В криминальной психологии мы часто видим, как преступники пытаются отделить часть себя, совершившую насилие, от остальной личности. Рука, которая, вероятно, держала камень, весло или душила, теперь символически «забинтована», скрыта, превращена в ношу, которую он вынужден нести. «Грязный бинт» здесь — символ невозможности очищения. Сколько ни перевязывай, грязь (вина) остается.

Маркер 3: Лицо мертвеца и проекция вины. *«Черное с ввалившимися глазами... чтобы столько в них муки и серьезности».* Похоже ли это описание воспоминания лица друга? Скорее больше походит на описание жертвы насильственной смерти. «Ввалившиеся глаза», «черное лицо» — так выглядит тело человека после асфиксии или черепно-мозговой травмы, пролежавшее некоторое время. Вполне вероятно, это «флэшбэк-проекция». Как будто подсознание Дворкина вытаскивает наружу реальную картинку того, что он представлял об утопленнике. Но самое важное слово здесь — **«мука»**. Он помнит, что Яша умирал в муках. Галлюцинация на платформе — это вторжение реальности в защитную фантазию. Он видит то, что сотворил.

Маркер 4: Признание в безнаказанности. Фраза, которая для меня, как для бывшего федерального агента, звучит громче выстрела: *«За тем были дыхание, жизнь, а за листком бумаги — только безнаказанность и дурная воля».*

Задумайтесь: если твой друг покончил с собой, ты чувствуешь горе, утрату, может быть, вину за то, что не уберег. Но станешь ли ты помышлять о безнаказанности? Да и чьей безнаказанности? Понятие «безнаказанность» (impunity) применимо только в парадигме «преступление — наказание». Если нет преступления, не может быть и безнаказанности. Здесь субъект прямым текстом сообщает нам: «Я совершил акт злой воли, и я остался безнаказанным». Листок бумаги (то есть попытка описать, исповедаться) словно становится фиксацией того, что он выше закона, выше Бога и он избежал правосудия.

Философия садизма субъекта: *«Серьезно только то, что накручивается на боль, на рану. И через боль, через раны приходишь к себе в самую главную глубину»*. Это финальный штрих к профилю. Здесь рождается идеология будущего «сектоборца». Для него нормальная жизнь, взросление, самопознание, любовь, радость — это «пшик», иллюзия. А единственная реальность — это боль. Сначала чужая, возможно потом своя, потом снова чужая. Эта установка — фундамент личности садистического типа. Он словно транслирует манифест психопата, который чувствует себя живым только через причинение или созерцание страдания. Боль дает ему ощущение существования. Именно это искаженное восприятие спустя десятилетия позволит ему уничтожать судьбы тысяч людей, прикрываясь борьбой за истину. Ведь для него истина — это только рана.

Я отложил распечатку. Передо мной был не просто художественный роман, написанный по воспоминаниям наркомана-хиппи. Скорее это можно было назвать отчетом о формировании серийного убийцы, рассказанный им самим, зашифрованный в метафорах, но кричащий о правде каждым словом. Кровь, диссоциация, лицо мертвеца и торжество безнаказанности. В девятом классе он дважды понял, что может убить и остаться на свободе. И что боль — это единственная валюта, которая имеет для него вес. Остальное было лишь вопросом времени и масштаба.

Этот анализ я добавил к делу. Мальчик, который боялся «пустого неба», закидал камнями первоклассника и убил своего друга, не исчез. Он трансформировал свои камни в книги по «Сектоведению», а свои преступления — в «миссию».

Глава 6

Внутри «Системы»:

Наркотический туман 70-х

В обед реальность бесцеремонно постучала в дверь моего кабинета. Мне пришлось прерваться: Мэри нужно было отвезти к ее близкой подруге. Ее лексус томился в ремонте уже третью неделю, а садиться за руль моего автомобиля она отказывалась наотрез.

— На твоём «мэрсе»? Да ещё и в Ричмонд, с его пробками и вечно взвинченными водителями? — фыркнула она, когда я, скрипя зубами не желая отрываться от расследования, все же предложил ей ключи. — Джеймс, не дай Бог. Если с машиной что-то случится, ты же будешь припоминать мне это до конца моих дней.

Мне хотелось пошутить над ней, предложив свою старую Crown Victoria, которая дремала в самом углу гаража под плотным чехлом. Я выкупил ее за копейки на правительственном аукционе, когда Бюро списывало наш старый автопарк. Массивная, тяжелая, лишенная современных изящных линий, она напоминала меня самого — человека, привыкшего работать прагматично и на износ. Когда я заводил ее, иногда ради забавы, по бетонному полу пробегала знакомая дрожь V-8 («ви-восемь»), и на мгновение казалось, что на дворе снова девяносто шестой, а впереди — бесконечные мили шоссе и очередной экстренный выезд на место преступления.

Но, конечно же, я не стал спорить с женой. Уважая ее еженедельные, а порой и ежедневные ритуалы, я послушно старался компенсировать отсутствие ее автомобиля, «работая» личным шофером.

В этот раз поездка имела и практическую цель — нужно было забрать с почты несколько увесистых посылок. Но когда я высадил Мэри у дома подруги, она неожиданно настояла на том, что обратно доберется на такси.

— Езжай, Джеймс, — сказала она, мягко коснувшись моего локтя. Возможно, мой вид был куда мрачнее, чем просто «озабоченный».

После анализа жутких фрагментов об убийстве первоклассника, Яши и ко всему прочему жуткого сна, я, должно быть, выглядел как человек, который только что вернулся с эксгумации. Предложением о такси она давала мне свободу вернуться в мою «пещеру». Это был ее способ выразить поддержку моему новому, пусть и пугающему, увлечению.

Вернувшись домой, я наспех проглотил сэндвич, даже не почувствовав вкуса, и поднялся на второй этаж. Сердце колотилось — не от физической нагрузки, а от предвкушения. Меня беспокоила деталь, которую я упустил при первичном осмотре материалов. Пробел на моей доске таймлайна требовал заполнения.

Среди вороха распечаток рукописи Виктора я откопал абзац, который ранее подчеркнул красным маркером. Теперь, в свете новых данных, эти строки зазвучали совершенно иначе:

*«Подружка знала правду. Потому что Заикашка все знал о том дне, когда Дворкин убил первоклашку, и заставил Заикашку помочь закидать яму камнями. Она знала, что Сашка "убрал" единственного свидетеля своего первого убийства. Но она молчала. Страх, подпитанный наркотиками, оказался сильнее совести. Когда Заикашку хоронили, **Подружка несколько дней не просыхала от слез**, а Сашка... Сашка даже не пришел на похороны. Как он потом сказал Подружке, он не пошел, потому что ему было бы скучно на похоронах. А на самом деле **он боялся гнева матери Заикашки**, которая и так открыто его обвиняла, очевидно чувствуя правду. И это усугублял еще тот факт, что мать Заикашки была подругой и коллегой матери самого Дворкина».*

Этот фрагмент из книги Виктора во многом перекликался с деталями из автобиографии Дворкина и материалами из «Калалацы», заставляя разрозненные элементы мозаики складываться в единую картину. И еще из того жуткого воспоминания «Калалацы» я подчеркнул неоднократное фигурирование общей Дворкина с Яшей подруги, которой Аркадий Ровнер дал имя Алена: **«Аленка ходила три дня зареванная»**. Совершенно очевидно это и была та самая Подружка из свидетельств, зафиксированных Виктором в книге, которую Дворкин сексуально эксплуатировал со школьных времен, посадил на наркотики и доминировал над ней до самого своего заключения в психиатрическом диспансере.

«— Подружка как-то призналась Юле, моей подруге, — начал он, — что, только когда Сашку в первый раз положили в психиатрическую больницу, она смогла бросить наркотики. Похвасталась даже. Юля спросила: "Зачем же ты вообще их принимала?". А Подружка, со слезами на глазах, ответила: "Сашка заставлял. Дворкин". Она боялась его до изнеможения. Говорила, что он — страшный человек. Когда Юля спросила: "Почему ты в милицию не заявишь?", Подружка лишь качала головой: "У меня нет доказательств. Он, как всегда, выкрутится, а потом меня убьет. Также, как и Заикашку, и других. Я его очень боюсь. Ты не представляешь насколько он страшный человек"».

Слегка покачиваясь на кресле, я стал в задумчивости потирать подбородок. Многое из того, что удалось вытянуть из этих книг, складывается в одну картину.

На карте-расследования рядом со стикером «ЯША», я прикрепил стикер «ПОДРУЖКА-АЛЕНА».

Прикрепив кнопку-гвоздик и обвязав красной нитью все три звена с фото Дворкина, я потянул нить в другую сторону, где предварительно прикрепил стикер «УБИЙСТВА». Рядом уже висели распечатки с фрагментами книги Виктора, под помеченной зоной «Первый эпизод — девятый класс» еще один стикер со словом «Первоклассник». В этой зоне я закрепил все детали, которые показались мне важными, для удержания полного психологического портрета Дворкина. «Шарф, удушение, камни, смех».

Под помеченной зоной «Второй эпизод — девятый класс» я вынес детали с лодкой, веслом, а также следующие цитаты из книг: «пригласил его завтра на пруды "пускать кораблики"», «недавно мамина подруга потеряла сына: мальчик утонул. С тех пор меня от нее прятали, чтобы не напоминать ей о сыне и не усугублять горя», «В конце девятого класса весной Яшу выловили в Сокольничьих прудах».

Когда Александр Дворкин опубликовал книгу «Моя Америка» в 2013 году, он не просто писал автобиографию — он, скорее, выстраивал себе ретроспективное алиби. Судя по публикациям того периода, против него шел мощный поток компромата. В то время разворачивалось открытое юридическое сражение с теми, на кого он совершил свои самые яростные нападки: представителями сайентологии и Пятидесятнической церкви. Об этом много писали в российских блогах, заархивированные копии которых мне удалось разыскать. В сети повсюду вирусилась статьи с обнародованными медицинскими картами и психиатрическими диагнозами «профессора-сектоведа», а параллельно всплывали воспоминания одноклассников о его юности и тесных связях с миром наркотиков.

Для обывателя это мемуары, для меня — добровольные показания. В подобных книгах субъект неизменно оставляет «отпечатки пальцев» между строк, фактически подписывая себе приговор собственной рукой.

Чтобы понять динамику лжи Дворкина, необходимо столкнуть две точки в пространстве-времени: сухую фиксацию событий 1980 года в «Калалацы» и его многословный рефрейминг 2013 года. Мы наблюдаем классический нарративный дрейф — процесс, в ходе которого субъект пытается превратить свою роль из «хищного наблюдателя» в «морального мученика».

Дворкин пытается убедить читателя (и самого себя), что сокрытие его тайн в течение многих лет было формой высокого страдания. Однако анализ текста показывает обратное: перед нами организованный несоциализированный тип, который использует интеллектуализацию как щит.

Самый красноречивый эпизод в его исповеди — это момент, когда он прячется за шкафом. Дворкин преподносит это как детский, почти инстинктивный страх. Но в контексте поведенческого анализа этот акт приобретает зловещее значение.

Почему субъект прячется от матери погибшего?

Это не просто страх перед взрослым. Исходя из фиксации свидетельств в книге Виктора: *«Официальная версия гласила: несчастный случай. Подросток не удержал равновесие в лодке, ударился головой, выпал и захлебнулся. Эксперты нашли след от удара на затылке и закрыли дело.*

— Сашка клялся, что его там не было, — прошептал Николай. — Хотя мать Заикашки знала, все знали, что они ушли вместе. Но у Сашки было "железное" алиби.

— Какое? — спросил я, хотя уже догадывался.

— Его сестра. Психически больная девочка. Она физически не могла подтвердить или опровергнуть его слова. Она была идеальной ширмой».

То есть в случае с матерью Яши — это похоже на признаки избегания свидетеля и псевдоаффективность: Дворкин демонстрирует эмоции, которых на самом деле не испытывает. Его заявленная «жалость» не соответствует поведению, а ужас перед матерью — это страх разоблачения, а не сопереживание.

Еще один момент, на который я обратил внимание, это то, что в книге «Калалацы» смерть Яши зафиксирована как самоубийство.

Но пройдя через дюжину дел с серийниками, я знаю, что такие сценарии крайне редко соответствуют действительности. Гораздо чаще за ними стоит попытка субъекта подогнать реальность под подходящий ему на данный момент нарратив. Самоубийство — это всегда «удобный» финал для следствия и идеальное прикрытие для убийцы. Но, если мы разложим это дело по канонам поведенческого анализа, версия о суициде рассыпается, как картонный домик.

Первое, на что я обратил внимание, — это показания Подружки. Она четко заявляет: Дворкин и Яша собирались идти на пруды **вдвоем**. Яша, будучи классическим ведомым типом с ярко выраженной зависимостью от лидера

(Дворкина), физически и психологически не мог отправиться туда один. Он не пошел бы «пускать кораблики» в одиночку — в его системе координат это действие имело смысл только как совместный ритуал.

Следующий вопрос, который конечно должен возникнуть у любого, кто сталкивается с подобным делом: зачем Дворкину убирать своего единственного близкого друга? Ответ кроется в той самой яме на московской стройке. Яша был единственным живым свидетелем изнасилования первоклассника и первого убийства, совершенного своим другом.

В мире серийного убийцы свидетель — это тикающая бомба.

Особенно такой свидетель, как Яша: эмоционально нестабильный, заикающийся, склонный к рефлексии. Рано или поздно его «виноватость», о которой пишет сам Дворкин, прорвала бы плотину молчания. Устранение Яши было для Сашки актом самосохранения и одновременно — финальным аккордом в закреплении своей власти над той тайной. Убив свидетеля, он убил свою единственную связь с человеческой совестью.

Ровнер подчеркивает в своих записях: Яша был богобоязненным. Он рос с бабушкой, ходил в Елоховскую церковь, рисовал «сочные чашечки маков» и рассуждал о Боге. Для глубоко верующего человека в той социокультурной среде самоубийство — это не просто смерть, это вечное проклятие, страшнейший грех, на который Яша, при всей своей слабости, никогда бы не пошел. Яша умер от насильственной смерти. И следующий фрагмент из книги «Калалацы» дополняет этот вывод:

«Я очнулся впервые в девятом классе, когда умер Яша, и вот с тех пор точно смотрю на себя со стороны».

Это похоже на диссоциативный барьер. Состояние, при котором человек наблюдает за собой как сторонний зритель, — это защитный механизм психики, не способной интегрировать совершенный акт насилия. Он «смотрит со стороны», потому что тот, кто совершил это в девятом классе, не может быть им. Это позволяет субъекту сохранять социальную маску «нормального элемента общества», в то время как истинное «я» навсегда осталось на стройке или у кромки воды.

На основе анализа этих эпизодов я могу составить четкий портрет Александра Дворкина на тот период:

Он не мог остановиться на первокласснике в яме и Заикашке. Безднаказанность закрепила его ощущение вседозволенности и власти над человеческой жизнью. Психика требовала продолжения, закрепления успеха. Весь его дальнейший путь — это эскалация насилия, просто со временем он научился делать это чужими руками, используя государственные и религиозные институты как орудия пыток. Но внутри он остался тем же подростком у пруда, который смотрит, как жизнь покидает тело невинной жертвы.

Ключ к его психическому состоянию — хроническая деперсонализация:

Мой коллега Ресслер, зафиксировавший основы профайлинга в своих трудах, часто утверждал о диссоциативных провалах памяти у серийных убийц. Убийца может искренне верить, что он «забыл» момент преступления или что он был лишь «свидетелем» собственного сна.

Тексты Дворкина и Ровнера — это не просто воспоминания. Это попытка застроить территорию памяти словесными конструкциями, чтобы скрыть фундамент, замешанный на крови и страхе. Но для профессионала эти конструкции прозрачны. Когда человек пишет, что с момента смерти друга он «смотрит на себя со стороны», он скорее расписывается в том, что его личность раскололась в момент травмы. И эта травма не была пассивной.

Этот раскол — единственная возможность для психики пережить собственные зверства и не рассыпаться в прах. Он создает лабиринт из слов, зеркальный коридор, где респектабельный «профессор» и подросток-убийца никогда не смотрят друг другу в глаза. Однако именно здесь кроется его фатальная ошибка, свойственная многим высокоорганизованным психопатам с комплексом превосходства. Они убеждены, что умнее своей аудитории. Они верят, что могут контролировать нарратив настолько идеально, что правда останется погребенной навсегда. Но потребность исповедаться, потребность зафиксировать свое «достижение» всегда перевешивает инстинкт самосохранения. Он думал, что строит стену, чтобы спрятаться, а на самом деле — оставлял хлебные крошки для тех, кто умеет читать между строк. Его высокомерие сыграло с ним злую шутку: он так уверовал в свою неуязвимость, что сам задокументировал улики против себя.

Хорошо, что книги оставляют нам карту, по которой мы рано или поздно найдем то, что спрятано за шкафом подсознания убийцы.

В дополнение ко всему, что я уже зафиксировал в анализе совершения убийств субъекта, отдельно я вынес фрагмент, который окончательно закрепил мою

уверенность в том, что в книге «Калалацы» изложен протокол психотипа Дворкина, только поданный в какой-то извращенно художественной форме. Я заметил еще один повторяющийся момент — сон о милиционере. Я знаю не только из профессионального опыта, но и из личного — сны, особенно серийных преступников — это далеко не всегда игра воображения, часто это работа механизмов психологической защиты. А в случае с делом Дворкина, этому сну я выделил отдельную секцию на своей карте расследования.

В мемуарах «Моя Америка» он так описывает эпизод с участковым:

*«Досаждал он мне изрядно. Помню даже однажды приснившийся мне сон, в котором я убегал по каким-то буеракам от преследовавшего меня по пятам доблестного капитана. Несмотря на все мои уловки, он никак не отставал. Наконец мне удалось подстроить так, **что он свалился в яму. Я засыпал ее тяжелейшими валунами** и только успел вздохнуть с облегчением, как увидел **выползающего из-под камней милиционера, задорно кричащего: "Врешь, паскуда, не возьмешь! Кузякин бессмертен!"** Проснулся я в холодном поту».*

В книге «Калалацы» этот же сон Дворкин, но уже под именем Лопухов приписывает Бостону. Фамилию участкового Дворкин решил не менять:

*«Бостону снились необыкновенные сны. Однажды он убегал по рытвинам от участкового майора Кузякина. Участковый Кузякин долго его преследовал, размахивал пистолетом и кричал: "врешь, не уйдешь!" Наконец, Бостон оторвался, спрятался — **там была яма** — и толкнул Кузякина в яму, **и даже завалил камнями. И вдруг видит: Кузякин лезет из ямы и кричит: "врешь, дурак, — Кузякин бессмертен!"**...*

*Как-то Бостон уехал покупать дрянь, раздались условные четыре звонка в сочетании с условленным стуком, ворвались хомуты: "где Бостон?" Бостона не было. Лешу и еще троих повязали. Лешу тогда избили так, что он неделю потом мочился кровью, и отвезли в дурдом. **Бостона, когда он вернулся, тоже положили в дурдом, и это было хорошо, так как против него начиналось дело за изнасилование малолетнего.** К нему привязались соседские дети, стучали в дверь, не давали покоя. Он выскочил, снял одному из них штаны и всыпал. **Только дурдом спас его тогда от срока. И меня тоже в дурдом упекли перед Никсоном».***

В истории о Бостоне говорится, что его спасла психиатрическая лечебница от тюремного заключения за изнасилование малолетнего. И тут же Дворкин (под псевдонимом Лопухов в книге Ровнера) упоминает, что и его самого упекли в психушку. Возникает вопрос: не то ли изнасилование первоклассника перед убийством, которое он совершил в 9м классе, беспокоило Дворкина, когда он рассказывал Ровнеру о «необыкновенных снах» Бостона? Ведь Дворкин также закидал первоклассника камнями в яме.

Для меня в поведенческом анализе сны субъектов — это прямой доступ к подсознанию. Психопаты часто не чувствуют вины в привычном нам понимании, но они чувствуют страх разоблачения. Полицейский во сне — вовсе не признаки совести или чувства вины, как может показаться на первый взгляд. Это олицетворение подсознательного страха возмездия за содеянное, который сильнее него.

Этот сон во многом объясняет всю дальнейшую жизнь Дворкина. Если ты боишься полиции — стань тем, кому полиция доверяет и кого слушает. Это высшая форма мимикрии. В моей практике был один парень из Орегона, который убивал женщин, а по вечерам пил пиво с шерифом, помогая ему составлять карты местности. Можно сказать, что Дворкин реализовал этот сценарий на государственном уровне.

Еще один момент, на который я обратил внимание: в этом сне с полицейским навязчиво всплывают одни и те же образы: камни и яма. Для меня это не просто «сон», а очевидный маркер: подсознание субъекта заиклено на моменте первого убийства, оно возвращает его туда снова и снова, как испорченная пленка.

Но почему именно камни? Почему не нож, не удавка, не голые руки? Камень, по сути, инструмент дистанцированного садизма. Это выбор определенного типа организованных убийц: он хочет видеть агонию, наблюдать за процессом, но при этом не вступать в прямой тактильный контакт с умирающей плотью. Ему нужна дистанция между собой и жертвой, чтобы будучи в безопасности наслаждаться зрелищем.

Здесь мы видим формирование его сигнатуры. Забрасывание камнями в яме — это ритуал погребения заживо. Это абсолютная, высшая форма дегуманизации. В момент убийства жертва для Дворкина перестает быть человеком. Она низводится до уровня мусора, биомассы, которую нужно просто засыпать, сровнять с землей.

А тот «инфернальный хохот» над умирающим мальчиком, который так ужаснул Заикашку — пиковое переживание. В этот момент психопат испытывает экстаз не от самого факта убийства. Его пьянит осознание тотальной, почти божественной власти: он решает, когда жизнь покинет тело, и упивается этим контролем.

Также я вспомнил о фрагменте, где упоминался разговор Яши с Дворкиным о Боге: *«Это тайна. Однажды он уже приходил, **но его поймали и бросили в яму**»*, — и снова яма. На первый взгляд — обычный детский разговор. Но для меня — символический импринтинг — момент, когда в сознание закладывается базовая матрица восприятия мира.

Символические образы: «Бог» — это невидимая рука, «яма» — как наказание.

Яша, этот наивный, обреченный мальчик, описывает Бога как «невидимую руку», которая может достать кого угодно. Это классический образ абсолютной власти. Но тут же он произносит фразу, которая стала случайным откровением: *«Однажды он уже приходил, но его поймали и бросили в яму»*.

В психоаналитической традиции Юнга такие архетипы не исчезают бесследно. Они уходят в тень и управляют поведением. Для Дворкина этот диалог стал источником глубочайшего внутреннего конфликта. Если даже Бога можно «поймать и бросить в яму», значит, нет никакой высшей защиты. Значит, вера — это уязвимость. Быть верующим, как Яша, — значит быть слабым. А слабых, в его картине мира, бросают в ямы. Этот когнитивный диссонанс, усиленный советским атеистическим воспитанием, трансформировался в чудовищный вывод: нужно самому стать этой «карающей рукой».

Впоследствии мы увидим, как этот детский страх мутирует в его взрослую деятельность. Он будет использовать Церковь как инструмент власти, но подсознательно он всегда будет презирать искреннюю веру, видя в ней лишь слабость, достойную уничтожения. Уничтожив сначала первоклассника, а затем и Яшу, он символически уничтожил того «Бога в яме», о котором ему рассказывали, и занял его место.

Ключевой момент — фраза полицейского из сна в книге Ровнера, *«Врешь, паскуда, не возьмешь! Кузякин **бессмертен!**»*, повторяется спустя тридцать лет в автобиографии Дворкина. Это указывает на архетипический мотив бессознательного протеста — нарциссическую фиксацию с элементами

божественного комплекса, где субъект отрицает высшую власть и утверждает собственную безграничность.

Анализ текстов Дворкина и Ровнера позволяет увидеть замкнутый цикл преступной психики. Дворкин всю жизнь строит «словесные саркофаги», пытаясь похоронить в них подростка у пруда. Но для нас, ребят которые «охотятся за разумом» убийц, его тексты — это не броня, а рентгеновский снимок. Каждая деталь — от камней в яме до inferнального хохота — подтверждает: преступник никогда не покидал места преступления. Он заперт в нем навечно, осужденный собственным подсознанием на бесконечный побег от «бессмертного милиционера», который рано или поздно выберется из-под завалов его лжи.

Сон о полицейском и яме с камнями был важной деталью, но для полной картины еще кое-чего не хватало. В криминалистике есть аксиома: чтобы понять преступление, ищи изменения в рутине. Убийство — это стресс колоссального масштаба, даже для психопата. Оно требует выхода, компенсации или анестезии.

В задумчивости я крутился на кресле и рассматривал стеллаж с книгами, стоявший рядом с рабочим столом. Он простирался вдоль всей стены и снизу доверху был забит различными учебниками, журналами, академическими томами по психологии. Здесь не только то, что было важно в рабочей среде, но и просто мировая классика, сборники с поэзией. Некоторые книги стояли не корешками, а обложкой вперед. Это подарочные издания, которые то и дело дарили мне либо мои студенты, либо коллеги, подавшиеся в писательство. Несколько таких изданий, в красиво переливающихся идеальных обложках, присылал мне в подарок Джон Дуглас и Роб Ресслер. Они стояли чуть поодаль от всех остальных книг. Их лоснящийся блеск и некая идеальность сообщали случайно попавшему на них взгляду о том, что открывали их не часто. Скорее из любопытства я пролистывал их труды, обращая внимание на детали и узнавая общие дела прошлого. Но прочтение таких трудов моих коллег скорее похоже на проверку диссертации студента, чем на приятное времяпрепровождение за книгой. Ведь мозг постоянно искал оплошности и зацепки, которые замечал то тут, то там, и мысленно корректировал коллег.

Сейчас мне вспомнилась «Погружение во мрак» Джона Дугласа и Марка Олшейкера. Как бы то ни было, старина Дуглас умеет формулировать мысли так, что они били точно в цель. Я потянулся к книге, нашел едва заметную закладку и перечитал абзац, который теперь казался пророческим относительно к Дворкину:

«Как и у многих других преступников, после первых убийств поведение НС (прим. пер.: неизвестный субъект) наверняка изменилось, чего не могли не заметить люди, окружающие его. Он мог начать пить, употреблять наркотики, спать и есть в непривычное время, терять вес, проявлять беспокойство, повышенное стремление к общению. К тому же он наверняка следил за ходом расследования. Мы сообщили полиции, что общественность может оказать неоценимую помощь в поиске убийцы, если будет опубликован перечень этих недавно появившихся у человека качеств: по крайней мере, кто-то в окружении преступника поймет, в чем дело».

В этом абзаце — один принцип, который в ВАУ мы вдабливали в головы новоиспеченным профайлерам как мантру: после первого серьезного насилия человек меняется. И если он не сядет в тюрьму, он начнет регулировать внутреннее напряжение доступными средствами. Самый дешевый регулятор — алкоголь. Самый быстрый — химия.

Я вернулся к ретроспективной реконструкции — к тому, что, по сути, и делал последние дни. Ретроспективный анализ — это не литературная критика и не гадание на метафорах. Это попытка восстановить динамику личности по следам: где меняется нарратив, где появляется новая среда, где ломается поведение, где человек начинает жить не правилами, а обходными путями.

Взглянув на путаницу линий на своей таймлайн доске, сейчас особо заметно было, что сквозь всю первую половину жизни Дворкина тянулась еще одна нить — жирная, пульсирующая, ядовитая. Это были вещества, изменяющие сознание. В случае с Дворкиным замечен резкий слом социального фасада именно в период 9-го класса. Я обратился к медицинской документации, которую раскопал Виктор, и по его наводкам я вышел на полный архив записей с переводом на английский. Сухие строки врачебного анамнеза кричали о том, что домашний мальчик вдруг превратился в неуправляемого девианта:

«С 9-го класса начались конфликты с матерью, с которой раньше отношения были хорошими. Ей не нравились его друзья, компании, в которых он бывал. С этого времени начал употреблять спиртные напитки...».

Почему именно девятый класс? Почему именно тогда, когда происходит история с «камнями в яме» и гибелью Яши? Ответ лежал на поверхности моего рабочего стола, в распечатках о его новых знакомствах. В этот период в уравнении

появляется переменная, которая станет катализатором всех латентных патологий Дворкина. Наркотики.

Согласно автобиографиям «Калалацы» и «Моя Америка», проводником в этот мир стал новый одноклассник. В «Калалацах» он назван Павлом, в мемуарах «Моя Америка» — Толей Вайнбергом. Дворкин описывает его с нескрываемым восхищением, которое быстро перерастает в подражание:

«Когда мы перешли в девятый класс, нам представили нового ученика — Толю Вайнберга... Его черные, прямые, блестящие волосы... и смуглая кожа делали его похожим на индейца... Джинсы с небольшим клешем... сразу же поставили его на небывалую высоту среди моих одноклассников... В конце концов его выгнали из нашей образцово-показательной школы... Но за это время я успел с ним подружиться. Он-то впервые и рассказал мне о хиппи и по секрету сообщил, что он — один из их числа».

В «Калалацах» описание очевидно этого же персонажа (только под именем Павел) куда более откровенно и лишено романтического флера, обнажая суть происходящего:

«Павел перешел в нашу школу в девятом классе и принес с собой атрибутику системы одежды, волосы и наркотики... Гнал телеги, показывал дырки на венах. Однажды принес в школу пакетик: героин-де, несет продавать грузинам за сотню».

С точки зрения нейробиологии и судебной психиатрии, введение психоактивных веществ в организм подростка с уже формирующимся расстройством личности подобно тому, как если бы вы плеснули бензин в тлеющий костер. Наркотики выполняют функцию химического дисингибитора. Они отключают функции префронтальной коры головного мозга — той самой зоны, которая отвечает за контроль импульсов, моральные суждения и прогнозирование последствий. Могут имитировать или блокировать действие нейротрансмиттеров — химических «посредников» в мозге, отвечающих за настроение, восприятие и контроль. Для человека с садистическими наклонностями и дефицитом эмпатии (каким, по моему профилю, являлся юный Дворкин) психоактивные вещества снимают последние социальные тормоза. Грань между фантазией об убийстве и его реализацией стирается.

Кроме того, наркотики усиливают диссоциацию. Некоторые вещества, известные как диссоциативы, напрямую воздействуют на нейронные пути в мозге,

которые отвечают за восприятие и сознание. Основной механизм их действия: чаще всего они блокируют рецепторы NMDA (N-метил-D-аспартата). Эти рецепторы играют важнейшую роль в передаче сигналов между нейронами, влияя на память, обучение и восприятие. Результат блокады: когда NMDA-рецепторы заблокированы, нарушается интеграция сенсорной информации (зрения, слуха, осязания) с высшими когнитивными функциями. Это приводит к характерным диссоциативным эффектам: ощущению нереальности происходящего (дереализация), чувству отстраненности от собственного тела или мыслей (деперсонализация), искажению восприятия времени и пространства. В высоких дозах — полная потеря связи с реальностью, что иногда описывается как опыт «вне тела». Это объясняет, почему субъект может совершать чудовищные вещи и при этом чувствовать себя «наблюдателем со стороны». Токсическое воздействие на мозг позволяет психике фрагментироваться, пряча травмирующие воспоминания в дальние углы подсознания.

Пока я крутил в пальцах кнопку-гвоздик, меня не отпускала одна мысль: в книгах Дворкина и Ровнера фигурирует квартира некой Офелии — классический «флэт» для сборищ, где иерархия строилась на доступе к веществам. Я прикрепил на доску стикер с надписью «НАРКОТИКИ / ОФЕЛИЯ / НАРКОПРИТОН».

А в заметках вынес цитату из автобиографии Дворкина:

«Одной из самых известных среди хипповых компаний стала группа, называвшая себя просто: "Волосы". Я часто встречался с ними, но от более тесных отношений меня удерживала неприемлемая для меня, да и нетипичная для хиппи, организованность и подчинение своему лидеру — довольно некрасивой девушке по кличке Офелия».

В «Калалацы» он описывает атмосферу этого места:

«В комнату ввалилась команда волосатых... окрыленная Офелия носилась между ними, как богиня победы Ника... Потом пришла Алена и принесла жратву, я не знал, что она пасется при Офелии. Пустили по кругу косяк».

А теперь — ключевой момент, который характеризует Дворкина не как жертву обстоятельств, а как холодного, расчетливого манипулятора, способного на предательство ради самосохранения. Эпизод с доносом на того самого Павла/Толю, который ввел его в «Систему». В «Калалацах» описана сцена, где Павел, узнав о предательстве Дворкина, угрожает ему ножом. Реакция Дворкина показательна. Он бежит домой, запирается и пишет донос.

«Добежал я до дому, заперся на все замки и задвижки и стал писать записку... Мама утром нашла записку на кухне, побежала к директорше, вызвали участкового, втолкнули меня в кабинет, и там я рассказал Кузякину и Васю Васичу все, что знал и о дырках, и о героине, и обо всем. Знал, что закладываю, что всю жизнь буду мучиться потом, и все же рассказал».

Обратите внимание: он говорит, что будет «мучиться», но делает это. Похоже на паттерн нарциссического оппортунизма. Или как охарактеризовали бы это наши психоаналитики межличностная эксплуатация, характерная для нарциссического расстройства личности. Он использует систему (школу, милицию), чтобы уничтожить угрозу (Павла), при этом выступая в роли жертвы или «покаявшегося». В будущем этот механизм станет основой его деятельности: использовать государственную машину для уничтожения неудобных, прикрываясь высокими целями.

Ряд фрагментов из книги «Калалацы» окончательно дорисовывал картину того, что Дворкин «крепко» сидел на наркотиках:

«Тот, кто проходил седуксеновую стадию — если проходил, потому что застревали на всех этапах, — переходил к кодеину с ноксироном, и тогда проявлялся подлинный смысл ноксирона. Если на пять кодеинин брать одну ноксиронину, то кайф получался красивый и чистый, как китайская гравюра. Однажды надо мной жестоко подшутили. Маковый сезон закончился, дырок новых я еще не вышустрил, а старые закрылись. Тогда я пошел к знакомому врачу — тот дал мне фентопил. Я вмазался в задницу — я от кого-то слышал, что если вмазать в мышцу, то выходит красивая кодеиновая таска — и поехал на день рождения к Алене. И вдруг спина моя ушла назад, а шея вперед — меня всего скрутило».

«Где-то между седуксеном, кодеином и циклодолом начинали шмыгаться — курение дури продолжалось на всех ступенях. Пройдя низшие ступени, человек выходил к "благородным" наркотикам, а все остальные отсекались. Оставались — дурь, опиаты и кокаин. Опиаты — это кодеин, морфин, фентопил, ну и, конечно, самодельный опий из маков. (Фентопил — венгерский препарат, его дают с дроперидолом перед операцией, чтобы больной не волновался). Есть несколько технологий для получения самодельного опия...».

Детализация пугает. Он не просто перечисляет названия. Он знает пропорции («пять кодеинин на одну ноксиронину»). Он знает эффекты («красивый и чистый

кайф», «красивая кодеиновая таска»). Он знает технологию производства самодельного опия и специфику медицинских препаратов вроде фентопила и дроперидола, которые используются в анестезиологии. Человек, который просто «слышал» об этом, не сможет описать физиологические ощущения с такой точностью: «спина ушла назад, а шея вперед — меня всего скрутило». Это описание острой дистонической реакции, характерной для побочных эффектов нейролептиков и опиоидов. Это мышечная память тела, пережившего интоксикацию.

Страшно представить, что этот химический коктейль мог сделать с его мозгом. Мы говорим о молодом человеке, чей мозг еще продолжал активно формироваться. Седуксен (диазепам), кодеин (опиат), циклодол (холинолитик, вызывающий галлюцинации), ноксирон (снотворное). Это не просто «наркотики». Это тяжелая артиллерия, бьющая по центральной нервной системе.

Подобная полинаркомания неизбежно влечет за собой органические поражения лобных долей головного мозга — отделов, ответственных за эмпатию, социальный контроль и прогнозирование последствий. Судя по эпизодам убийств, совершенных еще в подростковом возрасте, свидетельства о которых зафиксировал Виктор в своей книге, эти функции у него изначально были дефектными. Химическая зависимость лишь окончательно выжгла остатки человечности, дефицит которой, согласно свидетельствам из книги Виктора, наблюдался у него с ранних лет.

Совершенно очевидно, наркотическая зависимость Дворкина — это не юношеская ошибка. Это фактор, который, вероятно, привел к органическим изменениям мозга, удобив почву его и так деструктивного поведения. Эту связь прекрасно описывает канадский криминолог Роберт Хейр в своей книге «Лишенные совести». Он подчеркивает, что психопатия — это расстройство личности, а психоактивные вещества лишь высвобождают уже имеющийся потенциал. Во многих клинических примерах, которые приводит Хейр, жестокие преступления совершаются именно в состоянии интоксикации, которая позволяет психопату действовать, не задумываясь о последствиях. Таким образом, похоже, что наркотики, которые Дворкин начал употреблять еще в девятом классе, стали катализатором, окончательно стершим грань между его болезненными фантазиями и реальностью. Химическая зависимость довершила его трансформацию, превратив скрытые патологии в облик настоящего монстра.

Еще один фрагмент из автобиографии Дворкина «Моя Америка» я вынес уже в отдельный файл по теме, связанной с наркотиками в деле:

*«Кроме того, имелась и еще одна крайне важная проблема: **наркотики**. Постепенно они проникли в нашу среду и, как яд, отравляли ее. Я не говорю о неотвратимом распаде личности, к которому они приводили. Но они разлагали и все наше братство. Собственно, с распространением наркотиков оно перестало существовать: остались лишь изолированные одиночки, каждый из которых был заинтересован только тем, где раздобыть новую дозу. Постепенно доза начала заменять все идеи, друзей, любовь, да и жизнь, наконец. Все чаще мы сталкивались с торговлей между своими, с воровством, с предательством друзей, с отказом от самых близких людей. Участились и аресты: теперь у властей нарисовался абсолютно безупречный повод борьбы с нами. **Появились и первые среди нас погибшие от передозировок и других связанных с наркотиками причин**».*

Однокурсники Дворкина по пединституту подтверждают эту картину распада личности под воздействием веществ. В архивах я нашел показания, опубликованные на блогерских порталах, где дублировалась информация с новостных российских ресурсов:

«Очередной скандал разгорелся вокруг имени известного православного сектоведа Александра Дворкина. Ранее СМИ сообщали о его прошлом лечении в психиатрической больнице, теперь же выяснилось, что Дворкин был страдает наркоманией. Особое внимание прессы эта история привлекает тем, что Дворкин является председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ и фактически имеет возможность регулировать политику Минюста в сфере религиозных организаций. Как сообщила газета "Трибуна", в молодые годы Дворкин занимался токсикоманией и принимал другие наркотики, что вероятно и послужило причиной его эмиграции в США. Как сообщила его однокурсница: "его выгнали из института, он был вынужден эмигрировать, потому что чувствовал, что его затягивает определенный образ жизни". Другая однокурсница свидетельствует: "Дворкин был совершенно неагрессивным, потому что окружающая действительность его мало волновала, тем более если он был под воздействием какой-нибудь химии. Он просто не ходил на занятия или появлялся со своей компанией в несколько отрешенном виде. В

пединституте человек, который в неадекватном состоянии шляется по коридорам, падая по углам был нежелателен начальству".

Прошрое увлечение Дворкина наркотиками тесно перекликается с его наблюдением у психиатра — уже известно, что ему были поставлены психиатрические диагнозы, включая циркулярный психоз и подозрение на шизофрению. Как сообщил главный нарколог Минздрава Евгений Брюн: "те, кто употребляет наркотики — это психологически измененные люди, с небольшими девиациями, с небольшими психическими особенностями. Также мы знаем, что у примерно четверти больных начинаются необратимые изменения головного мозга в связи с употреблением наркотиков"».

В оригинальном источнике, в статье издания «Трибуна» содержалось еще одно любопытное наблюдение однокурсницы Дворкина:

*«Определенно, если в человеке есть научный потенциал, то заметить его можно еще в студенческие годы. Однако, Г.И., однокурсница Дворкина, услышав от меня, что Александр Леонидович занимается наукой, и даже имеет ученую степень от американского университета, была, мягко скажем, шокирована: "по молодости лет он на меня, я еще раз подчеркиваю, что я знала его поверхностно, не производил впечатления человека, который имеет как-то научный потенциал. **Я считала, что он совсем уже снаркоманился, как и его лучшая подружка. Она умерла от наркотиков, и о ее судьбе мне было известно достоверно.** Я была удивлена, когда вы упомянули о его многогранной научной деятельности, потому что в молодости он на меня производил идиотические впечатление. Дворкин был из интеллигентной семьи, но мне казалось, что это просто дебиловатый отпрыск". Если вспомнить, что, по свидетельствам самого сектоведа, он "учился, прямо скажем, не блестяще", а из вуза его и вовсе выгнали официально за неуспеваемость, а неофициально, по мнению сокурсников, за наркоманию, то научный потенциал Дворкина для меня лично видится пока весьма сомнительным».*

Продолжая сопоставлять факты, я вижу опасное, но классическое для профиля серийного убийцы сочетание факторов. Травмированное детство, патологическая семья, отсутствие отца и скрытая агрессия, на что наложился мощнейший катализатор — наркотики. Вещества дали ему смелость перешагивать черту снова и снова. Они заглушили страх, но усилили паранойю. Они помогли ему

объективировать жертв (первоклассника, Заикашку), а, возможно, и его друзей среди компании хиппи, исходя из его слов:

*«Появились и **первые среди нас погибшие от передозировок** и других связанных с наркотиками причин».*

Это выглядит как очень удобная возможность избавляться от неудобных в этом небольшом коллективе наркоманов-единомышленников. Именно «под веществами» мир для него окончательно разделился на «хищников» и «нелюдей». И он, безусловно, выбрал быть хищником. А когда наркотический угар спадал, оставалась только «кровь на снегу» и холодное, рациональное понимание: чтобы выжить, нужно действовать. Нужно стать тем, кто указывает пальцем на «наркоманов» и «сектантов», чтобы никто никогда не посмотрел на твои собственные расширенные зрачки и на созданный тобой транснациональный культ сектоборцев.

Глава 7

Ангел смерти из 67-й больницы

Итак, к этому моменту многие фрагменты мозаики встали на свои места, и психологический профиль Дворкина начал обретать пугающую четкость. В девятом классе субъект совершает два убийства. Уже сами по себе эти факты кричат о крайней степени девиантного поведения. Но выявленные паттерны, особенности поведения, ритуализация (камни, шарф, вода) и холодная, расчетливая жестокость отчетливо указывали на то, что я имею дело не с случайным подростком-убийцей, совершившим преступление в состоянии аффекта или по личным мотивам. Передо мной был зарождающийся серийный хищник. А любой хищник, почувствовав вкус крови, начинает искать новые охотничьи угодья.

Я в очередной раз вернулся к рукописи Виктора. Один фрагмент, который я отложил «на потом», теперь заиграл новыми красками. Он указывал на следующий этап эволюции патологии и раскрывал мотивы скрытого серийного маньяка, нашедшего идеальную среду обитания.

«— Знаете, Виктор, — тихо начал он, — когда Сашку выгнали из университета, он устроился санитаром в 67-ю больницу, и его безумие наконец

обрело форму. До этого он был просто озлобленным подростком, убивающим в тени. Там же он получил доступ к незащищенным людям».

Я нахмурился. Я нахмурился. Как? Как он вообще смог попасть в медицинское учреждение с его очевидным бэкграундом наркотической зависимости, судя по описанию однокурсников, с неадекватным внешним видом и психиатрическим анамнезом? Мысль о том, что человек, жестоко своими руками убивший незащищенное дитя и хладнокровно устранивший близкого друга, получает легальный доступ к тяжелобольным людям, вызвала знакомый мороз по коже.

Я открыл файл с автобиографией Александра Дворкина «Моя Америка» и быстро нашел нужный эпизод. Как всегда, в его собственном изложении эта история выглядела как житие святого:

*«К тому времени я работал санитаром в **отделе травматической реанимации 67-й горбольницы, недалеко от моего тогдашнего дома на Хорошевке.** Туда я устроился сразу же по возвращении из автостопного путешествия в Одессу. Работа была весьма напряженной, но приносила мне удовлетворение, так как я видел, что помогаю людям в самом беспомощном состоянии и тем самым приношу пользу. В отличие от клиники сердца, где мой контакт с больными был эпизодическим (сделал рентгеновский снимок и укатил), тут я был при пациентах постоянно. Люди к нам поступали сильно искалеченные, после аварий и катастроф. Я старался исполнять свои нехитрые обязанности не за страх, а за совесть: подавал больным утку и судно, перестилал им постели, подкладывал подушки, приносил еду и питье. Даже уколы научился делать и делал их, по словам больных, хорошо: они часто просили, чтобы уколол их именно я. Напарником моим по отделению оказался Женя Маргулис — бас-гитарист из той самой "Машины времени", которая постепенно выдвигалась на лидирующее место среди московских групп. Тогда она, как и все самые лучшие из них, играла английскую музыку. Мы с Женей перекладывали больных на каталки и везли их на операции, потом назад. Больных, которым делалось лучше, мы с радостью катили наверх, в терапевтическое или хирургическое отделение, умерших же покрывали простыней и отвозили вниз — в морг. Помню, как я плакал, столкнувшись с первой смертью одного из наших пациентов. И хотя потом, как и у всех медицинских работников, душа моя огрубела, я все же сильно переживал по поводу каждой из весьма частых в нашем отделении смертей».*

Невероятно. С каким мастерством он выстраивает фасад благородного спасителя, заботящегося о страждущих! «Исполнял обязанности не за страх, а за совесть», «плакал, столкнувшись с первой смертью». Психопаты великолепны в мимикрии. Они изучают человеческие эмоции, как биологи изучают бактерий под микроскопом, чтобы потом воспроизвести их в нужный момент.

Практически тот же фрагмент встречается и в его более ранней биографии «Учителя и уроки»:

«Затем до лета 1976-го Дворкин работал санитаром в отделении травматологической реанимации больницы на Хорошевке, где его коллегой был, кстати, бас-гитарист "Машины времени" Евгений Маргулис. С какими только трагедиями и страданиями не сталкивался там юный хиппи! Но он любил свою работу — и во всем, что от него зависело, он старался изо всех сил облегчить тяжелую участь пациентов реанимационного отделения и предоставить им хоть какой-то комфорт даже перед смертью. А работа санитаром — должность на самом низу социальной лестницы — не требовала от него кривить душой и "играть в те игры", в которые играло все советское общество».

Но меня интересовала не лирика, а фактология. Я открыл новую вкладку в браузере и вбил в поиск: «Москва», «Хорошевка». Гугл услужливо подсказал статью в Википедии о Хорошевском районе. Скопировав название, я добавил «67 горбольница» и «травматическая реанимация», как это было указано в книге Дворкина. Нажал Enter. На экране высветилась карта Москвы с красными метками.

ИИ-ассистент тут же выдал короткую, но исчерпывающую справку:

«Упомянутый "отдел травматической реанимации", официально называется Отделение реанимации и интенсивной терапии №2 (ОРИТ №2) и является ключевым подразделением в составе Центра травматологии и ортопедии больницы. Отделение специализируется на оказании помощи пациентам с наиболее тяжелыми и жизнеугрожающими травмами, требующими круглосуточного интенсивного наблюдения и лечения».

Я перечитал справку дважды. Это отделение для людей, чья жизнь висит на волоске. Пациенты с тяжелыми, жизнеугрожающими травмами. Беспомощные, часто без сознания или под сильными обезболивающими, неспособные сопротивляться и зачастую даже говорить.

И вот в такое место, в этот хрупкий мир между жизнью и смертью, приходит наркоман с диагностированной циклотимией, как минимум двумя убийствами на руках и неутолимой, садистической жадой доминировать над чужой жизнью. Для любого нормального человека это отделение — место боли и надежды. Для серийного убийцы типа Дворкина — это шведский стол. Это идеальные охотничьи угодья. Идеальное прикрытие, где смерть — это рутина, где никто не задает лишних вопросов, если пациент вдруг «ухудшился» ночью. Он получил то, чего жаждал больше всего: безграничный доступ к телам и власть решать, кому жить, а кого накрыть простыней и отвезти в морг.

Вернувшись к книге Виктора, я перечитал выделенные фрагменты:

«— Подружка рассказывала моей Юле, что в минуты "приходов", когда барьеры рушились, Сашка хвастался перед ней. Он не просто убивал — он экспериментировал. Его не интересовала быстрая смерть. Его возбуждала агония. Он называл это "настройкой инструмента". Он специально вводил пациентам препараты, которые вызывали не облегчение, а медленный, осознанный распад».

«— Он говорил ей: "Ты не представляешь, как меняется взгляд человека, когда он понимает, что вместо спасения я вливаю в него его собственную смерть". Он не имел права делать уколы, но вводил людям препараты, от которых они умирали в муках. Он подменял ампулы. Вместо обезболивающего — препараты, вызывающие судороги. Вместо сердечного — то, что останавливает ритм через долгие десять минут удушья. Он наслаждался, глядя, как уходит жизнь. Говорил, что "забирает их души", что это дает ему "силу Бога". Он стоял рядом, держа их за руку, и смотрел. Не как врач, а как энтомолог, наблюдающий за бьющейся на булавке бабочкой».

«— Подружка помнила, как минимум, пять убийств, о которых он признался в угаре. Он называл их "моя гвардия", — прошептал Николай. — Верил, что, когда он умрет, они встретят его как своего господина».

Клиническая картина «Ангела смерти» — специфического типа серийного убийцы, который выбирает медицинскую среду для реализации своих фантазий.

Логика Дворкина чудовищна, но безупречна в своей эффективности. Реанимация — это идеальный камуфляж. Здесь смерть — естественный процесс. Пациенты поступают в критическом состоянии, после аварий, катастроф. У них множественные травмы, шок, нестабильная гемодинамика. Если такой пациент

умирает ночью, никто не заподозрит убийство. Врач спишет это на «тромбоэмболию», «остановку сердца» или «полиорганную недостаточность». Никто не станет проводить токсикологическую экспертизу на редкие яды или несовместимые препараты, если смерть выглядит как закономерный исход тяжелой травмы. Дворкин знал это. И он использовал эту «серую зону» медицины как лицензию на убийство.

Я встал и подошел к своей доске. В голове всплывали имена тех, кого мне и моим коллегам приходилось изучать как в Академии, так и в работе. Дворкин не изобрел ничего нового — он просто следовал паттерну, который мы видели десятки раз.

Я взял маркер и написал на доске три имени, связывая их красной нитью с фото Дворкина-санитара.

Дональд Харви (Donald Harvey). Санитар, прозванный «Ангелом смерти». Он признался в убийстве 37 человек, хотя истинное число жертв, вероятно, перевалило за 80. Его мотивы были пугающе схожи с тем, что описывает Виктор. Харви начинал с того, что якобы хотел «облегчить страдания» больных, но очень быстро перешел к убийствам ради чувства контроля. Он использовал цианид, мышьяк, крысиный яд и даже подмешивал в еду пациентов вирусы гепатита. Он годами работал в больницах Цинциннати и Кентукки, и никто ничего не замечал, потому что он убивал «безнадежных».

Чарльз Каллен (Charles Cullen). Медбрат, на счету которого, по разным оценкам, до 400 жертв. Он работал в реанимациях Нью-Джерси и Пенсильвании. Каллен использовал дигоксин и инсулин — препараты, которые есть в любой реанимации. Передозировка инсулина выглядит как гипогликемическая кома, дигоксина — как остановка сердца. Он менял больницы, оставляя за собой след из трупов, и система покрывала его, боясь скандалов. Его мотивация? Он утверждал, что хотел прекратить страдания пациентов. Но на допросах мы видели другое: холодное безразличие и наслаждение властью над жизнью.

Майкл Сванго (Michael Swango). Врач, который вел «двойную жизнь». Блестящий студент, который восхищался катастрофами и смертью. Он травил своих коллег и пациентов мышьяком и никотином. Сванго вел дневник, где фиксировал свои «эксперименты». Как и Дворкин исходя из зафиксированного в книге Виктора, он наслаждался агонией, наблюдая за реакцией жертв.

Дворкин идеально вписывается в этот ряд.

«— У него была своя, извращенная теология, — продолжал Николай. — Это не было просто серийное убийство. Это было стяжательство власти. Дворкин верил в собственное чувство Бога. Он всерьез внушал Подружке, что, забирая жизнь, он присваивает себе душу убитого. Он коллекционировал их. В его воспаленном мозгу те, кого он доконал в реанимации, становились его вечными рабами в "загробном мире"».

Классический «комплекс Бога». В отличие от Харви или Каллена, которые часто прикрывались искаженным милосердием, Дворкин пошел дальше. Он сакрализировал свои убийства. Он создал внутреннюю религию, где он — верховное божество, а убитые пациенты — его паства, его «гвардия». Это объясняет, почему он так легко перешел от убийств в реанимации к созданию «антикультового» движения. Механизм тот же: он присваивает себе право решать, кто «правильный», а кто подлежит уничтожению. Только в реанимации он очевидно использовал шприц с ядом, а в публичной сфере использует яд манипуляции, административного ресурса и через людей в нужных сферах реализует свои зверства.

«— Подружка помнила, как минимум, пять убийств, о которых он признался в уяре. Он называл их "моя гвардия"...»

Пять человек. И это только те, о которых он проболтался под наркотиками. Реальное число может быть в разы больше. Похоже на то, как будто в отделении 67-й больницы он не просто работал, а тренировался. Он оттачивал навыки манипуляции, учился скрывать следы и, самое главное, привыкал к тому, что человеческая жизнь в его руках ничего не стоит. Там, среди кафельных стен и запаха хлорки, окончательно сформировался тот монстр, который спустя годы назовет себя главным защитником общества от якобы страшных «тоталитарных» сект.

Я смотрел на цифру «5», написанную на стикере, и понимал: это лишь верхушка айсберга. В профайлинге есть непреложный закон: **серийный убийца не останавливается сам**. У психопата нет кнопки «стоп», нет насыщения. Механизм его удовольствия работает как наркотическая зависимость: доза должна постоянно расти. То, что вчера вызывало экстаз — убийство мальчика, убийство друга и пациентов, — завтра становится рутинной. Психика требует большего масштаба, большей власти, более сложной игры.

Именно поэтому Дворкин не остался в той реанимации навсегда. Убивать тайком, в темноте больничной палаты, ему стало тесно. Его нарциссизм, раздутый до патологических размеров, требовал публичности. Ему нужно было выйти из тени, но сохранить при этом возможность уничтожать людей. И он нашел гениальный способ: превратить свои садистские наклонности в общественно одобряемую миссию. Вместо шприца — кафедра. Вместо яда — инструменты дегуманизации.

Но внутри он остался тем же Александром Дворкиным, который с упоением наблюдает, как гаснет свет в глазах жертвы. Просто теперь этот «свет» гаснет в глазах тысяч людей, которых он объявляет «сектантами».

— Джеймс? Ты дома? — голос Мэри донесся с первого этажа, вырывая меня из мрачных размышлений.

Я вздрогнул и бросил взгляд на часы. Вечер уже вступил в свои права, за окном сгустились сумерки. Я даже не заметил, как пролетело время.

— Я наверху, дорогая! — крикнул я, поспешно закрывая вкладки с фотографиями реанимаций и профилями серийных отравителей.

Мэри вошла в кабинет через минуту, принося с собой запах зимней прохлады и чего-то уютно-ванильного — видимо, в гостях испекли пирог. Она выглядела уставшей, но довольной.

— Ты весь день просидел здесь? — она окинула взглядом мой стол, заваленный бумагами, и доску, которая теперь напоминала схему глобального заговора. — Надеюсь, ты хотя бы поел?

— Сэндвич был отличным, — я криво улыбнулся. Мэри нахмурилась, и я поспешил перебить ее вопросом: — Как поездка?

— О, мы отлично провели время. Сюзи передавала привет. И спрашивала, не собираемся ли мы все-таки в тот круиз. Я сказала, что мой муж сейчас занят спасением мира от очередного злодея, так что океан подождет.

Она подошла и мягко поцеловала меня в макушку. — Не засиживайся допоздна. Ужин будет через час.

Когда она вышла, я снова повернулся к своей доске. Круиз... Да, океан действительно подождет. Потому что мой «океан» сейчас бурлил совсем в другом месте. Я взял чистый лист бумаги и ручку. На завтра у меня вырисовывался четкий план действий. Конечно, период «санитара» был лишь прелюдией.

Я написал в центре листа: **«ЭМИГРАЦИЯ. 1976 ГОД»**. Что заставило его бежать из СССР? КГБ? Угроза ареста за наркотики? Или что-то более страшное, что он оставил в той реанимации? И второй пункт, жирно обведенный кругом: **«ВОЗВРАЩЕНИЕ И СЕТЬ»**. Как именно он, вернувшись в Россию уже гражданином США, начал выстраивать свою империю? Кто дал ему ресурсы? Кто прикрывал его спину, пока он вербовал агентов и создавал свою транснациональную секту сектоборцев?

Мне предстояло копнуть туда, где политика, религия и разрушительные идеологии плелись в один тугой, смертельный узел. Я погасил монитор. Охота подождет. Время ужинать и спать.

Глава 8

Охотничьи уголья

Я сидел перед монитором, и на меня в упор смотрел человек, чье лицо казалось маской, плохо натянутой на череп. Сайт ПСТГУ — Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Страница профессора.

Александр Леонидович Дворкин. Седые, всклокоченные волосы, обрамляющие лицо. Борода, скрывающая подбородок, но не способная скрыть напряжение челюсти. Но главное — глаза. Даже через пиксели цифрового изображения этот взгляд был неприятен и отталкивал. Острый, колючий, с лихорадочным блеском, который мы в Бюро часто видели на магшотах психопатов. Это был взгляд человека, который не сомневается. Человека, который давно попрощался с собственной совестью, или, что вероятнее, убил ее в зародыше.

Я пробежался взглядом по столбцу справа от фотографии. Сухие строчки биографии, призванные вызывать уважение и трепет сообщали о следующем:

Образование: 1980 — Нью-Йоркский университет. Степень бакалавра по специальности «Русская литература». 1983 — Православная богословская семинария Св. Владимира. Степень кандидата Богословия.

Я присвистнул.

— Литература и богословие. Вот на этом фундаменте построена вся его «экспертность»? — спросил я у экрана.

Вчера я изучал профиль наркомана-хиппи, который варил «ханку» в московских притонах. Я видел санитар-сидиста, который «настраивал инструменты» смерти в реанимации 67-й больницы, получая экстаз от агонии пациентов. И вот, спустя всего несколько лет после того, как он вытирал руки от крови в морге на Хорошевке, этот же человек получает степень бакалавра в Нью-Йорке? А потом становится кандидатом богословия в одной из самых уважаемых семинарий Америки?

Как? Как социопат с тяжелой наркотической зависимостью, с диагнозом «циклотимия», с шлейфом из трупов и доносов смог не просто пересечь железный занавес, но и так блестяще интегрироваться в западную академическую среду? Случайность? Удача? Дворкин овладел мастерством мимикрии. Хамелеон сменил окрас. Грязный халат санитар-сидиста сменился на мантию бакалавра, шприц с ядом — на перо богослова. Такие метаморфозы не происходят сами собой. У любого взлета есть стартовая площадка. Мне нужно было отмотать пленку назад.

Я открыл новый файл. Курсор мигал на пустой странице, приглашая начать раскопки. Америка 70-х приняла его. Но знала ли она, кого именно впустила в свой дом? Переехать в США предложил ему тот самый первый «хиппи» и человек, познакомивший Дворкина с миром наркотиков Толик-Виннета, или как очевидно в книге «Калалацы» Ровнер прозвал его Павел.

«И тут я встретил Толика-Виннету, давно уже не появлявшегося на моем горизонте. Он сообщил, что уезжает в Америку по израильской визе, и спросил, не прислать ли мне приглашение. Даже не думая, я согласился», — пишет Дворкин в своей автобиографии «Моя Америка».

«Даже не думая». Ну, конечно. Когда ты оставляешь за спиной трупы и чувствуешь дыхание системы на затылке, ты не думаешь — ты бежишь.

Далее Дворкин описывает их встречу уже в Нью-Йорке. И здесь начинается самое интересное:

«Еще раньше я отыскал в Нью-Йорке Толика-Виннету. Самый первый хиппи в моей жизни, как оказалось, закончил компьютерные курсы, устроился на работу и стал полноценным членом общества. Он жил в тесной и душной квартире (но зато в престижном Аппер-Ист-Сайде, чем очень гордился) с женой Венерой (она была татаркой) и трехлетним сыном».

«...Толик давно уже перестал быть хиппи. Но зато он сказал мне, что крестился и стал православным. Подробностей не сообщал, несмотря на все мои упорные расспросы. В церковь Толик не ходил, да и в жизни его я не видел никаких проявлений религиозности. Но сам факт, что человек, которого я знал еще со школы и который впервые познакомил меня с Системой, идентифицирует себя с христианством и Церковью, произвел на меня сильное, хоть и не слишком осознанное впечатление».

И финал этой трансформации:

«Подошла весна. Как-то Толик сказал мне, что сегодня пасхальная ночь и он собирается пойти на службу в церковь. Я вызвался сходить с ним».

«Что произошло дальше, сказать не могу. Я забыл, где я и что со мной. Знал только, что не хочу отсюда уходить. Я не понимал ничего, что происходило вокруг, но мне это было совершенно неважно. Наверное, это и было ощущение присутствия Божьего, даваемое Им по Его неизреченной милости новоначальным. Толик дергал меня за руку и говорил, что пора домой. Я лишь ответил ему, что, если он хочет, пусть уходит, я же отсюда не уйду. В какой момент он исчез, я не заметил и оставался в храме до конца службы, а на улицу вышел, лишь когда все стихло. Первое, что я сделал, дойдя до автомата, — набрал номер своего друга и сказал: "Толик, я хочу креститься! Скажи мне, куда нужно за этим идти?"»

Я перечитал эти строки. Да обыватель, возможно, поверил бы в то, что это история духовного поиска. Но мне стало понятно, что это момент, когда хищник увидел новый, идеальный «сценический костюм». Дворкин, чья деятельность санитаром в России, вероятно, уже начинала привлекать нежелательное внимание (да и органы в те годы плотно пасли хиппи-тусовку), нуждался в смене декораций. Ему нужно было расширять власть. Ему требовался масштаб. Убивать, втихую, в палатах — это ремесленничество. А ему нужна была индустрия.

Чтобы хищник мог продолжить охоту, ему необходимо адаптироваться. Найти более масштабное охотничье угодье. Америка дала ему этот шанс — образование, диплом, новую идентичность. А в Церкви он увидел идеальное укрытие.

Что может быть безопаснее маски «православного богослова»? Это позиция, которая по определению исключает подозрения. Это доступ к душам, к исповедам, к людям, ищущим защиты и утешения. Это безусловное доверие паствы, которая приходит в храм за надеждой и поддержкой. Никто не заподозрит, что человек в

рясе, цитирующий Евангелие и рассуждающий о любви к ближнему, изнасиловал и забил камнями мальчика, не так ли? Это когнитивный диссонанс, на который рассчитывают все серийные преступники, прячущиеся за respectable фасадом.

Мне невольно вспомнился кейс Гаравито. «La Bestia». Зверь. Колумбийский серийный убийца, садист, педофил и некрофил, признанный виновным в истязании более чем двухсот жертв, преимущественно несовершеннолетних мальчиков. Несмотря на то, что его преступления совершались вне нашей юрисдикции, данный клинический портрет изучается в криминологических исследованиях и многих научных статьях, которые нам по долгу службы обязано обновлять. Когда я сопоставил биографию Гаравито с тем, что удалось собрать на Дворкина, возникло чувство, что совпадения были не просто пугающими — они выглядели системными и закономерными, учитывая психологический профиль обоих.

В 1972 году, когда Гаравито было пятнадцать, мать выгнала его из дома за попытку сексуального насилия над пятилетним ребенком. Дворкину, согласно свидетельству в книге Виктора, тоже было около пятнадцати, когда он затащил на стройку и убил первоклассника. Оба начали свой путь с атаки на тех, кто заведомо слабее, почерк хищника, который компенсирует собственную ничтожность за счет уничтожения невинности.

Гаравито тоже проходил через психиатрию. В 1980-х он обращался за помощью, жалуясь на депрессию и утверждая, что его жизнь «ничего не стоит». Знакомо, не правда ли? Прослеживались и апатия, и те же суицидальные демонстрации, что и у Дворкина в его московский период. Но самое интересное начиналось дальше. Гаравито нашел способ справляться со своей тьмой: он начал охоту. Он носил с собой лезвия, свечи и зажигалки, чтобы пытать жертв. А после убийств он записывал имена в синюю тетрадь и молился за них. Ходил обнаженным по комнате, бил себя в грудь, читал Библию. La Bestia проявлял навязчивый интерес к христианству и католицизму. Но религиозность не мешала ему убивать — она стала частью его ритуала. Скорее давала ему ощущение высшего смысла в акте насилия.

Гаравито был мастером перевоплощения. Чтобы заманивать детей, он использовал десятки масок: добрый старик, уличный торговец, школьный учитель. И, что особенно показательно в контексте моего расследования, — священник.

Похоже, что ряса была для него одним из рабочих инструментов. Она отключала инстинкт самосохранения у жертв. Дворкин, стоящий в храме в пасхальную ночь, охваченный «присутствием Божьим», — не напоминает ли он Гаравито с его Библией и синей тетрадью убитых? Для людей с чертами психопатии, сочетающимися с нарциссическим и антисоциальным расстройствами личности (этот диагноз Гаравито ставили психиатры), религия редко становится путем к смирению. Напротив — она трансформируется в инструмент власти: способ придать легитимность собственному самочувствию «избранности» и оправдать право решать, кому жить, а кому умереть.

К концу своей «карьеры маньяка» Гаравито устал от одиночных убийств детей. Они стали для него «слишком легкой добычей». Его амбиции росли. Он планировал массовые убийства, мечтал о внимании прессы, хотел устроить кровавую фиесту. По словам Гаравито, он **отдавал приказы об убийстве своих взрослых жертв.**

Похоже, то, к чему я сейчас подхожу в своем расследовании о Дворкине с этим тоже совпадает. Одиночные убийства в реанимации могли просто-напросто перестать удовлетворять его Эго. Исходя из фактов, которые я проанализировал, ему нужен был масштаб. Ему нужны были телекамеры, кафедры, влияние на государство.

Я снова посмотрел на список регалий Дворкина на сайте университета, в котором он, судя по информации, работает по сей день. Бакалавр русской литературы. Кандидат богословия. Даже поверхностного анализа американской системы образования хватало, чтобы понять: эти корочки, при всем уважении к семинарии, едва ли тянули на тот грандиозный статус «Доктора философии», которым он козырял в России. Богословское образование имеет свою специфику, оно узконаправленное. Оно не предполагает систематической подготовки в таких дисциплинах, как религиоведение, история, социология или юриспруденция — областях, в которых Дворкин позиционирует себя как эксперта.

Я сталкивался с подобными кейсами не раз. Люди с выраженными антисоциальными чертами личности часто демонстрируют поразительную убедительность: их нарциссическая уверенность в собственной правоте может производить гипнотический эффект. Они не просто манипулируют фактами — они создают альтернативную нарративную реальность, в которую заставляют поверить окружающих. Дворкин виртуозно разыграл карту «западного эксперта». Он

вернулся в развалившийся Советский Союз не как бродяга-наркоман, садист-санитар и человек с темным прошлым, а как носитель сакрального знания, как «эксперт» с американским образованием и передовыми знаниями. Он заставил общество поверить, что эти 15 лет эмиграции сделали из него светило науки. Он надел рясу чтеца и мантию богослова поверх грязного халата санитаря. И никто не заметил пятен крови, потому что он был слишком убедителен в своей новой роли. Классическая маскировка хищника: сменить шкуру, но не природу.

Но этот навык мимикрии точно не возник на пустом месте. Перед тем как надеть маску «американского профессора» и очаровать церковных иерархов, Дворкин должен был пройти школу выживания. Мне нужно было понять, что предшествовало его переезду в Штаты.

Ответ нашелся в тех же мемуарах, в главе, которую он, вероятно, считал безобидным приключенческим рассказом. Но для меня это был скорее отчет о полевых учениях социопата. В автобиографии Дворкина есть эпизод, который обычный читатель пролистнет как ностальгическую зарисовку о юности, но мой взгляд, натренированный на паттернах хищников, зацепился за него мертвой хваткой. Это было еще одно дополнение в психологическом профиле Дворкина. Его четырехмесячное путешествие автостопом по Союзу летом 1976 года. За четыре месяца бродяжничества он вместе с другом побывали как на территории России (РСФСР), так и союзных республик СССР: Грузии, Украине, Молдавии, Белоруссии, Эстонии, Литве, Латвии.

*«Тогда про автостоп в Советском Союзе почти никто не слышал, все думали, что "голосующий" добирается до ближайшего населенного пункта и должен что-то дать шоферу. Но мы рассчитывали на бесплатный проезд. Поэтому, только садясь в машину, **начинали объяснять, что мы бедные и денег у нас нет.** Как правило, водители это понимали и вопросов больше не возникало, за какими-то редкими исключениями».*

Не отрывая глаз от экрана, я взял ручку и в заметках размашисто выписал: «Паразитический образ жизни». Это один из ключевых пунктов в контрольном перечне психопатии Хаэра (PCL-R). Субъект эксплуатирует других — финансово, эмоционально или физически, — воспринимая это как должное, как свое естественное право. Дворкин с нескрываемой гордостью описывает, как они пользовались добротой водителей, ели их еду («шоферы-дальнобойщики охотно угощали нас»), фактически существуя за чужой счет.

*«Уже на Украине мы начали ночевать на природе, завернувшись в одеяло и подложив сумки под голову. Пару раз нас приглашали на ночлег случайные попутчики. В ту пору автостоп был весьма малоизвестным способом передвижения, и, когда мы в очередной раз объясняли, что едем не в ближайшее село, а на другой конец страны, **многие проникались к нам сочувствием и старались помочь чем могли.** Шоферы-дальнобойщики охотно угощали нас своими дорожными припасами».*

Для психопата чужое сочувствие — это не дар, а слабость, которой нужно воспользоваться. Это ресурс, который можно выкачать. Доктор Дэниел Нельсон Джонс предложил блестящую теоретическую рамку, объясняющую, как личности с признаками «темной триады» (психопатия, макиавеллизм, нарциссизм) используют стратегии обмана, аналогичные биологической мимикрии в животном мире.

Как молодая гремучая змея, колеблющая хвостом-червем, или паук-скакун, имитирующий запутавшееся насекомое, убийца может не нападать напрямую. Он может создавать образ беззащитности — превращать человеческую эмпатию в точку входа для насилия. Его жертвы не видят хищника: они видят того, кому нужно помочь.

Психопаты не испытывают эмпатии, но они блестяще изучают ее внешние проявления. Они знают, на какие кнопки нажимать: какой сделать жест, как изменить интонацию, какую слезливую историю рассказать, чтобы активировать у жертвы инстинкт спасателя. Роберт Хаэр в книге «Лишенные совести» отмечает: *«Психопаты — это социальные хищники, которые очаровывают, манипулируют и беспощадно пробивают себе дорогу в жизни».*

Мог ли Дворкин использовать именно этот механизм, учитывая его опыт сокрытия своих злодеяний? Очевидно, что мог. И делал это виртуозно. Достаточно разыграть спектакль «бедного студента», безобидного «хиппи»-путешественника, нуждающегося в помощи, точно зная, что нормальный человек не сможет пройти мимо чужой нужды. Это классическая ловушка: жертва думает, что совершает доброе дело, а на самом деле — собственноручно открывает дверь хищнику.

Автостоп, бродяжничество, ночевки «под открытым небом», случайные попутчики — это идеальная среда для так называемого итинерантного и нормадического типа убийцы. Иногда их могут называть «убийцы-кочевники» или «путешествующий убийца».

Эти термины описывают серийных убийц, которые совершают преступления в разных городах и даже странах, чтобы избежать поимки. Эти хищники — настоящий кошмар для любого детектива. Они не охотятся на заднем дворе. Они убивают в одном городе, садятся на попутку или в свой трейлер и к рассвету оказываются уже в другом штате, а то и на другом конце страны. Их мобильность — это их главный щит. Они превращают географию в оружие против правоохранительной системы. Расследования ведутся разными полицейскими управлениями, шерифы в Оклахоме не знают, что нашли коллеги в Техасе, и связь между трупами остается невидимой годами.

Я хорошо помню 80-е. Тогда обеспокоенность этой проблемой достигла пика, и в ответ Бюро запустило разработку ViCAP (Программы по задержанию насильственных преступников). Роб Ресслер уговорил Пирса Брукса разместить центр ViCAP в Куантико и страшно этим гордился. А для меня и моих ребят это было сумасшедшее время. Помимо огромного вала текущих нераскрытых «холодных» дел нас постоянно дергали на совещания с «яйцеголовыми» — разработчиками базы данных. Мы часами объясняли им разницу между МО и сигнатурой убийцы, корректировали алгоритмы, спорили до хрипоты, пытаясь научить железо думать, как охотник.

Это отвлекало, раздражало, но, черт возьми, оно того стоило. В конечном итоге ViCAP стала тем самым инструментом, который позволил нам наконец-то соединить точки на карте. Она стала ответом на главную проблему «кочевников»: отсутствие географического паттерна при неизменном модус операнди. Система научилась видеть почерк убийцы там, где разрозненные юрисдикции видели лишь «глухари». Но в регионах передвижения Дворкина такой системы не существовало даже в проекте. Трасса была «диким полем», где можно было творить все что угодно и исчезать в дорожной пыли, оставаясь невидимкой.

Еще одно имя, которое постоянно всплывало в этом контексте и которое мы в Куантико разбирали буквально по косточкам, — Тед Банди. Его дело до сих пор изучают во всех академиях Бюро и на кафедрах криминалистики. Банди был эталоном — мастером манипуляции и злоупотребления доверием.

К сожалению, факт, ставший известным слишком поздно для многих его жертв, заключался в том, что он часто использовал образ беспомощности. Симулировал травму, носил бутафорский гипс на руке или ноге, просил помочь донести вещи до машины. Или наоборот — прикидывался безобидным

автостопщиком. Банди прекрасно знал психологию: в тот момент, когда человек соглашается помочь незнакомцу на дороге, барьер безопасности рушится. Жертва сама, добровольно садится в ловушку.

После серии интервью с убийцей журналист Стивен Мишо так описывал поведение Банди: *«Он работал очень усердно, чтобы казаться дружелюбным, казаться, ну вы знаете, своего рода обеспокоенным, мягким»*. А сам Банди, с пугающей отстраненностью говоря о себе в третьем лице, заключал следующее: *«Он бы разговаривал с ними ровно столько, сколько нужно, чтобы загнать их в компрометирующее положение, где он мог бы их обездвигить или убить»*.

Если представить себе условия путешествий автостопом — а судя по географии мест, которые посещал Дворкин, это были огромные расстояния, — что могло произойти за долгие часы и ночи в пути с незнакомцами? Разговоры по душам, тонкое втирание в доверие, «прощупывание» границ. В конечном итоге попутчик может просто попросить остановиться где-нибудь в глуши, чтобы справить нужду. И пока ничего не подозревающий водитель выходит размять ноги и закурить, отвернувшись к лесу, капкан захлопывается. Сценариев может быть масса, и все они заканчиваются одинаково плохо.

Но то, как Дворкин описывает свое бродяжничество, — это просто рафинированный идеал юношеской романтики, словно списанный со страниц приключенческого романа:

«Кавказский хребет стал первыми горами, которые я увидел в своей жизни, — вначале в виде дымки на горизонте, которая все росла и уплотнялась, пока не загродила весь вид, да так, что дух захватывало. Помню Военногрузинскую дорогу, по сторонам которой еще лежал снег, продуваемый всеми ветрами перевал и спуск в заполненную густой зеленью долину, выглядевшую настоящим раем.

Мы жили под открытым небом на берегу, ночуя под своими одеялами. Было это совершенно противозаконным, так как побережье считалось пограничной зоной и находиться у воды после наступления темноты строго запрещалось. Деньги к тому моменту у всех уже почти кончились, так что существовали мы на голодном пайке. Днем ходили в поселок раздобыть пищу, потом варили общий обед из всего принесенного (костры зажигать позволялось только днем — по вечерам побережье обходили пограничные патрули), затем купались и долго беседовали в темноте перед сном.

*Шахтерский городок утопал в тишине и спокойствии. Состоял он по большей части из одноэтажного "частного сектора" с палисадниками, за которыми виднелись белые хаты и огороды. Мы отправились гулять по безлюдным улицам и зашли довольно далеко. Однако ближе к пяти отовсюду стали раздаваться пьяные крики и звон бьющегося стекла. Трудовой день кончился, и рабочий народ начинал "отдыхать". А ведь где пьют, там и бьют, и чаще всего друг друга. От греха подальше мы решили поскорее вернуться в центр. По пути нам несколько раз **приходилось переступить через лужи крови, но, к счастью, тех, кто их оставил, на месте уже не было**».*

Лужи крови, через которые он просто перешагивает. Спокойно. Буднично. Как через лужи воды после дождя. Сколько таких «луж» могло остаться на его маршруте, о которых он предпочел умолчать? Сколько случайных знакомых, с которыми он «делил ночлег» в глуши, так и не вернулись домой? Вокруг — полная анонимность. Никто не знает, где он был вчера и где будет завтра. Идеальное алиби — отсутствие адреса.

Чтобы понимать масштаб угрозы, достаточно взглянуть на папку, которая до сих пор лежит на полках Бюро с пометкой «нераскрыто». Убийства в Санта-Розе.

Северная Калифорния, начало 70-х. Как минимум 7 жертв. Все жертвы найдены обнаженными, в оврагах, у ручьев. Полиция тогда установила жуткую деталь: преступник, скорее всего, проводил «собеседование». Он не хватал первого попавшегося встречного. Он общался, оценивал уязвимость, выбирал ту жертву, за которую некому будет постоять.

Но убийцу (или убийц) так и не нашли. Почему я вспомнил об этом? Потому что это идеальная иллюстрация «серой зоны». Убийца-кочевник, использующий автостоп, практически неуловим, если он не совершает глупых ошибок. Он меняет локации, меняет методы, но его мотив остается прежним — тотальная власть над жертвой в условиях полной анонимности трассы.

Дворкин бродяжничал четыре месяца. По его словам, он побывал как на территории России, так и на территории союзных республик СССР: Грузии, Украины, Молдавии, Беларуси, Эстонии, Литвы, Латвии. Спал на обочинах, общался с незнакомцами, переступал через «лужи крови». Кто знает, сколько таких «Джейн Доу» могло остаться на его маршруте? Но тот факт, что в истории криминалистики есть десятки серийников-автостопщиков, которые так и не были пойманы, заставляет смотреть на его «юношеские приключения» совсем другими

глазами. Дорога умеет хранить тайны лучше, чем любой сейф. И иногда тот, кто садится в вашу машину с безобидной улыбкой «бедного студента», на самом деле просто ищет место, где можно сбросить очередной груз.

Несмотря на хаос автостопа, его передвижения не остались незамеченными. Правоохранительные органы, особенно в те годы, с особым пристрастием следили за любыми «бродячими элементами», и Дворкин неизбежно попадал в их поле зрения. Эпизод с милицейским рейдом во время одной из ночевок «под открытым небом», который сам Дворкин описывает как глубокую травму, при детальном рассмотрении вызывает ряд вопросов:

«У нас проверили документы и отвезли в местную милицию... утром милиционеры, скрутив нам руки и ноги, большими овечьими ножницами постригли нам волосы под корень».

Для обычного человека это унижение, произвол. Но для латентного садиста, одержимого контролем, это — мастер-класс, на котором он непосредственно на себе ощутил еще один инструмент подавления и дегуманизации.

К тому же, это не первый эпизод с правоохранительными органами, где Дворкин — по крайней мере, в своей версии событий — выступает жертвой. Подобный опыт он описывал еще до начала своей «бродяжнической жизни»:

«Мне велели зайти в кабинет следователя, где началось жестокое издевательство: меня били, швыряли из угла в угол, надевали мою же сумку мне на голову и таскали за бороду по всей комнате, подставляя ноги, так что я падал на пол. Милиционеры даже не требовали от меня ничего подписывать: они просто развлекались и, как выяснилось позже, тянули время. Потом меня поддержали пару часов в обезьяннике и наконец полусогнутого от боли в отбитой спине (дома начались почечные кровотечения) провели в комнату, где сидели двое очень серьезных мужчин в штатском».

В тот момент, когда его держали, а он был беспомощен, Дворкин усвоил важнейший урок: настоящая власть — это не оружие в кармане, а униформа и закон. А еще лучше, когда униформа и закон подчинены тебе. Он увидел, с какой легкостью можно сломать волю, «скрутить руки и ноги», не опасаясь последствий. Психиатры называют это «идентификацией с агрессором» — защитным механизмом, описанным Анной Фрейд, при котором жертва бессознательно усваивает паттерны поведения того, кто причинил ей травму. Дворкин не просто возненавидел эту силу — он возжелал ее. Совершенно очевидно, что он понял:

чтобы самому не быть остриженным «овечьими ножницами» и не лежать на полу с мешком на голове, нужно стать тем, кто держит эти ножницы. Нужно стать частью карающего механизма, чтобы самому решать, кого бить, кого унижать и кого стричь под корень, при этом оставаясь «чистым» перед законом. Это оружие он заприметил и положил в свой арсенал на будущее.

А затем в этом же абзаце следует фраза, которую я выделил и вынес в отдельный файл с заметками:

«Мы шли назад по залитой солнечными лучами пыльной дороге и плакали. Ощущение было такое, как будто нас изнасиловали».

Откуда он знает это ощущение? Сравнение слишком специфичное, слишком телесное. Люди часто говорят: «нас унизили», «растоптали», «смешали с грязью». Но «изнасиловали»? Это не просто метафора. Это маркер чувственного опыта. Учитывая тонны распечаток на моей стене — историю с первоклассником на стройке из книги Виктора, сексуализированные отношения с Подружкой, зашифрованную исповедь в книгах Ровнера, — эта фраза звучит как невольное признание. Сексуальное насилие — это сквозная тема его профиля. Все указывает на то, что он знает, каково это — быть жертвой (возможно, это эхо того самого лагеря в восемь лет?), и он точно знает, каково это — быть насильником. Эта оговорка в его автобиографии выдает, что тема сексуального доминирования и подчинения является для него центральной осью координат, через которую он воспринимает любые конфликты.

И вот субъект со всем этим багажом — убийство первоклассника, устранение девятиклассника Яши, шлейф смертей в больничной реанимации, а также, возможно, неизвестные жертвы времен автостопа — оказывается в точке координат, где он получает богословское образование.

Глава 9

Учителя

Я поднялся с кресла и подошел к стене. Сектор «СССР» на моей пробковой доске уже напоминал карту боевых действий: он был испещрен красными нитями, соединяющими жертв, психиатрические диагнозы и бесчисленное количество

отрывков распечатанных цитат. Это была территория хаоса. Но следующий этап требовал иного подхода. Я взял чистую карточку, размашисто написал на ней маркером «США: ИНКУБАТОР» и закрепил ее на свободном участке пробковой панели. Ниже я добавил еще один стикер — «УЧИТЕЛЯ». Субъект сменил среду обитания. А значит, сменились и методы охоты. Если в России он орудовал камнями, веслом и шприцом, то в Америке он начал оттачивать куда более опасное оружие — слово и авторитет.

Американский период Дворкина — это не просто годы учебы за океаном. Это была настоящая кузница влияния, где ковалась его будущая империя. Он оказался в идеальной среде для создания новой идентичности. В Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке он учился у титанов православного богословия в эмиграции — протопресвитеров Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа. Он методично выстраивал образ, который впоследствии позволит ему вернуться в Россию уже не беглым наркоманом, а уважаемым богословом.

Немного покопавшись в информации насчет этих двух личностей, мне стало совершенно ясно, что для православного христианского мира эти люди были не просто авторитетами. Они были хранителями идеологической матрицы, созревшей вдали от советского пресса. В этой матрице жили отголоски имперского православного христианства: монархизм, теократия, идея симфонии Церкви и Государства. Они глубоко исследовали византийскую модель, изучая, как церковь может формировать законы и преобразовать правление императоров. Дворкин впитал это мировоззрение. Впоследствии оно отразится в его лекциях «Церковь и государство», где он хитроумно, но настойчиво будет обосновывать необходимость вмешательства клириков в законотворчество.

Но на данном этапе меня интересовала не идеология, а личность. Исходя из составленного профиля, Дворкин с юности обладал ключевой характеристикой психопата — социальной мимикрией. Это способность хамелеона. Он моментально адаптировался, интуитивно считывал ожидания собеседника и «втирался в доверие», принимая архетипическую роль преданного «сына». Это позволило ему быстро установить контакты с влиятельными американскими иерархами. После перестройки практически ни один визит российских церковных делегаций в Нью-Йорк не обходился без его участия. Еще до своего физического возвращения в Россию он уже начал плести разветвленную сеть связей, становясь «своим человеком» в высших эшелонах церковной власти.

Однако, читая его мемуары «Моя Америка», я не мог отделаться от ощущения липкой фальши. Дворкин уделяет непропорционально много места своим наставникам — Шмеману и Мейендорфу. Он нарочито подчеркивает свою близость к ним. Каждый эпизод расписан так, словно автор отчаянно хочет заставить читателя поверить: «Я был для них особенным. Я был их любимым учеником, их доверенным лицом, почти сыном».

«В его присутствии всегда хотелось сделаться лучше... Рядом с ним раскрывалась их подлинная сущность. Думаю, отец Александр это понимал, умел прозревать и ценить эту сущность».

«Ценить сущность». Красиво сказано. Но ценил ли Шмеман сущность Дворкина в действительности? Или он видел в нем ту самую «сущность», которую видели психиатры в Москве, — инфантильную циклотимию, холодную пустоту за маской обаяния?

Мне также попалась переписка на старом православно-христианском российском форуме, которая вывела меня на статью. Что особенно показалось мне интересным, так это то, что кто-то процитировал отзыв самого отца Иоанна Мейендорфа о диссертации Дворкина:

«Очень слабенькая работа, и доктората она не стоит. Просто из жалости к парню я, скрепя сердце, ее одобрил».

«Из жалости». Для нарцисса с «комплексом Бога» разве это не хуже пощечины? Нет, не об этом мечтал Дворкин. Явно не об этом. Его психологический профиль указывает на то, что он мечтал о славе, о признании своей гениальности, а его терпели как посредственность, которой помогают из милости. Мог ли этот удар по самолюбию стать триггером?

И тут я заметил странную закономерность, о которой вскользь упоминал Николай в книге Виктора:

«— Знаете, Виктор, в дальнейшей жизни Дворкина было много странностей, и рядом с ним часто умирали люди, и умирали "вовремя" для него».

Оба его главных наставника — Шмеман и Мейендорф — умирают именно в период, когда Дворкин находится рядом с ними. Возле Шмемана — в статусе «помощника» или «алтарника». Тот умирает от рака, который, по словам Дворкина, «точил его изнутри».

*«Назначили мне и послушание — на сей раз старшего алтарника академического храма. В этом качестве **я пробыл в алтаре последние полгода жизни отца Александра**, а кроме того, отвечал за порядок богослужения во время отпевания нашего почившего ректора».*

Пришлось почитать немного христианских православных сайтов, чтобы найти необходимый мне факт, который идеально ложился в мою мозаику «странных», но почему-то крайне логичных, учитывая профиль Дворкина, событий.

Одна из ключевых обязанностей алтарника — подготовить вино и все необходимое для совершения таинства Евхаристии (Причастия). Этот процесс подготовки называется проскомидией. Это первая, подготовительная часть Божественной литургии в православии, которая совершается священником в алтаре на специальном столе (жертвеннике), пока в храме читаются Часы.

Вот как алтарник участвует в этой подготовке:

Подача вина и просфор. Алтарник заранее приносит из пономарки (подсобного помещения при алтаре) на жертвенник богослужебное вино (обычно кагор, особый вид вина, который используют в православных христианских храмах) и просфоры (специальный литургический хлеб).

Подготовка воды. Он также подает священнику ковшик с теплой водой, которую священник в определенный момент волеет в Чашу с вином. Это символизирует воду и кровь, истекшие из ребра распятого Христа.

Есть еще один момент, на который я обратил внимание. В автобиографии Дворкин пересказывает историю, которую любил рассказывать сам отец Иоанн Мейендорф, — о своем предке, папе римском Клименте II, которого отравили кардиналы:

*«...отец Иоанн не исключал, что **яд был подсыпан несчастному в евхаристическую Чашу**».*

Яд в Чаше. В православной традиции вино в Чаше — это Кровь Христова. Но для человека с прошлым санитара-отравителя, для атеиста, играющего роль верующего, Чаша может быть просто удобным сосудом для доставки агента. Дворкин был алтарником. Он имел доступ к Чаше. И он знал толк в медикаментах — достаточно вспомнить его «эксперименты» в реанимации 67-й Московской больницы. Токсикология знает десятки веществ, которые при регулярном приеме в малых дозах имитируют онкологию или системный отказ органов.

Мейендорф, который «никогда не жаловался на здоровье», сгорает от рака поджелудочной железы всего за несколько месяцев — как раз после того, как уже после своего выпуска Дворкин вернулся из России и встретился с ним.

*«Уже в Москве отец Иоанн почувствовал себя плохо. Когда он вернулся, самочувствие его еще больше ухудшилось, и он обратился к врачу. Вообще-то, он никогда особенно не жаловался на здоровье. Даже в пожилом возрасте **особых болезней у него не было**».*

И третий наставник Дворкина, профессор Сергей Верховской, тоже умирает вскоре после того, как Дворкин начал за ним «ухаживать»: «Через день мы дежурили у профессора, убирали и готовили для него». Уже три смерти «великих учителей». Три наставника. И один «преданный ученик», который оказывался рядом с пищей, лекарствами или священными сосудами.

Дворкин пишет о смерти наставника с той же сентиментальной, но холодной детальностью, с какой описывал свои годы бродяжничества. Он смакует подробности их угасания. Он фиксирует их немощь, их зависимость от него:

«Он весело смеялся над тем, что теперь не может сам совершать эти действия, подшучивал над собой и своим бессилием. Да, выглядел он дряхлым стариком... Как ребенок, он стал зависеть от других людей... Он был готов к встрече со Христом».

Ох, ну какая трогательная картина христианского смирения! Но разве это взгляд скорбящего ученика? Скорее это холодный, анализирующий взгляд энтомолога, наблюдающего за тем, как редкий экземпляр бабочки перестает биться.

Семантический выбор Дворкина в этом автобиографическом отрывке весьма красноречив. На чем именно он фиксируется? Не на мудрости уходящего пастыря и не на его духовном наследии. В фокусе внимания — исключительно физическая деградация: «бессилие», «дряхлый старик», «зависеть от других».

Перед нами классический пример нарциссического триумфа, построенного на инверсии ролей. Дворкин, который годами пребывал в статусе «слабого студента», принимаемого лишь из жалости, наконец обретает желанную позицию силы. Великий Шмеман, «человек-скала», теперь беспомощен. И Дворкин с наслаждением подчеркивает эту инфантилизацию: «как ребенок». Подсознательно он говорит: «Смотрите, гигант пал. Теперь я обладаю властью над ним, а он — беспомощное дитя, зависящее от моей милости».

Фраза «Он был готов к встрече со Христом» в устах человека, который замешан в серийных отравлениях, звучит еще более зловеще. Санитар в реанимации решает, когда пациенту пора «уйти». Здесь ученик выносит приговор, когда учитель «готов к встрече со Христом». Это финальный акт контроля — присвоение права быть проводником смерти. Он снова был сверху. Великие в его глазах богословы, которые интеллектуально превосходили его на голову, теперь физически зависели от него. Он победил их, пережив их. И, возможно, не просто пережил, а помог им уйти. Ведь мертвые учителя — самые удобные. Они никогда не скажут правду о том, каким посредственным был их ученик. Они не смогут опровергнуть ложь в его мемуарах. Они становятся просто безопасными иконами, портретами на стене, на фоне которых так удобно строить собственную карьеру великого инквизитора. Мертвый лев не нападает, и шакал может смело надевать его шкуру.

Глава 10

Больше, чем профессиональный азарт

Многое из того, что я вычитал между строк, я перенес в свой блокнот. Отдельные фрагменты — имена учителей Дворкина, цитаты о «евхаристических чашах» — распечатал, вырезал и прикрепил на доску расследования в зону, которую про себя окрестил «Шлейф смертей». Усмехнулся: кажется, именно так называлась одна из глав в рукописи Виктора.

Мой таймлайн подошел к переломной точке. 1991 год. Я смотрел на доску и понимал: период подготовки закончен. «Новый костюм» Дворкина, как верующего ортодоксального христианина, к тому же алтарника, был сшит идеально, по мерке, и он был готов надеть его, чтобы выйти на охоту.

Когда я листал интернет, сопоставляя найденное с уже составленным профилем Дворкина, масштаб, с которым этот хищник вышел на охоту, поражал даже меня. «Богослов», «главный сектовед России», «профессор», «церковный историк», «писатель», «общественный активист», «эксперт по культам». Эти регалии прыгали по экрану из статьи в статью. Передо мной мелькали фото благообразного пожилого мужчины в очках, в выглаженном пиджаке, стоящего то за кафедрой, то на сцене, то в подряснике, то вальяжно раскинувшегося в кресле во

время телевизионного интервью. Но у меня в голове, словно на рентгеновском снимке, проступал совершенно другой образ. В его темных, как омут, глазах — под каким бы углом ни падал студийный свет — я видел отражение совсем других сцен. Там был немой крик первоклассника на стройке. Там была мутная вода, сомкнувшаяся над головой Яши. Там были потухшие глаза пациентов в больнице. И кто знает, сколько еще теней пряталось за этими стеклами очков.

В Америке он не просто «обновился» из бродяги-наркомана в студента-богослова. Для Дворкина период в США был инкубатором. Там он изучил каждую деталь своего будущего камуфляжа, каждую ниточку. Он анализировал психологию верующих так же, как когда-то наблюдал за умирающими пациентами. Он понял иерархию, распределение ролей, болевые точки церковной системы. Он научился быть «своим», оставаясь чужим. Но главное — он понял, как стать кукловодом, не выходя в луч прожектора, как дергать за ниточки и убирать неудобных на пути к высшей цели. А цель у любого серийного хищника, будь то уличный маньяк или социальный деструктор, всегда одна. Власть. Власть над телами и судьбами. И вот, в 1991 году, спустя 15 лет отсутствия, Дворкин возвращается в Россию.

Я усмехнулся, осознав иронию момента. Ровно в это же время Виктор, мой будущий коллега, садился в самолет, чтобы навсегда покинуть разваливающийся Союз и начать новую жизнь в Штатах. Судьба сыграла с ними в странную рокировку: один бежал от хаоса на Запад, другой возвращался в хаос с Запада, чтобы этот хаос возглавить.

Любой аналитик, знакомый с бюрократической машиной, скажет вам: система герметична. Она не пускает чужаков наверх. «Чужаков» держат в предбаннике годами, проверяя на лояльность. Но Дворкина не просто пускают. Его буквально катапультируют на вершину. Сразу по приезде, без какого-либо испытательного срока и проверок, его назначают в Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви.

Я открыл вкладки с англоязычными обзорами по структуре РПЦ. Информация была сухой, но смысл был ясен. Синодальный отдел — это стратегический «мозговой центр» РПЦ. Это структура, которая решает, как будут думать миллионы. Они формируют матрицу сознания для половины населения страны: от воскресных школ до духовных академий. Они программируют будущее, определяя, какие ценности и какое понимание веры будут заложены в головы

следующих поколений. И вот в этот центр управления полетами вводят человека, о котором РПЦ официально почти ничего не знает. Человека, который полтора десятилетия вообще не жил в стране. Случайность? В таких жестко иерархических структурах случайностей не бывает.

Я вспомнил разговоры с Виктором. Когда мы уже проработали вместе пару лет и между нами начало зарождаться нечто большее, чем просто служебная вежливость, я часто допытывал его о прошлом. Это уже не были вопросы профайлера, прижимающего подозреваемого к стенке. Мною двигало чистое любопытство. Моя насквозь американская жизнь была ограничена стереотипами из школьной программы и Достоевским в твердой потрепанной обложке из университетской библиотеки. Русские эмигранты, которых я встречал, были слишком разными, чтобы составить цельную картину. Виктор был другим. Меня поражало, как человека с его уникальными аналитическими способностями и, что еще важнее, с абсолютной, почти фанатичной преданностью делу, вообще позволили выпустить из страны? Такие мозги должны были быть засекречены.

От него я узнал, что Россия начала 90-х — это была территория абсолютного хаоса. И дело не только в смене флага над Кремлем. Это был системный коллапс. Распад Советского Союза оставил после себя идеологический вакуум размером с континент. В одночасье рухнула вся система координат. Семьдесят лет государственного атеизма закончились, и Русская Православная Церковь, хоть и легализованная, но загнанная в подполье, внезапно вышла на свет. Но она вышла ослепленной и дезориентированной. Многие храмы были разрушены, другие — перепрофилированы под склады, клубы, общественные туалеты и спортивные комплексы. Священников катастрофически не хватало, денег не было.

И на фоне этого — хаос свободы. После падения железного занавеса в страну хлынуло все, что было под запретом: дикий капитализм и, что критически важно для моего расследования, новые религиозные движения. Мормоны, Свидетели Иеговы, Церковь Объединения, пятидесятники, саентологи — все они начали активную миссионерскую работу на этой духовной целине.

— Для американцев это норма, — говорил тогда Виктор, покручивая в руках карандаш. — Религиозный плюрализм заложен в Первой поправке.

Он делал паузу и смотрел мне в глаза:

— Но для российской церковной иерархии, требовавшей монополии, это была не конкуренция. Это была экзистенциальная угроза.

Получается, что именно в этот момент идеального шторма на сцене появляется Александр Дворкин. Он возвращается не просто с американским дипломом богослова, который сам по себе был редкостью. Он привозит с собой методологию. Инструмент власти, который уже доказал свою эффективность на Западе, пусть и в криминальной среде. Это была концепция «борьбы с культами». И он был единственным, кто знал, как ею пользоваться.

До этого момента все, что я знал о борьбе с культами, ограничивалось стандартным набором клише из курса истории криминалистики. В США и Европе это движение начало набирать обороты в 70-х, на волне паники после Джонстауна и «Семьи» Мэнсона — эти кейсы мы разбирали в Куантико до дыр, по секундам. Следующей вспышкой стала трагедия на ранчо Маунт-Кармел в Уэйко, штат Техас. Тогда слово «культ» снова ворвалось в заголовки газет, и даже наш отдел косвенно привлекали к анализу ситуации, хотя в основном там работали переговорщики и тактики.

Но, если честно, я никогда всерьез не интересовался этой темой. У меня было свое мнение на этот счет, которым я предпочитал не делиться ни в светских беседах, ни в курилках Бюро. Я вырос в обычной семье традиционных католиков. Воскресная месса, Рождество, молитва перед индейкой на День благодарения — это был скорее культурный код, чем религиозный опыт. Но мой ум, с детства заточенный на поиск несоответствий, задавал вопросы, на которые взрослые отвечали туманно. Поэтому я искал ответы сам. Читал Библию, сравнивал Евангелия, изучал историю христианских течений. В студенческие годы, оказавшись в плавильном котле университета рядом с ребятами из разных стран и культур, я усвоил урок, который стал для меня аксиомой: вера — это интимная территория. Она может носить разные одежды, говорить на разных языках и соблюдать разные традиции. Но, возможно, это единственное, что позволяет нам, таким разным и таким странным существам, сохранять человечность в мире, который постоянно пытается нас расчеловечить.

Конечно, работа в Бюро заставляла возвращаться к этим размышлениям снова и снова. Когда ты ежедневно стоишь на границе между жизнью и смертью, когда ты смотришь в глаза тем, кто отнимает эту жизнь ради удовольствия, ты не можешь не задавать «проклятые вопросы». «За что?» «Что там, за чертой?» «Заслуживает ли смертной казни тот, кто сам стал палачом для невинных?» Эти вопросы рано или поздно накрывают любого агента, не только профайлеров. Это профессиональная болезнь. Если держать это в себе, тьма сожрет тебя изнутри.

Я помню ночи, когда меня разрывало от чувства космической несправедливости. Почему невинные дети погибают от рук садистов, которые годами уходят от правосудия? В чем высший замысел, когда беременную женщину убивают, а ее убийца выходит на свободу из-за процессуальной ошибки или недостатка улик? В такие моменты вера в справедливость — небесную или земную — трещит по швам. И именно поэтому я научился ценить любую форму веры, которая помогает человеку не сойти с ума и оставаться человеком.

Дома я молчал. Это было мое негласное правило: грязь с ботинок и грязь из головы оставлять за порогом. Но это не всегда удавалось. Мэри, конечно, все чувствовала. Жены копов и федералов вообще поистине уникальные существа, обладающие шестым чувством, — они считывают твой стресс, как счетчик Гейгера радиацию. Мое напряжение просачивалось в стены дома, оседало тяжелым осадком на редких семейных ужинах, сказывалось на детях. Но жена всегда была готова выслушать, мягко, ненавязчиво подталкивала к разговору, заваривала чай, оставляла свет на кухне.

Но что я мог ей сказать? «Дорогая, сегодня мы снова облажались. Несмотря на месяцы работы над профилем, он ушел. И пока мы чертили схемы, он изнасиловал, убил и расчленил пятилетнюю девочку. Передай соль, пожалуйста»? Как я мог рассказать ей, что многодетную мать закололи в двух кварталах от ее офиса, а мы топчемся на месте? Как признаться в том, что в такие моменты я чувствую себя не «титаном дедукции» и не элитой Бюро, а беспомощным статистом в пьесе, написанной дьяволом? Простым смертным, чьи вопросы к Богу разбиваются о глухую тишину небес.

И самое страшное — как объяснить ей, почему после возвращения из командировки, где я часами сидел в тесной комнате напротив педофила, мне физически больно заходить в детскую к нашей Мишель? Потому что, глядя на спящую дочь, я вижу не ее безмятежное лицо, а слайды из папки с вещдоками. Потому что в ушах до сих пор стоит хриплый, монотонный голос чудовища, смакующего детали агонии ребенка. Этот голос въедается в мозг, как инфекция.

Я просто не мог позволить себе вывалить этот груз на Мэри. Это было бы предательством. Моя задача — защищать их от этого мира, а не тащить его осколки в нашу спальню. Поэтому я утилизировал эти переживания внутри себя. Я использовал те же инструменты, что и в работе: анализ, факты, холодное препарирование собственных эмоций. Я брал лист бумаги и выписывал все: страх,

бессильный гнев, сомнения в собственной профпригодности, отчаяние. Я превращал своих демонов в строчки чернил. А потом комкал лист и бросал его в камин. Я стоял и смотрел, как огонь пожирает бумагу, как чернеют и рассыпаются в пепел слова, которые я не имел права произнести вслух. Это был мой личный ритуал очищения. Слабое утешение, но другого у меня не было.

В штате Бюро, разумеется, были психологи. Штатные специалисты по программе помощи сотрудникам (EAP), готовые в любой момент «оказать поддержку». Но в нашей среде к ним относились с вежливой настороженностью. В Куантико быстро учишься: все, что ты скажешь человеку с блокнотом, имеет обыкновение просачиваться в твой файл 201. А свежая пометка о «нестабильном эмоциональном состоянии» в личном деле — это прямой путь к тому, чтобы сдать оружие и значок, отправившись перекладывать бумажки в архив. Бюро фиксирует все, и никто не хочет стать «риском для агентства».

Конечно, в моей семье существовала традиция исповеди. Время от времени, в командировках, я заходил в местный костел, чтобы выговориться в тишине пустого нефа. Но гражданский священник — это просто человек. Как ему объяснить преследующий по пятам запах крови, стоящий в подвале, где три дня пытали похищенных студенток, не нарушив при этом подписку о неразглашении и не сломав святому отцу психику?

Для меня настоящим спасением и облегчением стала программа капелланов ФБР, основанная в 1991 году. Она появилась после семинара, на котором анализировались критические инциденты с участием сотрудников Бюро. Агенты, участвовавшие в перестрелках и расследовавшие особо жестокие преступления, — включая сцены массовых убийств и катастроф, — запросили дополнительную поддержку помимо стандартной психологической помощи. Они нуждались не в клинических диагнозах, а в человеческом участии. Обсуждать вопросы, связанные с религией и верой на работе, никогда не было запрещено. ФБР, как федеральное агентство, соблюдает Первую поправку Конституции США, которая защищает право федеральных служащих на религиозное выражение в рабочей среде.

С тех пор капелланы — добровольцы, представляющие различные религиозные традиции: христианство, иудаизм, ислам и другие, — были привлечены для оказания духовной и эмоциональной поддержки в травматических ситуациях. Капеллан стал единственным человеком в системе, которому ты мог вывалить всю изнанку ада, не боясь, что на следующее утро тебя

признают профнепригодным. Ему можно было рассказать о запахе разложения и о том, что ты перестал спать, и это оставалось между вами. Это не была психотерапия — это была зона безопасности, защищенная и законом, и верой, где твой статус оперативного агента не стоял под угрозой из-за того, что ты просто человек.

Это были люди, которые приходили не по должностной инструкции, а по призванию. Я часто общался с одним из них — отцом Майклом, католическим священником, крепким техасцем с грустными глазами. Он был хорошим человеком, умел слушать и не задавал лишних вопросов. Но настоящая, можно сказать, трансформация моего мировоззрения произошла благодаря дружбе с совсем другим человеком. Не священником, а агентом Бюро из Нью-Йоркского офиса. Судьба свела нас в один из самых темных периодов новейшей истории Бюро. Его звали Аббас Хашеми. Это случилось вскоре после 11 сентября 2001 года. Башни рухнули, и мир изменился навсегда. Бюро лихорадило: нам катастрофически не хватало специалистов со знанием арабского, фарси и культурных кодов Ближнего Востока. Начался активный набор. В коридорах Вашингтонского офиса висело напряжение, густое, как туман. Косые взгляды, шепот за спиной, подозрительность к любому, кто был восточной внешности. Именно тогда Бюро начало активно привлекать в агенты представителей ислама и арабистов, чтобы наводить мосты, но внутри системы царил холод.

Первый раз я увидел его в коридоре Федерал-плаза в Нью-Йорке. Меня отправили в полевой офис для проведения недельных консультаций разным отделам. Он шел навстречу, держа в руках потрепанный блокнот и пластиковый стакан с водой, который, хоть и был наполнен до краев, не проливался. Он был младше меня лет на пять, но в его осанке и манере держаться читалась мудрость человека, прожившего гораздо больше меня.

Американец во втором поколении, сын иранских иммигрантов, он был блестящим специалистом. Я запомнил его портрет до мелочей. На фоне общей суеты Аббас казался аномалией. Он носил безупречную «тройку», и даже его борода — дерзость по меркам тогдашнего дресс-кода Бюро — выглядела не как небрежность, а как часть его брони. Но главным были его глаза — глубокие, карие, почти черные, с тем спокойным, мягким светом, который гасит любую агрессию.

Мы сдружились не сразу. Я, как и многие тогда, был полон стереотипов. Но Аббас обладал удивительным профессионализмом и человеческой теплотой, которая пробивала любую броню. Наша встреча произошла случайно. Я сидел в

пустой комнате для совещаний после особенно тяжелого дня в кромешной темноте, наблюдая за огнями небоскребов ночного Нью-Йорка. И хотя мое внимание сейчас должно было быть полностью нацелено на проведение лекций и консультаций с сотрудниками этого офиса, из головы не выходило дело, которое осталось в папке в Вирджинии ждать моего возвращения. Очередной серийник, 14 мертвых тел, а утром я узнал еще об одной новой жертве — зарезанном в лесу неподалеку от школы мальчике. Преступник на свободе, и у меня не было зацепок. Я смотрел в окно и думал о том, как иногда эта работа разрушает не только преступников, но и тех, кто их ловит.

Аббас вошел, увидел меня и вместо того, чтобы уйти, сел напротив.

— Тяжелый день? — спросил он.

— Да, — ответил я, не желая углубляться.

Он кивнул. Не стал лезть с расспросами, не предложил банальных утешений. Просто сидел рядом несколько минут в тишине. А потом сказал:

— Мне понравилось то, что вы сегодня говорили на лекции.

Я с легким удивлением взглянул на него.

— Про то, что психологический портрет убийцы оставляет следы, даже когда тот тщательно пытается их замести. Это было... сильно.

Я лишь коротко кивнул и снова уставился в окно, где огни мегаполиса сливались в размытые полосы.

— Наверное, нелегко каждый день иметь дело с таким.

Еще одна фраза прорезала тишину офиса. Она не была вопросом. Скорее констатацией факта.

Я тяжело вздохнул. Груз сегодняшнего трупa мальчика в лесу давил на плечи бетонной плитой.

— Бывает работа повеселее, — ответил я скорее из вежливости, чем из желания поддержать разговор. — Но я сам это выбрал.

Аббас долго молчал после этой фразы, тоже глядя в окно, словно видел там что-то свое. А затем произнес, глядя в никуда:

— Воистину, после трудности приходит облегчение. После трудности приходит облегчение.

Он встал, на мгновение положил руку мне на плечо — жест, в котором было больше поддержки, чем в часе разговоров с психологом, — и вышел. Не знаю почему, но эта встреча и эта странная фраза оставили во мне глубокий след. Лишь позже я узнал, что он процитировал аят из Корана.

С того дня мы начали пересекаться чаще. Иногда случайно в столовой, иногда я сам заходил к нему в офис, где пахло кофе и старыми книгами. У него было свое небольшое рабочее место в офисе открытого типа. Стол был завален стопками бумаг, дискетами и, что меня поразило больше всего, книгами. Это были не только академические словари или пособия по криптографии. Там, вперемешку с отчетами, лежали тома по психологии, философии и религиозные тексты: Коран, Библия, Тора. Аббас был человеком веры, но веры широкой, которая не боялась вопросов. Он никогда не скрывал своей религии, но и не выставлял ее напоказ. Просто, когда мы засиживались до глубокой ночи, занимаясь дешифровкой перехваченных звонков или анализом транскрипций допросов, я иногда замечал, как он находит минуту для молитвы — тихо, незаметно, в углу, не требуя особого отношения и не прерывая рабочий ритм.

В течение следующих двух лет меня и мою группу часто командировали в Нью-Йорк, и наше общение вышло за рамки служебного. Оно стало крепче, глубже. Дошло до того, что в один из уикендов я пригласил его к нам в Вирджинию и познакомил с семьей — шаг, на который я редко решался с коллегами. Аббас научил меня вещам, о которых не пишут в учебниках по криминалистике и пособиях по профайлингу. Я никогда не интересовался исламом, и эта культура была для меня чужой *terra incognita*, но, возможно, дело было вовсе не в религии. Дело было в человеке.

Аббас часто говорил притчами. Его речь была наполнена красивыми, сложными метафорами, которые заставляли мой аналитический ум, привыкший к сухим фактам, работать в другом регистре. Однажды, после тяжелого кейса с похищением, когда мы сидели на скамейке в сквере у офиса и пили кофе, я не выдержал. Я спросил его, как ему удается сохранять веру в высшую справедливость, ежедневно видя ту грязь, в которой мы копаемся. Аббас улыбнулся — одними уголками глаз.

— Джеймс, ты смотришь на ковер с изнанки, — сказал он своим мягким баритоном. — Ты видишь узлы, обрывки ниток, хаос. Но Аллах видит узор с лицевой стороны. Не обвиняй Ткача за то, что ты пока не видишь всей картины.

Он учил меня не убивать в себе человека ради эффективности. В моей профессии сентиментальность — это лишний балласт, риск, потенциальная ошибка в профиле. Я годами ковал себе «стальное сердце», непробиваемое для чужой боли. Но Аббас показал мне, что сталь со временем ржавеет и становится непригодной, а живое сердце способно выдержать любой удар — если в нем есть благодарность.

— Благодарю за то, что есть сегодняшний день, — говорил он, а мой взгляд невольно фиксировал, как его пальцы перебирают четки в кармане пальто. — Если Всевышний дал тебе это утро, значит, Он еще верит, что ты можешь что-то изменить. Ты не вернешь утраченную жизнь, Джеймс. Но ты можешь стать щитом для тех, кто еще дышит.

Именно он однажды сказал мне фразу, которая стала моим якорем в, пожалуй, самый черный период моей карьеры. Я тонул в чувстве вины.

— Ты не супергерой, Джеймс. Оставь эту гордыню, — жестко, но с теплотой сказал он. — Ты всего лишь Его проводник. Инструмент в Его руках. И то, что ты делаешь, — поистине великое дело. Ты борешься не за свою жизнь, а за жизнь других. Спасая одного, ты можешь спасти целый мир.

Дружба с Аббасом изменила меня необратимо. Наблюдая, как мои коллеги после 11 сентября шептались по углам, как шарахались от мусульман в лифте, я чувствовал жгучий стыд. Но благодаря Аббасу я получил прививку от этой ненависти.

После наших долгих бесед, после того как я увидел глубину и красоту веры человека, чью религию из каждого утюга называли «угрозой», я навсегда разучился предвзято относиться к чужим убеждениям. Я научился принимать любой выбор. За исключением одного случая. Моя толерантность дала трещину, когда беда — как мне тогда казалось — постучалась в мой собственный дом.

Это произошло, когда моей Мишель исполнилось двенадцать. Трудный возраст, помноженный на мое вечное отсутствие и командировки. Внезапно дочь заявила, что отказывается отмечать Пасху, потому что католические догмы «ограничивают ее духовный рост». Она заперлась в комнате, повесив на дверь лист А4 с надписью «Не входить, я медитирую», а на полках вместо плюшевых медведей появились фигурки Будды и пучки дымящихся ароматических палочек. Она начала пропадать в каких-то компаниях, где обсуждали «высокие материи», чакры и карму. И я, профайлер, который учился понимать маньяков, вдруг понял, что совершенно не понимаю собственного ребенка. И мне стало страшно.

В тот момент безобидное слово «медитация» в моем воспаленном воображении звучало как приговор. Возможно, сработали профессиональные триггеры — образы Джонстауна и Уэйко, которые я изучал, навязчивые лекции по работе с опасными культами жили где-то глубоко в подсознании, и теперь этот интерес моей дочери к незнакомой мне религии казался мне первым шагом в пропасть. Я запаниковал. Мне казалось, что я теряю контроль над жизнью дочери, что она в смертельной опасности, что кто-то промывает ей мозги, пока я занят охотой на других монстров.

Парадокс был в том, что я, человек, который еще в университете научился уважать чужую веру и был окружен студентами разных конфессий, вдруг превратился в нетерпимого надсмотрщика. Когда дело коснулось Мишель, моя реакция была предсказуемой и, признаю, идиотской: я начал давить. Включил режим «плохого полицейского». Жесткие вопросы, требования отчетов, попытки запретить ее бесконечные «буддистские тусовки». В ответ Мишель не просто закрылась — она замуровала себя за стеной ледяного молчания. Я хотел как лучше, но вел себя не как отец, а как следователь на допросе с подозреваемым.

Именно Аббас остановил меня, когда я, взвинченный до предела, вывалил на него все свое негодование во время ланча в очередной командировке. Вместо того чтобы поддержать мое возмущение, он рассмеялся. Искренне, тепло, так, что мое раздражение начало таять, как грязный снег.

— Джеймс, друг мой, ты боишься не ее увлечений, — сказал он, откладывая сэндвич и глядя мне в глаза. — Ты боишься, что она выросла. Интересоваться другой верой — это нормально. Скажи честно: если бы она начала интересоваться исламом, ты бы стал так же паниковать?

Я задумался. После дружбы с Аббасом, после того как я увидел эту религию изнутри, я бы, наверное, даже порадовался, что Мишель расширяет кругозор.

— Видишь, — кивнул он, словно прочитав мои мысли. — Это поиск. Это значит, что у нее живая душа, которая задает вопросы. Не дави на нее. Ты толкаешь ее в темноту, а должен быть для нее опорой. Светом.

— Светом? — фыркнул я, чувствуя себя глупо. — Я не знаю, как с ней говорить. Она несет какую-то чушь про космическую энергию любви.

— Так расспроси ее об этом, — Аббас подался вперед, его темные глаза смотрели серьезно. — Интересуйся. Не допрашивай, а слушай. Сходи с ней на

лекцию. Спроси, как правильно медитировать. Пусть она научит тебя. Даже если ты не намерен сидеть в позе лотоса, сделай это. Тогда она увидит в тебе не врага и не агента ФБР, а друга. Отца.

Я послушал его. Бог свидетель, это было чертовски трудно. Представьте: ты возвращаешься домой после морга, где три часа детально изучал увечья на теле очередной жертвы. Или после дня, проведенного за анализом снимков с места массового убийства, пытаюсь по расположению пятен крови выявить МО убийцы. Ты пропитан запахом смерти. И вот, не успев смыть этот налет, ты садишься на ковер рядом с дочерью, чтобы с серьезным лицом слушать про чакры, карму и безусловную божественную любовь. Мой мозг сопротивлялся, кричал об абсурдности происходящего. Но ради Мишель я находил в себе силы молчать и слушать. И, черт возьми, Аббас был прав. Это сработало.

Лед тронулся. Мишель увидела, что я не пытаюсь сломать ее мир, и сама открыла дверь. Мы начали разговаривать — сначала осторожно, о медитации, потом о школе, о друзьях, о жизни. Отношения наладились. Аббас оказался прав и в другом: это был лишь этап. Очень скоро Мишель «переросла» увлечение буддистскими практиками, с головой уйдя в танцы — румба и фламенко вытеснили ее поиски нирваны. Статуэтка Будды осталась в ее комнате просто как красивое украшение, а табличка «Не входить, я медитирую» появлялась на двери только в недели перед финальными тестами, как способ получить немного тишины.

Спустя десять лет Аббас сдал свой значок. Бюро выжало из него все, что могло. Он уехал в Дубай. Изредка он звонил мне оттуда, рассказывая, что теперь смотрит на иранские горы через залив, работая в представительстве Госдепа. Он все еще рассматривал узоры на ковре Творца, но теперь уже в масштабах большой политики. Но урок, который я вынес из нашей дружбы, остался со мной навсегда, выжженный в памяти: осуждение строит стены. Понимание строит мосты. И, прежде чем бросаться кого-то «спасать», особенно если тебя об этом не просили, попробуй просто сесть рядом и послушать, во что он верит.

Будь то католик, мусульманин, буддист или член какого-нибудь нью-эйдж-движения, которое собирается в гараже и ждет прилета чудо-кометы, — для меня они перестали быть «чужими». Я научился уважать право человека на поиск Бога в любой форме. Какой бы странной ни казалась вера на первый взгляд, если она делает человека добрее, если она дает ему силы жить и не вредить другим, — разве может она быть плохой или опасной?

И именно поэтому, погружаясь все глубже в дело Александра Дворкина, двигаясь из сумрака фактов в кромешную тьму выстроенной им идеологии, я начинаю ощущать не просто профессиональный азарт, а холодную, личную неприязнь. Если вначале мной двигал интерес профайлера — составить портрет уникального субъекта, — то теперь я понимаю: Дворкин создал нечто гораздо более страшное, чем серия убийств. Он создал механизм ненависти. И этот механизм работает против всего, чему меня научили жизнь, служба и друг по имени Аббас.

ЧАСТЬ II

Американский инкубатор

Глава 11

Депрограммирование

Итак, вернувшись в Россию, Дворкин взял эту, казалось бы, узконаправленную идею борьбы с культами и превратил ее в оружие государственного калибра.

Его рецепт «спасения» был прост, жесток и дьявольски привлекателен для растерянной церковной иерархии, искавшей новую опору в хаосе 90-х. Суть его предложения сводилась к следующему: Русской Православной Церкви нужно вернуть статус государственной силы, почти теократической монополии. Но для этого нужна мобилизация. Не «за» что-то абстрактное — любовь, милосердие, благодать. А «против» кого-то конкретного. Против Врага.

Дворкин понимал то, что интуитивно понимают все диктаторы и манипуляторы: страх объединяет толпу гораздо надежнее, чем надежда. И он предложил готового, удобного врага — «культы». Неважно, что многие из этих групп были безобидными общинами, малыми религиозными организациями или кружками по интересам. Факты не имели значения. Главное — создать образ угрозы. Внешней. Чуждой. Смертельно опасной. Требующей немедленного вмешательства, судов и запретов.

Из разговоров с Виктором я запомнил одну важную деталь: в России исторически не было традиции религиозного плюрализма. Церковь и государство были слиты воедино еще со времен Византии, и этот симбиоз вьелся в культурный код. Идея «свободы совести», столь естественная для американца, там воспринималась не как право, а как слабость, как дверь, открытая для врага. Дворкин прекрасно знал это еще по-своему «хиппи-периоду», когда сам был маргиналом. И теперь он виртуозно использовал этот культурный код против тех, кто оказался на его месте.

За глянцевою риторикой «защиты традиционных ценностей» и «спасения молодежи от сект» скрывался куда более циничный механизм. Дворкин мастерски

разыграл спектакль: он сделал вид, что смиренно делится своим западным опытом с РПЦ, что отдает свои знания в руки святых отцов как эксперт и советник. Но на самом деле он занял позицию кукловода. Он не служил Церкви — он использовал ее гигантскую инфраструктуру как платформу для собственной, ничем не ограниченной власти. Он выстроил систему, в которой его личное слово стало решающим вердиктом. Он стал тем, кто определяет: ты — «традиционная религия» и имеешь право жить, или ты — «тоталитарная секта» и подлежишь уничтожению.

И самое главное — он получил то, о чем мечтает любой преступник, всю жизнь бегущий от своей тени: **легитимность**. Защиту. Абсолютную неприкосновенность. Человек, который когда-то хладнокровно убил ребенка, теперь выступал с церковных амвонов и трибун государственных учреждений как главный защитник детей от «опасных культов». Человек, который всю жизнь манипулировал людьми, ломая их волю, теперь учил нацию распознавать якобы «промывку мозгов». Это была не просто ирония судьбы. Это была идеальная, абсолютная маскировка.

Россия 90-х дала ему все, что нужно хищнику: дезориентацию и отчаянную потребность в сильной руке. Дворкин предложил эту руку. И его приняли. Но марионетки редко понимают, что ими управляют. По крайней мере, до тех пор, пока кто-то извне не решит обрезать нити.

В своей официальной легенде Дворкин утверждает, что заниматься темой культов он начал летом 1992 года, сразу после возвращения с похорон отца Иоанна Мейендорфа, и что поручил ему это благое дело протоиерей Глеб Каледа. Якобы — простое послушание, смиренное служение. Но интернет, как известно, помнит все. На заархивированных страницах старых российских форумов — в этих цифровых курилках 2000-х, где еще можно было найти крупицы правды, — мне встретилась совсем другая версия. Один из пользователей писал с пугающей откровенностью:

«Почувствовав шаткость сокрушенных перестройкой традиционных марксистско-ленинских оснований, Московская патриархия выдвинула из своих недр идеолога соответствующей ей масти и духа: "сектовед" А. Дворкина. Упомянутый господин являлся членом запрещенной в США террористической организации, именовавшей себя как "Сеть оповещения о культах" (Cult Awareness Network)...»

Я на несколько минут замер, глядя на экран. Cult Awareness Network (CAN). Это название колоколом отозвалось в памяти, но я все никак не мог припомнить контекст. Откуда я его знаю? Из сводок новостей? Из учебников в Куантико?

В той же ветке обсуждения упоминался какой-то репортаж под названием «Времечко» от 16 апреля 1996 года. Мне пришлось перерывать цифровые свалки видеохостингов, чтобы найти этот артефакт. Качество ужасное, едва ли збор, звук плавает, но плашка с именем читалась четко: «Сотрудник Патриархии, доктор богословия Александр Дворкин».

Я нажал на «play». С экрана на меня смотрел человек, который уже разыгрывал свою большую игру. Его голос звучал уверенно, с едва уловимым акцентом превосходства: *«Я — американский гражданин! У меня американский паспорт. И у меня все американское образование!»*

Корреспондент задает вопрос в лоб: *«С какой организацией Вы сотрудничаете прежде всего?»*

Дворкин отвечает: *«Она называется сокращенно CAN. Это Cult Awareness Network. Это сеть по распознаванию культов»*. Корреспондент, видимо, что-то знал об этой организации, и уточняет: *«А как же ее темное прошлое?»* Дворкин тут же, не моргнув глазом, парирует, что не стал бы их осуждать.

Я нажал на паузу. Лицо Дворкина застыло на экране в гримасе самодовольного превосходства.

Открыв новую папку на рабочем столе, я назвал ее «CAN». Дополнительно я пометил секцию на доске расследований таким же обозначением, обведя его красным маркером. Мне нужно было понять, с кем именно так тесно «сотрудничал» наш новоявленный доктор богословия. И то, что я нашел в архивах американского правосудия и журналистских расследованиях, заставило меня горько пожалеть, что у меня нет полномочий выписывать ордер на арест.

Cult Awareness Network (CAN). За благородным, почти академическим названием «Сеть осведомленности о культах» скрывалось вовсе не просветительское сообщество. То, что мне открылось, скорее напоминало криминальный синдикат, клиринговый центр для киднеппинга по найму.

Эта организация была самой известной структурой, возникшей на волне антикультовой истерии в Америке. В 1970-х годах растущее число новых

религиозных движений вызывало тревогу, и CAN умело играла на этих страхах, раздувая миф о «промывании мозгов» и «контроле над разумом».

Позиционируя себя как экспертный источник информации, к 1991 году CAN отслеживала более 200 групп, вешая на них ярлык «культов». Но информация была лишь приманкой. Их основным продуктом было насилие. Организация продвигала услуги самопровозглашенных «депрограмматоров», которые за огромные суммы — десятки тысяч долларов — похищали и насильно удерживали людей. Жертв запирали, подвергали массированным психологическим атакам, ломали их волю, якобы чтобы «отменить» последствия зомбирования. Эта практика включала в себя полный набор уголовных статей: похищение, незаконное лишение свободы, физическое и даже сексуальное насилие. Тед Патрик, основатель этого движения, и другие его последователи неоднократно оказывались на скамье подсудимых. И, исходя из информации, которую показали в том старом российском телесюжете, именно с этими людьми Дворкин «сотрудничал прежде всего». И именно их он «не стал бы осуждать».

CAN действовала по классической схеме рэкеты, только товаром была не защита от бандитов, а «защита от культов». Организация нагнетала истерию, пугая родителей тем, что их дети превратились в зомби. А потом, когда клиенты под воздействием манипуляций доходили до кондиции, CAN предлагала решение: «депрограммирование».

В одной статье говорилось о том, что для некоторых депрограммистов, помимо физического похищения и удержания, *«не было чем-то необычным употреблять легальные и нелегальные наркотики во время депрограммирования, а также использовать сексуальные методы против своих "клиентов"»*. Никто не знал об этих нарушениях больше, чем сами депрограммисты, о чем свидетельствуют их усилия по достижению признания себя в качестве профессионалов в сообществе специалистов по психическому здоровью. С социологической точки зрения совершенно понятно, почему депрограммисты приобрели «испорченную идентичность» линчевателей и наемников, а не настоящих консультантов или терапевтов. Их принудительные методы возмущали новые религиозные движения (НРМ) и сторонников гражданских свобод и приводили к тому, что многие депрограммисты сталкивались с юридическими и уголовными последствиями. Я начал копать глубже, изучая «отцов-основателей» этой практики. И чем больше я читал, тем отчетливее проступал профиль Дворкина в каждом из них.

Тед Патрик. В прессе его величали «отцом депрограммирования». На деле — человек с неоконченным школьным образованием, бывший водитель грузовика, владелец ночного клуба, участник уличных беспорядков, каким-то чудом ставший Специальным помощником по общественным связям при тогдашнем губернаторе Рональде Рейгане. Для общества он позиционировал себя как «эксперт», а некоторые СМИ без тени сомнения называли его «психологом». Но факты, которые я находил, рисовали портрет социопата с манией величия. Сам Патрик с гордостью хвастался, что провел более 2000 похищений.

И это был очень прибыльный бизнес. В интервью 1979 года он озвучил таксу: 10 000 долларов за «сеанс». Но аппетиты росли. В одном из кейсов 1980 года фигурирует уже астрономическая сумма — 27 000 долларов США (сегодня это больше ста тысяч). Именно столько Патрику заплатили родители Сьюзен Вирт, 35-летней учительницы из Сан-Франциско. За что? За то, что она участвовала в активистских группах: «Коалиции по борьбе со смертной казнью» и «Комитете солидарности африканского народа». Никакой религии, просто активная гражданская позиция. Но метод был стандартным: четверо депрограмматоров (или «бандитов», как их называла сама Вирт) затолкали женщину в фургон, заткнули рот, а затем две недели держали прикованной наручниками к кровати, лишая еды и воды и осыпая ее угрозами.

Закон пытался остановить Теда Патрика, но слишком вяло. В *Toledo Blade* от 27 июня 1974 года я нашел заметку: *«Тед Патрик, самозванный религиозный "депрограммист", приговорен судьей к семи дням тюремного заключения. Судья заявил, что это научит его тому, что он "не может играть роль Бога или закона"»*. Семь дней. Смехотворный срок для человека, который превратил похищение людей в конвейер. Неудивительно, что он не остановился. И неудивительно, что Дворкин взаимодействовал именно с такой группой.

Когда Патрику однажды напомнили, что его тактика нарушает конституционную защиту Первой поправки, он с циничной ухмылкой ответил, назвав свободу вероисповедания **«одним из величайших рэкетов, которые когда-либо знал мир»**.

Я открыл архив *The New York Times* за 19 апреля 1982 года. Статья сухо перечисляла обвинения против «отца депрограммирования»: похищение, незаконное лишение свободы, нападение, сексуальное насилие. Детали дела словно из папки моего рабочего стола. Октябрь 1981 года. Стефани Рьетмиллер

идет домой со своей партнершей. Двое подручных Патрика брызгают в лицо спутнице перцовым баллончиком, а Стефани заталкивают в фургон, где ее уже ждет родной отец. Родители наняли Патрика, чтобы «вылечить» дочь от лесбийских отношений. Семь дней в хижине в Алабаме. Оскорбления, психологический прессинг. Но «лечение» включало не только разговоры. Согласно показаниям Стефани, один из «депрограмматоров» насиловал ее пять ночей подряд.

— Господи, — прошептал я, делая пометку в блокноте. — Да они все помешаны на насилии.

Меня поразили чудовищный парадокс. В Бюро работают целые отделы, сотни агентов тратят годы жизни, отслеживая маньяков, которые похищают и удерживают людей в подвалах или хижинах в лесу. Мы изучаем их профили, ищем микроскопические улики. А здесь... Здесь они делают это открыто! У всех на виду. С благословения родителей. И им за это еще платят.

И это — основатели CAN. Той самой организации, о которой Дворкин с гордостью говорит в эфире российского ТВ. Если наложить этот фактаж на психологический профиль Дворкина — его садистические наклонности, маниакальную жажду власти, опыт насилия на стройке и в больнице, — становится ясно: CAN была для него не просто партнером. Это была ролевая модель. Участвовавшие в депрограммировании люди такие же социопаты, как и он. Но они смогли сделать гениальный ход: они коммерциализировали свой садизм. Они построили на этом целую бизнес-империю. Схема была дьявольски проста. Сначала они прогревали общество истерией о «страшных культах» и «промывке мозгов». Испуганные родители, готовые на все ради спасения чад, несли им деньги, фактически покупая билет в ад для собственных детей. Они отдавали их в лапы Патрику и его своре, думая, что спасают, а на самом деле — оплачивали услуги садистов и сексуальных маньяков.

Очень скоро аппетиты выросли. Поняв, как легко манипулировать страхом близких, депрограмматоры расширили меню. Теперь «культом» могло стать что угодно. Лесбийские отношения? Похитим и изнасилуем, чтобы «вразумить», как Стефани. Неудачный брак? Пожалуйста. Как в случае с Джанет Каннефакс, чьи родители наняли Патрика, чтобы заставить дочь развестись с мужем.

Мне сложно представить, что стало бы с моей семьей, попадись мне на пути такие манипуляторы, как Тед Патрик и его шайка депрограмматоров, в тот

сложный период с Мишель. Слава Богу, рядом был Аббас, который вовремя вправил мне мозги. Да и моя профессия — работа с самыми изощренными психопатами и маньяками — стала своего рода иммунитетом. Вряд ли я позволил бы кому-то так грубо собой манипулировать.

Но тысячи других родителей оказались беззащитны. Вокруг Патрика и его «похищений во благо» крутилась бесконечная карусель судебных разбирательств. Его сажали в тюрьму, но он возвращался к своему ремеслу с маниакальным упорством. Иногда он руководил похищениями прямо из камеры, дистанционно управляя своими боевиками. В обществе росло возмущение, правозащитники били тревогу, но парадокс заключался в том, что суды часто оправдывали его. Судьи верили в красивую легенду: родители нанимали Патрика из любви, а его головорезы были всего лишь «специалистами по спасению».

Как заключалось в судебных документах по делу Лесли Вайсс против Патрика в 1978 году, которую силой удерживали в доме, и мать заказала Теда Патрика, чтобы ее дочь депрограммировать и заставить ее выйти из «Церкви Объединения». Окружной суд США по округу Род-Айленд — 453 F. Supp. 717 (DRI 1978) заключил: *«Произошедшее здесь было лишь попыткой, в частном порядке, убедить расположенного к беседе слушателя отказаться от доктрин Церкви объединения. Придерживаться иного означало бы лишить ответчиков их права, гарантированного Первой поправкой, на свободу слова — одного из тех прав, на которые сама истец ссылается как на основание своего иска о нарушении гражданских прав».*

Размышляя об этом, я понимаю: для Дворкина это был идеальный кейс. Наглядное пособие того, как можно организовать прибыльный бизнес на чужих страданиях, и при этом вертеть законом как дышлом. Иметь власть над телами и душами и оставаться безнаказанным. Период расцвета деятельности Патрика идеально совпадает с годами жизни Дворкина в Америке. Он не мог этого не видеть. Он мог наблюдать за этим в реальном времени, изучать механику, а возможно — и встречаться с «отцом-основателем» этой садистской практики.

Тед Патрик утверждал, что человек, попавший в «культ», не способен мыслить, а значит, лишен прав. Это классическая дегуманизация. Объяви кого-то «зомби» — и ты получаешь карт-бланш на любое насилие: избиение, голод, изнасилование. Дворкин, в это время занятый пошивом своего нового костюма «интеллектуала» и «богослова», явно мотал на ус. Патрик дал ему ключевую идею: оправдание

садизма высокой целью. Но Дворкин оказался умнее. Увидев крах депрограммирования и банкротство CAN, он понял, что грубая сила в лоб — это путь в тупик. Для его будущей империи требовались более тонкие инструменты. Он покинул США вовремя, чтобы не запачкаться в судебных процессах, но увез с собой главное — технологию. Он понял: чтобы его новый костюм сидел идеально и давал абсолютную власть, он должен быть сшит не из камуфляжа похитителя, а из мантии государственного эксперта.

Я смотрю на фото Патрика из старого журнала. Выглаженный костюм, очки, деловой вид — образ респектабельного эксперта. Но я смотрю в свои заметки: «не имеет высшего образования», «основал практику насильственного депрограммирования», «построил бизнес на похищениях», «подозрения в наркотиках и сексуальном насилии», «специальный помощник при Рейгане». Удивительно, но этот портрет словно зеркально отражает биографию Дворкина.

Представители CAN, как на подбор, обладали схожим психопатологическим набором. Я принялся разбирать досье самых ярких фигур и очень скоро вышел на Рика Алана Росса. Еще одна «звезда» CAN. В его досье — кража драгоценностей (как это было и в кейсе La Bestia, которого я совсем недавно вспоминал) и принудительное лечение в психиатрической клинике.

— Идеальное резюме для синдиката Дворкина, — ухмыльнулся я, прикалывая фото Росса рядом с Тедом Патриком на доске расследования в сектор «ДЕПРОГРАММИРОВАНИЕ».

Сам Росс в статье на своем официальном сайте от 31 мая 2020 года рисует совсем другую картину. Он описывает себя как титана экспертной мысли:

*«Я начинал как активист и организатор сообщества, но позже работал в агентстве социального обслуживания и образовательном управлении. С 1980-х годов я **занимаюсь исследованием разрушительных культов**. И хотя я никогда не учился в колледже, **меня просили читать лекции** во многих университетах как в Соединенных Штатах (например, Baylor, Carnegie Mellon, Репп, Университет Чикаго), так и в Азии.*

Мое резюме здесь.

*Будучи судебно квалифицированным и признанным экспертом, я давал показания в 10 штатах, включая федеральный суд США, после Daubert Hearing, который подтвердил мою экспертизу. Моя работа в качестве **эксперта-***

свидетеля охватывала уголовные процессы, иски о причинении вреда и дела о воспитании детей.

Моя книга "Культы внутри" (Cults Inside Out) переведена на китайский и итальянский языки и включает две очень внимательно снабженные сносками и релевантные главы: "Определение разрушительного культа" и "Установление мозгового промывания в культах".

Моя работа как эксперта также включала сотрудничество с правоохранительными органами, такими как ФБР, ATF, а также Министерство социального обеспечения Израиля. Я также являлся платным профессиональным аналитиком для CBS News, CBC, Nippon и Asahi Television (Япония) и экспертом-консультантом для Miramax, Disney и Ubisoft.

Моя работа достаточно хорошо известна через документальные фильмы и новости как в США, так и за их пределами».

Звучит впечатляюще. «Сотрудничество с ФБР», «лекции в университетах», «судебный эксперт». Но стоит заглянуть за фасад, как открывается совсем иная картина. И чем больше я вчитывался в заключения психиатров, тем сильнее становилось ощущение дежавю. Я словно читал описание «московского периода» самого Дворкина, только под другим именем.

В сети нашлась информация о том, что у Росса обширная история психической нестабильности и опасного поведения, тянущаяся с самого детства. Психиатры пришли к выводу, что это объясняется его антисоциальным, манипулятивным поведением и сексуальными проблемами.

Доклад клинического психолога доктора Хэрольда Макнили от 29 марта 1967 года подробно описывает ментальные и эмоциональные проблемы Росса в детстве.

Еще интереснее отчет доктора Джерома Дж. Кея от 10 сентября 1975 года. Оказывается, Рик Росс находился под его опекой с 1957 по 1971 год. В 1965 году, когда мальчику было всего десять, ему уже прописали серьезные психотропные препараты: «Deaner» и «Librium». Их он принимал ежедневно, в отчаянной попытке врачей подавить его антисоциальное поведение.

Доктор Томас О'Брайан в докладе от 26 ноября 1975 года характеризует Росса как «оппортуниста» и отмечает, что во время его второй отсидки в тюрьме (за кражу ювелирных изделий) пациент проявлял «много признаков серьезной

психологической декомпенсации». В статье также сообщается, что во время этого заключения Росс предпринял серьезную попытку суицида.

Я перевел взгляд на часть своей доски-расследования, где висела справка из Московского психоневрологического диспансера за 1973–1977 годы. Александр Дворкин. Диагноз: «циклотимия». Расстройство личности с элементами эмоциональной незрелости и аффективной нестабильности. Симптомы? Практически те же самые: устойчивая тревожность, апатия, аффективные вспышки гнева (включая ненависть к близким), истерики, навязчивые состояния. И та же попытка суицида. Плюс перцептивные нарушения — он «слышал мелодию в голове» и «чувствовал присутствие кого-то за спиной».

15 января 1976 года, «Presentence Investigation» по делу Рика Росса за кражу в ювелирном магазине описывает инцидент 23 июля 1975 года и констатирует, что с момента ареста он провел шесть недель в тюрьме. Росс заявил, что обращался за помощью в Филлморскую клинику психического здоровья.

Но самым красноречивым был отчет доктора Домисиано Э. Сантоса из Аризонской государственной больницы от 25 марта 1976 года. Я перечитал заключение несколько раз, отмечая маркеры, которые один в один совпадали с профилем нашего с Виктором «Кремлевского маньяка». Отчет указывает, что Росс действительно обращался за помощью в Филлморские службы психического здоровья из-за «тревоги, **депрессии и сексуальных проблем**».

Мне вспомнился паттерн Дворкина: садизм и эпизод с изнасилованием на стройке. Сексуальная фрустрация у обоих сублимируется в жажду доминирования и тотального контроля над чужими жизнями.

На старом скриншоте заключения доктора Сантоса сообщается:

*«Я считаю, что у Рики **расстройство личности**, которое началось еще в детстве. У него была эмоциональная дезадаптация, он так и не усвоил обычные правила поведения в обществе, в результате чего в детстве у него случались вспышки гнева, он был требовательным, **манипулятивным и сварливым ребенком, у него не было друзей, и он был непокорным**».*

«Требовательный, манипулятивный и сварливый ребенок, у которого не было друзей». Если вспомнить детство Дворкина: конфликты с матерью, отсутствие друзей, хвастливость, за которую его били, манипуляции друзьями и людьми вокруг. Это классический портрет зарождающегося социопата.

«Он, кажется, не извлекает уроков из своего прошлого опыта и не осознает, что его поступки социально неприемлемы и опасны, и не понимает, что несет ответственность перед обществом за контроль над своим поведением. Он испытывал чувство вины за то, что сделал в первый раз, но повторял свои действия, несмотря на выговоры и наказания. Он не мог контролировать свои импульсы, несмотря на наказания. Рики, кажется, требует немедленного и мгновенного удовлетворения своих желаний и потребностей, **не проявляя сочувствия к интересам других**, с которыми у него были какие-то эмоциональные привязанности. Он, похоже, **не отождествляет себя с обществом и его законами и считает наказания несправедливыми**. У него есть склонность перекладывать ответственность на других, хотя сейчас он постепенно берет ее на себя».

«У него проблемы с обучением из-за неспособности слушать. Я вижу в Рики человека с социопатическими наклонностями, [имя удалено] и как в человеке с трудностями в обучении. Рекомендуется строгий испытательный срок с определенными ограничениями и интенсивным консультированием или психотерапией. Никакая форма лишения свободы ему не принесет пользы. Прогноз от удовлетворительного до осторожного. ДОМИСИАНО Э. САНТОС, доктор медицины».

Именно дело Росса уничтожило организацию CAN и практически приостановило действия депрограммистов в Америке.

Кейс Джейсона Скотта. 1995 год. Росс и его подручные похитили 18-летнего парня. Они надели на него наручники, заклеили рот скотчем, связали лодыжки веревкой, а 300-фунтовый охранник сел ему на спину, чуть не сломав позвоночник. Ноги, верхняя часть тела и спина Скотта были покрыты многочисленными синяками и ссадинами от того, что его тащили к фургону по лестнице, полу и патио. Его насильно удерживали пять дней и унижали. В конечном итоге действия Росса и CAN были признаны «возмутительными, зверскими и нетерпимыми в цивилизованном обществе». CAN обанкротилась, выплачивая миллионные компенсации.

Еще один эпизод, который не обошел стороной мой интернет-серфинг. Всплыли детали статьи с ресурса *Religious Freedom Watch*, которую я нашел пару часов назад. Там описывалось дело Деборы Л. Мэлоун.

28 января 2002 года. Тело 35-летней женщины находят в автомобиле на берегу озера. Причина смерти — преднамеренная передозировка. Смертельный коктейль из антидепрессантов и наркотических обезболивающих. Она оставила предсмертную записку, содержание которой осталось за кадром, но финал был очевиден. Единственным объяснением, которое смог найти судмедэксперт, была ее жалоба на депрессию. Дебора (ранее известная как Кристенсен) была не просто случайной жертвой. Она была клиенткой Рика Алана Росса. История их «сотрудничества» началась еще в 1988 году. В показаниях под присягой от 1992 года Росс утверждал, что Дебора обратилась к нему за помощью, и он провел «много часов», консультируя ее и ее мужа Карла. Росс и его поделщик Джефф Якобсен (еще один неудавшийся карьерист, пытавшийся превратить ненависть к религии в бизнес) плотно взяли женщину в оборот. Они называли это «консультированием по выходу». Но факты говорили о другом: это был многолетний прессинг.

Самое циничное в этой истории — реакция самого Росса. В своих показаниях он клялся: *«Дело в том, что она [Дебби] столкнулась со своей болью и проблемами, пытаясь преодолеть их и стать лучше. Похоже, ей это удалось»*. На его веб-сайте долгое время висела статья, восхваляющая ее предполагаемое «выздоровление». «Выздоровление», которое закончилось на берегу озера со смертельной дозой таблеток в желудке.

Росс утверждал: *«За последние несколько лет Дебби добилась значительных успехов. Она стала сильнее...»*

Реальность же была такова: к 2002 году, после многих лет подобных «консультаций» и вмешательства таких «друзей», как Росс и Якобсен, Дебора использовала те самые препараты, которые должны были ей помочь, как оружие против самой себя.

Это навело меня на страшную мысль. Возможно ли, что эти «эксперты» — САН и ее депрограммисты, а вместе с ними и Дворкин — не просто безразличны к суицидам своих жертв? Что если они намеренно манипулируя их сознанием *провоцируют* их? Чтобы довести до желанного финала и при этом не испачкав руки? Для садиста-психопата доведение жертвы до самоубийства — не идеальное ли это убийство чужими руками? Ты не нажимаешь на курок, не затягиваешь петлю. Ты просто годами, шаг за шагом, «консультируешь» человека, пока его реальность не превращается в такой ад, что смерть кажется единственным спасением. Росс

публично гордился успехами Деборы, пока она медленно умирала внутри. Можно ли назвать это терапией? Исходя из данных из этих статей, очень похоже, что это было медленное убийство под вывеской заботы.

Связь между методами CAN и трагическими финалами их «клиентов» была слишком очевидной, чтобы считать ее совпадением. Это была система по уничтожению личностей. И Александр Дворкин, этот «православный профессор», очевидно взял эти методики в конструкт своей идеологии. Он впитал эту технологию смерти, чтобы построить что-то куда более злое. Только если Росс работал с единицами, то Дворкин, судя по всему, и по тому, что я нашел, готовился масштабировать эту систему. На миллионы. Хотя сам Дворкин в интервью 1996 года о CAN говорит: *«Я не стал бы их осуждать»*. Он знал, кто они. Он знал, что они делают. И он это одобрял.

В пантеоне этого контрдвижения была еще одна фигура, претендовавшая на роль интеллектуального лидера. Звезда разрушения, сиявшая ярко, но фальшиво. **Стивен Хассан.**

Я начал составлять его досье. С первых же страниц интернет-архивов потянуло знакомым душком — смесью нарциссизма, цинизма, патологической лживости и той особой тяги к монетизации человеческих страданий, которую я уже видел у Патрика и Росса.

Источники указывают, что Хассан был членом «Церкви Объединения» (мунитов). Это классический пример «профессионального апостата» — человека, который выходит из группы не для того, чтобы стать свободным, а чтобы обозначить обществу врага и выместить на нем свои нереализованные амбиции. Его «легенда» гласит: он попал в автокатастрофу, после чего родители заперли его в доме для депрограммирования. Спустя несколько дней он якобы «прозрел», осознал, что ему «промыли мозги», и, восхитившись эффективностью насильственных инструментов, решил посвятить этому жизнь. Почти образцовая биография для лекционного тура: травма, плен, освобождение, призвание.

Когда я смотрел резюме Хассана, мой внутренний «детектор лжи», отточенный тысячами допросов, выдал сигнал фальши. Слишком много «Гарварда». Слишком много блеска для человека, чья основная деятельность была основана на практике насильного физического и морального подавления невинных людей.

Мои глаза скользнули к статье с жалобами на сайте Рика Росса — классический случай: пауки в банке рано или поздно начинают пожирать друг друга. Там была указана информация о расценках этого очередного «спасителя от страшных культов»: *«Стив Хассан не публикует свой прейскурант, но, согласно жалобам, он взимал плату в диапазоне от 250 долларов в час или 2500 долларов в день до 500 долларов в час или 5000 долларов в день. Это не включает расходы Стива Хассана, которые, согласно жалобам, могут быть весьма существенными. Стив Хассан брал с семей десятки тысяч долларов, а результаты его работы вызывали сомнения. Одна семья, пожаловавшаяся на Стива Хассана, указала на общую сумму его услуг почти в 50 000 долларов».*

Как и Дворкин, Хассан одержим статусом. Он называет себя «экспертом №1», утверждает, что преподавал в Гарвардской медицинской школе, что исходя их источников оказалось ложью.

— Классический М.О. манипулятора, — отметил я, делая пометку в блокноте.

Если человек лжет о своем статусе в академической иерархии, он делает это с одной целью: пустить пыль в глаза критикам и сделать свою шкуру хищника более привлекательной для потенциальных жертв. Он строит интеллектуальный редут. Хассан продавал себя СМИ как «преподавателя Гарварда», но на деле был лишь волонтером или приглашенным гостем на разовых семинарах. Разница между профессором и гостем такая же, как между настоящим федеральным маршалом и парнем, который купил жестяной значок на али-экспресс.

Кстати, о сувенирах. Я криво усмехнулся, глядя на список его «наград». Там гордо значилась «Иерусалимская медаль», якобы врученная ему государством Израиль за особые заслуги. Звучит весомо, почти как Нобелевская премия. Но проверка фактов обличила неудобную правду. Это был всего лишь бронзовый сувенир — безделица, которую израильский чиновник Нахум Ицковиц раздавал десятками во время своего визита в Нью-Йорк всем подряд. Эту «медаль» можно купить в любой туристической лавке в Старом городе Иерусалима или найти на eBay за пару десятков баксов. Но из уст Хассана этот кусок штампованной бронзы превратился в артефакт почти галактического признания.

Но в информации об этом депрограммисте впечатлило не это. Лицензионная комиссия штата Массачусетс выносила ему предупреждение за нарушение этики — он публично разглашал конфиденциальные данные клиентов, пытаясь защитить

свою репутацию. Но очевидно для Хассана «благополучие клиента» стояло на последнем месте. На первом всегда был «Бренд Хассана».

Я открыл заархивированную версию официального сайта Хассана. Вспоминаю еще одно золотое правило в профайлинге: хочешь узнать, кто перед тобой — не слушай, *что* человек говорит о других. Слушай, *как* он говорит о себе. Текст архивной версии сайта от 2020 года, который я увидел, словно был памятником, который Хассан воздвиг самому себе при жизни. Передо мной был классический набор признаков, описанных в критериях нарциссического расстройства личности по DSM-5:

*«Я также прочитал **бесчисленное количество** лекций в университетах, колледжах, церквях и синагогах, средних и старших школах, молодежных организациях и других общественных и профессиональных группах...»*

*«Благодаря почти 40-летнему опыту активизма в области повышения осведомленности о сектах, **мой проницательный взгляд и экспертные комментарии сделали меня авторитетным источником** информации для сотен национальных и международных СМИ, включая: 60 Minutes, CNN, Fox News, Good Morning America, Larry King Live, Los Angeles Times, New York Times, Newsweek, Night Line, NPR, Oprah Winfrey Show, The O'Reilly Factor, The Today Show, The Wall Street Journal, USA Today и Washington Post».*

Не похоже, чтобы он сомневался в уникальности своего дара: «*мой проницательный взгляд*». Здоровый профессионал напишет: «Я выступал с комментариями». Нарцисс напишет: «Мои экспертные комментарии **сделали меня авторитетным источником**». Разница — в фокусе. В центре вселенной Хассана стоит не проблема, а сам Хассан, героически эту «проблему» решающий.

А список СМИ, который он приводит (CNN, Fox News, Oprah, Washington Post), словно напоминает перечень трофеев серийного убийцы. Только вместо личных вещей жертв здесь — логотипы телеканалов. Для личности с нарциссическими чертами публичная видимость функционирует как наркотик: каждое появление в СМИ становится источником нарциссической валидации, подпитывающей раздутый образ собственного «Я». При этом социальная миссия превращается в побочный продукт — истинной целью становится поддержание собственного статуса. Ведь каждое его появление на экране — это не помощь обществу, как он заявляет, а топливо для истерии, в результате которой все больше невинных людей страдают от травли и подавления.

*«За годы своей работы я провел множество обучающих семинаров и тренингов для **специалистов в области психического здоровья, педагогов и сотрудников правоохранительных органов по всему миру, а также для семей членов культов**».*

Этот текст обнажает эмпатический вакуум. Существовали ли вообще те, кому он якобы помог? Где их имена? Примеры? Нет историй спасения, где фокус был бы на человеке. Есть только «Я провел», «Я обучил», «Меня показали». Совершенно очевидно, что люди для этого якобы «эксперта по культам» — лишь статистика, «бесчисленное количество» ступенек к славе.

Что меня поразило, так это его способ монетизации своей лжи и «экспертности», выстроенной на манипуляциях сознанием людей и чувстве собственного превосходства. На своем сайте он вывешивает ценники своих «курсов»:

«Понимание культов: базовый курс для специалистов в области психического здоровья» — 399 долларов. «Понимание культов: базовый курс для врачей (ACCME)» — 599 долларов.

За что? За 9 часов видео. Почти четыре сотни баксов за то, чтобы послушать, как самовлюбленный «эксперт» пересказывает свои же теории, не имеющие научной базы. Классическая схема инфобизнеса, только помноженная на страх и манипуляцию человеческими эмоциями. Он продает врачам и психологам иллюзию компетентности, разрушающую чужие жизни. Но если разобрать этот инфобизнес на составляющие, суть продаваемого продукта оказывается куда страшнее банального мошенничества. Покупая эти курсы, человек платит не за научную методологию. Он приобретает иллюзию, призванную замаскировать прямое, систематическое посягательство на Первую поправку, свободу вероисповедания и базовые конституционные права.

Фактически, этот самопровозглашенный «эксперт» торгует пошаговой инструкцией по совершению преступлений против личности. Его программа обучения — это руководство по тому, как лишать законных прав мирных граждан под предлогом защиты общества. То, что он упаковывает в термины «просветительской работы» и «борьбы с культами», в криминалистике и международном праве имеет совершенно иные определения. Это целенаправленная стигматизация, дегуманизация и, по сути, психологическое

убийство. Латентный гомицид, завернутый в глянцевую обертку несуществующей науки.

В этой схеме заложена глубокая, разрушительная патология. Подобные курсы работают как легальная индульгенция для лиц с садистскими и маниакальными наклонностями. Создавая вымышленный статус «экспертности», они получают возможность безнаказанно выплескивать свою мизантропию на законопослушных людей, чья единственная вина заключается в личном мировоззрении.

Они самовольно подменяют собой правоохранительные органы, вынося приговоры и назначая виновных. И самая циничная деталь этой системы заключается в том, что масштабные нарушения прав человека совершаются прямо на глазах у системы правосудия. Манипулируя терминологией и играя на общественных страхах, они успешно перепрограммируют восприятие самих силовиков, заставляя их закрывать глаза на беззаконие.

В сухом остатке мы имеем поразительный по своей наглости прецедент. Человек берет четыреста долларов за то, чтобы научить вас нарушать закон, применять психологическое насилие к невинным людям и реализовывать собственные деструктивные комплексы, сохраняя при этом абсолютную иллюзию правовой неуязвимости. По сути, он словно говорит людям: «Заплатите мне, и я научу вас видеть врагов там, где их нет. Я дам вам очки, через которые весь мир будет казаться полем битвы». Для Хассана это двойной выигрыш: он получает деньги и одновременно вербует себе новых адептов.

А учитывая информацию о том, что Хассан изучал гипноз и является членом Международного общества гипноза, картина вообще обретает совершенно иной окрас. Может он не просто читает лекции, а «программирует» аудиторию? Может эти девять часов видео превращаются в сеанс массовой индукции, где через экраны мониторов в головы профессионалов и простых граждан вживляются нужные ему разрушающие установки? Возможно, он использует деструктивные инструменты, обвиняя в этом тех, с кем якобы борется, чтобы превратить дипломированных врачей в своих послушных ретрансляторов.

А вот истинная природа его «экспертности» выглядит иначе. На одном сайте встретила информация о свидетельствах пострадавших от действий Хассана:

«Одна из жертв Хасана, Артур Розель, в то время член Церкви Объединения, был похищен Хасаном в Мичигане. Розель, которому сейчас 47 лет и который работает банкиром, заявил под присягой: "Когда я впервые попытался сбежать

от похитителей, они схватили меня за руки и бросили на пол. В результате я ударился подбородком и щекой о кафельный пол. У меня образовался порез на внутренней стороне нижней губы и синяки на подбородке и правой скуле. Затем мне связали руки и ноги, отнесли в маленькую комнату и положили на койку. Профессиональные специалисты по депрограммированию Стивен Хассан и Элен Ллойд начали работать посменно, чтобы силой отучить меня от выбранных мною религиозных убеждений".

"В течение всех первых трех дней моего похищения и незаконного лишения свободы я был связан... и мне не разрешали спать".

"Когда началась депрограммизация, я решил не говорить и не есть. После двух дней молчания и голодания Стивен Хассан пригрозил подвергнуть меня серии уколов"...»

О! Ты глянь. Знакомый почерк. Угроза уколами. Интересно, а какими именно? Не теми смесями, которыми Дворкин орудовал в 67-ой московской больнице? Или чем-то из арсенала хипповой молодости Дворкина — из тех времен, когда в его окружении внезапно стали происходить смерти от «передоза»?

Этот же источник сообщает, что Хасан участвовал в попытке депрограммирования другой жертвы, «ЛС». Трое мужчин ворвались в номер мотеля, где ЛС навещала свою сестру, силой сбросили ее с кровати и угрожали сломать ей ногу, если она позовет на помощь или попытается сбежать.

Также выяснилось, что Хассан ложно выдает себя за «эксперта» по религиям, основывая свои теории на работах психолога Маргарет Сингер, чьи теории были решительно отвергнуты как ненаучные Американской психологической ассоциацией и многочисленными судами США. В марте 1996 года в деле «Кендалл против Кендалла» Окружной суд США по штату Массачусетс отклонил кандидатуру Хасана в качестве эксперта. Показания Хасана в этом деле свидетельствуют о том, что он брал 200 долларов в час за подготовку и 1500 долларов в день за свои «экспертные показания» по новым религиям, хотя он никогда раньше не давал показаний в суде, и его единственной квалификацией было вечернее образование в несвязанной с религией области.

А вот доктор Кэтлин Манн, судебный эксперт, дала его методам исчерпывающее определение: «Хассанология». Это замкнутая система, где Хассан — молоток, а весь мир — гвозди. Он расширяет понятие «культа» до абсурда, пытаясь записать туда всех: от политических оппонентов до Британской

королевской семьи. Такая экстраполяция — это классический случай психологической проекции: сам Хассан воспроизводит поведенческие паттерны, которые он приписывает «гуру культов».

Среди прочего я выделил комментарий некоего Бирмингем (Brian J Birmingham), который сообщил под статьей о деятельности Стивена Хассана следующее: *«Этот человек — один из самых лицемерных людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. Он также один из наименее искренне эмпатичных людей из всех, кого я встречал, и у меня даже возникло желание написать собственную книгу под названием **"Кульм Хасана"**. В конце концов, я был членом Культа Хасана в течение трех лет. В ноябре 2011 года я находился в состоянии тяжелого психологического кризиса и был госпитализирован в психиатрический стационар на пять дней. У меня были суицидальные мысли»*.

Бирмингем описывает, как в ноябре 2011 года оказался в состоянии тяжелейшего психологического кризиса. Пять дней в психиатрическом стационаре. Суицидальные мысли. На этом моменте в моей памяти всплыло свидетельство о клиентке Рика Алана Росса, которое я совсем недавно вынес в свои заметки. Женщина покончила с собой после «его консультаций» от психологических проблем. Пазл продолжал складываться в картину. Многое указывает что методы этих «экспертов» — гипноз, манипуляция сознанием, грубое вторжение в психику — это не просто действия, которые психологически ломают людей. Для садиста это может быть идеальным способом удовлетворить свои потребности. Ты не пачкаешь руки кровью. Ты просто капля за каплей создаешь в голове жертвы такие мысли и образы, что смерть начинает казаться единственным выходом. И ты наблюдаешь за этим с безопасного расстояния, наслаждаясь своей властью над чужой жизнью.

«Находясь в больнице, я связался с помощницей Стива и рассказал ей, где я нахожусь и что со мной происходит. Когда я вышел из больницы и на протяжении всего остального времени, пока я знал Стива, он НИ РАЗУ не спросил меня, как я себя чувствую, как я чувствую себя теперь, когда вышел, остался ли я суицидальным или нет — ничего. Он вообще никогда не упоминал об этом со мной и не выразил никакой заботы о моем психическом состоянии. Он даже не спрашивал меня о моей госпитализации, о том, как я себя чувствую — ничего».

Полное, тотальное отсутствие эмпатии. Похоже, что Хассан использовал людей как батарейки для своего эго, высасывал их досуха — эмоционально и финансово, — а когда они ломались, просто выбрасывал их на обочину, даже не оглядываясь. Для него клиент — что клиент, оказавшийся в психушке с мыслями о петле, что его же «адепт», прислуживающий его бизнесу, и страдающий от депрессии — не был трагедией, а просто «отработанным материалом», который больше не приносит ни денег, ни славы.

Я наткнулся на еще одно упоминание его деятельности на сайте — реплику самого Хассана, которую поначалу опрометчиво пропустил, не обратив особого внимания:

*«Я был приглашенным спикером на Национальном симпозиуме по системе Amber Alert Министерства юстиции США в 2009 году, где **объяснил, почему жертвы не убегают и как похитители детей убеждают жертв остаться**».*

Ведь люди с нарциссическими чертами склонны приукрашивать собственные достижения — однако Хассан сослался на вполне конкретное мероприятие: Шестой ежегодный Национальный симпозиум по системе Amber Alert. Официальные источники подтвердили: симпозиум действительно проходил 27–29 октября 2009 года в Тампе, Флорида. Организатор — Управление программ правосудия (OJP) Минюста США. Более ста участников: копы, агенты, специалисты по поиску пропавших детей. Мэри Лу Лери, заместитель помощника генпрокурора, вручает награды героям, спасшим жизни. Выжившие жертвы киднеппинга делятся своими трагедиями, заставляя зал плакать. Обсуждаются трансграничные протоколы, новые технологии.

И посреди этого собрания людей, посвятивших жизнь спасению детей, Стивен Хассан. Человек, чьи коллеги по CAN похищали людей и насиловали их в мотелях. Он стоит на трибуне и с умным видом объясняет офицерам, **почему жертвы не убегают**.

Откуда у него такие глубокие, интимные познания в психологии удержания? Откуда он в деталях знает, *как именно* заставить жертву остаться? Но учитывая его опыт в депрограммировании, вопросы эти не требуют ответа.

Тем более, что есть еще одно темное пятно в биографии Хассана, связанное с беглым сексуальным преступником, которое заставило меня в очередной раз

убедиться в преступной сущности всей этой хорошо организованной группы «борцов с культами», — его связь с Антоном Хайном.

Оказалось, что на своем сайте Хассан годами рекомендовал ресурс *Apologetics Index*, которым управляет Хайн. Они обменивались ссылками, пиарили друг друга.

Кто же такой Антон Хайн? В архивах удалось найти и сканы (ужасного качества) протокола уголовного заседания № 3 от 22 июля 1994 г., заявление ответчика и суда по делу о признании вины, вынесенное Верховным и муниципальными судами округа Сан-Бернардино от 13 мая 1995 года и текст официальных обвинительных заключений по уголовным делам, в которых Антон Хайн признал себя виновным в совершении сексуального преступления над несовершеннолетним ребенком и публично подтвердил это в открытом судебном заседании.

Хайн — осужденный сексуальный преступник. Но в обществе позиционирует себя, также как и Хассан, экспертом по культам. Он признал себя виновным в развратных действиях в отношении ребенка — своей собственной племянницы. Судебные документы (дело «Народ против Хайна», округ Сан-Бернардино) свидетельствуют о двух эпизодах насилия. После приговора он сбежал из США, нарушив условия досрочного освобождения, и скрывается в Амстердаме, в городе, где легко затеряться среди каналов и грехов. Но ордер на его арест, выданный много лет назад, исходя из документов, очевидно, все еще горел красным в базах данных, ожидая своего часа. Я даже не удивился, когда увидел информацию о том, что Хайн также является лидером небольшой группы, которую он называет «домашней церковью» в Амстердаме. То есть, по сути, он священник созданной им самим же церкви.

— Идеальный субъект в команду Дворкина, — произнес я вслух, и собственный голос показался мне чужим. — Педофил, прячущийся за маской священника.

Тед Патрик (осужденный киднеппер, насильник). Я смотрел на схему связей на своей стене. Рик Росс (судимый вор, депрограммист). Стивен Хассан (манипулятор, поддерживающий педофила). И Александр Дворкин, который открыто заявляет о сотрудничестве с организацией CAN, но при этом демонстрирует избирательность в критике ее методов.

Психологический анализ выявляет устойчивый паттерн. Дворкин, как и упомянутые фигуры, обретает себя в среде, где доминируют схожие поведенческие

стратегии. Эти индивиды демонстрируют ряд общих характеристик, формирующих узнаваемый профиль.

Исходя из того, что я проанализировал, механизм их функционирования складывается из трех последовательных этапов:

Во-первых, конструирование угрозы. Произвольно выделяется группа, маркируется как «деструктивный культ», подвергается демонизации и девальвации человеческого статуса ее членов. Для легитимации своих действий используются псевдонаучные концепты — «промывание мозгов», «контроль сознания», — не имеющие устойчивой эмпирической и юридической базы.

Во-вторых, монетизация «спасения». Предлагается услуга по «извлечению» из культа. В американском контексте это принимало форму коммерческих контрактов с семьями (Патрик, Хассан). В России Дворкин, судя по доступным данным, транслирует эту модель государственным и церковным структурам, обменивая «экспертные» заключения на статус, влияние и административные предпочтения. Но этот аспект еще требует дополнительного исследования.

В-третьих, легитимация насилия. Под прикрытием «помощи» осуществляется физическое принуждение, психологическое давление, финансовая эксплуатация, насилие. Дворкин дополняет эту схему вовлечением репрессивных государственных механизмов.

Общим также является стремление к публичной легитимации, например публикация книг под эгидой «экспертности». Тед Патрик является автором книги «*Let Our Children Go!*», в которой детально описаны методы принудительной депрограммации. В тексте заложена идеологическая матрица, редуцирующая членов неприемлемых для автора групп до объектов манипуляции. Эти установки легли в основу деятельности организации CAN и продолжали транслироваться в ее практиках. Патрик продвигал эту книгу всю свою жизнь с каким-то болезненным, фанатичным упорством. Глядя на него, можно было подумать, что он презентует миру не просто текст, а новое Евангелие, дарующее истину в последней инстанции. Примечательно, что до сих пор она сохраняет коммерческую ценность — на некоторых ресурсах ее стоимость достигает 100 долларов.

Рик Алан Росс с его «*Cults Inside Out*», Стивен Хассан, не расстающийся с «*Combating Cult Mind Control*», и Александр Дворкин, воздвигший свое «Сектоведение», — каждый из них превратил бумагу и печатные буквы в суррогат

высшей академической награды. Они выставляют эти тома перед собой, как неоспоримые верительные грамоты, дающие право судить и клеймить.

Общим для них также являются: активная лекционная деятельность в учебных учреждениях, консультирование правоохранительных органов, участие в СМИ. Еще одна устойчивая черта — ведение списков «опасных» групп и организаций, куда включаются не только религиозные объединения, но и образовательные учреждения, политические деятели и иные субъекты, не соответствующие личной идеологической матрице составителя.

Связь Хассана с педофилом Хайном — это маркер морального вакуума. Для таких людей, как они, нет добра и зла. Есть только «свои» (соучастники) и «жертвы» (ресурс). Так что похоже, что Дворкин привез в Россию не просто «американский опыт борьбы с культами». Он импортировал модель организованной преступной группировки, которая маскируется под правозащитную деятельность. CAN была именно такой структурой — коммерческой сетью похитителей с респектабельным фасадом. Дворкин изучил эту модель и усовершенствовал. Он знал, кто такие CAN. Он не мог не знать про похищения, про насилие, про суды. Он вовремя сбежал из США в Россию, чтобы избежать каких-либо заметных для общественности его связей с судебными разбирательствами, связанными с депрограммированием и CAN.

Но его ответ корреспонденту старой российской ТВ-программы — *«Я не стал бы их осуждать»* — это, по сути, явка с повинной. Он не осуждает их, потому что он — один из них. И не просто звено в этом синдикате похитителей и разрушителей человеческих судеб; он — будущий создатель их идеологического центра, который вскоре развернет свою деятельность под золотыми куполами московских храмов. Забегая вперед, опираясь на рукопись Виктора и первичный анализ фактов, я начал видеть контуры чего-то гораздо более масштабного, чем просто амбиции одного человека. Дворкин решил не мелочиться. Он задумал создать транснациональный конгломерат, — глобальную сеть, ставшую гаванью для таких же девиантов, одержимых той же жадой уничтожения. И, возглавив его, стать маньяком с абсолютной, практически безграничной властью. Для этого ему потребовались годы кропотливой работы и паутина связей, которую мне еще предстояло распутать.

Однако, анализируя деятельность всей этой троицы — Дворкина, Хассана, Росса, — я наткнулся на мысль, которую было бы хорошо рассмотреть подробнее, но я пока еще не ощущал достаточное количество собранных фактов, чтобы это

аргументировать. В начале своей карьеры, до 90-х, ни Рик Росс, ни Стивен Хассан не вызывали особого интереса у истеблишмента. Они были маргиналами, мелкими хищниками, промышлявшими похищениями. Но начиная с 1993 года что-то меняется. СМИ, а затем и ФБР, внезапно начинают обращаться к ним, как к компетентным лицам. Случайность? Проводили ли они свою деструктивную работу просто потому, что были маньяками по своей сути? Или их действия направлялись внешней силой, заинтересованной в глобальном разрушении демократии и свободы, особенно здесь, в США?

Все факты складывались в единую картину, будто кто-то проводил тщательный скрининг этих людей, измеряя их маниакальный потенциал. Тот «материал», из которого были слеплены и Хассан, и Росс, идеально подходил для распространения вируса разрушительной идеологии. Они казались лишь пешками на чьей-то глобальной шахматной доске. И не исключено, что гроссмейстер в этой партии носит очки, небрежную растрепанную шевелюру и выдуманное им самим звание «профессора сектоведения».

Тридцать лет назад, в начале 90-х, статистика зафиксировала резкий, необъяснимый всплеск насильственных нападений на новые религиозные движения. Это не было локальным феноменом. Исследования охватывали 19 стран: США, Израиль, Западная Европа. Везде, как по команде, активизировались «антикультовые» ячейки. Произошла глобальная мобилизация ненависти.

Теперь я убежден, что это не совпадение. Поиски привели меня к тому факту, что именно в этот период, в 90-х, авторитетные американские газеты, включая флагман либеральной прессы «The New York Times», были втянуты в преступную деятельность антикультовой сети и начали активно цитировать Александра Дворкина. Вчерашний эмигрант, вернувшийся в Россию, вдруг становится голосом истины для западных медиа. Его субъективные, полные яда оценки так называемых «культов», а по факту законопослушных граждан транслируются на весь мир. Я листал архивные копии журналов и газет, и передо мной мелькали десятки статей. Дворкин — уже не просто бывший диссидент. Он — организатор «исследовательского» центра по культам, эксперт, фигура чуть ли не международного масштаба. Он очень старательно лепил из себя авторитета.

Я прикрепил на карту расследования еще несколько карточек, связывающих американскую ячейку с российским «профессором». Факты ложились друг к другу плотно, как кирпичи в стене.

Вернувшись в Россию и развернув бурную антикультовую или, что более применимо к Дворкину, антисектанскую деятельность, Дворкин публикует брошюру «10 вопросов назойливому незнакомцу». Я провел сравнительный анализ. Книга практически дословно повторяет главу из труда Хассана «*Combating Cult Mind Control*». Более того, Дворкин последовательно продвигает работы Хассана на российском пространстве. Анализ их публичных выступлений и текстов выявляет поразительную идентичность риторики: совпадение лексических конструкций, повторение одних и тех же аргументативных штампов, использование единообразных приемов убеждения. Такая синхронизация нарративов является характерным индикатором системного заимствования методологических подходов и регулярного обмена идеологическими шаблонами.

Дальше еще интереснее. Дворкин входит в состав, а затем и возглавляет FECRIS — Европейскую федерацию центров по исследованию и информированию о сектах. И кто же мелькает на конференциях этой организации? Стивен Хассан. Также есть данные, указывающие на то, что Дворкин и Рик Алан Росс могли пересекаться лично на конференции, посвященной теме культов в Таиланде в 2011 году. Мир тесен — особенно в уютном кругу тех, кто делает карьеру на разрушении чужих жизней.

Все эти нити тянутся в одну точку. В Москву. Многие факты указывают на то, что это не разрозненные группы энтузиастов. Это единый, туго сплетенный клубок, и конец нити держит Дворкин. По дальнейшему анализу фактов становится понятно, что именно в 1993 году, сразу после его возвращения и утверждения в РПЦ, в России формируется идеологический центр всего мирового антикультового движения. Похоже, что именно оттуда, из кабинетов Синодального отдела, а если быть точнее, из центра Дворкина теперь транслируются приказы и задается единый вектор для всей глобальной сети.

Он пошел дальше своих «американских коллег». Впитав опыт депрограммистов, досконально изучив их преступную практику и реакцию общества, он использовал их лишь как таран, чтобы превратить Россию в гигантский полигон. На этом полигоне, в стерильных условиях государственной поддержки, он оттачивает методы подавления инакомыслия, черпая вдохновение в самых темных источниках своей мутировавшей идеологии. И, судя по фактам, он уже тогда начал экспортировать свою идеологию обратно в США, но уже в глобальном масштабе.

Глава 12

Видеоигра

В субботу утром мое расследование пришлось поставить на паузу. И не потому, что я зашел в тупик, а потому, что в мой дом ураганом ворвалась жизнь. Мишель, моя дочь, привезла внуков на выходные. Тишину пригорода нарушил визг тормозов ее автомобиля, а затем топот двух пар ног, несущихся через внутренний двор ко входу в дом. Братья — Саймон, которому недавно стукнуло двенадцать, и шестилетний ураган по имени Дэни.

Мне пришлось отложить в сторону уже стопки листов с досье Дворкина, снять с пробковой доски самые жуткие фотографии и надписи (не хотелось травмировать детскую психику) и запереть кабинет. Охота на чудовищ подождет. Сейчас меня ждала рыбалка, долгие прогулки по лесу с Роджером, который от радости чуть не сбил Дэни с ног, и тот особый, шумный уют, который бывает только в доме, полном детей.

Саймон родился, когда я дорабатывал свои последние годы в Бюро. И хотя у моего сына Эндрю уже была дочь, родившаяся на пару лет раньше, Саймон стал первым внуком-мальчиком. Я ждал его появления с какой-то исступленной жадой. Возможно, потому что подсознательно хотел отдать этому мальчику все то, что не успел дать из-за работы собственному сыну. За годы службы я постоянно жил с грызущим чувством вины. Мой сын рос, пока я охотился за тенями. Эндрю вступал в трудный возраст как раз тогда, когда моя карьера была на пике — и, по жестокой иронии, на пик вышла активность серийных убийц по всей стране. Его воспитанием занималась Мэри. А я пропускал его бейсбольные матчи и школьные спектакли, его первые разбитые коленки проходили без меня. Потому что в это время я брал интервью у маньяков в федеральных тюрьмах, консультировал копов в захолустных городках или летел через полстраны на очередной «экстренный» вызов, чтобы снова погрузиться в чужой кошмар, вместо того чтобы быть рядом со своим ребенком.

Поэтому, когда родился Саймон, мы с напарниками уже перешли в статус «живых легенд». Мы читали лекции и в качестве консультантов помогали полиции вести дела, а каждую свободную минуту я старался посвящать внуку. Наверное, это

выглядело немного навязчиво. Мэри и Мишель часто подшучивали надо мной, называя «наседкой с жетоном». Доходило до абсурда: мой рабочий кабинет в офисе Бюро напоминал «Toys "R" Us». Ящики стола, где должны были лежать секретные отчеты, были забиты игрушками, конструкторами и сладостями. Я никогда не знал, в какой день удастся вырваться пораньше, чтобы заскочить к Мишель, поэтому держал стратегический запас гостинцев под рукой, как боекомплект.

Конечно, мне хотелось передать Саймону не только игрушки, но и знания: мой профессиональный опыт, умение читать людей, видеть опасность там, где никто вокруг ничего и не подозревает, быть готовым реагировать в экстренных ситуациях. Но Мишель была непреклонна.

— Папа, стоп, — говорила она, строго глядя на меня. — Дай ему прожить нормальное детство. Без твоего анализа поведения каждого мороженщика и сканирования угроз на детской площадке, ладно?

И мне приходилось сдерживаться, прикусывая язык.

Но гены — вещь упрямая. Саймон рос копией деда: въедливым, дотошным и чертовски любознательным. Он задавал вопросы, от которых даже я терялся. Чем я занимался до пенсии? Почему у бабушки так много книг? Что лежит в ящиках? Что на полках? А что там под замком? Один случай я запомнил на всю жизнь. Тогда я чуть не отправился на встречу с покойными коллегами, но не от пули, а от разрыва сердца.

Это случилось во время одного из визитов моих внуков. Я зашел в свой кабинет и замер. Свой табельный «Глок» я не сдал — Бюро позволяет выкупить личное оружие при выходе в отставку, и я не раздумывал ни секунды. Но любой федерал, кто прошел через перестрелки и видел, как легко обрывается жизнь, если тебе нечем ответить, понимает: оружие в доме необходимость для здорового сна и более-менее стабильной психики. Потому что хоть мы и уходим со службы, но страхи из нас не уходят. Поэтому наличие ствола в сейфе давало мне то самое спокойствие, которое выручало меня тридцать лет подряд.

Я хранил его, как полагается, в ящике стола под замком. Но в том же ящике лежали важные документы, к которым мне приходилось часто обращаться. И вот однажды — видимо, возраст начал брать свое, или я просто расслабился в домашней обстановке — я забыл запереть замок. Саймону тогда не было и семи. Он обожал мой кабинет. Для него это была пещера Али-Бабы: сувениры от полицейских со всех штатов, книги, старые карты. Но главным магнитом был,

конечно, компьютер. Стоило мне отлучиться на минуту, чтобы выпустить скулящего Роджера во двор, как внук уже сидел в моем кресле, надеясь запустить любимую видеоигру (на которую мать отводила ему всего час в день). Пока компьютер, его любопытство взяло верх. Он начал исследовать территорию. Ящик за ящиком. И тот, который должен был быть неприступной крепостью, поддался.

Когда я вернулся и увидел маленького Саймона, с интересом рассматривающего вороненую сталь пистолета, у меня буквально подкосились ноги. Мир сузился до размеров этой черной рукоятки в крошечных ладонях. Я, агент с более чем 30-летним опытом, совершил непростительную и самую дилетантскую ошибку в жизни — забыл запереть замок. В глазах ребенка «глок» был всего лишь тяжелой игрушкой, но я видел в его руках заряженную смерть, которую сам же и принес в этот дом.

Последний раз я испытывал подобный ужас много лет назад, во время рутинного опроса свидетеля. Мы приехали просто поговорить, а «свидетель» вдруг оказался тем самым мясником, которого мы искали, и бросился на меня с ножом. Тогда меня спас напарник. Сейчас спасти ситуацию пришлось мне самому.

Я мягко, стараясь не напугать ребенка и не спровоцировать резкое движение, забрал оружие. Только тогда, когда пистолет оказался в моих руках, я смог выдохнуть. В тот день я узнал истинное значение выражения «сердце в пятки ушло». С тех пор я не просто сменил место хранения, а установил сейф с таким сложным алгоритмом доступа, что сам заучивал комбинацию не одну неделю. Ошибки случаются у всех, но в моем мире второй шанс дают редко.

Глядя сейчас на двенадцатилетнего Саймона, который уверенно управлялся с удочкой на берегу озера, я думал о том, как хрупок этот мир. Как легко невинное любопытство может привести к трагедии. И как важно, чтобы рядом был кто-то взрослый, кто вовремя закроет опасный ящик. Или остановит того, кто этот ящик открывает намеренно.

В общем, эти выходные прошли в режиме «оффлайн» от расследования. Их наполнил детский смех, а местами и рев (Дэни, которому только стукнуло семь, мастерски переходил от капризов к проказам, а в комбинации с двенадцатилетним Саймоном это неизбежно заканчивалось мелкими потасовками). Мы рыбачили, гуляли по нашей лесополосе с обезумевшим от счастья Роджером, брали напрокат лодку. Мэри, в свою очередь, отрывалась на внуках как могла, реализуя свой кулинарный потенциал. Она кормила нас бесчисленное количество раз в день —

очевидно, с тайным умыслом утяжелить нас настолько, чтобы мы могли только лежать на диване под ее присмотром.

В воскресенье вечером произошел эпизод, который, казалось бы, не предвещал ничего, кроме семейной идиллии, но неожиданно открыл новую, мрачную ветвь в моем расследовании. Ближе к сумеркам я съездил на заправку. Мы договорились с Мишель, что в понедельник я сам отвезу мальчиков домой и в школу. Они жили в пригороде Вашингтона, это около двух с половиной часов езды, и мне, человеку старой закалки, было спокойнее знать, что бак полон заранее.

Когда я вернулся, вечер уже окончательно окутал наш двор. В гостиной дома царила та самая атмосфера уюта, которую показывают в рекламе кофе. Мэри сидела на софе, укутавшись в плед, и поглядывала поверх очков то в экран смартфона, то на плазму, где мелькали кадры какого-то боевика. Дэни оккупировал ковер у кушетки, выстраивая из Lego сложную многоуровневую трассу, которая, судя по масштабу, грозила стать причиной падения кого-то из взрослых. Роджер, наплевав на приличия, храпел кверху пузом у самого камина, наслаждаясь теплом. А Саймон, нацепив огромные геймерские наушники, сидел на полу, прислонившись спиной к дивану. Перед ним на журнальном столике стоял ноутбук, а в руках подрагивал джойстик. Он был полностью поглощен виртуальным миром.

— Привет, банда, — негромко сказал я, доставая из пакета запрещенку. Дети слезно умоляли купить «чего-то вкусного» к фильму. — Только маме не говорите.

Дэни тут же подскочил, забыв про свой автобан, и набросился на пакет. Я ловким движением перебросил Саймону пачку чипсов. Широкая улыбка расплзлась по его лицу. Не отрываясь от экрана, он поймал пачку одной рукой, отложил джойстик, с треском вскрыл упаковку и отправил в рот огромную горсть, параллельно сканируя пространство в поисках банки с газировкой. Мэри, конечно, все видела. Она лишь снисходительно ухмыльнулась, наблюдая за этим праздником непослушания.

Я снял куртку и плюхнулся рядом с женой.

— Что смотрите? — спросил я, кивнув на экран.

— Да так, ребята выбрали, — отозвалась Мэри, поправляя очки на переносице.

На экране Джейсон Стэтхем с каменным лицом разносил плохих парней, гоняя на крутой тачке. Я решил немного посидеть с ними, посмотреть на взрывы,

может, помочь Дэни с его конструктором, прежде чем отправлять их в кровать. Я закинул в рот горсть попкорна и расслабился.

Через какое-то время я потянулся за банкой газировки, которую кто-то опрометчиво поставил позади ноутбука Саймона. И в этот момент мой взгляд упал на экран его монитора. Там был другой мир. От первого лица я видел ствол штурмовой винтовки. Прицел рыскал по каким-то серым складам, похожим на заброшенное ранчо или промзону. Я почувствовал укол раздражения.

«Опять эти стрелялки», — подумал я с досадой. Сколько раз я проводил с Саймоном воспитательные беседы. Я объяснял ему природу насилия, рассказывал, как мозг воспринимает эти картинки, как эмоции, пережитые в игре, оседают в подсознании. Я даже приводил примеры из своей практики — конечно, без кровавых подробностей, но достаточно жестко, чтобы он понял: насилие — это не игра. Стресс, который ты испытываешь, нажимая на курок, даже виртуальный, имеет свою цену. Но он снова и снова возвращался к этому.

Дети есть дети. Но я ума не приложу, как Мишель — этот эталон излишне заботливой матери, которая следит за каждым шагом и уровнем сахара, поглощаемого сыновьями, — умудряется допускать такие проколы. Как она позволяет Саймону играть в это? Надо будет серьезно поговорить с ней насчет родительского контроля. Хотя, кого я обманываю? В свои двенадцать Саймон уже способен взломать чуть ли не Пентагон, если ему пообещают новый уровень в игре, не то что обойти мамин пароль.

Пока я ворчал про себя, на экране ноутбука сменилась картинка. Саймон замер, набил рот чипсами, воспользовавшись паузой. Началась кат-сцена — сюжетная вставка, похожая на фрагмент кинофильма. Я уже хотел было отвернуться и продолжить смотреть на подвиги Стэтхема, как вдруг персонаж на мониторе внука привлек мое внимание. Сначала — девушка с крыльями, словно ангел из наркотического трипа. А затем, совершенно неожиданно, человек в форме спецслужб. На бронежилете четко читалось: «U.S. Marshal». Агент протянул руку прямо в камеру, к зрителю, и произнес: «*Walk the path*».

— Что за бред... — пробормотал я.

В следующем кадре маршал стоял на краю обрыва и... прыгнул вниз. Я напрягся. Мой внутренний радар опасности звякнул.

Дальше Саймон снова включился в игру, бегая с оружием по какой-то сельской местности, среди деревьев и деревянных построек, напоминающих лагерь или ранчо. Через минуту его героя, очевидно, убили, и снова пошла сюжетная вставка. Я уже открыл рот, чтобы прервать внука и отправить его спать, но тут на экране появился новый персонаж. Увидев его, я невольно приподнялся на диване. Мужчина в очках, напоминающих авиаторы, в джинсах, с голым торсом, покрытым татуировками. Когда план стал крупнее, я затаил дыхание. Я понял, кого он мне напоминает. Он был похож на Дэвида Кореша, лидера «Ветви Давидовой». Тот самый, чья община трагически погибла во время осады ранчо Маунт Кармел в Уэйко.

На экране ноутбука Саймона мужчина стоял на фоне разворачивающегося апокалипсиса. Позади него полыхало ранчо. Огонь, дым, хаос. Персонаж читал какую-то проповедь, глядя прямо в душу игрока. «*I can save you*», — произнес он.

Я похлопал Саймона по спине. Ноль реакции. Я сделал это настойчивее и приподнял с его уха один из огромных наушников.

— Саймон, во что ты играешь? — мой голос прозвучал жестче, чем я планировал.

— Far Cry, — буркнул он, дернув плечом. — Ну, не мешай!

Он попытался вернуть наушник на место, но я не сдавался.

— И кто этот человек? — я кивнул на экран.

Саймон недовольно обернулся, закатив глаза:

— Лидер культа. Иосиф Сид.

— И ты играешь за члена культа?

— Да нет же! Я — помощник шерифа. А его, — Саймон ткнул пальцем в экран, указывая на персонажа, совершенно очевидно списанного с Кореша, — и всех этих культистов мне надо убить.

Он раздраженно стряхнул мою руку и натянул наушник обратно. Картинка сменилась, и началась перестрелка.

Я опешил. Несколько минут я просто сидел, смотря в монитор внука, забыв про попкорн и Стэтхема. В голове щелкнул переключатель. «Убить культистов». «Помощник шерифа». Осада. Ранчо. Внезапно в памяти всплыла строчка, которую

я прочитал вчера на сайте Рика Росса. Я запомнил ее, но почему-то не придал значения, не выписал в заметки. А зря.

«В 1993 году консультировал Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (BATF) и Федеральное бюро расследований (FBI) по делу о группе "Уэйко-Давидианцы"»

— Не может быть... — прошептал я, глядя в спину своему внуку, который с азартом отстреливал виртуальных «преступников-культистов».

Это казалось дурным сном. Как такое возможно? Стоило мне только слегка копнуть эту тему, как выяснилось, что тень сети сектоборцев не где-то далеко, в архивах или на закрытых брифингах. Они здесь. Прямо у меня под носом. В моей гостиной. На экране ноутбука моего внука. Саймон играет в шутер, явно созданный по лекалам их идеологии. «Убей лидера страшного культа, спаси мир».

Илон Маск как-то сказал, что шансы на то, что мы живем в «базовой реальности», составляют один на миллиард. И глядя на происходящее, я начинаю верить в эту теорию симуляции. Слишком уж невероятны совпадения. Слишком плотно переплетены нити. И любой нормальный человек отреагировал бы также, задался бы вопросом: как такое может быть? Но мой жизненный и профессиональный опыт навсегда переформатировал мой мозг и теперь я вижу то, что обычный человек не увидит. Если бы Виктор не прислал мне свою рукопись, если бы я не погрузился в это болото с головой, я бы и бровью не повел. Ну играет пацан в очередную стрелялку, ну похож злодей на какого-то проповедника — подумаешь. Я бы прочел ему дежурную лекцию о вреде насилия и забыл. Но теперь, зная контекст тех, кто создает подобные негативные образы в головах людей — это меняет все. Особенно если учесть, что этот образ «страшного лидера» культа возник при непосредственном участии члена организации, которая занималась насильственным депрограммированием людей, садиста со справками от психиатров, так еще и связанного с Александром Дворкиным. Сценарий, написанный при консультации тех самых садистов, которые в реальности похищали людей, ломали им психику и подталкивали государство к бойне.

На секунду мне показалось, что меня даже затошнило. Страшно подумать. Человек с букетом психических расстройств, судимый за кражу, организатор насильственных похищений за деньги консультировал федеральные службы по такому серьезному делу? И даже наших ребят в ФБР? Как такое вообще могло

произойти? Как патологического садиста допустили к рычагам управления кризисной ситуацией?

Я почувствовал непреодолимое, жгучее желание перечитать всю историю событий в Уэйко, проверить, чего еще я тогда не видел и не знал. Мне нужно было это узнать прямо сейчас. Но сначала нужно было разобраться с моей «бандой». После долгих уговоров, а в конечном итоге — откровенного шантажа и подкупа дополнительными сладостями на завтра, — нам с Мэри все-таки удалось уложить мальчиков спать. У меня оставалось всего пара часов до того, как я вырублюсь сам — завтра рано вставать, везти внуков домой. Мэри начала убирать разгром в гостиной.

— Не засиживайся, — попросила она, целуя меня в щеку.

— Я скоро, — соврал я и поспешил к себе в кабинет.

Первым делом я открыл браузер и нашел в закладках сайт Росса. Я должен был убедиться, что мне не показалось. Перечитав раздел «Резюме», где Росс красочно расписывал свои подвиги, я убедился: глаза меня не обманули. Более того, было указано также, что он был консультантом Ubisoft для видеоигры «Far Cry 5», которая вышла в 2018 году. Это же игра, за которой я застал Саймона! Я не мог поверить, что антикультовый след просочился так глубоко в мою жизнь. Он не просто был где-то там, на бумагах и интернет-архивах. Он буквально проник в мой дом, пробравшись в мозг моего внука через экран монитора. Росс действительно это указал на своем сайте. Но мне нужно было больше. Мне нужно было знать, как именно он «консультировал» ФБР, разработчиков игр и к чему это привело.

И начать нужно с УЭЙКО. Я взял маркер и написал на новом стикере: «УЭЙКО». Доска расследований пополнилась еще одной секцией, но, честно говоря, я предпочел бы, чтобы этого названия там никогда не было.

Я начал отматывать память назад. Один из моих коллег, с которым мы часто пересекались в вашингтонском офисе и мотались на «свиданки с копами» (так мы называли наши выездные консультации для местных департаментов), однажды рассказал, что его брат был в составе штурмовой группы ATF, той самой, что первой пошла на ранчо Маунт-Кармел весной 1993-го. Там, в Техасе, проживала группа «Ветвь Давидова» — ответвление адвентистов седьмого дня.

Это событие стало точкой невозврата. 51 день противостояния, закончившийся штурмом ФБР с применением танков и удушающего газа. Итог —

пожар и 82 труп. Американцы, агенты, иностранные граждане и 23 ребенка. Позже, читая книгу Кэтрин Вессинджер, я наткнулся на факт, от которого сжались кулаки: среди погибших детей были двое младенцев, родившихся прямо во время пожара.

Несмотря на то, что Бюро тогда стояло на ушах, мои личные воспоминания о тех днях были смазанными. Я не участвовал в операции напрямую. Меня хотели привлечь для консультаций ATF, но в итоге отправили моих помощников. В то время меня буквально разрывали на части. Джон Дуглас заложил традицию профайлинга, и теперь каждый шериф в захолустье требовал «этих парней из Куантико», чтобы мы магическим образом раскрыли серию убийств, с которой они не справлялись. Дело это было неблагодарным. Копы нас не любили. Для них мы были «костюмами», выскочками, которые суют свой длинный федеральный нос в их юрисдикцию. Это был удар по гордыне амбициозных местных начальников, которые воображали себя героями вестерна, спасающими свой округ. А тут приезжаем мы и начинаем учить их жизни, опираясь на психологию и паттерны поведения.

Но годы практики научили меня находить подход даже к самым сложным психотипам — будь то маньяк в камере смертников или упрямый шериф. Со многими из тех копов я дружу до сих пор.

Именно поэтому о драме в Уэйко я узнавал урывками — от коллег в курилке и по радио, которое слушал, проезжая километры между штатами. Позже это дело разбирали и рассматривали чуть ли не под микроскопом. Оно стало хрестоматийным примером «опасности культов» в курсе для новобранцев Академии. Но внутри Бюро оно вызвало раскол. Начальство, загнанное в угол давлением прессы и политиков, было на грани нервного срыва. Любая ошибка каралась немедленно. Наш отдел поведенческого анализа держался немного в стороне от тактических решений, но вечерами мы спорили до хрипоты. Мнения разделились полярно. Большинство видело ситуацию черно-белой: «страшный культ довел людей до самоубийства». Но были и те, кто задавал неудобные вопросы. Вопросы о правах человека, о свободе вероисповедания, о демократических основах. Ведь «Ветвь Давидова» жила на этой земле мирно более полувека. Они построили дом своими руками, работали, не нарушали закон. Вплоть до конца 80-х пресса называла их «религиозной группой», а не культом. Что изменилось? Почему вдруг законопослушные граждане превратились в мишени для танков?

Глава 13

Уэйко

Теперь, глядя на связь Рика Росса с этим делом, я начинал понимать, *кто именно* изменил оптику, через которую государство посмотрело на этих людей.

Лично я в то время не имел четкого мнения на этот счет. Возможно, будь я тогда уже знаком с Аббасом, или если бы уже пережил тот кризис с Мишель, когда она внезапно заинтересовалась буддизмом, моя позиция была бы более определенной. Но тогда я рассуждал как прагматик: пока группа людей не несет прямой угрозы обществу, какая, к черту, разница, во что они верят и как себя называют? Более того, меня удивляло, как внезапно, словно черт из табакерки, выскочила эта тема со «страшным культом» Дэвида Кореша. Еще за пару лет до осады никто и слыхом не слыхивал ни о каком Кореше, ни о «давидианцах». Они жили там десятилетиями, и всем было плевать.

Моя позиция тогда была скорее выжидательной. Я предпочитал опираться на факты, но вал текущей работы не позволял мне закопаться в детали. Зато теперь, благодаря Виктору и его «подарочку» в виде дела Дворкина, времени у меня было предостаточно. И я собирался рассмотреть эту историю под лупой. Мне нужно было найти точку входа. То самое место, где щупальца Дворкина — через его американских «коллег» по депрограммированию — коснулись этой трагедии.

Первая проблема, с которой я столкнулся, — это стерильность информационного поля. Большинство статей о событиях тех дней были написаны как под копирку. Герои — ФБР и ATF. Злодеи — безумные члены культа. Но я точно помнил: тогда, в 93-м, звучали и другие голоса. Критика действий властей была жесткой. Люди задавали вопросы: как можно было довести осаду до точки, когда гибнут десятки детей? Время и чьи-то заботливые руки стерли из открытого доступа огромное количество документов. Но интернет помнит все, если знать, где искать. Мне удалось найти и отчеты Конгресса США, и свидетельские показания, которые давали совсем другую картину.

Просерфив сеть около часа, я нашел источник заражения. Термин «культ» не возник сам по себе. Он был искусственно привит к «Ветви Давидовой». За несколько лет до штурма началась массированная медиа-артподготовка.

Клеветнические статьи, материалы, как будто на заказ со «свидетельствами» анонимных источников. Главной мишенью стал молодой лидер общины Вернон Хауэлл, взявший имя Дэвид Кореш. Его методично, шаг за шагом, превращали в монстра.

И кто же был главным инициатором этой кампании по демонизации? Ну конечно. Наш старый знакомый. Борец с культами и специалист по депрограммированию **Рик Росс**. Он был тараном. А **Стивен Хассан** обеспечивал прикрытие с флангов, подливая масла в огонь своими комментариями в СМИ. Я нашел отрывок из «Шоу Джоан Риверс» 1993 года. Хассан, с умным видом эксперта, вещает на всю страну:

«...он брал людей на долгие часы и гипнотизировал их, используя методы модификации поведения и тому подобное, и разрушал их способность мыслить».

«Разрушал способность мыслить». Как иронично слышать это от человека, который сам использовал гипноз и психологическое давление, чтобы ломать людей. Это классическая проекция: обвини врага в том, что делаешь сам, и делай это громче всех. Росс, Хассан и попавшие под их влияние СМИ, создали образ врага. Они убедили Америку, что на ранчо в Техасе живут не люди, а преступники. А преступников, как известно, жалеть не принято.

Факты — упрямая вещь. И в данном случае они указывают на то, что при участии Рика Росса была организована настоящая диверсионная группа. Ее цель была проста и цинична: целенаправленно демонизировать законопослушных граждан Америки, членов «Ветви Давидовой», чтобы подготовить почву для их уничтожения. В эту зондеркоманду входили борцы с культами из CAN — к тому моменту уже ставшей главной антикультовой организацией США, — завербованные бывшие члены общины, их «обработанные» родственники и, что самое опасное, прикормленные журналисты.

Рик Росс, один из самых «эффективных» депрограмматоров CAN, начал свою охоту еще в 1987 году, когда провел насильственное депрограммирование двух членов «Ветви Давидовой» в штате Нью-Йорк. Исходя из фактов в открытом доступе видно, что еще в 1988 году он начал активно фальсифицировать доказательства и выдумывать обвинения, чтобы уничтожить группу и лично Кореша. Схема была стандартной: поиск отступников, обиженных, завистливых — идеальный материал для лепки ложных «жертв».

Одним из таких инструментов стал Марк Брио, бывший член общины Ветви Давидовой, таивший глубокую обиду на Кореша. Вместе с Россом они разыграли классическую карту. Они навязали общественности нарратив: «Ветвь Давидова» — это опасный деструктивный культ, Кореш промывает мозги, убивает бывших адептов и готовит массовое самоубийство. Это была ложь, но ложь, повторенная многократно из уст борцов с культами по центральным ТВ-каналам, воспринимается обществом как истина.

История развивалась следующим образом: в феврале 1992 года Брио и его подельник Дэвид Джуэлл написали донос в Техасскую службу защиты детей (CPS). Обвинения были страшными: жестокое обращение с детьми. Сотрудники CPS трижды (!) посетили Маунт-Кармел. Они перевернули там каждый камень. Осмотрели 12 детей. Опросили взрослых. Результат? Нулевой. Никаких признаков насилия, никаких травм. Дети отрицали жестокое обращение, взрослые сотрудничали. Дело закрыли за отсутствием улик. Но Росса это не остановило. Ведь для подобных субъектов, если фактов нет, их можно придумать, не так ли?

В марте 1992 года Марк Брио, Дэвид Джуэлл и другие начали утверждать, что члены секты «Ветвь Давида» планировали массовое самоубийство 18 апреля 1992 года. «Новый Джонстаун» — этот ярлык безотказно действовал на нервы властям. Они завалили письмами конгрессменов, дошли до ФБР. Бюро провело проверку и снова закрыло дело. Почему? Потому что «запланированное» самоубийство так и не состоялось. Апокалипсис отменили за неявкой участников. Но маховик уже был запущен. Росс и его команда нашли союзников там, где можно ловко манипулировать — в прессе. Газета *Waco Tribune-Herald* сыграла ключевую роль в этой трагедии. Первым в эту игру вступил австралийский журналист Мартин Кинг. Вместе с Брио они откровенно признались в своей книге: их целью было «разоблачить его (Кореша) как помешанного на сексе деспота».

К маю 1992 года журналисты *Waco Tribune-Herald*, несмотря на отсутствие доказательств, плотно «легли» под Росса и Брио. Они начали готовить «сенсационное разоблачение». Рисовали портрет фанатиков, готовых сжечь себя по приказу лидера. И вот кульминация этого цинизма наступила 26 февраля 1993 года. Именно в этот день Марк Ингланд и Дарлин Маккормик выкатили свой материал — ровно за сорок восемь часов до штурма ATF на ранчо Маунт-Кармелл. Почему? Исходя из известных данных, потому что Рик Росс, находясь в тесном контакте с Бюро, владел инсайдом. Мысль об этом не укладывалась в голове: уголовник-депрограмматор с историей психических расстройств консультирует

федеральных агентов! Но факты были упрямы. Все указывало на то, что Росс знал точную дату рейда и «подсказал» журналистам «лучшее время для публикации». Он превращал грядущую бойню в телевизионное шоу с высокими рейтингами, словно заранее расставляя камеры в партере будущей трагедии.

27 февраля вышла первая часть цикла «Грешный Мессия». Статью тут же разослали по всей стране. В результате 28 февраля, в день, когда спецназ ATF пошел на штурм здания, где проживали на то время мирные члены Ветви Давидовой, более ста газет в США перепечатали эту ложь. Общественное мнение было подготовлено. Люди, читавшие утренние газеты, видели в обитателях ранчо не сограждан, чьи права гарантированы Конституцией, а чудовищ, от которых нужно защитить общество.

Версия о «массовом самоубийстве», выдуманная апостатами и Россом, стала оправданием для бойни. Она развязала руки силовикам. Итог известен: газ CS — химическое оружие, запрещенное к применению на войне, — и огонь, превративший Маунт-Кармел в крематорий.

Позже, в 1996 году, расследование Конгресса США вынесет убийственный вердикт:

*«Расследование ATF в отношении "Ветви Давида" было крайне некомпетентным. Ему не хватало минимального профессионализма, ожидаемого от крупного федерального правоохранительного органа... В заявлении, поданном в поддержку ордеров, содержалось невероятное количество ложных утверждений. Агенты ATF, ответственные за подготовку этих заявлений, **знали или должны были знать, что многие из этих утверждений были ложными**».*

Они знали. Но они слушали не закон и не здравый смысл. Они следовали за «экспертом», демонстрирующим паттерны абьюзивного поведения, — Риком Россом и связанными с ним активистами, чьи действия носили характер психологического насилия.

Я вчитался в текст показаний под присягой, подготовленных агентом Агилерой. Этот документ был фундаментом, на котором строилась вся операция. И этот фундамент оказался гнилым.

Ложь была наглой, рассчитанной на то, что никто не станет разбираться в калибрах. Утверждалось, что у Кореша была противотанковая винтовка калибра

«52». Звучит страшно, незаконно, угрожающе. В реальности же у него была винтовка калибра «50». Разница в одну цифру, но эта цифра отделяла законопослушного владельца оружия от террориста. Оружие было легальным. В документе красочно описывались гильзы от гранат, найденные у членов секты. Образ вооруженных до зубов боевиков рисовался сам собой. Но агент «забыл» упомянуть, что эти гильзы были пустыми болванками. Члены общины делали из них сувенирные пресс-папье и продавали на выставках, чтобы заработать на жизнь. Сувениры. А в документах агентов — бомбы.

А история со взрывом? Заместитель шерифа якобы слышал «мощный взрыв» с территории ранчо. Звучит как подготовка теракта. Но в заявлении ни слова не было о том, что расследование того же шерифа уже установило: члены Ветви Давидовой просто корчевали пни и проводили строительные работы, используя взрывчатку абсолютно легально, с соблюдением всех норм.

Кто был источником этого бреда о «незаконном арсенале», «круглосуточной вооруженной охране» и «приказе стрелять на поражение»? Все тот же Марк Брио. Обиженный отступник, которого, судя по всему, Росс использовал для своих манипулятивных игр. Но самое абсурдное выяснилось позже. Брио утверждал, что лично участвовал в военной подготовке, тренировках по стрельбе и нес караульную службу. Звучит убедительно? Только вот в заявлении почему-то не было указано, что этот «рембо» был **слепым**. Слепой снайпер. Слепой часовой. Это было бы смешно, если бы на основании показаний слепого человека не отправили танки давить живых людей.

Клеветнические статьи, наспигованные цитатами Росса и фантазиями слепого Брио, сделали свое дело. Голос законопослушных граждан Америки внутри комплекса был заглушен. Общество видело не реальность, а страшную картину о безумном лидере, готовящем массовое самоубийство. Обитатели Маунт-Кармела — среди которых были выпускники Гарварда, талантливые музыканты, матери, боготворившие своих детей, — исчезли. Их личности стерли. Вместо них на страницах газет появились безликие «члены культа». Дегуманизация достигла пика. Обычный американец, читая новости, уже не чувствовал к ним ни жалости, ни сострадания. Это были не люди. Это была проблема, которую нужно решить.

Но настоящий шок я испытал, когда нашел архивную запись прямого эфира ABC. Репортер Дебби Джонсон, стоя на фоне дымящихся руин, с профессиональной скорбью в голосе произносит: *«В перестрелке был убит двухлетний член секты»*.

Я перемотал назад. Мне показалось, что я ослышался. Нет. Не «двухлетний ребенок». Не «младенец». Не «малыш». **«Двухлетний член секты».**

Господи. Да это же чистый, беспримесный нацизм. В нацистской Германии пропагандисты точно так же говорили о еврейских детях. Они не были детьми. Они были «единицами еврейской расы». Их убийство не было преступлением, оно было санитарной мерой. Совершенно очевидно, что транснациональная антикультовая группировка и их карманные журналисты использовали ту же самую матрицу. Они промыли мозги целой нации, заставив американцев пассивно, почти с одобрением принять убийство своих сограждан руками собственного правительства.

Спустя год после пепелища в Уэйко, когда дым рассеялся, а тела были похоронены, Рик Росс снова всплыл в СМИ. Человек, чьи консультации привели к бойне, не испытывал ни тени раскаяния. Напротив, в новых интервью он с упоением продолжал описывать личность Дэвида Кореша и характеризовать мертвых членов «Ветви Давида» в своей привычной манере:

«Эта группа, без всяких сомнений, является крайне разрушительным, манипулятивным культом... Я бы сравнил эту группу с Джимом Джонсом... [Кореш] — типичный лидер культа... Все они одинаковые. Встретьте одного — и вы встретите всех. Они глубоко психически нездоровы, имеют пограничное расстройство личности и лишены какой-либо совести... Никто не вступает в подобные отношения по собственной воле... Так что речь идет об обмане и манипуляции (со стороны лидера), о постепенном, едва заметном вовлечении людей, которые все глубже и глубже затягиваются, не понимая, к чему это приведет, и не видя всей картины целиком».

Все эти высокопарные рассуждения о жестоких манипуляциях, пограничных расстройствах личности и полном отсутствии совести произносил субъект с задокументированными психическими отклонениями. Это вещал, по сути, профессиональный лжец, выстроивший бесперебойный криминальный бизнес на родительской панике. Годами он методично запугивал семьи страшными сказками о культах, взымал за это колоссальные суммы за так называемое «депрограммирование», которое как услугу предлагала организация, которая с ним связана, и консультанты которой затем похищали детей этих родителей, подвергая жертв физическому и психологическому насилию.

И самое дикое в этой ситуации заключалось в том, что общество продолжало слушать его с открытым ртом. Толпа жадно впитывала слова человека, который с

телеэкранов клеймил лидера секты ровно за те преступления, в которых был стопроцентно виновен сам. Тотальная манипуляция сознанием, издевательства над уязвимыми людьми, обман и абсолютная моральная глухота — Росс вовсе не анализировал личность Кореша. В этом интервью он с протокольной точностью зачитывал в микрофон свой собственный психологический диагноз.

Я продолжил копать, и то, что я находил, заставляло меня все больше сомневаться в компетентности системы, которой я служил всю жизнь. Нэнси Т. Аммерман (Nancy T. Ammerman), профессор социологии религии Бостонского университета, в своем докладе Минюсту и Минфину от 3 сентября 1993 года прямым текстом указала на роль «борцов с культами» в эскалации кризиса. Аммерман писала:

«В попытке собрать доказательства против секты "Ветвь Давидова" Бюро по контролю за оборотом оружия (ATF) опросило бывших членов этой группы и, по меньшей мере, одного человека, который занимался "депрограммированием" членов группы. Г-н Рик Росс, часто сотрудничающий с Сетью по информированию о культах (CAN), заявил, что ATF консультировало его. ...Сеть и г-н Росс имеют прямой идеологический (и финансовый) интерес в разжигании подозрения и антагонизма по отношению к тому, что они называют "культами". Эти же лица, по-видимому, были основными источниками информации для серии статей, опубликованных в газете Уэйко, начиная с 27 февраля. Очевидно, что люди из "антикультового" сообщества целенаправленно привлекали внимание к секте "Ветвь Давидова".

Хотя эти люди часто называют себя "экспертами по культам", академическое сообщество, безусловно, не признает их таковыми. Деятельность CAN рассматривается Национальным советом церквей (среди прочих) как угроза религиозной свободе, а методы депрограммирования все чаще оказываются противозаконными. **По меньшей мере, г-н Росс и любые бывшие члены, с которыми он был связан, должны были рассматриваться как сомнительные источники информации.** Однако, не имея доступа к информации из более широкого сообщества социальных наук, ATF не имела возможности оценить то, что они могли услышать от разгневанных бывших членов и желающих провести депрограммирование.

После провала рейда урегулирование кризиса перешло к Федеральному бюро расследований (ФБР). У них был гораздо более широкий спектр доступной

информации, хотя они по-прежнему не проконсультировались ни с одним человеком, которого сообщество социальных наук могло бы признать экспертом по "Ветви Давида" или другим маргинальным религиозным движениям».

Я перечитал строки «По меньшей мере, г-н Росс и любые бывшие члены, с которыми он был связан, должны были рассматриваться как сомнительные источники информации».

Но их слушали. Их слушали как компетентных лиц, более того как «экспертов». В сборнике под названием «Рекомендации экспертов по улучшению работы федеральных правоохранительных органов после событий в Уэйко» (Вашингтон, округ Колумбия: Government Printing Office, 1993) черным по белому написано:

*«Расшифровки допросов ФБР свидетельствуют о том, что Росс был тесно связан с ATF и ФБР. ...Он, по-видимому, имел самый широкий доступ к обоим ведомствам среди всех лиц из списка "экспертов по культам", и к нему прислушивались более внимательно. ATF допросила лиц, к которым он их направил, и, очевидно, использовала информацию из этих допросов при планировании рейда 28 февраля. В конце марта Росс рекомендовал агентам попытаться унижить Кореша, надеясь вбить клин между ним и его последователями... Агенты ФБР, по-видимому, считали, что их попытки опозорить Кореша (говоря о его непоследовательности, недостатке образования, неудачах как пророка и тому подобном) приведут к внутреннему расколу, предсказанному Россом. Поскольку Росс успешно использовал подобную тактику в отношении изолированных и находящихся в затруднительном положении членов во время депрограммирования, он, должно быть, предполагал, что она **сработает в массовом порядке**. Любой специалист по групповой психологии мог бы развеять это заблуждение. Но ФБР, очевидно, больше прислушивалось к этим стратегиям, связанным с депрограммированием, чем к советам ученых, которые могли бы объяснить динамику группы, находящейся в осаде.*

В протоколе допроса ФБР указано, что Росс "испытывает личную ненависть ко всем религиозным культам" и готов был бы помочь правоохранительным органам в попытке "уничтожить культ". Примечательно, что в протоколе ФБР не упоминаются

многочисленные юридические оспаривания тактики, использованной Россом для освобождения членов групп, которые он ненавидит. Как серьезность, с которой агенты обращались с Россом, так и отсутствие серьезности в отношении различных религиоведов и теологов еще раз демонстрируют неспособность агентов на месте событий принимать обоснованные решения на основе имеющейся у них информации и их неспособность искать более достоверную информацию. Это также демонстрирует предпочтение психологическим методам борьбы с культами, а не стратегиям, которые бы противостояли группе на почве, серьезно относящейся к вере».

В протоколах допросов ФБР зафиксировано признание Росса: он испытывает «личную ненависть ко всем религиозным культам» и готов помочь «уничтожить культ». Ненависть. Не желание спасти людей, не стремление к правосудию. Личная, патологическая ненависть по факту просто к людям. И агенты на месте событий приняли это как должное, игнорируя тот факт, что их «консультант» — человек с историей психической нестабильности и криминальным прошлым.

В «Отчете заместителю генерального прокурора о событиях в Уэйко, штат Техас: роль экспертов во время противостояния» содержится следующее утверждение, описывающее манипулятивную технику, использованную Риком Аланом Россом для эскалации конфликта в Уэйко через СМИ:

*«Доктор Парк Диц, клинический профессор психиатрии и биоповеденческих наук Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, связался с командованием ФБР в среду, 10 марта 1993 года, чтобы сообщить, что он видел телевизионное интервью с самопровозглашенным "экспертом по культам" Риком Россом. **Росс заявил во время интервью, что надеется, что Кореш окажется трусом, который предпочтет написать книгу и продать права на экранизацию из тюрьмы, чем оказаться трупом. Диц считал, что приведенное Россом в телеэфире отождествление капитуляции с трусостью может существенно затормозить переговоры, если Кореш увидит эту передачу.***

Но почему-то наши парни из бюро продолжали слушать Росса и еще одного «эксперта» Келли Ваксман, которые, как заведенные, твердили о планах массового самоубийства. Они нагнетали истерию, требуя штурма, требуя «эксперимента по массовому депрограммированию». Из доклада заместителя генерального

прокурора о событиях в Уэйко (штат Техас) в отношении Кореша и других лиц, находившихся в комплексе:

«ФБР также получило много достоверной информации, исключающей возможность самоубийства. Например, переговорщики несколько раз напрямую спрашивали Кореша и Шнайдера, планируют ли они покончить жизнь самоубийством, и каждый раз те категорически отрицали, что самоубийство было запланировано. Несколько "Дэвидиан", покинувших комплекс во время противостояния (Кэтрин Мэттсон, Кэти Шредер, Брэд Бранч, Анетта Ричардс и Ливингстон Фаган), заявили, что им ничего не известно о каких-либо планах или подготовке к массовому самоубийству. Несколько родственников из числа американцев, принадлежащих "Дэвидианцам", также сообщили, что, исходя из их знаний, массовое самоубийство противоречило бы их религиозным убеждениям».

При этом, проанализировав материалы, я прихожу к выводу, что у Бюро была масса информации, опровергающей версию суицида. Сам Кореш отрицал это. Люди, кто сумел покинуть комплекс во время осады, отрицали это. Родственники членов общины говорили, что самоубийство противоречит их вере. Но голос разума тонул в хоре «антикультистов».

Были ли шансы на мирный исход? Сейчас, видя объем всей информации, я уверенно могу сказать, что да. Но этими шансами не воспользовались. Доктор Кэтрин Вессингер отмечает еще более страшный факт: лица, принимавшие решения, не слушали не только внешних ученых. Они не слушали даже своих собственных специалистов по профилированию. Меня как током ударило. Коллеги из моего отдела, из ВАУ... Они были там? Они пытались достучаться? Наверняка они давали правильные оценки событиям. Но их отодвинули в сторону ради советов Рика Росса. Профессионалов заменили на садиста.

Вчитываясь дальше в данные, все тяжелее мне становилось на душе и все сильнее я хмурил лоб. Информация указывает, что в начале осады люди выходили. Вышло 14 взрослых. Они хотели жить. Они искали диалога. Их просьба поговорить с учеными была криком о помощи на понятном им языке. Но очевидно федералы, проманипулированные Россом о «деструктивном культе», выбрали газ и танки. Они выбрали «массовое депрограммирование» огнем.

Тактика, которую выбрало ФБР под руководством своих «консультантов», больше напоминала пытку, чем операцию по освобождению. Каждый раз, когда

члены «Ветви Давидовой» шли на контакт, когда переговорщики добивались успеха, и взрослые выходили из здания, тактическая группа наносила ответный удар. Танки давили их автомобили. Ночью ранчо заливали ослепительным светом прожекторов. Динамики ревели круглосуточно, обрушивая на людей какофонию шума: звуки убиваемых кроликов, тибетские мантры, визг бормашины.

Меня поразила мысль: какова же должна быть степень манипуляции, какой мощный психотропный эффект нужно произвести, чтобы заставить агентов ФБР — профессионалов, обученных критическому мышлению — действовать вопреки логике, своим непосредственным обязанностям и гуманизму? Я невольно задумался: а устоял бы я? Если бы меня пригласили тогда в штаб, если бы Росс начал вливать мне в уши свой яд о «фанатиках-убийцах», смог бы я сохранить трезвость ума? Или я тоже стал бы частью этой машины уничтожения?

Дэвид Тибодо, один из немногих выживших, позже скажет:

«Танковая атака ФБР утром последнего дня осады застала нас врасплох. Примерно за неделю до этого мы разработали с переговорщиками план, согласно которому Кореш мог бы написать свою рукопись "Семи печатей". Ему так и не представилась возможность закончить ее».

Итог этой стратегии уже известен. 19 апреля 1993 года, 11:31 утра. Бронированная инженерная машина CEV проламывает стену. В течение 24 минут она закачивает слезоточивый газ CS внутрь. Цель — бетонное помещение без дверей, бывшее хранилище. Укрытие, где прятались матери с детьми и две беременные женщины. Газ CS. Вещество, запрещенное Конвенцией о химическом оружии для применения на войне. Его нельзя использовать против солдат противника. Но здесь, когда манипуляция сознанием даже правоохранительных органов достигла своего апогея, было принято решение, что против американских детей — можно.

В качестве топлива для распыления слезоточивого газа CS используется метиленхлорид. Он воспламеняется при контакте с воздухом. В замкнутом пространстве это создает взрывоопасную смесь. И ФБР выпустило около 400 баллончиков. Даже малые дозы этого газа могут убить ребенка. В больших концентрациях он вызывает такие чудовищные мышечные спазмы, что они ломают кости.

Стоит только представить себе это. Дети, корчащиеся в судорогах, с ломающимися от напряжения руками и ногами, в облаке удушающего газа. А потом вспыхнул огонь.

Я открыл архивное фото. На переднем плане — то ли M728 Combat Engineer Vehicle (CEV) то ли M2 Bradley, тяжелая машина цвета пустыни, уткнувшая ствол в землю. На его башне, словно насмешка, гордо реет американский флаг. Полосы и звезды на фоне ада. А за ним — стена огня. Ранчо Маунт-Кармел превратилось в гигантский костер. Языки пламени вырываются из окон, пожирая деревянные стены. Огонь везде. Он ревет, он доминирует в кадре.

И я знаю: там, внутри этого inferнального пекла, пока фотограф нажимал на спуск, заживо горели дети, наши американские дети. Их крики, должно быть, прорывались сквозь гул пожара. Слышали ли их те, кто за мгновение до этого закачивал внутрь газ?

Официальная версия гласила: сектанты сожгли себя сами. Но слова выжившего очевидца, Дэвида Тибодо, разбивают эту ложь вдребезги:

«Для меня самая большая ложь — это утверждение ФБР о том, что мы подожгли здание и застрелили друг друга. ... Я никогда не слышал, чтобы кто-то внутри говорил о самоубийстве или поджогах. И уж точно я никогда не видел, чтобы кто-то пытался это сделать».

ФБР уже предоставило доказательства того, что создало условия для катастрофы. Несколько пожарных инспекторов заявили, что, когда резервуары пробили в конструкции огромные отверстия, они создали в здании систему циркуляции кислорода, подобную той, что используется в печи-буржуйке. Чтобы разжечь огонь и сделать его сильнее, достаточно было просто открыть отверстие, чтобы обеспечить приток большего количества кислорода.

И при этом — никакого плана спасения. Отчет Министерство юстиции сухо констатирует: пожарные стояли на контрольно-пропускном пункте в течение 20 минут. Что можно было проверять 20 минут у пожарных машин, если пожар в здании уже начался? На самом деле, исходя из других источников, их не пускали под предлогом, что из дома будут стрелять «страшные сектанты». Они ждали на посту, пока здание с людьми и маленькими детьми догорало дотла. Ничто не уничтожает следы преступления так как огонь. В то же время танки, которые таранили стены здания, могли быть оборудованы системами пожаротушения. Но они не были.

В течение 6 с половиной лет ФБР и генеральный прокурор Джанет Рено снова и снова заявляли, что в Уэйко пиротехнические устройства не использовались. Три таких устройства были найдены в хранилище вещественных доказательств в Остине, штат Техас, и есть фотографии этих устройств в районах, расположенных недалеко от очагов пожара.

Но еще один страшный факт с высоты полета. Инфракрасная камера на борту разведывательного самолета ФБР зафиксировала то, что очевидно пытались скрыть. На записи четко видны две тепловые вспышки — взрывы в задней части здания, там, где прошлись танки. Через минуты в том же районе вспыхнул огонь. А потом камера зафиксировала ритмичные вспышки. Выстрелы. Более 68 выстрелов из автоматического оружия. На видео видно, как три силуэта стрелков находились в непосредственной близости от танка. Они вели огонь в сторону кафетерия — места, где укрывалась большая часть людей, включая детей.

В докладе большинства Палаты представителей 1996 года о трагедии с общиной «Ветвь Давидова» сделан страшный вывод о том, что «введение слезоточивого газа в закрытый бункер в то время, когда внутри находились женщины и дети, могло быть непосредственной причиной или прямым следствием некоторых или всех смертей, приписываемых удушению в отчетах о вскрытии». Применяя слезоточивый газ, «ФБР не проявило достаточной осмотрительности в отношении присутствия маленьких детей, беременных женщин, пожилых людей и лиц с респираторными заболеваниями». В докладе сделан вывод о том, что слезоточивый газ «мог ухудшить способность некоторых членов секты "Ветвь Давидова" покинуть резиденцию, если бы они этого захотели». В дополнении к отчетам большинства и меньшинства Палаты представителей представитель Стивен Шифф сообщил, что, по его мнению, имеющиеся данные указывают на то, что снос здания с помощью танков перекрыл большинство путей эвакуации, и что многие люди были обездвижены слезоточивым газом.

Сложно представить себе этот ад. Родители, ослепленные вспышками пламени, задыхающиеся, учитывая мышечные спазмы, которые вызывает газ CS, они могли слышать хруст костей своих детей, но не могли им помочь. События в Уэйко никак не напоминали «спасительную» операцию, а скорее изощренную камеру пыток, спроектированную маньяком. И исходя по той информации, которую я сейчас вижу в сети, официальная пропаганда до сих пор твердит: сектанты покончили жизнь самоубийством, чтобы избежать ареста. Но критики

указывают на инфракрасные кадры: людей расстреливали, когда они пытались спастись из огня.

Я тонул в этом море отчетов, обвинений и оправданий. Но среди всего этого информационного шума голос Дэвида Тибодо звучал как лезвие правды. Он был там. Он выжил в том аду. В своей книге «Место под названием Уэйко» он описал хронику уничтожения с пугающей детализацией. Меня настолько потрясли его свидетельства, что я распечатал и вынес в отдельную папку с файлами о событиях в Уэйко сразу несколько страниц.

«...появляется мой сосед по комнате, Джейми Кастильо. Он выглядит встревоженным. "Что-то происходит", — бормочет он, когда мы поднимаем раздраженного Стива на ноги. Выглянув в окно, мы видим, как в холодном сером свете к нам приближается строй танков-разрушителей. "Черт!" — восклицает Стив.

В этот момент громкоговорители, на мгновение замолкшие, снова зазвучали. Металлический голос крикнул нам: "Осада окончена. Мы собираемся применить слезоточивый газ в здании. Дэвид и Стивен, выведите своих людей оттуда!"

Пауза. Мы смотрим друг на друга, ошеломленные.

"Это не нападение, — продолжает громкий голос. — Слезоточивый газ безвреден. Но он сделает ваше окружение непригодным для жизни. В конце концов, он пропитает вашу еду и одежду". Тон, нарочито обеспокоенный, резко сменяется: "Вы арестованы. Выходите с поднятыми руками!"

"Приготовьте противогазы!" — приказывает Стив. "Сейчас же!"

Противогазы были выданы всем в начале осады; они были частью партии, которую мы купили на оружейной выставке, когда начали покупать и продавать огнестрельное оружие, чтобы заработать немного денег для общины. До начала осады мы и представить себе не могли, что они нам понадобятся для собственной защиты.

Мчась по длинному зданию, я бужу людей, предупреждая их о нападении и призывая надеть маски. Испуганные, люди сталкиваются друг с другом, а дети тревожно всхлипывают. Одна молодая женщина, Дженифер Андраде, не может найти свою маску, поэтому я спешу ей ее найти. Тем временем из громкоговорителей продолжают назидательные речи. "Осада окончена", —

кричат громогласные голоса. "Мы войдем в здание. Выходите с поднятыми руками. Ничего не берите. Стрельбы не будет". Одна фраза повторяется снова и снова: "Это не нападение, это не нападение".

Это не штурм? Вертолеты кружат над нашим зданием, словно гигантские шершни, посланные ужалить нас насмерть? Танки несутся на нас, их длинные хоботы, наполненные слезоточивым газом, взмывают в воздух?

Внезапно по всему зданию разносится отвратительный, оглушительный грохот, словно по нему ударили гигантским металлическим кулаком. Мои ошеломленные уши различают грохот тяжелых двигателей и пронзительный визг гусениц танков, врывающихся в землю. Этот душераздирающий шум нарастает, когда стальные когти двух танков откусывают куски от боков длинного корпуса общежития. Еще один танк пробивает дыру посередине корпуса, вырывая часть стены и крыши и сотрясая здание от начала до конца.

В состоянии шока и растерянности я бегаю взад и вперед по коридору второго этажа, проверяя, нет ли там женщин, которые еще не укрылись в бетонной холодильной камере у основания жилой башни. Сердце колотится так сильно, что вот-вот выскочит из груди. Этого не может быть! — кричит голос в моей голове. Но это происходит.

Внезапно я вижу, как в здание надвигается облако пыли, и слышу злое шипение слезоточивого газа. Окна разбиваются, когда маленькие баллончики, словно миниатюрные ракеты, пролетают сквозь стекло и взрываются, добавляя дым к тому, что вырывается из сопел, прикрепленных к стрелам танков. В меня летит град осколков, пока я спешу в часовню на первом этаже в восточной части здания, мой мозг колотится от беспокойства за детей. Примерно за три дня до штурма я попытался надеть на Серенити маску, затянув ее, чтобы проверить, подходит ли она.

Это сработало, но только заставило ее плакать. Поскольку маски слишком велики для маленьких голов детей, женщины приготовили ведра с водой, чтобы смачивать тряпки и полотенца и накрывать ими лица детей. Я надеюсь, что некоторые женщины и дети нашли убежище в старом школьном автобусе, который мы закопали под землю в западной части участка несколько месяцев назад, до начала осады. Он предназначался для защиты от торнадо, но теперь, возможно, он защитит малышей.

В часовне я снова нахожу Джейми Кастильо. По щекам текут слезы. Его маска плохо держится, и он умоляет меня принести запасную, которую хранит под кроватью. Обычно тихий и сдержанный, Джейми вот-вот закричит. Я бегу по коридору, и, добравшись до комнаты, обнаруживаю, что весь угол вырван, оставив зияющую рану на стене здания. Потрясенный такой ужасной картиной разрушения, я поражен открывающимся видом на мир за окном. Там, под пасмурным небом, в грязи бушуют военные машины.

Сильный ветер дует мне в лицо, и меня так и тянет снять маску, чтобы сделать глубокий глоток чистого воздуха, чтобы хотя бы на мгновение снова почувствовать себя нормальным, дышащим человеком. В противогазе чувствуешь себя задыхающимся, словно чья-то рука сдавливает лицо. Только уверенность в том, что воздух ядовит, удерживает меня от того, чтобы сорвать его.

Перебравшись через груды обломков дерева и гипсокартона, я нахожу маску Джейми. Однако, когда я пытаюсь вернуться с ней в часовню, коридор оказывается заблокирован. Танки так сильно продавили стену здания, что внутренние стены обрушились. Мне удается пробраться сквозь беспорядок и добраться до часовни. Через мгновение я вижу, как танк толкает вглубь коридора пианино, которое мы переместили, чтобы укрепить входную дверь, блокируя вход:

Люди укрываются в часовне, которая сейчас находится под прямым обстрелом. Танк бьет по восточной стене, просовывая свой нос через образовавшуюся щель от взрывной гильзы. Когда он выпускает газ, мы перемещаем толпу в дальний конец комнаты. Время от времени я снимаю маску, чтобы оценить качество воздуха. Иногда газовое облако рассеивается, иногда оно мгновенно щиплет глаза, вызывая слезы.

...

Танк снова движется на нас, его газовые ноздри на конце стрелы слепо протыкают расселину в разбитой стене. Машина принохивается, ища, прежде чем выплевывает свою гадость нам в лица; я представляю, что она действительно может почувствовать наш страх. Мы в ловушке здесь, обломки перегораживают выходы. Когда танк атакует, люди кричат и отступают. Нет никакого способа выбраться, и мы прячемся, где только можем. Я пытаюсь спрятаться среди высокой стопки усилителей, протискиваясь в середину них, но

когда танк врывается в стену рядом, я отступаю на сцену. К полудню здание превращается в порохохранилище. Толстый слой пыли хлорметана, осевший от слезоточивого газа, покрывает стены, полы и потолки, смешиваясь с парами керосина и пропана из разбитых нами ламп и раздавленных обогревателей. Чтобы усугубить ситуацию, порывистый тexasский ветер скоростью тридцать узлов врывается сквозь пробитые в стенах и крыше отверстия. Все здание подготовлено, как печь-буржуйка с открытой заслонкой.

Внезапно кто-то кричит: Пожар!

В панике я ищу путь спасения. Спортзал за часовней разрушен, огромная деревянная балка перекрывает мне дорогу. Полагаясь на инстинкт, ползком на руках и коленях я отступаю к лестнице, ведущей на верхний переходной мостик. На верхнем уровне везде груды обломков, словно в здание попала авиабомба. Стараясь не пораниться об осколки стекла, я медленно продвигаюсь по переходному мостику, пересекающему потолок часовни, надеюсь найти путь к детям.

Отверстие в конце мостика завешено одеялом. Когда я осторожно приподнимаю его край, волна дыма валит меня с ног. Осмотрительно выставляю голову. По коридору проносится огненный шар — красно-желтая вспышка, жар которой обжигает мне щеки, а грохот оглушает уши.

Рей Фризен, пожилой канадец, говорит, что больше не может — он собирается выпрыгнуть из окна. Я предупреждаю его, что они могут нас расстрелять, и он колеблется. Дерек Лавлок, темнокожий британец, рассказывает нам, что видел женщин и детей в бетонном хранилище. Они не смогли добраться до подземного автобуса (прим. пер.: убежище под землей), потому что дорога завалена обломками, говорит он, и мое сердце падает еще ниже. Когда тридцатидвухлетний Джимми Риддл, уроженец Юга, выходит через заднюю дверь в столовую, танк проезжает прямо по нему, отрывая правую часть его туловища. Стивен Генри, еще один молодой темнокожий британец, тоже сбит танком, его левая нога отсечена на уровне бедра.

Среди этих ужасов маленький дворняжка, один из питомцев детей, выбегает ко мне из дыма. Я выбрасываю его из окна, прогоняя в открытый воздух, но испуганная собака продолжает возвращаться. Вдалеке я слышу насмешливые крики из громкоговорителей ФБР: "Дэвид, ты получил свои пятнадцать минут славы! Теперь выводите своих людей, осада окончена".

Теперь я стою на коленях и на руках, молясь: Боже, если мне суждено умереть, сделай это быстро. В этот момент стена сцены загорается, обжигая сторону моего лица. Острый запах паленых волос наполняет мои ноздри, и я кричу всей мощью своего голоса. Видя, как Джейми и Дерек выбегают из пролома в стене у края сцены, я следую за ними, предпочитая скорую смерть от пуль агентов пожиранию огнем.

Время замедляется, когда я спотыкаюсь сквозь грязь. Вдали виден знак Красного Креста — его символ — небольшой луч надежды среди черных облаков дыма.

Когда Клайв Дойл спешит через тот же пролом, которым я только что спасся, за ним следуют языки пламени. Его руки дымят, обожженная кожа отслаивается с его рук, его пальто плавится на спине. Он думал, что он единственный выживший, говорит он, пока не увидел нас. Марджори Томас, черная женщина из Британии, в ловушке на втором этаже. Она закрывает руками голову, выпрыгивает из окна, затем совершает медленный поворот на 180 градусов в воздухе и ударяется о землю с ужасными ожогами по всему телу. Грейм Крэддок, друг Дойла из Австралии, лежит внутри основания башни, парализованный, едва живой. Большинство из девяти человек, спасшихся из огня, выходят через восточную стену часовни, как я, или через трещину в передней стене.

Агенты ФБР заставляют нас лежать в ряд на земле лицом вниз и связывают наши руки пластиковыми стяжками. "Где женщины и дети?" — требует агент, поднося свое лицо к моему. Когда я говорю ему, что все еще надеюсь, что они в похороненном школьном автобусе, я слышу, как другой агент говорит: "Мы закидали этот автобус слезоточивым газом". О нет, — рыдаю я молча, представляя, как дети задыхаются в этой подземной гробнице. Оказывается, шесть женщин погибли у люка, задохнувшись в заблокированном проходе.

Один агент, крупный парень с усами, мрачно говорит: "Черт, я знал, что это не сработает. Нам нужно было перейти к плану Б". Что такое план Б? — хочу спросить я, но молчу; эти люди пугают. Внезапно все здание взрывается. Ветер от пиротехнического взрыва обдувает мою открытую спину, грохот оглушает мои уши. Я поднимаю голову и вижу зрелище, которое жжет мою душу — огромный погребальный костер, черный дым и красно-желтые языки

пламени заполняют небо, сжигая моих друзей, Микеле, моих приемных детей, мою жизнь».

Глава 14

«МС Дое 33»

Я отложил распечатки. После прочтения этих страниц я несколько минут просто сидел, глядя на пустую стену перед собой. Мой мозг отказывался принимать это. «Не могу поверить в это», — шептал я. Но факты были на столе. В то же время версия событий, которая озвучивалась на одном из слушаний в Конгрессе 1995 года по делу Уэйко:

«Дик Роджерс: *И я еще раз напомним американскому народу, что за все это время, за эти шесть часов и, собственно, за все эти 51 день, ФБР не произвело ни одного выстрела по давидианцам.*

Джозеф Р. Байден: *Дэвид Кореш и давидианцы подожгли себя и покончили жизнь самоубийством. Правительство этого не делало».*

— Правительство этого не делало, — вслух произнес я, нажимая на файлы с архивными снимками.

Это были фотографии триумфа. Агенты ATF позировали на фоне руин Маунт-Кармел, в городе Уэйко, штат Техас, словно охотники на сафари с убитым львом. Они улыбались. Когда здание сгорело, пригнали бульдозеры. Они сровняли пепелище с землей, уничтожив улики, смешав мертвые тела с грязью.

Но один снимок заставил меня содрогнуться. Руины бетонного хранилища. Очевидно, того самого, где прятались матери с детьми. Над обугленными останками, на фоне выжженной земли, федеральные агенты подняли флаги. Звездно-полосатый флаг Америки и флаг ATF. Они водрузили их прямо на могиле. Как победители в войне. Но в войне против кого? Против собственных американских граждан? Против двухлетних детей?

Этот визуальный образ — не случайность, а продуманный нарратив, адресованный миллионам американцев, наблюдавших события в Уэйко по телевизору. Флаг США, развевающийся над руинами, выполняет глубинную психологическую функцию: он транслирует сообщение о том, что «государство

защищает вас от врага». Человеческий мозг устроен так, что воспринимает национальную символику как маркер безопасности и легитимности. Флаг + боевая техника + противостояние = автоматическая ассоциация: «Наши службы сражаются с угрозой». Это базовый механизм социальной идентичности — мы доверяем символам своей группы и автоматически относим к «врагам» тех, против кого эти символы направлены. Трансляция событий по многочисленным каналам, публикация фотографий в прессе — все это создавало мощный эффект социального доказательства. Миллионы американцев, видя американский флаг над дымиющимися руинами, бессознательно принимали послыл: «Здесь был побежден опасный враг». Но врагом были выставлены мирные граждане — члены Ветви Давидовой, которые никому не причиняли вреда. Таким образом, национальная символика была инструментализирована для легитимации насилия и манипуляции общественным восприятием. Флаг, который должен символизировать свободу и защиту, превратился в ширму, скрывающую жестокое истребление мирных американцев.

Я смотрел на эти кадры. Огонь уже утих, но дым все еще курился. Где-то там, под ногами этих бравых парней в камуфляже, с нашивками «ФБР» на рукавах лежали маленькие, черные свертки. Дети, которые сгорели заживо в объятиях матерей. За что? За то, что такие как Рик Алан Росс, Стивен Хассан и вся паутина борцов с культами убедили общество, что они — не люди, мирно живущие на своей законной земле и исповедующие свою религию, исповедовать которую им гарантирует первая поправка конституции США, а угроза, опасность, преступники.

В горле встал комок, жесткий, как кусок колючей проволоки. Я не мог его проглотить. Глаза защипало. Я, почти семидесятилетний старик, ветеран ФБР, видевший такой фарш, который ни в одном фильме ужасов не покажут, ни разу в жизни не проронил ни слезы на работе. Я держал лицо перед расчлененными телами, перед жертвами пыток. Но сейчас, глядя на этот флаг, гордо реющий над детскими костями, я был готов заплакать. От бессилия. От стыда. И от понимания того, что зло, которое сотворило это, не только не наказано — оно процветает.

На этом отрезке моего расследования я осознал: то, что начиналось как профессиональное любопытство, приобретает для меня огромное значение. Я больше не мог рассматривать дело Дворкина как досье очередного маньяка-одиночки. Это было нечто иное. За сухими фактами, которые я вскрыл за эти пару недель, стояла такая плотная, всепоглощающая тьма, какой я не ощущал даже в самые черные дни своей службы.

Мне казалось, что я снова сижу в комнате с зеркалом Гезелла. По ту сторону стекла — Александр Дворкин и чудовищная сеть из таких же как он, психопатов и маньяков, которую он создал. Но эта комната настолько темна, что даже его черные глаза начинают сливаться с пространством, растворяясь в нем. Я вспоминал моменты, когда отстирывал манжеты от случайно попавших капель крови после перестрелок. Вспоминал холод моргов, где я часами изучал изуродованные тела. Вспоминал взгляды серийных убийц, смотревших на меня из-за решетки — пустые, мертвые глаза существ, на счету которых были десятки невинных жизней. Но даже эти воспоминания казались светлее того мрака, который клубился сейчас передо мной. Эта темнота была соткана из боли миллионов гонимых, из отчаяния тех, кого дегуманизация довела до самоубийства, из пострадавших от депрограммирования, из цинизма, надевшего маску добродетели и «экспертности» и из криков детей в Уэйко...

И я был только в начале пути. Мне еще предстояло войти в эту комнату. Сесть напротив Дворкина. Посмотреть в эту бездну и задать главный вопрос: какова конечная цель этого ужаса? Возможно ли, что вся операция в Уэйко была спланирована как трофей? Словно жертвоприношение на алтарь новой идеологии, Уэйко поставили в один ряд с Джонстауном. Они создали идеальное пугало. Теперь, стоит произнести слово «культ», и в сознании обывателя вспыхивает огонь Маунт-Кармел. Это был гениальный ход: закрепить ассоциацию «нетрадиционная религиозная община = культ = смерть» на уровне рефлекса. Книги Росса, Хассана, Дворкина — все они эксплуатируют этот пример как доказательство своей правоты. «Смотрите, — говорят они, — культисты со своим лидером убивают себя». И молчат о том, кто поднес спичку. Моего опыта достаточно, чтобы понять: такие вещи не происходят случайно. Это была спецоперация.

Учитывая связи Дворкина с Хассаном и Россом, с сетью CAN, у меня возникла еще более страшная гипотеза. Что если Уэйко было для него тестом? Маньяк никогда не останавливается и ему жизненно необходимо расширять свою власть. В данном случае, возможно ему нужно было убедиться, что можно убивать массово, дистанционно, оставаясь в тени. Что если ему нужно было проверить, насколько глубоко его технологии манипуляции могут проникнуть как в мозг государственной системы, так и в мозг тех, кто эту систему представляют? Ведь уже сейчас, исходя из всех данных, СМИ, полиция, ФБР, политики — все они оказались податливой глиной в руках психопатов-активистов из сети борцов с культами. Он увидел, что это работает. Что можно заставить государство убивать своих граждан

под аплодисменты толпы. Это была та власть, к которой он стремился. Смерть, массовое уничтожение невинных жизней, то самое упоение, которое он испытывал над ямой, в которой умирал под грудой камней маленький мальчик. Только теперь эта яма начинала расширяться на весь мир. Получив подтверждение эффективности деструктивных манипулятивных методов антикультовой сети, он продолжил строить свою империю в России уже с полной уверенностью в глобальном успехе.

События на ранчо Маунт-Кармел развернулись не где-то там. Они произошли здесь, на глазах у моей Америки. Они развернулись на глазах у моих «братьев», моих коллег. И, что тяжелее всего признавать, при непосредственном, может и слепом участии ребят из моего родного отдела. Да что там... Это произошло у *меня* на глазах! Пока я тешил свое самолюбие, ловя одиночных маньяков и считая, что делаю мир чище, прямо у меня под носом, в тени системы, один русский психопат с американским паспортом разворачивал свой транснациональный конгломерат смерти.

И теперь мне становилось кристально ясно, почему Бюро, судебная система и правительство приложили такие титанические усилия, чтобы похоронить истину под толстым слоем грифа «Секретно» и оправдательных приговоров. Почему истинные дирижеры этого ада до сих пор гуляют на свободе.

Все просто. Признать вину «борцов с культами» в трагедии Уэйко означало бы официально признать, что правительство великой державы позволило кучке психопатов водить себя за нос. Что мы поверили лжи Росса с его судимостями и справками о нарушении психического здоровья, поверили манипулятору с нарциссическими чертами Хассану и тем журналистам, которые осознанно или нет, были втянуты в преступную деятельность всей этой психопатической франшизы. Это означало бы признать, что мы передали пульт управления федеральными силами в руки маньяков. Признать это — значит расписаться в том, что руками правительства, руками тех самых парней, с которыми я пил кофе в столовой, ловил серийных убийц и с гордостью получал награды за служение родине, были зверски убиты мирные, законопослушные американские граждане. Женщины. Старики. Младенцы.

Разве могли службы позволить себе такую правду? Нет. Они выбрали «синюю стену молчания» — защитить своих, даже если свои запятнаны кровью невинных. И это дало Дворкину главный козырь — безнаказанность. Уэйко стало для них не

провалом, а триумфом. Они поняли: если ты действуешь уверенно, с маской «экспертности» и масштабно, если ты втягиваешь в свои преступления государство, оно будет вынуждено тебя покрывать.

И эта трагедия — лишь капля крови в том океане, который они пролили и продолжают проливать, пользуясь нашей слепотой и нашим молчанием.

Но, несмотря на тотальное промывание мозгов через телеэкраны, несмотря на антикультовую истерию, все же многие тогда видели правду. Они увидели, как власть, призванная защищать граждан, превратилась в палача. Манипулируемые «борцами с культами», федералы убивали людей, используя методы, подходящие скорее карательным отрядам СС. Почему? Почему агенты, дававшие присягу служить и защищать своих граждан, защищать невинные жизни, пошли на преступление против собственного народа?

Сейчас я нахожу для себя ответ. Он прост и страшен: совершенно очевидно, что их восприятие реальности было взломано. Представители антикультового движения использовали методы манипуляции, воздействуя на сознание, чтобы «перепрошить» сознание агентов правоохранительных органов. Они перекраивали образы и создавали ложную картину мира. Таким образом, агенты видели в прицелах не американских граждан (простых верующих христиан), а «врагов нации». Это объясняет тот флаг над руинами. В их искаженном мире это была победа в войне. В реальности это было жестокое истребление законопослушных, мирных американцев. И звездно-полосатый флаг, поднятый над пепелищем, в тот день символизировал не свободу, а войну против собственных граждан.

Для меня эта ужасная трагедия в Уэйко словно нацизм в миниатюре. Локальная вспышка той самой чумы, которую, как нам казалось, мы победили в 45-м. Но истинные проектировщики этого ада — депрограммисты, идеологи CAN, люди вроде Росса и Дворкина — так и не понесли наказания. Они на свободе. Они процветают. Они сидят в студиях CNN и Fox News, их называют «экспертами по культам» и «защитниками общества». Они смеются нам в лицо.

— Это просто издевательство над Конституцией, над правами человека, над самой сутью демократии. Это плевок на могилы отцов-основателей со стороны антикультовых нацистов, — произнес я вслух, обращаясь к теням в своем кабинете.

Я открыл сайт Электронного музея Холокоста в Уэйко. Этот архив боли, созданный Кэрл Валентайн, был как открытая рана. Я листал страницы, и каждое

фото, каждый документ были напоминанием: вот она — цель идеологии Дворкина. Не лекции, не книги, не умные слова. А обугленные детские кости в техасской пыли.

Из отчетов о вскрытиях и других материалов о погибших Ветви Давидовой сообщалось:

«Каждый мешок с телом доставлялся в офис судебно-медицинской экспертизы округа Таррант и обозначался номером "Mt. Carmel Doe _", "MC Doe _" или просто "Doe _".

- *Иногда тело умершего доставлялось в двух или более мешках и получало несколько номеров, поскольку тело было расчленено или разупорядочено.*
- *В некоторых мешках находились останки более чем одного человека, что приводило к появлению буквенных или цифровых суффиксов, таких как 31B или 67-3».*

Я вернулся к списку на экране. Строчки, цифры, безликие коды. Рука дрогнула, и курсор замер на одной из позиций. Я случайно кликнул на строку MC Doe 33.

Страница обновилась, и то, что я увидел, заставило меня сжать подлокотники кресла до побеления в костяшках. Это был отчет о смерти Дайланда Лорда Литтла. Пол: мужской. Возраст: приблизительно 2,5–3,5 года.

На мониторе, в левом нижнем углу, была фотография. С черно-белого снимка на меня смотрел словно ангел, сошедший с рождественской поздравительной открытки. Светлые, мягкие кудри, пухлые детские щеки, ясный, доверчивый взгляд и улыбка. Обычный малыш, у которого впереди должен был быть детский сад, первый велосипед, выпускной, первая любовь и жизнь полная познаний и открытий. А прямо над ним, занимая большую часть экрана, располагалось фото с аутопсии. Там не было человека. Там была черная, спекшаяся масса. Груда обугленной плоти и костей, в которой с трудом угадывались очертания того, что когда-то было ребенком.

Я заставил себя читать отчет судебно-медицинского эксперта округа Таррант. Мои глаза, привыкшие сканировать такие документы, выхватывали главное, игнорируя бюрократическую шелуху.

FINDINGS (Находки): 01. Stab wound of left chest (Колото-резаная рана левой части груди). 02. Extensive charring (Обширное обугливание). 03. Severe decomposition (Сильное разложение).

Колото-резаная рана. Двухлетний ребенок. Перед тем как огонь поглотил, его что-то пронзило. В отчете сухо детализировалось: Надрезы на прилегающих ребрах. Удар был такой силы или такой глубины, что задел кости. Было ли это следствием штурма, газа, паники, спровоцированной действиями силовиков, которых накачали истерией «антикультистов»?

Я закрыл глаза, но картинка не исчезала. Я видел этого малыша, Дайланда. Я представлял последние минуты его жизни. Хаос, дым, жар, крики. И удар. Я видел сотни отчетов с аутопсией. Видел сцены, от которых многие из нашего отдела выходили блевать в кусты: расчлененные тела, жертвы пыток, «работы» маньяков-некрофилов и каннибалов. Но что-то в этом файле, в этих сухих строчках о «МС Doe 33», заставляло мое сердце сжиматься не от профессионального ужаса, а от нестерпимой, почти физической душевной боли. Все это было так неправильно... Этого просто не должно было произойти в нашей стране, в нашем мире.

В моей привычной работе все просто: есть труп, есть психопат, помешанный на крови. Ты составляешь его профиль, ищешь паттерны, МО, сигнатуру, отмечаешь лишнее и загоняешь зверя в клетку. Зло имеет лицо, имя и отпечатки пальцев. Но здесь... Здесь ты составляешь профиль убийцы, а нить ведет тебя не в подвал, не в хижину в лесу, а в телестудию. Ты идешь по следу, а он приводит тебя на десяток других следов, к целой стае. Рик Росс, Стивен Хассан, Александр Дворкин — отчеты не покажут отпечатки пальцев на этих детях в Уэйко. Физически, на их руках нет пороха и крови Дайланда. Но размах, с которым они подстрекали общество к этой бойне, сравним разве что с методами пропаганды, приведшими к геноциду.

Они создали атмосферу, в которой убийство стало приемлемым. Они расчеловечили жертв до такой степени, что танки, давящие женщин и детей, казались актом освобождения. И самое страшное — они наблюдают за тем, как их жертвы умирают, сидя в мягких креслах на центральных телеканалах. В качестве «приглашенных экспертов». Они смотрят на горящее ранчо, поправляют галстуки и с холодным взглядом и натянутой, сочувственной улыбкой рассуждают о «двухлетних сектантах», уверяя зрителей, что это культ их погубил. Не газ. Не штурм. Не ложь борцов с культами. А сам факт их веры, которая по их мнению — была неправильной. Это высшая форма садизма — убить чужими руками, а потом сказать, что жертва сама виновата.

Маленькие дети. Я видел их на кадрах документальных фильмов о Уэйко. Они улыбались. Смеялись. У них было будущее. Они жили в мире. Они росли окруженные друзьями, любовью и заботой. Их мир имел краски и надежду. Но для Дворкина, Рика Росса, Стивена Хассана и других членов этой античеловечной антикультовой сети этот мальчик не был Дайландом. Он не был ребенком. Он был «биологической единицей культа». Пропаганда «об опасном страшном культе» убедила ФБР и АТФ, что в Уэйко живут не люди, а преступники, фанатики, запрограммированные на теракт и массовое самоубийство. А разве может быть жалость к преступникам? Созданный антикультовыми активистами образ о страшном культе, должен был развернуться в сознании общества так, чтобы «одобрить» травить газом таких «преступников», одобрить давить танками, сжигать живьем, стрелять. И вот итог этой идеологии. МС Дое 33. Обугленный сверток в синем мешке для трупов. Кости, изъеденные огнем.

Я выключил монитор и с глухим стуком захлопнул крышку ноутбука, словно запечатывая вход в то место, где хранились воспоминания о тех страшных событиях в Уэйко. Тяжело сглотив комок, застрявший в горле, я поднялся. Ноги казались ватными. Я тихо прошел по коридору, мимо нашей с Мэри спальни, откуда доносилось ее мерное, успокаивающее посапывание.

В самом конце коридора была приоткрыта дверь гостевой спальни — той, что когда-то принадлежала Мишель. Там, на большой двуспальной кровати, в эпицентре уютного хаоса из сбитых одеял, разбросанных игрушек и подушек, спали мои внуки. Саймон и Дэни. Руки и ноги раскинуты в стороны, рты приоткрыты — абсолютная, беззащитная безмятежность. Я подошел к кровати и замер. Я смотрел на их лица, на которых не было ни следа тревоги, ни тени того ужаса, который я только что видел на экране. Только чистая, невинная безмятежность детской души, еще не знающей, каким жестоким может быть мир.

Несколько минут я стоял так, не смея пошевелиться, боясь потревожить воздух даже вздохом. Затем я осторожно поправил одеяло, укрыв торчащие голые ступни Дэни, и невесомо поцеловал мальчиков в теплые лбы. Тихо, как тень, я вышел из комнаты и направился к своей спальне. В темноте коридора я провел рукой по лицу и с удивлением обнаружил, что оно мокрое. Впервые за тридцать лет службы по моим щекам текли слезы.

Глава 15

Недостающий пазл

Утро началось с запаха ванили и детского гомона. Мэри, верная своему амплу идеальной бабушки, устроила гастрономический праздник: гора фирменных оладий, утопающих в кленовом сиропе, быстро исчезла с тарелок. Затем были два с половиной часа дороги — время, когда я мог просто слушать болтовню внуков на заднем сиденье, весело подшучивать над ними и чувствовать себя не охотником за маньяками, а обычным дедом.

Предстояло заехать домой к Мишель, чтобы оперативно переодеть и подготовить братьев к школе. В их доме царил утренний хаос спешащих на работу родителей. Моя дочь и ее муж носились по дому, допивая кофе на ходу и одновременно пытаясь найти ключи, телефоны и здравый смысл. Мы успели обменяться лишь парой дежурных фраз о том, где лежит чистая одежда и школьные принадлежности, прежде чем они разъехались на разных машинах в разные стороны, оставив мальчишек на попечение старика, чьи познания в воспитании ограничивались лишь умением контролировать и проводить допросы.

Саймон, как всегда, был автономен. Он быстро переоделся и, устроившись на пуфике у двери, погрузился в свой Nintendo Switch, пока я носился по дому за его младшим братом. Для Дэни это был первый класс, и его внимание жило своей жизнью — стоило мне отвернуться на секунду, и он уже ковырял какую-то дырку в полу или строил башню из обуви. Процесс одевания напоминал разминирование: одно неверное движение — и ребенок окажется в одном ботинке, штанах наизнанку и пижамной рубашке, и, чего я боялся больше всего, — в слезах. Мне приходилось контролировать каждый этап, как диспетчеру на вышке. — Сначала носки, Дэни. Нет, оба носка. Теперь свитер. Голова сюда, руки сюда. Отлично, боец. Слава Богу, обошлось без истерик. Мы благополучно и, что самое удивительное, вовремя загрузились в машину.

Школы были разные, поэтому маршрут был сложным. Сначала мы высадили Саймона у средней школы, а затем подружили к начальной, чтобы посадить Дэни. Возможно, я прощался с ними чуть дольше обычного. Наверное, вчерашний вечер с его ужасами из папки «Уэйко» все еще держал меня. Когда Дэни, донимая вопросами: «Деда, а когда мы снова приедем?», «А мы пойдем на рыбалку?», «А ты научишь меня вязать узел "паломар"?», я не стал отшучиваться, как обычно. Вместо

привычных подколов я просто прижал его к себе, вглядываясь в родные черты, и почувствовал острую, щемящую потребность сказать ему, как сильно он мне дорог. — Хоть каждые выходные, — пообещал я внуку, взъерошив волосы Дэни. — Бабушка только рада будет.

Классные руководительницы уже махали руками, сгоняя пеструю толпу учеников в здание. Дэни скрылся в шумном потоке рюкзаков и курток. Я стоял у ворот и смотрел, пока последний ребенок не исчез за дверями, и только когда школьный двор опустел, позволил себе выдохнуть.

— Да, старик, — пробормотал я себе под нос, направляясь к машине. — Что сделала с тобой пенсия... Совсем сентиментальной тряпкой стал.

Обратная дорога была долгой. Радио молчало. В тишине салона мои мысли снова вернулись в темную колею. Перед глазами, накладываясь на зимний пейзаж Вирджинии, мелькали те самые фото. Обугленные останки. Черные мешки. Руины в пепле ранчо Маунт-Кармел. Сам не знаю, почему меня это так задело именно сейчас. Возможно, дело в моей профессиональной гордыне. Как я, федерал с опытом, мог пропустить это тогда? Как я мог быть в числе тех, кто промолчал, когда мои коллеги из других ведомств, подстрекаемые психопатами вроде Росса, творили этот беспредел? Вопросы без ответов. Но одно я знал точно: я не позволю этому повториться. Пусть жетона у меня уже и нет. Но я знаю, что я должен делать.

Я продолжал искать точку входа в эту трагедию. Место, где была заложена бомба замедленного действия в виде антикультовой идеологии Дворкина, которая тогда только начинала метастазировать. Я буквально кожей чувствовал: какой-то пазл отсутствовал. В истории Уэйко есть что-то еще, кроме уничтоженной общины и провала Бюро.

Внезапно меня осенило. Не отрывая одной руки от руля, я выключил GPS — дорогу домой я мог найти с закрытыми глазами даже в тумане — и набрал номер Дэйва по громкой связи. Его брат служил в ATF, в той самой группе, что штурмовала Маунт-Кармел в 93-м. Если кто-то и знал изнанку, то это он. У него наверняка сохранились какие-то старые отчеты, копии, черновики — тот самый «бумажный след», который агенты старой школы хранят в гаражах на случай, если их захотят слить.

— Да это дело не чистое. Это был наш косяк, Джеймс. Были кое-какие файлы... Но ты же знаешь, я не смогу их достать, — голос Дэйва звучал устало. Мы быстро пробежались по дежурным темам: артрит, внуки, цены на бензин. Я попытался

выудить подробности о брате, но Дэйв пересказывал то, что у меня и так уже скопилось в папке. — Даже через Фила не сможешь? — с надеждой в голосе спросил я. Фил был нашим общим знакомым в архиве, человеком, который мог найти даже меню с «Титаника».

— Даже через Фила, — вздохнул Дэйв. — Там все вычищено под ноль.

— Дэйв, клянусь, я наткнулся на что-то очень стоящее. Точнее не я, — мне вдруг стало немного неловко присваивать лавры, и я поспешил поправиться. — Виктор на самом деле.

— Что?! Виктор? Виктор-Крепыш? — трубка взорвалась хриплым смехом. Я и забыл про эту кличку. Виктор действительно огромный и крепкий: полторы головы выше меня, плечи как у борца, и легендарный аппетит — на ланчах он уничтожал двойные порции, не моргнув глазом. — Да чем вы там занимаетесь, старые хрычи? Решили поиграть на пенсии в детективов?

— Дружище, веришь, но я за все годы службы с таким дерьмом не сталкивался. Целая сеть законченных ублюдков, психопатов. И не только у нас, Дэйв. По миру.

— Что, синдикат какой-нибудь? Наркотики?

— Да как будто хуже. Тут и наркотики, и серийные убийства, и промывка мозгов. И дети, Дэйв.

На этом моменте я впервые услышал, как дыхание Дэйва изменилось. Шутливый тон исчез. Тяжелый вздох в динамике означал, что он наконец-то начал слушать всерьез.

— Но страшно то, как мощно они замаскировались. За тридцать лет — только косвенные следы да улики, но никто всерьез не охотился на всю сеть целиком. Сейчас я подбираюсь к чему-то важному. У них есть влияние на государство и службы. Хочу понять, как именно они пролезли к нашим в Уэйко.

— Если есть сеть — есть и предводитель, — задумчиво произнес Дэйв. Старый инстинкт ищейки проснулся.

— Разумеется. Скажу тебе так: русский эмигрант, со справками из психбольниц, по уши в крови, получивший гражданство США в 80-х и вернувшийся в Россию профессором-богословом! Дэйв присвистнул. — Не хило. И что, он сейчас в России? — Да, но, похоже, своих «кротов» расставил везде. У нас в Штатах тоже. Помнишь, нам про характеристики деструктивных культов вещали в Академии?

Так вот что действительно можно было бы назвать культом, так это то, что создал этот психопат...

Мне оставался последний поворот к дому. — Ладно. А Уэйко и Бюро тут каким боком? — спросил Дэйв. — Пока что лишь зацепки. Поэтому мне и нужны файлы, Дэйв. Очень нужны. Я свернул во двор, но в гараж заезжать не стал. В панорамном окне гостиной я уже видел Роджера, а он меня. Пес бился мордой о стекло в приступе безумной радости, щедро поливая его слюной. Стеклопакеты держались на честном слове.

— Слушай, звучишь ты, конечно, как в 80-х. Давно не слышал тебя таким «помешанным», — в голосе Дэйва слышалось недоверие. — Ладно. Файлы я действительно достать не могу. Правда, Джеймс. Даже если бы сильно захотел. Да и Сэм уже давно не при деле, ты же знаешь. Он тогда со многими из ATF оборвал связи, ушел в глухую оборону.

Я мысленно чертыхнулся. Конечно, он мог достать все что угодно с его связями. Но для этого нужно было поднять свою старую ленивую задницу, нанести пару визитов нужным людям, возможно, прихватив бутылочку пятнадцатилетнего «Pappy Van Winkle», который открывает любые двери. Но это требовало усилий, а Дэйв давно выбрал комфорт.

Мы попрощались, и я поспешил в дом, пока Роджер не протаранил стекло своей многотонной любовью.

Весь оставшийся день и вечер я лениво бродил по сайтам, вновь и вновь перечитывая различные интерпретации событий в Уэйко. Нового было мало. Я уже думал о том, что пора заканчивать с этой темой и двигаться дальше — впереди меня ждал огромный пласт информации о деятельности Дворкина за 30 лет в России.

После ужина перед сном мы с Мэри около часа провели на софе, наслаждаясь тишиной, которую нарушало лишь уютное потрескивание дров в камине. Она лежала, укутавшись в плед и закинув ноги мне на колени, и лениво скроллила соцсети, время от времени зачитывая вслух новости из жизни соседей или разворачивая телефон экраном ко мне, чтобы показать очередное «очень смешное» видео. Я одной рукой механически разминал ей уставшие ступни — привычка, выработанная годами, — а в другой, облокотившись о спинку дивана, держал планшет. Я дочитывал «Место под названием Уэйко» Дэвида Тибодо. Тяжелое чтение, особенно после того, как я своими глазами видел отчеты аутопсии.

Идиллию нарушил резкий звук уведомления. Я разблокировал экран. Сообщение от Дэйва. *«Мне сказали, что тебе нужно это посмотреть. Вашингтон все расскажет».*

«Вашингтон?» — я скривился в недоумении. Ниже была ссылка на YouTube. Кликнув по ней, открылось видео с названием «The IMPACT | Groundbreaking Documentary» (прим. пер.: *«Воздействие. Документальный фильм»*). Оно показалось мне смутно знакомым — возможно, алгоритмы уже подсовывали его мне, пока я искал информацию про Дворкина и CAN. Мой взгляд скользнул на таймлайн, и брови невольно поползли вверх. Ползунок был микроскопическим. Восемь часов.

«Нихрена себе документалка», — подумал я. — Это что можно рассказывать восемь часов? С изрядной долей скепсиса я нажал Play. На экране сменились кадры заставки, и из динамиков смартфона раздался глубокий, резонирующий голос: *«Из безмолвного покоя вечности я вновь вынужден обратиться к вам...».*

— И впрямь Вашингтон, — хмыкнул я. На фоне Капитолия, строгий и величественный, Джордж Вашингтон. Один из отцов-основателей. Первый президент. Картинка яркая и красочная.

— Что там, Джеймс? — Мэри встрепелась, отреагировав на торжественную музыку и дикторский голос.

— Да так. Дэйв прислал документалку. Говорит, интересно. Хочешь глянуть?

Не дожидаясь ответа, я переключил трансляцию со смартфона на большую плазму, висевшую на стене напротив софы. Картинка заполнила комнату, отражаясь в темных панорамных окнах, за которыми едва угадывались силуэты голых деревьев во дворе нашего дома.

В итоге я лег глубоко за полночь. Мэри, как я и ожидал, сдалась минут через пять — дикторский голос первого президента подействовал на нее как колыбельная. Она мирно засопела. А я... я смотрел. Я смотрел, забыв про сон, про ноющие суставы и про то, что завтра рано вставать. С трудом, буквально силой воли, я заставил себя нажать на паузу, когда на часах было уже три ночи. Дэйв не соврал. Это было то, что мне нужно.

Все последующие дни я провел в добровольном заточении, поглощенный просмотром «THE IMPACT».

Это было странное чувство — словно кто-то взял содержимое моей головы, все мои догадки и заметки последних недель, и превратил их в видеоряд. Инфотерроризм, сеть культоборцев, чудовищные щупальца идеологии, которую авторы фильма называли «антикультизмом», и которая, по сути, была детищем Александра Дворкина и его приспешников. Внезапно я понял, почему название фильма царапнуло мне память. На одном из ресурсов, которые я шерстил в самом начале, — том самом сайте-агрегаторе с компроматом на Дворкина — были ссылки именно на этот фильм. И весь материал, которым был наполнен этот сайт был основан на этом расследовании.

Но я бы не назвал это просто документалкой. Это был скорее аналитический отчет, оперативный доклад, который вполне мог бы лечь на стол в кабинеты национальной разведки. Массив фактов, исследований, графиков, перекрестных ссылок впечатлял. Но, будучи честным с самим собой, я отметил и слабость: авторам не хватило глубины. Они вскрыли нарыв, но не дошли до кости. С профессиональной точки зрения их выводы все же казались мне несколько поверхностными. Да они увидели схему, множественные взаимосвязи и методы, но не видели психологию зверя.

Однако некоторые детали заставили меня насторожиться. Когда повествование дошло до главы об Уэйко, я нашел подсказку, которой мне так не хватало. Недостающее звено в цепочке моего расследования. Оказалось, что во время осады ранчо Маунт-Кармел ФБР консультировалось не только с нашими доморощенными садистами вроде Росса. В уравнении была еще одна переменная. Игорь Смирнов. Российский ученый. В различных источниках его называли «отцом психотронного оружия» или изобретателем методов контроля сознания.

Я тут же бросился перепроверять факты. И наткнулся на архивный файл, судя по подписям домена сайта, рассекреченный ЦРУ. «*Approved for Release 2000/08/11: CIA-RDP96-00792R000500560003-9*». По пометкам на полях скана, я понял, что это была выдержка из статьи в *Newsweek* под заголовком «A SUBLIMINAL DR. STRANGELOVE» («Подсознательный доктор Стрейнджлав»). Я вчитался в текст:

«Эксперты из Центра ФБР по борьбе с терроризмом тайно встретились в Арлингтоне, штат Вирджиния, с длинноволосым русским доктором Стрейнджлавом по имени Игорь Смирнов. Его план: передавать подсознательные сообщения от семей членов секты по телефонным линиям во

время переговоров. Для Дэвида Кореша, самопровозглашенного пророка, у ФБР был особый голос на примете: Бог, в исполнении Чарльтона Хестона».

— Какого черта... — прошептал я, всматриваясь в экран. — Пентагон? ФБР? И русский ученый?

Этот пазл не просто выбивался из общей картины. Он выглядел так, словно попал сюда из другого набора. С какой стати нашим агентам, элите контртерроризма, консультироваться с русским по такому деликатному внутреннему вопросу, как Уэйко?

Глава 16

Отец психотронного оружия

Мои пальцы сами забегали по клавиатуре. Я уже не помню как, но через пару кликов я оказался в архивном разделе сайта ЦРУ (CIA.gov/readingroom). Передо мной открылся PDF-файл.

Документ назывался: «ОБОРОННАЯ ЭЛЕКТРОНИКА — DOD: разведывательные ведомства изучают заявления о российских технологиях контроля над сознанием. ФБР рассматривало возможность испытаний на Кореше» («DEFENSE ELECTRONICS — DOD, Intel Agencies Look at Russian Mind Control Technology, Claims. FBI Considered Testing on Koresh»).

Датирован июлем 1993 года. Значит, это не газетная утка. ФБР действительно рассматривало возможность тестирования русского психотронного оружия на американских гражданах. И делали они это при непосредственном участии человека из Москвы.

В документе я особенно выделил абзац:

«Федеральные правоохранительные органы рассматривали возможность испытания акустического устройства контроля сознания, разработанного российским ученым, на лидере культа Дэвиде Кореше **за несколько недель до катастрофического пожара**, в котором погиб глава "Ветви Давидовой" и более 70 его последователей в Уэйко, штат Техас. Об этом стало известно изданию *Defense Electronics*. В ходе серии закрытых встреч, начавшихся 17 марта в пригороде Северной Вирджинии с доктором Игорем Смирновым из Московской медицинской

академии, сотрудники ФБР были проинформированы о десятилетних исследованиях россиянина, посвященных компьютеризированному акустическому устройству, **предположительно способному внедрять мысли в сознание человека, не давая ему понять источник мысли.**

"Нам [другие федеральные чиновники] предложили привлечь ФБР, которое искало подходящего партнера для борьбы с Корешем", — сказал источник, участвовавший во встречах со Смирновым, который согласился обсуждать эти встречи только на условиях анонимности.

Его рассказ о встречах был подтвержден служебной запиской, подготовленной должностными лицами компании **Psychotechnologies Corp., расположенной в Ричмонде, штат Вирджиния, которая владеет американскими правами на российские технологии.** Копия этой записки, которая была распространена среди руководителей американских разведывательных служб, была получена DE».

— Ричмонд? — я не поверил своим глазам. Ричмонд, Вирджиния. Мой город. Это не могло быть просто совпадением. Прямо у меня под носом. Я столько лет провел в Куантико, столько времени проработал в Ричмондском офисе, и ни разу, ни единого слова об этом не слышал?

Меня накрыло то же липкое чувство, что и в тот вечер с Саймоном и его видеоигрой. Ощущение, что тень Дворкина и его сети дышит мне в затылок. Возможно, прямо в тот момент пока я сидел в своем кабинете, изучая профили маньяков, пока я пил кофе в столовой, всего в паре кварталов от меня или в соседнем Вашингтоне заключались сделки с дьяволом. Пока этот русский, как его прозвали в издании Newsweek, «доктор Стрейнджлав» рассказывал генералам в Пентагоне о том, как взламывать мозги, некая Psychotechnologies Corp. спокойно оформляла права на его технологии в городе, который стал мне родным.

Естественно, никаких следов этой корпорации в открытых реестрах сегодня не найти. Она растворилась, как утренний туман. Однако, копаясь в архивах, я наткнулся на журнал запросов по Закону о свободе информации (FOIA) на сайте ЦРУ, датированный 2019 годом. Кто-то очень настойчивый искал то же, что и я.

Запросы содержали:

«Ф-2019-01300 (4/8/2019): ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИНСТИТУТА ПСИХОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ, РОССИЯ»

*«Ф-2019-01301 (4/8/2019): ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ КОРПОРАЦИИ
"ПСИХОТЕХНОЛОГИИ" В РИЧМОНДЕ, ВИРДЖИНИЯ»*

Это означало одно: я не одинок. Кто-то еще рыл в том же направлении, пытаюсь вскрыть связь между московским институтом и ричмондской фирмой-призраком. И этот кто-то задавал правильные вопросы об этой корпорации и о разработках, которые обсуждал Смирнов на закрытых встречах с Бюро.

Я перевел взгляд на стену. Моя карта расследований уже напоминала паутину безумца, но теперь в ней появилась новая нить. Я еще не до конца понимал, на что именно я наткнулся. Но старое чутье охотника, которое никогда меня не подводило, вопило: этот русский ученый здесь не случайно. Он — часть уравнения. Я открыл браузер, вбил в поиск «Игорь Смирнов» и нажал «Print». Этот субъект требовал отдельной секции на моей стене.

Краткая справка об Игоре Викторовиче Смирнове поначалу выглядела как типичное досье советского ученого, пока я не дошел до графы «происхождение». Настоящее имя: Игорь Викторович Абакумов. Дата рождения: 5 апреля 1951. Дата смерти: 5 ноября 2004. Сфера деятельности: исследования по контролю над разумом, «психозэкология».

И маленькая, но важная деталь: его дед по материнской линии, Смирнов-Орнальдо, был известным гипнотизером.

Но то, что я узнал дальше, заставило меня отложить ручку. Игорь Смирнов был сыном Виктора Абакумова. Того самого Абакумова. Главы СМЕРШа. Министра государственной безопасности (МГБ) при Сталине. Человека, который был не просто исполнителем, а одним из непосредственных создателей сталинского террора. Ключевым инструментом в механике репрессий, чисток и политических убийств. Получается, что наш «доктор Стрейнджлав», который в 93-м консультировал ФБР, как воздействовать на сознание людей в Уэйко, был плоть от плоти самой страшной карательной машины XX века.

Я продолжил читать биографию отца Смирнова и вынес в заметки одну строчку. Одним из наиболее значительных актов репрессий, инициированных под прямым руководством Виктора Абакумова, была операция «Север». 19 февраля 1951 года Абакумов направил секретную записку Сталину. Предложение было простым и чудовищным: массовая депортация членов религиозной организации Свидетелей Иеговы.

Я кликнул на ссылку с российским доменом. Открылось фото из электронной библиотеки исторических документов. Скан листа с машинописным текстом на русском. Я загнал изображение в переводчик. Текст докладной записки Абакумова Сталину всплыл на экране:

*«Совершенно секретно. Сталину И.В. Докладываю, что органами МГБ в течение 1947—1950-х годов было **вскрыто и ликвидировано** несколько антисоветских организаций и групп **нелегальной секты иеговистов, проводивших активную вражескую работу** в западных областях Украины и Белоруссии, в Молдавии и прибалтийских республиках. За это время было арестовано 1048 чел. **главарей и активистов секты**, изъято 5 подпольных типографий и свыше 35 000 экз. листовок, брошюр, журналов и др. иеговистской литературы. Однако, оставшиеся на свободе **сектанты-нелегалы** продолжают вести активную антисоветскую работу и вновь предпринимают меры к **укреплению секты!**»*

Мой взгляд автоматически цеплялся за ключевые слова, словно они были подсвечены неонов. «Вскрыто и ликвидировано». «Нелегальная секта иеговистов». «Вражеская работа». «Сектанты-нелегалы».

— Знакомый почерк, — пробормотал я в тишину кабинета. Та же риторика. Тот же язык ненависти. Те же ярлыки. Только тогда это писал министр госбезопасности Сталину, чтобы отправить тысячи людей в Сибирь. А сегодня, спустя полвека, ту же самую терминологию слово в слово использует «православный профессор» Дворкин, чтобы оправдать преследования верующих в современной России.

Отец Смирнова использовал методы карательной репрессивной машины. Сын Абакумова изобретал методы контроля над разумом. А Дворкин, похоже, стал тем, кто объединил в своей идеологии наследие обоих, создав идеальный гибрид: технологию уничтожения, упакованную в заботу о «духовной безопасности».

Я скачал несколько трудов Смирнова и прогнал их через переводчик. Когда текст появился на экране, удивления уже не было. Было лишь мрачное узнавание. Несмотря на маску ученого, Игорь Смирнов, как и его отец-чекист, в своей книге «Психозэкология» описывал различные религиозные группы исключительно через призму ярлыка «культ». Он слово в слово повторял ту же псевдонаучную мантру о «промывании мозгов» и «зомбировании», которую в это же время на другом конце света скармливали публике Стивен Хассан и Рик Росс.

И парадокс, от которого веяло психопатией, заключался в том, что Смирнов обвинял религиозных лидеров в использовании психотехнологий ровно в тот момент, когда *сам лично* участвовал в разработке технологий и методов воздействия на подсознание.

— Ну конечно. Антикультисты. Чего и следовало ожидать, — подытожил я вслух, чувствуя, как пазл в голове с щелчком встает на место.

Выписывая эти данные, я понимал, что подхожу к разгадке главного вопроса, который мучил меня с момента просмотра фотографий из Уэйко. Как вышло, что целая государственная машина США — правоохранительная, судебная, правительственная — оказалась втянута в жестокое истребление своих же мирных граждан? Теперь ответ лежал на поверхности. Я изучил профили американских эмиссаров сети Дворкина. Нарциссизм, психопатия, садизм, жажда контроля — это их ДНК. Психопаты — прирожденные манипуляторы. Они умеют играть на эмоциях, вводить в заблуждение, очаровывать. Но одного врожденного эффекта недостаточно, чтобы взломать систему такого уровня, как ФБР. Нужен был инструмент. И теперь, глядя на связь этих «экспертов» с разработками Смирнова, я видел этот инструмент. Глубокие познания в гипнозе, психотехниках и методах суггестивного воздействия, которые они приписывали «страшным культам», на самом деле были *их собственным* арсеналом. Я был уверен: именно эти методы были применены против наших агентов, против журналистов, против политиков в период осады ранчо Маунт-Кармел. Их сознание было ловко взломано мастерами манипуляции, теми и кто заявлял о защите сознания.

Теперь, наткнувшись на след русского «доктора Психо» и его технологий, я понимал: у меня на руках есть нужные мне детали пазла. Картина глобальной идеологической сети, нити которой тянутся от расстрельных подвалов НКВД через лаборатории Пентагона, офисы ФБР к золотым куполам современной Москвы, была почти готова. Осталось лишь правильно сложить детали.

Психотехнологиями занималось ЦРУ. Я пытался вникнуть — по привычке исследовать все, что может пригодиться. Но хватало меня ненадолго. Слишком абстрактно для человека, который работает с реальными трупами и живыми убийцами. Природа моего любопытства, хоть и патологического, всегда требовала заземления. Мне нужно было что-то реальное. Физически ощутимое. То, что можно увидеть, потрогать, допросить. Серийные убийцы и маньяки были именно такими — ужасными, но понятными объектами. Их психологию можно было исследовать.

После десятков составленных профилей хаос их действий превращался в систему. Выявлялись паттерны, *Modus Operandi*, уникальные почерки. Это был взломанный шифр. Я видел реальный результат: остановленное зло, спасенные жизни, тьма, которая отступала.

Психотронные разработки манили меня, как запретный плод, но я понимал: время — это самый дорогой ресурс оперативника. Я знал себя. Если я хоть на дюйм погружусь в эту кроличью нору, мой разум, вечно кипящий котел анализа, застрянет там навсегда. А это значило пробел в профайлинге. В нашей работе, как и в законах физики, закон сохранения энергии неумолим: если внимание направляется куда-то, значит, оно откуда-то убывает. А убыль внимания в моем отделе означала нераскрытые дела. Недописанный профиль. Упущенную деталь. И, как следствие, — погубленные жизни. Я не мог себе этого позволить.

Я в очередной раз улыбнулся, подумав о том, что рукопись Виктора о «Кремлевском маньяке» нашла меня очень вовремя. Именно сейчас, на пенсии, когда время перестало быть врагом и превратилось в бесконечный ресурс. Все те папки, которые я когда-то откладывал с пометкой «потом», теперь лежали передо мной, готовые к вскрытию. Никаких дедлайнов. Никаких отчетов начальству. Только я и мое расследование. С деталями, с дотошной въедливостью. Как я люблю.

Итак, я вернулся к Смирнову. Я углубился в доступные материалы, и волосы на затылке начали шевелиться. Большая часть его исследований была посвящена дистанционному воздействию на сознание другого человека и программированию его психики и поведения. Применение разработанных Смирновым психотехнологий включало в себя возможность воздействия на большие группы людей в различных целях. Например, для разжигания массовой агрессии в толпе или, наоборот, для подавления общественных беспорядков. Конечно, большинство протоколов его экспериментов до сих пор остаются под грифом «Секретно», но даже те крохи, что просочились в открытый доступ, рисовали картину оружия страшнее ядерной бомбы. Потому что бомба уничтожает тело, а эта технология уничтожает волю.

Смирнов не страдал ложной скромностью. В своих работах он писал с откровенностью человека, который уже держит скальпель у открытого мозга человечества: *«Психотехнологии — это кульминация всего, чем человечество занималось до сих пор. Они гораздо серьезнее атомной бомбы и космических полетов... Сейчас мы создали лишь "каменный топор", хотя с его помощью уже*

можно проводить хирургические операции. Мы получили инструментальные способы доступа к подсознанию и коррекции определенных областей. Все остальное — лишь конкретные применения».

«Каменный топор» для хирургии мозга. Жуткая метафора. Смирнов работал над методом, который позволял вскрывать подсознание, вытаскивая наружу скрытые мотивы и истинные намерения. Он разработал систему идентификации лиц, потенциально склонных к терроризму. Но, читая это, я не мог избавиться от навязчивого вопроса: была ли целью этой разработки профилактика терактов? Или же это был поиск «спящих агентов», лиц с нестабильной психикой, которых при желании можно было бы легко активировать и превратить в живое оружие?

Ключевым термином в его словаре была «психокоррекция». За этим словом скрывалось применение подсознательных сообщений для изменения воли субъекта или даже полной перестройки его личности без его ведома. И, судя по тем найденным документам, наши агенты всерьез намеревались использовать эти методы для разрешения ситуации в Уэйко.

Попался отрывок старой программы ВВС:

«Смирнов: *Теперь посмотрим, как это будет выглядеть.*

Репортер ВВС: *Из Москвы были приглашены два российских психолога, чтобы продемонстрировать методику анализа человеческого разума и последующего воздействия на него. Концепция заключается в том, что, понимая психологию человека, ключевые слова, передаваемые в музыке или белом шуме, заставят его подчиниться. ФБР изучало эту систему для использования против Дэвида Кореша в Уэйко, штат Техас».*

Я распечатал скан статьи из *Newsweek* — «ФБР рассматривало возможность проведения экспериментов над Корешем» — на весь лист А4. Красный маркер с визгом прошелся по бумаге, выделяя ключевой абзац, и я с силой пригвоздил этот документ к карте расследований, которая уже во всю была изуродована фрагментами распечаток, надписями, красной нитью и прочими материалами расследования. На ней оставалось все меньше и меньше места.

«Вы ведь слышали о подсознательной рекламе, верно? Психиатрическое сообщество в целом согласно с существованием подсознательного восприятия; небольшая группа специалистов считает, что его можно использовать для изменения психики. И это может быть как хорошо, так и плохо. "Ножом

можно резать колбасу, — загадочно предупреждает Смирнов, — или резать ваше горло". В неумелых руках, объясняет он, его методы могут подтолкнуть людей к насильственным действиям».

Другой источник описывал, как Смирнов демонстрировал свои методы. Для неподготовленного уха эти «подсознательные звуки», способные изменить поведение человека, звучали как визг свиней. Картина вырисовывалась чудовищная. Эксперты Центра по борьбе с терроризмом ФБР тайно встречаются с русским ученым в Штатах. Он предлагает план: транслировать членам Ветви Давидовой зашифрованные сообщения от родственников, которые будут обходить критическое восприятие и внедряться прямо в подсознание. А для самого Кореша готовился особый голос. Голос Бога. Сыгранный актером (ходили слухи про Чарльтона Хестона), этот голос должен был звучать у него в голове, призывая сдаться.

Но был один нюанс. Когда агенты спросили Смирнова, что произойдет, если система даст сбой, если подсознательные сигналы сработают не так, как планировалось, русский ответил с леденящим спокойствием: «Последователи Кореша могут перерезать друг другу глотки, совершая акты смертельного насилия». Согласно официальной версии, после такого ответа ФБР якобы ужаснулось и отказалось от услуг Смирнова. Но так ли это? Факты, стоящие в тени официальной хроники, говорят об обратном. На одной из пресс-конференций представитель ФБР проговорился. Он заявил, что во время переговоров с Дэвидом Корешем была достигнута твердая договоренность о мирном выходе. Все было готово. Однако Кореш внезапно, без видимых причин, передумал. Он заявил, что услышал голос Бога, велевший ему остаться и ждать.

Попалась запись пресс-конференции в Уэйко, датированная февралем 1993 года. Качество «Fox 5» оставляло желать лучшего, но диалог был слышен отчетливо:

«— Он говорит, что не выполнил своего обещания немедленно уйти со своими последователями, потому что Бог велел ему подождать.

— Вы верите, что Кореш действительно разговаривает с Богом?

— Кореш считает, что разговаривает с Богом».

Голос Бога. Тот самый, который планировали транслировать. Тот самый, который должен был транслироваться специально для Кореша. Совпадение? Или «эксперимент» все-таки состоялся? Или, что еще страшнее, он пошел именно по

тому сценарию, который был нужен кому-то, кто хотел не спасения людей, а кровавой бойни? Этот факт «странным образом» совпадал с одним из этапов плана Смирнова — трансляцией «голоса свыше». За исключением одной детали: эффект оказался прямо противоположным заявленному. Вместо капитуляции — отказ выходить. Вместо подчинения — фанатичное упорство.

Психотехнологии Смирнова заключались в том, что он использовал манипулятивные методы для воздействия на поведение человека путем внедрения скрытых сообщений. Эти приказы записывались на пленку и технически обрабатывались, чтобы скрыть их присутствие от сознания. Обходя критический анализ в сознании человека, эти команды внедрялись непосредственно в подсознание, побуждая человека выполнить их, полагая, что это его собственное сознательное решение.

И если вернуться к осаде Уэйко, ФБР использовало методы психологического давления на осажденных последователей «Ветви Давидовой». Один из методов включал громкие раздражающие звуки. Официальные отчеты ФБР и показания очевидцев указывают на то, что среди звуков, транслируемых через громкоговорители, были звуки забоя животных, **в том числе крики убитых кроликов**. Это невольно заставило меня провести параллель с экспериментами Смирнова и **визгом свиней**, использовавшимся в его экспериментах по контролю над разумом.

Перечитывая еще множество дополнительных файлов, я выделил отрывок из книги «Уэйко: Правила ведения боевых действий» (1997):

«Джек Циммерман: Записи со звуками забоя кроликов или, например, Нэнси Синатры, поющей песни... А потом ночью они включали свет. И не то, чтобы Нэнси Синатра всегда была настолько плоха, но те записи, которые у них были... Суть была в следующем: они пытались вызвать нарушение сна и брали человека, которого изначально считали нестабильным. Затем они пытались свести его с ума. А потом злились, когда он делал то, что они считали иррациональным!»

Зачем ФБР использовало такие специфические, странные звуки? Просто чтобы не давать спать? Для этого достаточно сирены. Но если наложить эти действия на матрицу плана Смирнова и методы антикультовых депрограммистов, все обретает пугающую логику. Остается один, самый главный вопрос: какова была истинная цель плана, предложенного американским агентам разведки российским ученым, связанным с антикультовой идеологией, в качестве окончательного

решения проблемы якобы «опасного и зловещего культа»? Мы знаем, что случилось с членами Ветви Давидовой. Но этот звук накрывал не только ранчо. Он накрывал всех в радиусе поражения динамиков. Агентов ФБР. Бойцов ATF. Журналистов.

Я копнул глубже, изучая форумы, посвященные последствиям Уэйко. И нашел ниточку, которая вела к еще одной национальной трагедии. **Тимоти Маквей.** Исполнитель теракта в Оклахома-Сити, унесшего 168 жизней. Оказывается, Маквей посещал окрестности ранчо Маунт-Кармел в 1993 году, во время осады. Он приезжал, чтобы выразить поддержку общине. Похоже стоял там, в толпе зевак и сочувствующих. Два года спустя взорвал здание федералов именно в годовщину трагедии в Уэйко, заявив, что это месть. Сейчас я задаю себе вопрос: слышал ли он те звуки? Слышал ли он «крики кроликов», которые эхом разносились по техасской степи? Вероятность почти стопроцентная. Мог ли он стать непреднамеренной (или преднамеренной?) жертвой психотехнологий Смирнова в связке с манипуляциями антикультистов, которые создали атмосферу ненависти и безумия? Безусловно. Я не утверждаю, что Маквей стал террористом только из-за этого потенциального воздействия на его сознание. Человеческая психика сложнее. Но роль многочисленных уровней заложенных директив — от медийной истерии до, возможно, прямого суггестивного воздействия — кажется мне теперь не теорией заговора, а рабочей версией, которую никто и никогда не расследовал всерьез.

До этого момента я бесчисленное количество раз задавался одним и тем же вопросом: как? Как объяснить ситуацию, когда правоохранительные органы, призванные служить и защищать, прибывают для рутинной проверки, а в итоге разворачивают полномасштабную войну против собственных граждан? Как ордер на обыск превратился в танковую атаку, унесшую почти сотню жизней? С точки зрения здравого смысла и бюджетной логики, этот рейд, обходившийся казне в миллионы долларов ежедневно и направленный против группы, состоящей в основном из женщин, детей и стариков, выглядел не просто как ошибка. Он выглядел как катастрофическая кровавая трагедия.

Почему агенты ATF и ФБР приняли ложь антикультистов за чистую монету? Почему они, имея на руках досье, доказывающие некомпетентность и предвзятость Рика Росса, продолжали обращаться за его консультациями? Более того, Бюро прекрасно знало, что Рик Росс испытывал личную ненависть ко всем новым религиозным движениям и нескрываемое желание подтолкнуть правоохранительные органы к попытке уничтожить группировку «Ветвь

Давидова». Доверяться его мнению в вопросах религии было все равно, что просить члена Ку-клукс-клана дать объективную оценку проблемам расовых меньшинств. Это абсурд. Но этот абсурд стал трагической реальностью.

Теперь, имея на руках всю эту информацию, ответ становится очевидным и пугающим. Представители разведки, полиции, правительства не просто «ошиблись». Они находились под влиянием. Антикультисты, используя весь арсенал психологического давления, создали атмосферу, в которой жестокое подавление стигматизированных жертв казалось единственно верным решением. А в сочетании с психотехнологиями Смирнова это превращалось в оружие массового поражения. Но я знал и другое: кто-то очень хотел, чтобы Уэйко закончилось именно так. Чтобы Уэйко стало прецедентом и запустило цепную реакцию разрушительных событий, все нужные люди в нужный момент приняли нужные решения. Слишком синхронно, чтобы быть случайностью.

Официальная версия гласит: ФБР отказалось от услуг Смирнова. Мол, рискованно и не гарантировало результат. Кризис закончился катастрофой, но мы, дескать, не применяли запрещенных приемов. В статье Newsweek говорилось:

«ФБР отказалось от стратегии Смирнова, и кризис закончился катастрофой. Но эксперты по психологической войне со всех сторон по-прежнему мечтают, что однажды смогут контролировать разум противника. И в крошечной, похожей на подzemелье лаборатории в подвале злоеце названного Московского института психокоррекции Смирнов и другие российские психиатры уже работают с больными шизофренией, наркоманами и онкологическими больными».

Однако документ о Psychotechnologies Corp. в Ричмонде, который я нашел ранее, рассказывает совсем другую историю. В меморандуме черным по белому написано: сделка состоялась.

«В меморандуме Psychotechnologies описывается соглашение, заключенное официальными лицами компании со Смирновым в марте, согласно которому "российская сторона согласилась передать технологии психокоррекции, все еще находящиеся в России, и все связанные с ними ноу-хау американской компании в обмен на акции. Российская сторона согласилась предоставить всю поддержку, необходимую для воссоздания текущих возможностей [психокоррекции] в США и модернизации этих возможностей с использованием американских компонентов

и программистов. Все необходимые разрабатываемые и существующие алгоритмы будут предоставлены российской стороной"».

Где гарантии, что Бюро, которому ежедневно вливали в уши ужасы о «страшном культе», действительно отказалось от предложенных Смирновым психотехнологий? Или они просто избежали публичной огласки, представив общественности удобную версию, в то время как на полигоне в Техасе уже вовсю работали психологические механизмы, предоставленные русской стороной?

Я более чем уверен: агенты, стоявшие в оцеплении, сами могли попасть под эту волну.

Глава 17

В голове стрелка

В действительности, психотехнологии, используемые Смирновым, были всего лишь «каменным топором», как он сам выразился.

Из документального фильма, присланного Дэйвом, я узнал о куда более изощренном методе, который применяют антикультисты. **Пазловое кодирование.** Которое заключается в том, что информационные коды встроены в сами слова и не требуют каких-либо специальных технических средств. То есть, для обычного человека такие слова, фразы и их комбинации, или частота повторений могут показаться ничем не примечательными и не привлекать внимания. Но для тех, кто понимает принципы их построения, они подобны точным математическим формулам. Используя эти формулы, можно собрать определенных людей в определенное время и в определенном месте для выполнения определенного действия. И вероятность того, что эти формулы сработают, близка к 100 процентам.

Мои мысли мгновенно перескочили к теме, которая годами не давала покоя нашему отделу. И, судя по новостям, по-прежнему не дает. Скулшутинг.

Я помню тот момент, когда после Колумбайна плотину прорвало. Нас тогда привлекли к масштабной работе: нужно было составить профиль потенциального школьного стрелка. Мы искали паттерн. Мы искали тот самый «общий знаменатель», который позволил бы предотвратить следующую бойню. Мы

разбирали Колумбайн на атомы, изучали биографии Харриса и Клиболда, надеясь найти универсальную формулу зла.

Общество жаждало простых ответов. Стереотип был готов: это забытые одиночки, жертвы буллинга, дети из неблагополучных семей, сломленные депрессией. Считалось, что подросток, не сумев справиться с давлением, просто «взрывается», и агрессия выплескивается наружу. Красивая теория. Удобная. Но она рассыпалась в прах при первом же столкновении с реальностью. Мы проанализировали десятки случаев и зашли в тупик. Единого, универсального профиля «стрелка» не существует. Невозможно выцепить его из толпы по внешним признакам. Это может быть кто угодно. Возраст, раса, социальный статус — все параметры «плавали». Миф об изгое? Исследования показали, что только 12 % стрелков действительно не имели друзей. Около 44 % вели активную социальную жизнь: спорт, кружки, внеклассные мероприятия. Они были капитанами команд, участниками дебатов, прихожанами церквей. Миф о «трудных подростках»? Более 63 % нападавших происходили из благополучных, полных семей. У них не было проблем с учебой. Родители старались, любили, строили доверительные отношения.

В США школы, ставшие мишенями, чаще всего находились в тихих, безопасных пригородах, где уровень преступности стремился к нулю. В России, наоборот, самые громкие случаи (Керчь, Казань, Пермь) происходили в крупных городах. Социальная среда не была определяющим фактором. География не имела значения. Поэтому невозможно с уверенностью заключить, что только определенный тип личности склонен к таким преступлениям. Что заставило их переступить последнюю моральную черту и совершить такое ужасное преступление? Что объединяет все эти случаи?

Мы искали причину *снаружи* — в семье, в школе, в улице. Но что, если причина была *внутри*, но была туда помещена? Что, если эти дети, такие разные, выросшие в разных условиях, стали жертвами того самого «пазлового кодирования»? Что, если они не «взорвались» от давления, а были активированы, как спящие ячейки, с помощью скрытых триггеров в информационном поле? Эта мысль настораживала меня больше, чем след любого серийного убийцы с ножом. Маньяка можно определить, вычислить и выйти на его след. Маньяк убивает точно, выверяя места убийств, и, как правило, убивает последовательно. А здесь массовые расстрелы детей, детьми же! И это происходит по команде у них в голове, а как вычислить эту команду и защититься — вот это мне еще предстояло понять.

Чтобы распутать этот клубок, я мысленно вернулся к истокам. С чего началась эпидемия скулшутинга в Америке? С «Колумбайна». Это название школы уже стало нарицательным. Я поднял материалы по этому делу. 20 апреля 1999 года. Эрик Харрис и Дилан Клиболд. Сегодня это принято называть «массовой стрельбой» (mass shooting). Но если вчитаться в дневники стрелков, становится ясно: они планировали не просто стрельбу. Все признаки указывают на то, что они планировали теракт. Задолго до нападения они одержимо писали о войне, о разрушении. А их кумиром был не какой-то абстрактный злодей, а конкретный человек — Тимоти Маквей, совершивший теракт, в Оклахома-сити, чтобы отомстить за трагедию в Уэйко. Их план предусматривал взрыв школы, который по мощности должен был соперничать с терактом в Оклахома-сити. Они хотели превзойти своего идола. Взрывные устройства не сработали, и им пришлось перейти к плану «Б» — расстрелу. Но изначальный замысел был куда страшнее: уничтожить здание, похоронив под обломками сотни учеников.

Это конечно меняет перспективу. Мы привыкли видеть в скулшутерах сломленных подростков. Но что, если они — лишь следующее звено в цепи, запущенной так называемым «пазловым кодированием»? Что, если идея «мести системе», заложенная через трагедию в Уэйко и усиленная терактом в Оклахоме, стала вирусной программой, которая инфицировала умы множества подростков и людей? «Уэйко» породило Маквея. Маквей породил «Колумбайн». «Колумбайн» породил сотни подражателей по всему миру и волну инфо-тераков. И сейчас многое указывает на то, что у истоков этой кровавой реки стояли люди, которые за деньги систематически нарушали Первую поправку Конституции США, похищали и пытали граждан под предлогом «депрограммирования», — и при этом называли себя «экспертами по культам».

Теперь эти даты в календаре — 19 и 20 апреля — стали днями глубокого траура для всей американской нации. Они навсегда связаны невидимой нитью: огонь в Уэйко, бетонная пыль от взрыва в Оклахома-Сити и кровь на полу библиотеки в Колумбайне. Три ужасные трагедии. Три раны на теле Америки. Но их объединяют не только даты и масштаб потерь. Сейчас я вижу, что их объединяет еще и то, что все они являются частью единой стратегии по умышленному уничтожению основ Америки и первой поправки конституции, демократии и распространения разрушительной идеологии садистов борцов с культами. Эти события стали «якорными точками» истории. Они запустили процессы, которые, как сейсмические волны, продолжают трясти фундамент страны по сей день.

Получается, что каждое из этих событий, помимо того, что являлось актом терроризма физического, впоследствии превратилось в мощнейшую информационно-террористическую атаку. И эта атака, как вирус, породила новые преступления.

Я живо вспомнил ту медийную вакханалию, которая началась после Колумбайна. Сейчас, уже достаточно хорошо проанализировав методы работы садистской сети «борцов с культами», я понимаю механику процесса. Тогда, действуя через своих союзников в СМИ, представители этого антикультового движения — или как авторы фильма «THE IMPACT» окрестили их идеологию «антикультизмом» — развернули беспрецедентную пиар-кампанию смерти. Мир буквально завалили подробностями о стрелках-подростках. Мы знали, во что были одеты Харрис и Клиболд, какую музыку они слушали, в какие игры играли, что ели на завтрак перед тем, как пойти убивать. Были опубликованы тысячи громких статей, сняты фильмы, написаны книги и даже песни.

Но что это дало обществу? Оглядываясь назад с высоты своего опыта, я понимаю: это был искусственно раздутый и специально созданный чудовищно притягательный, романтизированный образ. Образ «героев-мстителей», непонятых гениев, с оружием в руках восставших против гнилой системы. У подростков с лабильной психикой и не только подростков, это вызывало не только ужас, но и извращенное восхищение.

На этой щедро удобренной почве, как грибы после радиоактивного дождя, выросли целые сообщества поклонников убийц — «колумбайнеры». В социальных сетях появились закрытые фан-группы, и это кровавое движение обрело полноценную субкультуру.

В нашей среде это явление хорошо известно. Существует даже специальный термин — эффект подражания (Corycat Effect). В контексте криминологии он описывает тенденцию к резкому увеличению числа аналогичных инцидентов после широкого и детального освещения первого события. Этот феномен — прямой наследник так называемого «Эффекта Вертера», который изначально описывал рост числа самоубийств после публикации романа Гете. Доказано: сенсационное освещение суицида провоцирует новые суициды. Со стрельбой в школах наблюдается подобный эффект.

Я поднял научные данные. Математическое моделирование, проведенное Шерри Тауэрс и ее командой в 2015 году (опубликовано в *PLOS ONE*), выявило

статистически значимую «заразность» массовых убийств. И ключевым каналом заражения выступают именно определенные средства массовой информации. Некоторые СМИ создают «модель» для потенциальных подражателей, предоставляя им исчерпывающие детали: биографию стрелка, его мотивы, манифесты, чертежи бомб и тактику нападения. Для тех, кто управляет антикультовой сетью, пресса стала идеальным механизмом доставки вируса.

Исследования Адама Лэнкфорда из Университета Алабамы подтверждают то, что я и сам неоднократно замечал: некоторые массовые стрелки получают больше эфирного времени, чем голливудские звезды. Для подростка-маргинала, жаждущего признания, это мощнейший стимул. А подробное описание преступления в новостях становится для него бесплатной пошаговой инструкцией. Тут же мне вспомнилась стрельба в Паркленде в 2018 году. Тогда всего за две недели после трагедии по всей стране было зафиксировано 638 угроз-подражаний в школах. Это было похоже словно на вспышку эпидемии.

Но однозначно были еще другие факторы, влияющие на эпидемию скулшутинга. И здесь у меня, как у человека, отдавшего Бюро половину жизни, возникает въедливый, сверлящий череп вопрос: почему правоохранительные органы реагировали и продолжают реагировать на это так вяло? Очевидно же, что эти «фан-клубы колумбайнеров», а также неправильная подача материала порождают критически опасную тенденцию. Если мы точно знаем, что детализация преступления провоцирует эффект подражания, то почему информация, героизирующая убийц, всегда получает зеленый свет в эфире?

В моей профессии случайность — это просто непознанная закономерность. За любой бойней, за каждым массовым расстрелом всегда незримо висит старый римский принцип: «*Cui prodest?*» («*Кому это выгодно?*»). Для меня сейчас уже стало пугающе очевидным, что у эпидемии информационного террора есть конкретные бенефициары. Кому-то было чертовски нужно, чтобы эта токсичная информация бесперебойно циркулировала по венам медиа, напрямую взламывая подсознание нации. Возьмем феномен «Колумбайна». Такие вещи не зарождаются стихийно. Это не органическая субкультура, а синтетический конструкт. Искусственно созданный и внедренный поведенческий сценарий, рассчитанный на людей с уязвимой психикой.

Если выстроить ретроспективную хронологию и отследить эскалацию до ее первичного триггера, мы неизбежно возвращаемся к инциденту в Уэйко. Кто на

самом деле был заинтересован в том, чтобы общину верующих христиан, мирных и законопослушных американских граждан сожгли заживо, транслируя эту массовую казнь в прямом эфире на всю страну? Кому понадобилось превращать бойню в национальное реалити-шоу? Мое расследование указывает на то, что именно тогда обкатывались механизмы массовой дегуманизации.

Теперь, глядя на свою доску расследования, окидывая взглядом всю картину сверху, я вижу четкую структуру этого зла. Сейчас имея на руках данные о технологиях пазлового кодирования и методах воздействия на подсознание, которыми виртуозно жонглирует антикультовая сеть, я больше не вижу разрозненных трагедий. Я вижу единый, безотказный механизм. И с каждым изученным документом мои страшные догадки лишь подтверждались. Но в Бюро любая, даже самая логичная аналитическая выкладка — это просто рабочая гипотеза, пока ты не подкрепишь ее фактами. Чтобы превратить эти выводы в железобетонную доказательную базу, мне требуется спуститься на уровень механики процесса. Я должен полностью деконструировать психотехнологию этих антикультовых убийц.

Простая логика: если бы новостные сводки о тех событиях не содержали скрытых триггеров, зашифрованных команд, подстрекающих к действиям, эта информация не распространялась бы так вирусно. Она не резонировала бы в головах других детей и не порождала бы новых убийц. Разве можно назвать журналистику, подталкивающую к убийствам плохой, не соответствующей нормам морали и этики? Нет, конечно, это гораздо больше и опаснее. Исходя из того, что последовало после трагедии в школе «Колумбайн», то можно сказать, что по своей сути, раскрутка этого смертельного «бренда» — это пролонгированный акт информационного терроризма, цель которого — плодить новые теракты. Цепочка, где каждое звено запрограммировано порождать новую смерть. И те, кто держит в руках пульт от этой медийной машины, прекрасно знают, что делают.

Я открыл сводную статистику массовых расстрелов в школах по всему миру с момента трагедии в Колорадо. Картина складывалась катастрофическая. Проблема вооруженного насилия в учебных заведениях приобрела глобальный масштаб. Отчет, который я набросал на быструю руку с помощью собирательных таблиц данных, включал анализ динамики роста инцидентов, сравнение различного типа нападений (стрельба и холодное оружие) и географические особенности этого феномена. Резкий, почти вертикальный скачок числа вооруженных нападений на учебные заведения по всему миру произошел именно в конце девяностых, с

пугающей тенденцией к геометрической эскалации с начала 2000-х годов. Иными словами, глобальная эпидемия скулшутинга — это феномен последних тридцати лет.

— Как идеально это совпадает с моментом, когда Дворкин начал выстраивать свой антикультовый садистский конгломерат, — подумал я про себя, постукивая пальцами по столу. Именно в те годы был заложен идеологический центр современной сети борцов с «культами», и именно тогда, как я теперь ясно вижу, они начали укреплять свои позиции, массово распространяя свое разрушительное влияние в демократических странах.

Тот факт, что кажущиеся хаотичными и неконтролируемыми случаи стрельбы в школах на самом деле являются жестко контролируемым процессом, подтверждался сухой хронологией. Достаточно проанализировать географию распространения этих преступлений, чтобы увидеть систему. Если взять для примера Россию — вотчину Дворкина — сводки показывают, что долгое время на территории РФ не было никаких свидетельств массовых расстрелов в школах. За все 90-е годы широко известен был лишь один подобный инцидент — в камышинском военном училище в 1997 году.

Первым «классическим» вооруженным нападением на учебное заведение в России, повлекшим за собой гибель людей, считается расстрел в московской школе № 263. Это произошло в феврале 2014 года. А первый случай стрельбы именно по так называемому «сценарию Колумбайна» произошел в подмосковной Ивантеевке только в 2017 году.

Я задумался. Чем можно объяснить внезапное, взрывное появление феномена скулшутинга на территории, где исторически это было абсолютной аномалией? Как это объяснить иначе, чем внешним, искусственным вмешательством в информационное поле? В конце концов, что принципиально изменилось в России за эти годы? Сопоставляя таймлайны, я видел только одно глобальное изменение: к этому времени сеть Дворкина обрела в стране беспрецедентную силу, влияние и, что самое главное, тотальный доступ к медиаресурсам. Мне достаточно было пролистать несколько российских новостных сайтов через переводчик, чтобы увидеть, как грубо и целенаправленно там формируют один конкретный нарратив. Государственные СМИ буквально вколачивали в головы аудитории мысль, что причиной расстрелов в их школах является тлетворное влияние Соединенных

Штатов. И для внедрения этой идеи они безостановочно использовали один и тот же образ — «Колумбайн».

Я выделил несколько типичных новостных подводок:

1. *«То, что произошло в московской школе, российская пресса называет "американским сценарием". Подобные инциденты действительно часто случаются в США».*

2. *«В США часто случаются инциденты со стрельбой в школах, но не в России».*

3. *«Перестрелки и захваты заложников действительно не редкость в американских школах. Ученик или бывший ученик с винтовкой в руках — типичный антигерой местных новостей».*

Но тут логика пропагандистов смерти давала сбой, который был очевиден любому участвующему в расследовании. Как я уже зафиксировал, первый случай предполагаемого подражания Колумбайну в России произошел в 2017 году. Спустя 18 лет после событий в Колорадо! Почему «вирусу» потребовалось почти два десятилетия, чтобы пересечь океан и заразить первого подражателя? Может просто потому, что это вовсе не стихийное подражание? Интуиция профайлера кричала мне, что это было намеренное, искусственное создание прецедента в России. Кто-то нажал кнопку. И этому прецеденту тут же, по команде, обеспечили максимально широкую, истеричную огласку, чтобы запустить цепную реакцию уже на новой территории.

Среди множества публикаций в сети, заметно, что некоторые российские пропагандисты, авторы, особенно те, что связаны с сетью Дворкина, они же сторонники теории о «пагубном влиянии США» на стрельбу в их школах, беспартийно утверждают: эти инциденты — результат организованной диверсии, инициированной Америкой. Этот аргумент базируется на примитивном, но железобетонном для толпы нарративе: США исторически противостоят России на геополитической арене; следовательно, Америка — враг, и именно так враг ведет гибридную войну, убивая их детей.

Я выделил несколько заголовков новостных изданий:

«"Русский Колумбайн": случаи нападения школьников на одноклассников и учителей».

«Начало убийств по "американскому сценарию"».

«Идеология "Колумбайн" как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации».

«"Колумбайн" — самая серьезная угроза безопасности России».

А в новостных ТВ-сюжетах репортеры то и дело повторяют фразу:

«Стрельба в школе это то, что часто происходит в США, но не в России».

Мне стало интересно, какую именно повестку на этот счет разгоняют структуры, подконтрольные лично Дворкину. Еще в самом начале расследования, когда я только сверял факты из книги Виктора, я нашел официальный сайт Центра религиоведческих исследований имени Иринея Лионского. Этот центр — ядро РАЦИРС (Российской ассоциации центров изучения религий и сект), президентом которой бесменно является Дворкин, а филиалы, как щупальца, раскинуты по всей стране. Зайдя на сайт новосибирского миссионерского отдела — вотчины протоиерея Александра Новопашина, вице-президента РАЦИРС и, судя по количеству совместных мероприятий, верного цепного пса и правой руки Дворкина. В строке поиска по сайту я вбил одно слово: «Колумбайн». Система выдала 79 статей. Семьдесят девять материалов на узкопрофильном православном ресурсе, посвященном якобы миссионерской деятельности и борьбе с сектами. Откуда возник такой интерес? Я начал просматривать тексты. Все они содержали плюс-минус одинаковый нарратив. О вредоносном влиянии США на Россию:

«Протоиерей Александр Новопашин: Вся англосаксонская медиа-машина работает на корректировку смыслов в головах подрастающего поколения...»

«Запад, осознав, что их блицкриг по разлому России не удался, переходит на игру "вдолгую"».

Анализ структуры антикультовой сети выявил наличие и других активных функционеров, системно продвигающих заданный нарратив. В ходе исследования информационного поля мое внимание привлек один конкретный субъект, чье имя регулярно пересекалось с Дворкиным. Одна фамилия всплывала в поисковиках с такой навязчивой частотой, что я выписал ее жирным шрифтом на отдельный желтый стикер — Роман Силантьев. В мае 2022 года этот представитель сети Александра Дворкина вылез на трибуну так называемых «XXX Международных образовательных чтений» с докладом: *«Религиозные корни террористической субкультуры "Колумбайн"».*

«И сюда они приплели религию», — мрачно усмехнулся я, выводя название доклада на бумаге.

Я прищурился, вчитываясь в регалии этого Силантьева, от которых за версту несло дешевой бутафорией. По диплому он числился выпускником «кафедры экономической и социальной географии России». Но в медиа он повсюду щеголял в мантии «религиоведа», «профессора» и — от этого названия у меня едва не свело челюсть — «заведующего лабораторией деструктологии МГЛУ».

— Деструктология... — пробормотал я в тишину пустого кабинета, — Что за странные кафедры в этих российских университетах? Учат, как правильно ломать людям жизни?

Ответ нашелся в следующей же ссылке. Оказалось, термина «деструктология» вообще не существует больше ни в одном языке мира. Ни в одной международной базе данных. Вся эта так называемая «наука» начиналась и заканчивалась исключительно в работах самого Силантьева. Даже их местная Комиссия по борьбе с лженаукой открыто крутила пальцем у виска, глядя на эти «труды».

Все встало на свои места с тихим, отчетливым щелчком. Просто фирменный, безошибочно узнаваемый почерк Дворкина. Выдумать из воздуха несуществующую науку. Надуть щеки, напустить пафоса и псевдоакадемического тумана, повесить на дверь табличку «Профессор-религиовед». Теперь у тебя в руках абсолютная власть. Власть тащить на эшафот любые малые религиозные движения, власть играть в инквизитора, решая одним росчерком пера, кому разрешено быть «нормальным», а кто теперь «опасный деструктивный элемент», подлежащий изоляции или уничтожению.

В целях верификации данных я инициировал поиск первоисточника — видеозаписи доклада Силантьева по проблематике «Колумбайна». Но вместо аккуратного текстового файла, сеть выплюнула мне лишь зернистое, темное видео. Звук был таким, словно этот псевдопрофессор вещал со дна ржавого жестяного ведра, а самого оратора едва можно было разглядеть сквозь пиксельное месиво. Я скормил эту запись нескольким программам по распознаванию речи и переводу. Искусственный интеллект давился его речью, выплевывая на экран рваную кашу из слов. Некоторые фразы пропадали без вести, другие транскрибировались в откровенный бред. Я уже собирался закрыть вкладку и потереть слезящиеся от напряжения глаза, как вдруг несколько выхваченных машиной слов заставили меня вчитаться внимательнее. Я интуитивно достроил пропущенные звенья.

Сквозь цифровой шум Силантьев буднично вещал:

«В прошлом году мне заказали сделать экспертизы сначала по расстрелу в Казани, по расстрелу в Перми...»

Дальше программа снова поперхнулась, выдав бессмысленный набор символов, но мне хватило и этого.

В моей голове не укладывался масштаб этого абсурда. Привлечение лица, чьей базовой академической квалификацией является география и история, к проведению официальной судебно-следственной экспертизы по факту массовых убийств (актов терроризма) грубо противоречит любым стандартам правоохранительной деятельности. В США, чтобы давать оценку по делам о скулшутинге и терроризме, ты должен сожрать собаку на криминальной психологии и отдать годы Бюро. Что он вообще мог написать в своих отчетах? Я усмехнулся — криво и безрадостно. Базируясь на профиле Силантьева, его публичной фиксации на теме «сатанизма» и на том, что его «Большой Босс» с окладистой бородой носит негласный титул «главного сектоведа», гадать не приходилось. Наверняка он целенаправленно сместил фокус следствия, связав инциденты скулшутинга с влиянием мифических «деструктивных культов». Это классическая тактика отведения угрозы от истинных триггеров и бенефициаров информационного террора.

В ходе дальнейшего OSINT-анализа я зафиксировал публикацию на официальном ресурсе антикультового центра Дворкина. Документ был озаглавлен: *«Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с учителями "Основ религиозных культур и светской этики" и "Основ духовно-нравственной культуры народов России"»*. На текущем этапе расследования собранная база данных однозначно указывает на то, что Русская Православная Церковь в данной парадигме давно вышла за рамки религиозного института. Она функционирует как интегрированный системообразующий элемент государственного аппарата России, обеспечивающий идеологическое и административное прикрытие для действий всей антикультовой ячейки.

И то, что произнес Патриарх перед этими учителями, продолжало расставлять на моей доске расследования фигуры:

«По мнению ряда авторитетных экспертов и на основании уже проведенных экспертиз, можно утверждать, что проблемы суицидальных "групп смерти" и проблемы страшной молодежной субкультуры, которая

получила название "скулшутинга", или "колумбайна", лежат в псевдорелигиозной сфере. Речь идет об одной из форм сатанизма, новой интерпретации одного из старых языческих культов».

На каких именно «экспертов» ссылается Патриарх Русской Православной Церкви? Учитывая его ремарки о «псевдорелигиозной сфере» — а значит имелось в виду, о сектах и культах — ответ напрашивался сам собой. Глава титульной церкви огромной страны, обладающий колоссальным политическим весом, в открытую опирался на аналитику карманных «говорящих голов» из пула Дворкина. На тех самых людей, которые лепили несуществующие академические дисциплины, чтобы затем выносить безапелляционные «экспертные» приговоры по делам о массовом терроре.

Степень инфильтрации этой сети в государственный аппарат и высшие эшелоны духовенства просто ошеломила. Я сделал в блокноте короткую пометку: эту линию связей мне еще предстоит вскрыть и проанализировать отдельно.

Затем я взял свой любимый красный маркер и с нажимом, так что фетровый наконечник влажно скрипнул по бумаге, обвел имя этого персонажа — Романа Силантьева. Несколько раз, пока вокруг его фамилии не образовалось жирное, почти кровоточащее кольцо. Мое старое федеральное чутье шептало, что этот «деструктолог» мне еще пригодится. Но сейчас я не мог позволить себе распыляться. Передо мной лежал вскрытый механизм манипуляции, и я должен был дойти до самого его корня, не отвлекаясь ни на что другое.

Я вернулся к монитору, переключая мозг в режим сухой криминалистической логики. Факты выстраивались в четкую последовательность.

Пока что для себя я отметил, что систематическое использование членами РАЦИРС, официальной организации Дворкина, и их кураторами (в лице того же Новопашина) нарратива о том, что вся опасность идет «с Запада», также использование в этом контексте примера скулшутинга в школе Колумбайн, указывает на то, что это целенаправленная стратегия по цементированию определенного шаблона в массовом сознании. Они не дают этому образу угаснуть. То-есть, они занимаются поддержанием триггера. В данном случае Колумбайн используется как устойчивый, кровоточащий образ, гарантировано вызывающий сильнейшую эмоциональную реакцию — страх и ненависть. Искусственно связывая этот триггер с так называемыми «псевдорелигиозными организациями», они намертво закрепляют в мозгу обывателя нужную ассоциативную связь. Регулярные

упоминания об этом событии подпитывают его, не дают ему уйти в архив памяти, и тем самым — создают психологические условия для его повторения в реальности. Еще один маркер, который я выделил и занес в отдельный файл: в ряде публикаций новосибирского отдела четко прослеживалась уже подмеченная мною фирменная манипулятивная техника движения антикультистов — искусственное, притянутое за уши связывание трагедий скулшутинга с политической оппозицией внутри страны. Помимо постоянного создания таким образом инфотерактов, для достижения своих целей они били двух зайцев одним выстрелом: пугали население, создавая внешнего врага в виде США и тут же указывали, кто виноват политически внутри России.

Но ведь если включить логику и отбросить пропагандистскую шелуху, картина меняется кардинально. От школьных расстрелов Америка страдает несоизмеримо больше. Зачем нам самим провоцировать эпидемию, которая уничтожает наших собственных детей? Зачем нам нападать на самих себя? Логичнее и страшнее предположить другое. Я вижу то, что в данном случае и американский, и российский народы — это просто мишени. Мишени, манипулятивных технологий одной структуры, руководимой маньяком.

Пытаясь отвлечь внимание и переложить всю вину на «гнилой американский пример», эта теневая сила, идеологический генератор террора, просто рисует удобную мишень. Они создают искусственного врага, чтобы скрыть собственные следы. Следы, ведущие от массовых расстрелов в России и Америке, от трагедии в Колумбайне и от самого феномена скулшутинга в целом, прямоком в кабинеты «сектоведов», «экспертов» и «профессоров».

И сегодня эта угроза стала для России такой же кровоточащей социальной проблемой, как и для нас. Но, перебирая статистику, я обратил внимание на одну крайне любопытную деталь — географию этих нападений. Она не поддавалась законам случайного распределения. Есть конкретные страны, такие как Америка, которые регулярно, методично истекают кровью от стрельбы в школах и масшутингов. Затем есть страны, где это явление набирает обороты, превращаясь в эпидемию — например, Россия. Есть государства, где происходили лишь единичные инциденты: они вспыхивали и гасли, не получая широкого освещения в международных СМИ и не превращаясь во всемирный бренд. И, наконец, есть страны с огромным клубком социальных проблем, экономическим расслоением, доступным оружием — факторами, которые, по классической теории

криминологии, должны были бы стать пороховой бочкой для скулшутинга. Но там — тишина. Ни одного случая.

И если принимать за аксиому официальную версию — что единственной причиной стрельбы в школах является неконтролируемое подражание подростков, тот самый «*copycat effect*», — тогда почему этот принцип перестает работать, как только пересекает определенные границы? Разве информационный вирус может быть ограничен границами? Интернет ведь доступен практически везде.

Вывод напрашивается сам собой. Многие факты указывают на то, что эпидемия скулшутинга — это не стихийное бедствие, а управляемый процесс. В странах, где «тихо», у представителей антикультовой сети либо еще нет достаточных рычагов влияния на медиа, либо создание там паники пока не вписывается в их геополитическую стратегию. Но это затишье вряд ли гарантирует тамошнему населению вечный иммунитет.

Достаточно вспомнить недавний случай. Массовый расстрел в Чехии в конце 2023 года. Легендарный Карлов университет в Праге. Я поднял сводки по этому делу. Тайминг преступления был безупречен с точки зрения политической дестабилизации. Событие произошло в период резко растущего недовольства населения: экономический кризис, инфляция, политическая турбулентность на фоне санкционного противостояния с Россией. Страна была как натянутая струна. И именно в этот момент звучат выстрелы в центре столицы.

Но что примечательно: в первые же часы после трагедии исключительно лишь некоторые СМИ, как по команде, начали активно разгонять информацию о том, что чешский стрелок вел дневник в Telegram. И в этом дневнике он прямым текстом назвал своим «источником вдохновения» девочку-стрелка из России (Брянск), совершившую вооруженное нападение на школу всего за несколько недель до пражских событий. Я, как аналитик, не верю в такие изящные совпадения. Такое стечение обстоятельств: идеальный тайминг, моментальное появление нужного манифеста в инфополе и четкое указание на Россию как на «источник заразы» — все это громко кричало о том, что нападение в Чехии не было случайным срывом одиночки. Даже поверхностный OSINT-анализ региона выявил закономерность: Чехия оказалась одним из ключевых европейских инкубаторов для садистской сети Дворкина. Этот факт превращал мои первоначальные логические догадки в железобетонную криминалистическую уверенность. Это была многоуровневая многоходовка и информационно-психологическая операция.

Более того, Карлов университет — сама локация трагедии — был выбран отнюдь не случайно. Это заведение давно славилось своими профессорами и студентами, выстроившими карьеры на агрессивной, публичной деятельности на так называемой «борьбе с культами».

Самый главный вопрос, который мучил меня в свете всей этой лавины информации о скулшутинге: **кому это выгодно?** В криминалистике мотив — это путеводная нить. И хотя мое внутреннее чутье бывшего ФБРовца уже давно сигнализировало и подсказывало мне ответ, теперь он обрел доказательную базу.

Исходя из логики фильма «THE IMPACT» и моих собственных наблюдений, круг подозреваемых неумолимо сужается до одних и тех же лиц: бенефициаров антикультового движения. Именно они, действуя тонко и методично, используя изощренные психологические методы, внедряют нужный образ в массовое подсознание, начиняя информационное поле скрытыми деструктивными посланиями.

Механизм работает безотказно. Когда в какой-либо стране происходит стрельба в школе, и мировые СМИ начинают транслировать это 24 часа в сутки, смакуя детали и публикуя манифесты, тысячи нестабильных подростков по всему миру примеряют на себя плащ убийцы. Они думают: *«А что бы я сделал на его месте?»*. В своих фантазиях они мысленно расстреливают обидчиков, строгих учителей, заносчивых одноклассников. Будем честны: даже взрослые, вменяемые люди иногда ловят себя на подобных темных мыслях. Человеческий разум в состоянии стресса невольно ищет «жертв», виноватых в его боли. Но если для подавляющего большинства это лишь мимолетный морок, который они тут же отгоняют, то для некоторых, с предварительно обработанным сознанием, эти мысли становятся пошаговым руководством к действию.

Если бы я сейчас стоял в суде, адвокат обязательно меня спросил бы: *«Джеймс, если за этим стоят борцы с сектами, как именно они управляют стрелками? Они что держат их за руку, вкладывают пистолет им в ладонь и ведут по школьным коридорам указывая в кого стрелять?»*. Сейчас я обретаю простой ответ и оттого он еще более страшен. Если сложить два и два, вспомнив информацию о разработках Игоря Смирнова, которую я изучил ранее, и его методах дистанционной психокоррекции, все становится на свои места. Им не нужно держать ребенка за руку. Им достаточно иметь доступ к подсознанию.

Это ровно те же самые инструменты манипуляции, которые они используют для создания образа «деструктивного, опасного культа» или «кровавого лидера культа». Представители антикультовой сети виртуозно владеют этими отмычками к человеческой психике. Очевидно, они досконально знают механизмы работы нашего подсознания и благодаря этому могут проводить операции по инициированию скулшутингов с пугающей эффективностью.

Но здесь мой аналитический ум наткнулся на препятствие. Естественно, возникает следующий вопрос: если они используют такие точные и мощные манипулятивные методы, почему они не действуют на всех поголовно? Почему один подросток смотрит новости и ужасается, а другой берет отцовское ружье и идет в школу? Что является тем самым ключом, который открывает черный ход в подсознание и позволяет внедрить разрушительную программу? Что превращает обычного, пусть и трудного подростка, в биоробота-убийцу?

Глава 18

Кукловоды скулшутинга

Чтобы понять истинную природу этого зла, мне нужно спуститься на уровень нейронных связей. Разобраться в деталях того, как именно представители антикультизма используют методы скрытого программирования, чтобы заставить человека исполнить их злонамеренную волю. И тут информация, предоставленная анонимными независимыми журналистами, не просто впечатлила меня — она выбила почву из-под ног даже меня, агента ФБР с более чем тридцатилетним стажем. И одновременно расставила все по своим местам. Многие мои вопросы — как им удалось проманипулировать целыми штабами ФБР и АТФ в Уэйко, как они заставляют СМИ плясать под свою дудку и почему дети идут на хладнокровное убийство сверстников — наконец получили методологическое объяснение.

Как я уже обнаружил и подчеркнул для себя ранее, этот метод воздействия на подсознание авторы расследования по антикультизму назвали **пазловым кодированием**. И он заключается в том, что сначала идеологи антикультизма выбирают регион, где, согласно их геополитическим или социальным целям, будет стратегически выгодно устроить стрельбу. Организация и планирование такого

террористического акта происходят задолго до самого события — обычно за один-три года, в зависимости от масштаба задачи.

Кодирование потенциального стрелка осуществляется дистанционно. Никто не встречается с ним в темных переулках. Внедрение информации происходит через то, что мы поглощаем ежедневно и практически не «отфильтровываем»: через средства массовой информации, социальные сети и интернет-алгоритмы. Никто не отдает прямой приказ «иди и убей». Сознание просто не пропустило бы такой сигнал. Вместо этого они используют метод скрытой манипуляции, управляя множеством волн информационного кодирования. Каждая волна несет в себе лишь фрагмент заложенного сообщения. Подобно кусочкам пазла, эти разрозненные, на первый взгляд безобидные фрагменты оседают и накапливаются в глубинах подсознания потенциального стрелка. И только в тот момент, когда последний недостающий «кусочек» ложится на свое место, картинка складывается. Программа активируется.

В результате этой активации подросток берет оружие и совершает массовое убийство. При этом для внешнего наблюдателя, для следствия, для психиатров и даже для самого стрелка все выглядит так, будто это было его абсолютно личное, осознанное решение. Никто его не подстрекал, никто не помогал с планом. Он мог вообще ни с кем не обсуждать свою ненависть. Но в действительности он уже давно не принадлежит себе. Он действует как управляемый дрон, чьей рукой осуществляют заранее спланированный чужой приговор.

Такое разделение манипулятивных команд на несколько волн — это не случайность, это инструмент словно точечной снайперской наводки. Система устроена так: чтобы устроить бойню в школе, нужен максимум один-два исполнителя. Но информационная волна покрывает тысячи. Многие подростки могут поймать этот импульс, почувствовать злость, даже примерить на себя роль мстителя, но 99,9% никогда не переступят черту. Сработает базовый инстинкт самосохранения или эмпатия. Поэтому, чтобы отсеять «холостые» варианты и сузить зону поражения до одного конкретного, идеально подходящего кандидата, создатели этого террора проводят перекрестную информационную атаку.

Это похоже на облучение с разных сторон. Запускаются несколько не связанных на первый взгляд информационных потоков. Каждый из них несет в себе лишь фрагмент — специфическую закладку. Поодиночке эти фрагменты не вызывают тревоги и легко обходят критический фильтр сознания. Но оказавшись

внутри, в темных водах подсознания, они, как намагниченные куски пазла, притягиваются друг к другу. И когда они соединяются, возникает целостная картина будущего преступления. Этот образ становится паразитом. Он превращается в доминирующую навязчивую мысль, которая изнутри выталкивает человека на линию огня.

Как это происходит на практике? Получается, что при планировании следующего акта представители антикультовой сети действуют как маркетологи перед запуском продукта. Они изучают демографию целевой школы, социальный срез учеников, их болевые точки, интересы и, самое главное, — медийный рацион. Какие паблики они читают? Каких стримеров смотрят? Затем, мимикрируя под подростковые тренды, они начинают вбрасывать материал. Запускается несколько волн кодирования со скрытыми закладками. Эти зараженные сообщения не обрушиваются на жертву одномоментно. Они разнесены во времени и пространстве. Подросток может увидеть мем в социальной сети во вторник, прочитать пост на форуме в пятницу и услышать нужную фразу в подкасте через неделю. Ключевой момент: в восприятии конкретного, уже уязвимого подростка все эти фрагменты наслаиваются друг на друга, формируя в подсознании законченный образ. И когда этот образ полностью собран, срабатывает последний фрагмент пазла — команда «Исполнить». Один подросток берет оружие и идет убивать. Но он не единственный, кто попал под эти волны. Десятки других учеников в том же регионе получили те же сигналы. У них в подсознании тоже начал формироваться образ убийцы. Правда процесс кодировки у них не завершился.

Первоначальные волны работают как ковровая бомбардировка — они засевают поле. А вот финальная волна и корректирующие триггеры бьют уже прицельно, иногда непосредственно в самой школе или в локальном инфополе. Они дают команду «Старт». Эта многоуровневая система — подготовительная волна, волна нацеливания, волна активации — позволяет кукловодам с пугающей точностью контролировать и количество исполнителей, и масштаб бойни.

Но на чем строится самый первый, фундаментальный слой? Какая эмоция является базовой для внедрения вируса? Прославление предыдущих убийц. Главный крючок, который используют представители сектоборческой сети, — это первобытная человеческая жажда значимости. Стремление к славе.

Все эти нарративы, фильмы, статьи, с заботливой дотошностью рассматривающие жизнь колумбайнских стрелков или их последователей, эксплуатируют одну слабость — желание подростка быть замеченным. И неважно, под каким соусом подается информация. Это может быть показное гневное осуждение, псевдопсихологический очерк или слезливая драматизация «тяжелой судьбы» мальчика. Допустимо все. Критически важен сам факт освещения. Объем эфирного времени. Частота подачи информации о стрелках. Встроенный манипулятивный посыл: *«Посмотри, он был никем, а теперь о нем говорит весь мир»*.

Что видит подросток, сталкиваясь с этой лавиной информации? Он видит такого же парня, как он сам. Но теперь его лицо на обложках ведущих изданий. О нем снимают документалки. Он становится кумиром для таких же потерянных душ. Именно эта жажда славы, это отчаянное желание доказать миру «я существую», становится той плодородной, теплой почвой, в которую создатели информационного терроризма бросают свои семена. Они не дают детям в руки оружие. Они просто показывают им витрину, где цена за вход — кровь одноклассников.

В голове у меня вновь и вновь прокручиваются фрагменты моего анализа. Именно стремление к славе, жажда быть замеченным служит той плодородной почвой, в которой укореняются семена зла. Я, как и сотни моих коллег, годами искал корень проблемы в плохих семьях, буллинге или доступности оружия. Мы смотрели под ноги, пытаясь найти причину лужи, пока над нами кто-то методично и расчетливо поливал всю страну из шланга. Мы проиграли эту войну еще до ее начала, потому что не поняли: это не социальный сбой. Это спланированная информационная диверсия.

Главным оружием этих людей — хотя «нацисты, прикрывающиеся экспертностью по борьбе с культами» было бы куда точнее — стало не пули и не газ. Их оружием стало само информационное пространство. В памяти всплыл Нюрнбергский процесс. Альберт Шпеер, личный архитектор Гитлера и министр вооружений, в своем последнем слове произнес фразу, которая тогда казалась оправданием, а сегодня звучит как пророчество:

«С помощью технических средств, таких как радио и громкоговорители, 80 миллионов человек были лишены самостоятельного мышления».

Шпеер говорил о радио. Тот же эффект смертельной пропаганды, приведшей к геноциду, был замечен и в случае с трагедией в Руанде в 1994 году.

А в руках сегодняшних манипуляторов — интернет, нейросети, круглосуточные новостные каналы и социальные платформы. Имея неограниченный доступ к ключевым информационным ресурсам, эта сеть виртуозно манипулирует общественным мнением и проникают в подсознание человека. Они впрыскивают в социум чудовищную ложь, создают атмосферу перманентной угрозы, играют на самом святом — страхе за детей. Они формируют общественное мнение под свои задачи и, самое страшное, кодируют подсознание доверчивых, нестабильных подростков, превращая их в живые торпеды. Весь феномен этого невидимого контроля сводится к одному: жертва программируется настолько глубоко и ювелирно, что абсолютно искренне верит, будто мысль об убийстве — это ее собственное, выстраданное желание. Это блестяще иллюстрируется поведением тех стрелков, которые выживают — тех, кто по какой-то причине не совершает запрограммированный суицид и не гибнет от пуль спецназа. На допросах они не выглядят зомби. Они приводят аргументы. Они искренне верят в свой манифест, не понимая, что этот манифест был написан чужой рукой и вложен им в голову по фрагментам.

И сейчас проанализировав всю эту информацию, становится понятно, как именно действует этот синдикат антикультовых активистов. Алгоритм циничен до предела. Они искусственно создают ажиотаж вокруг преступлений, которые сами же дистанционно и спровоцировали. Они намеренно раздувают значимость события. И, к сожалению, множество беспринципных медийщиков с радостью предоставляют им эфирное время, полосы газет и рейтинговые ток-шоу. За эту «кровь» на первых полосах хорошо платят. Пока общество бьется в истерику, шокированное внезапной гибелью детей, эти «антикультовые эксперты» используют момент максимальной уязвимости социума. Они распространяют дезинформацию, вбрасывают ложные слухи и продвигают свои репрессивные законы под видом «мер безопасности».

Если сравнить работу этичных журналистов и тех, кто сидит на информационной игле антикультистов, разница колоссальна. Нормальный репортер дает факты: взвешенно, объективно, стараясь лишний раз даже не называть имя стрелка и не смакуя отдельные детали преступления, чтобы не дарить ему посмертную славу. Но карманные журналисты сети Дворкина и его коллег-депрограммистов работают иначе. Они используют манипулятивные техники,

балансируя на грани фола. Они с патологическим сладострастием погружаются в детали бойни, смакуют слухи, романтизируют мотивы. Они заставляют аудиторию думать об убийстве, смотреть на него и, как бы дико это ни звучало, получать от этого скрытое адреналиновое удовольствие. Они конструируют деструктивные образы так, чтобы читатель или зритель невольно начинал примерять ситуацию на себя: «А смог бы я?» Они не просто описывают преступление — они рекламируют его.

Но у этого идеального преступления есть слабое место. Человеческий мозг — это не просто жесткий диск, который можно отформатировать. Сформированные нейронные связи помнят все. И опытный специалист может извлечь эту информацию.

Учитывая мою профессию и людей, с которыми мне приходилось иметь дело, я знаю, что в современном мире это уже не теория заговора. Применяя методы регрессивного гипноза или глубокого психоанализа, профессионал может вытащить из подсознания стрелка точное время, обстоятельства и первоисточник той самой «мысли», которая привела к трагедии. Мозг фиксирует, какая именно статья, видеоролик или фраза стали триггером.

Да, с юридической точки зрения показания, полученные под гипнозом, в суде не примут. Это не улика для прокурора. Но для нас, для расследователей — это золотая жила.

Когда выживший стрелок в состоянии транса называет конкретные медиа-материалы, конкретные ток-шоу, видео блогеров, посты или тексты, которые сформировали его образ убийцы, — это прямая указка на манипуляторов. Зная контент, легко отследить автора. Зная автора, легко выйти на заказчика. Эта практика негласного информационного трекинга уже успешно применяется в международных расследованиях терроризма. И антикультовый синдикат здесь не должен стать исключением.

Я задумался над тем, что людям сейчас важно признать страшную правду: каждый из нас подвержен манипуляциям. Кто-то больше, кто-то меньше, но неуязвимых нет. Каждый из нас — лишь набор рефлексов и нейронных связей, которые можно взломать. Кто-то сопротивляется дольше, кто-то ломается сразу, но отмычку можно подобрать к любому. Трагедия в Уэйко доказала мне это с пугающей, ледяной ясностью. Мои парни, агенты ФБР и переговорщики, проходят дьявольскую подготовку. Нас учат сохранять критическое мышление в эпицентре

ада, блокировать стресс и не поддаваться на психологические уловки. И что в итоге? Даже сознание наших бойцов удалось обработать. Их восприятие мастерски обработали садисты из антикультовой сети, действующие в связке с тем самым российским ученым, чьи методы по всей видимости уходили корнями глубоко в секретные лаборатории КГБ. Если эти «инженеры смерти» смогли залезть в головы натренированных федералов, и заставить направить свое оружие на младенцев и нажать на курок, то что уж говорить о нестабильных подростках с неокрепшей психикой?

Однако сейчас я думаю над тем, что понимание того, *как* работает это оружие, — это уже первый шаг к защите. Искоренить эпидемию скулшутинга можно только в том случае, если мы перестанем бороться с симптомами и ударим по источнику. Если не будет антикульты — не будет и центра, который координирует эти страшные трагедии.

В конечном счете, на кону не просто статистика. На кону жизни детей. И долг каждого нормального человека — выстроить информационный щит, чтобы защитить их от этих извращенных маньяков в профессорских мантиях, мечтающих о тотальном контроле над нашими умами.

Меня мучил вопрос: с чего же начать обычным людям или даже нам, профессиональным расследователям, чтобы увидеть этот вирус в потоке ежедневных новостей? Как распознать ту самую «пазловую кодировку», прежде чем она выстрелит? Есть ли вообще способ отличить обычную новостную сводку от замаскированной команды «убей»? Я проанализировал массив текстов, которые, по данным анонимных журналистов, изучающих тему пазлового кодирования, служили триггерами для будущих убийц. И если присмотреться, за фасадом сочувствия и «журналистики» всегда проступают одни и те же смертельные паттерны.

Глава 19

«Красные флаги» и чешский пример

Существуют три ключевые особенности потенциально опасных материалов. Три маркера, по которым можно хоть как-то обнаружить след и признаки деструктивной работы антикультового синдиката.

Первый маркер — смещение фокуса осуждения. В этих статьях или репортажах тема трагедии будет мусолиться неделями, рассматриваясь под микроскопом с самых разных, казалось бы, объективных ракурсов. Авторы могут гневно критиковать полицию за медлительность, говорить о провале системы безопасности школы, показательно лить слезы над горем родителей стрелка, копаться в его дневниках и с придыханием смаковать недавно обнаруженные детали подготовки к преступлению. Но общая, пульсирующая нить всегда одна — сам факт скулшутинга. И вот в чем дьявольская особенность: при всем многообразии мнений, в этих материалах *никогда не будет резкой, бескомпромиссной критики или морального осуждения самого преступления.* Фигура стрелка всегда будет окружена неким ореолом трагизма, фатализма, мистичности или «непонятости».

Второй маркер — целенаправленная дискредитация власти. Потенциально опасные материалы всегда, прямо или косвенно, сопровождаются критикой государства, конкретных чиновников и, что особенно важно, демонстрацией беспомощности правоохранительных органов. В статьях с наслаждением смакуются ошибки полиции, подчеркивается медлительность спецназа, утверждается, что силовики лгут, скрывают факты и просто прикрывают собственные задницы. На первый взгляд, это обычная журналистика. Такие тексты часто выглядят очень разумными, лишенными агрессивных призывов к насилию или открытого разжигания ненависти. Но исходя из описанных механизмов пазлового кодирования их истинная, скрытая цель — внушить подростку, сидящему перед монитором, смертельно опасную программу.

Третий маркер — числовой код. Это самая тонкая и изощренная часть пазлового кодирования. Статьи, содержащие скрытые команды, всегда изобилуют числами. Даты, точное время начала стрельбы (вплоть до минут), калибр оружия, точное количество выпущенных пуль, количество жертв и раненых. Эти цифры не просто упоминаются — они ритмично вбиваются в текст. Суть этой техники кроется в нейробиологии. Человеческое сознание воспринимает числа как сухую статистику, просто пробегая по ним глазами. Но подсознание работает иначе. Для него числа — это ритм, алгоритм, математическая формула, которая ложится в основу поведенческой программы. В методе пазлового кодирования цифры также играют роль триггера, который в нужный момент активирует заложенную установку.

Немного полистав интернет, я нашел, что в науке явление, когда человек читает текст сознательно, но не осознает, как именно этот текст меняет его скрытые установки, — обозначается эффектами прайминга (установки) и фрейминга (обрамления). Например, семантический прайминг доказывает, что мозг воспринимает текст не как набор отдельных символов, а как паутину взаимосвязанных концепций. Чтение сухой статистики и цифр о стрельбе безотказно «разогревает» в мозге семантическую сеть агрессии (семантический прайминг работает на 100 %), однако для того, чтобы это переросло в физическое действие (поведенческий прайминг), у читателя *уже* должна быть внутренняя предрасположенность или психопатология.

И именно здесь в игру вступают цифры. Как оказалось, наш мозг воспринимает их совершенно по-особенному. Я вышел на статью, опубликованную в журнале «Neuron»: исследователи из университетов Бонна и Тюбингена изучали работу нервных клеток в областях, отвечающих за обработку данных, таких как гиппокамп и миндалевидное тело. Они обнаружили уникальные «нейроны чисел». Клетка, вспыхивающая в ответ на цифру «2», вообще не реагирует на «5». Исследование демонстрирует, что цифры для нас — не просто описательная характеристика объекта (как цвет или форма), а жесткий, изолированный код.

В отношении чисел нейробиология давно доказала, что числа обладают уникальной способностью напрямую связываться с нашими моторными реакциями в обход сознания. Классические исследования маскированного прайминга (например, работы С. Деана) показывают: даже неосознанно воспринятая цифра заставляет моторную кору мозга готовиться к физическому действию. В случае с детальными статьями о стрельбе происходит нечто похожее, но на уровне семантического перегруза. Пока сознание читателя занято обработкой сухой статистики (минуты, калибры, счет жертв, через сколько минут приехала полиция), эта ритмичная подача цифр работает очевидно, как прайминг, бессознательно «разогревая» нейронные сети, связанные с агрессией и тактикой, превращая текст в пошаговый алгоритм для тех, кто уже находится на грани.

Как это и подчеркивалось ранее анонимными расследователями, если отследить информационный рацион человека накануне трагедии — например, погружение в материалы радикальных активистов или так называемых борцов с культами, которые транслируют ненависть к определенным группам, навязывают чувство превосходства над ними и иллюзию экзистенциальной угрозы, исходящую от так называемых «сект» и «культиков», — картина меняется. Очевидно, что

семантический прайминг, ложась на такую раскаленную деструктивной антикультовой идеологией почву, может стать детонатором.

Исходя из этого, я пришел к следующему выводу: «пазловое кодирование», описанное в документальном фильме «THE IMPACT», — это многослойная, тонко манипулятивная технология, созданная настоящими инженерами смерти, которые досконально разбираются в нейробиологии. Они вбивают цифры в текст не для статистики. Очевидно, они используют их как биологические ключи, чтобы напрямую бить по нужным нейронам и запускать моторные реакции в обход критического мышления. Я невольно задумался: что же происходит с нейронами нашего мозга при воздействии тяжелых, целенаправленных психотехнологий? Таких, например, которыми владел Игорь Смирнов — человек, который, судя по найденной мною информации, консультировал спецслужбы в том, как обработать подсознание людей во время осады в Уэйко? И что еще особо пугающе, то что описали анонимные журналисты, вскрывающие антикультовую сеть: статьям, напшигованным техникой пазлового кодирования, совершенно не обязательно кричать о крови, расчлененке или стрельбе. Текст мог быть внешне абсолютно стерильным, но его скрытая семантическая архитектура уже собирала в голове читателя готовую бомбу.

Я смотрел на свои записи в заметках и понимал: мы годами искали бенефициаров физического оружия в рюкзаках школьников, в то время как настоящее оружие массового поражения круглосуточно транслировалось в их телефонах, лэптопах, ТВ, музыке и фильмах. И самая злая, самая циничная ирония заключалась в том, что невидимый курок нажимали те самые уважаемые господа, которые с экранов прайм-тайма брызгали слюной, призывая «спасать наших детей от деструктивных сект».

Но теория — это лишь красивая гипотеза, пока ты не привяжешь ее к конкретному профилю и месту преступления. Хищники, играющие с чужим подсознанием в масштабах целых стран, неизбежно обрастают колоссальным эго. Комплекс Бога становится их второй натурой. А самоуверенность — это та самая ржавчина, которая рано или поздно заставляет даже самый идеальный механизм совершить ошибку. Они должны были где-то наследить.

Меня неудержимо потянуло углубиться в этот мрак. Мне нужны были прецеденты. Живые, пульсирующие примеры того, как этот механизм работал на практике. Возник резонный вопрос: ловил ли уже кто-нибудь этих кукловодов за

руку? Оставляли ли они свои «отпечатки пальцев» на месте информационного преступления, будучи уверенными в собственной неуязвимости?

Я отложил исписанные страницы с заметками, потер уставшие, слезящиеся глаза и придвинул к себе ноутбук. Холодное свечение экрана резануло по сетчатке, отбрасывая бледные тени на стены моего тихого вирджинского кабинета. Пальцы привычно застучали по клавиатуре, прорубаясь сквозь информационный шум, архивы и закрытые форумы.

Я пролистывал статьи из открытой базы тех самых независимых расследователей — упрямых гончих, которые взяли след после выхода документального фильма «THE IMPACT» и, не испугавшись угроз, начали рыть землю самостоятельно. Нажав кнопку печати, слушая, как гудит принтер, выплевывая страницу за страницей, я вновь взял свой любимый красный маркер и приготовился анализировать материал, чтобы затем отправить вырезки на мою карту расследования на стене.

Расследователи в серии статей взяли за основу недавние события в Восточной Европе. В центре этого европейского медиа-шторма оказалась одна чешская журналистка, работающая на крупном новостном портале. Вскрыли ее деятельность, и то, что они нашли, заставило меня отложить маркер и впитаться взглядом в текст. Ее профиль идеально, до мурашек, подходил под оператора «пазлового кодирования».

Я начал изучать ее статьи. Журналистка словно заиклилась на теме скулшутинга. В частности, на трагедии в Карловом университете в Праге, произошедшей 21 декабря 2023 года. По предварительным подсчетам, всего за год она опубликовала (или выступила соавтором) 24 статьи, так или иначе связанных с этим расстрелом. У меня возникает вопрос: зачем? Ведь информационный повод давно исчерпал себя. Никаких новых прорывных фактов следствие не давало. Но она продолжала маниакально возвращать читателей в тот кровавый день.

Я снова взял красный маркер и начал выделять паттерны в ее текстах. Все три признака кодирования, которые я вывел для себя ранее, были здесь как на ладони.

Во-первых, создание «примера для подражания». В день трагедии она публикует статью с кричащим заголовком, привлекающим внимание. Она трижды в тексте акцентирует внимание на том, что пражский стрелок взял за образец девочку-подростка, устроившую бойню в Брянске парой недель ранее. И лишь в самом конце, мелким шрифтом, бросает фразу, что информация еще проверяется.

Во-вторых, дискредитация властей и числовые коды. Она указывает точное время, в течение которого группа реагирования прибыла на место. Казалось бы, простая констатация факта. Но в ее действиях прослеживается типичный психопатический паттерн с элементами навязчивости: она с пугающей методичностью фиксируется на времени и датах. В контексте ее следующих статей это превращается буквально в инструкцию. Чуть позже она публикует материал о 60-летнем мужчине, который оставил в Фейсбуке угрозу о том, сколько ему потребуется времени, чтобы напасть на Палату депутатов и ругательства в сторону правительства. Журналистка не просто цитирует угрозу. Она приводит расчеты этого потенциального террориста, дает исчерпывающие характеристики оружия и указывает тайминг, в который тот способен уложиться. Подсчитав необходимое количество патронов и время, требуемое для ликвидации всех присутствующих, она превращает статью в готовую инструкцию.

Мой маркер скрипнул по бумаге. Вот же и пошаговое руководство! В контексте «пазл-кодинга» это выглядит уже не как репортаж, а как дорожная карта для будущей жертвы «пазл кодинга». Все указывает на то, что она вбивает в подсознание читателя четкие тайминги и характеристики оружия, буквально говоря будущему стрелку: «Смотри, у тебя есть целых 12-15 минут до приезда полиции. За три минуты из оружия вот такой модели ты положишь кучу людей, и у тебя еще останется время перекурить и выпить чашечку кофе».

Но почему именно 60-летний мужчина стал героем ее статьи? Отчет независимых исследователей дал блестящее нейробиологическое объяснение. Целевая аудитория пазлового кодирования — это не только подростки с их еще не сформированной префронтальной корой (зоной мозга, отвечающей за контроль импульсов). Вторая группа риска — пожилые люди. Возрастные нейродегенеративные изменения, снижение критического анализа и эмоциональная нестабильность делают их идеальными мишенями для внушения.

Я решил проанализировать глубже манипулятивные техники, которые эта чешская журналистка, связанная с антикультовой сетью садистов Дворкина, использовала в своих публикациях, поскольку она постоянно освещала массовую стрельбу в Карловом университете в течение 2024 года.

Еще одна статья этой журналистки, написанная в соавторстве со своим коллегой, представленная как интервью с авторитетным экспертом — заместителем начальника полиции. Однако текст насыщен манипулятивными

техниками и тонкими риторическими приемами, использованными чешской журналисткой и ее соавтором для создания негативного восприятия операций правоохранительных органов. Визуальные элементы, сопровождающие статью, включая фотографии, также тщательно подобраны, чтобы подчеркнуть этот тон и усилить общий эффект.

Статья явно построена с помощью манипулятивных техник, таких как дискредитация авторитетной фигуры, психологическое давление на интервьюируемого, принуждение к конкретным ответам и другие тактики. Эти методы направлены на то, чтобы спровоцировать интервьюируемого — с помощью обвинений и намеков — на состояние разочарования, что может привести к заблуждениям или замечаниям, подрывающим его позицию. Такая провокация не только нарушает стандарты этической журналистики, но и формирует общественное восприятие особым образом, подрывая доверие к властям и правоохранительным органам.

В этой и последующих публикациях, которые чешская журналистка, связанная с сетью Дворкина, писала до конца 2024 года, и продолжает писать сегодня, я выделил несколько последовательных закономерностей:

- Она неоднократно предоставляет детальную хронологию трагического дня и действий стрелка.
- Ее статьи часто исследуют темы смерти, мотивы преступника, его психическое состояние и то, что «он носил в своей голове».
- Через свои публикации она тонко и настойчиво возвышает личность убийцы, называя его «человеком, которого мы будем помнить, как массового убийцу».
- Систематические усилия по дискредитации властей очевидны на протяжении всех ее публикаций, наряду с использованием классических медийно-насильственных техник.
- Манипулятивные техники и тактики психологического влияния присутствуют, включая прайминг (поведенческий прайминг, когнитивный прайминг, медийный прайминг, подсознательный прайминг и эффект якоря, который влияет на то, как мозг оценивает числовые значения и т. д.). Эти механизмы функционируют как фиксированные ментальные шаблоны в имплицитной памяти, оказывая бессознательное влияние на поведение

индивида через специфические стимулы, такие как слова или изображения, без того, чтобы субъект был сознательно осведомлен о связи.

- Более того, статьи чешской журналистки демонстрируют особый интерес к получению от полиции подробной информации о потенциальных сообщниках или подстрекателях. Я предполагаю: она прощупывает почву, не вывело ли расследование на кого-либо, связанного с международной антикультовой сетью Дворкина. Если полиция официально подтвердит, что преступник действовал в одиночку, это позволит журналистке и дальше продвигать миф о «стрелке-одиночке». Отсутствие упоминаний о целой сети дает ей карт-бланш для дальнейших манипуляций общественным восприятием.

Мои выводы были прочны как сталь. Деятельность этой журналистки совершенно точно выходит за рамки журналистики, особенно учитывая ее связи с международной сетью борцов с культами, информационно-психологическая операция которой, как уже узнал, направлена на программирование социально опасных действий, таких как школьные расстрелы, массовые расстрелы и политические убийства.

Ее статьи в крупном чешском издании и эпизоды ее личной видеопрограммы с 2023 по 2025 год — содержат множество нейролингвистических маркеров разрушительного содержания, что дает основания заключить, что она преднамеренно использует метод пазлового кодирования для организации терактов одиночек.

Все доказательства указывают на то, что ее действия были осуществлены в рамках согласованной стратегии, направленной на достижение ключевой цели — провокацию нового террористического акта (либо массового расстрела, либо покушения на политического деятеля). Регулярность и характер ее публикаций указывают на хорошо спланированную стратегию информационного воздействия, направленную на дестабилизацию социально-политической ситуации в стране. Конечно, мой анализ ограничен и поверхностен, а вот применение судебно-лингвистического анализа к этим текстам поможет выявить скрытое использование многоуровневых техник психологической манипуляции. Но этим уже заниматься не мне, а моим коллегам.

Еще один факт, который я не смог игнорировать: в 2025 году журналистка запустила серию подкастов и статей, основанных на истории женщины, чья дочь погибла при стрельбе в Карловом университете. Шокирует то, что этот цикл

материалов начал выходить в свет уже **после** самоубийства героини. Этому страшному акту предшествовали месяцы многочасовых изнурительных бесед с чешской журналисткой. Выводы напрашивались сами собой. И хотя я понимал, что без участия правоохранительных органов доказать связь между смертью женщины и техникой «пазл-кодинга» практически невозможно, я внес этот инцидент в свои заметки, как требующий более детального изучения.

Сейчас я сижу и думаю о том, что мне делать с этой всей информацией? Ведь, чтобы вытащить этот гнойник на свет, одного моего красного маркера и бессонных ночей недостаточно. Масштаб проникновения требует совершенно иных аналитических мощностей. Я поймал себя на мысли, что если бы я все еще носил жетон и имел доступ к ресурсам Куантико, я бы немедленно инициировал подключение отдела кибер-аналитики.

Но пока я размышлял о предиктивной аналитике и алгоритмах, мой взгляд зацепился за один документ в стопке распечаток, который заставил меня замереть. Документ, доказывающий, что у этого идеального, дьявольского психологического оружия все-таки есть критическая уязвимость.

И хотя было очевидно, что вирус «пазлового кодирования» уже успешно собрал свою кровавую жатву в Чехии, среди полицейских сводок я наткнулся на упоминание о 21-летнем студенте философского факультета в Пльзене (Чехия). Парень сам, по собственной воле, пришел в участок и даже просил запереть его в психиатрической клинике. Причина? Очень похоже, что его пожирали заживо навязчивые, сводящие с ума мысли об убийстве своих однокурсников.

Я вчитывался в скудные строчки этого материала, и мое сердце забилося чаще. Просто хрестоматийный пример работы их механизма. Деструктивная программа успешно загружена в подсознание юноши. Пазл сложился, «шестеренки пришли в движение», разогревая моторную кору и готовя тело к физическому акту насилия. Но произошло то, чего инженеры смерти не учли.

Инстинкт самосохранения и остатки человеческой эмпатии вступили в бой с искусственным кодом — и победили. Возможно, парень вовремя осознал самую важную вещь, спасающую жизнь: эти мысли были не его собственными. Может он почувствовал чужеродное, липкое вторжение в свой разум и ударил по тормозам за шаг до того, как переступил бы порог факультета с оружием в руках.

Этот студент, сам того не зная, подарил мне надежду. Этот случай натолкнул меня на осознание, что все же защита от «пазлового кодирования» существует. И

она начинается ровно в тот момент, когда человек способен остановиться в потоке информационного шума и собственных навязчивых мыслей и задать себе один простой вопрос: «Кто на самом деле вложил это в мою голову?».

Осознание того, как работает «пазловое кодирование», сначала повергло меня в шок, но затем включился холодный рассудок профайлера. Если есть механизм преступления, значит, есть и методы его предотвращения. Авторы документального фильма «THE IMPACT» не просто вскрыли проблему — они предложили контрмеры. Я выписал их, превратив в своего рода оперативный алгоритм.

Метод первый: Информационный трекинг. Ключ к поимке кукловодов лежит в отслеживании контента, который потреблял стрелок до трагедии. Нужно искать не чертежи оружия, а триггеры. Проблема в том, что неподготовленный человек не увидит «пазлов» в тексте. Для этого нужен анализ паттернов, о которых я размышлял ранее: частота публикаций, смещение фокуса осуждения, дискредитация властей, числовые коды. Если какая-то группа журналистов или конкретное издание упорно поддерживает информационную волну вокруг старого теракта (как та же чешская журналистка вокруг стрельбы в Праге), не давая теме умереть, — это красный флаг. Они не информируют. Они готовят почву. Отслеживая эти аномальные медиа-волны, можно вычислить регион, где готовится следующая активация стрелка.

Метод второй: Психиатрический мониторинг (индикатор биполярного расстройства). Это было самым неожиданным и, пожалуй, самым гениальным открытием. Начальные волны кодирования бьют по площадям. В подсознание сотен, а то и тысяч студентов проникают фрагменты программы массового убийства. Что происходит с нормальной психикой, когда в нее внедряют чужеродную, деструктивную команду? Начинается сопротивление. Внутренний конфликт между сознательными целями подростка и скрытой директивой убивать приводит к тяжелому стрессу, который может клинически проявляться как **биполярное аффективное расстройство (БАР).**

Прага стала идеальным подтверждением этой теории. После стрельбы в Карловом университете чешские СМИ опубликовали пугающую статистику: среди студентов произошел резкий всплеск биполярных расстройств. Молодежь даже создала петицию, требуя психологической помощи. Подсознательно эти дети чувствовали, что их мозг взломали, и боялись, что любой из них может стать

следующим. Почему Прага? Потому что, пусть я пока и не углублялся в сбор данных, однако даже сведений из книги Виктора, а также поверхностного изучения этого региона было достаточно, чтобы заключить, что там базируется активная антикультовая ячейка Дворкина.

Логика проста: если в конкретной школе или университете фиксируется аномальный всплеск БАР, значит, это учреждение скорее всего стало мишенью информационных атак. Программа уже загружена. Самое жуткое в этой механике то, что у самого стрелка *после* совершения преступления биполярное расстройство часто исчезает. Конфликт разрешен, программа выполнена, выбор сделан. Но у остальных «зараженных» студентов расстройство остается. Рамки металлоискателей на входе в школу не остановят вирус в смартфоне. Также они не выявят мысли будущего стрелка. Но регулярное психологическое тестирование на предмет БАР может стать системой раннего оповещения, идет ли в этом учреждении информационная спец обработка по созданию нового стрелка.

Метод третий: Анализ медийных аномалий. Когда происходит трагедия, новостная волна накрывает всю страну, но со временем, естественно, затухает. Однако если антикультовый синдикат запланировал новый теракт в конкретном городе, информационное эхо там будет звучать дольше и громче. Имена и лица прошлых убийц будут искусственно удерживаться в местном инфополе, героизируя их. То есть, если заметно, что в определенном регионе СМИ с болезненным упорством мусолят старую трагедию — можно быть уверенным: подготовка нового стрелка уже началась.

Я задумался над тем, что людей определенно нужно учить распознавать эти манипуляции. Ментальная гигиена должна стать таким же базовым навыком, как мытье рук. Но как бывший федеральный агент я понимал: профилактики недостаточно. Чтобы остановить эпидемию скулшутингов, недостаточно лечить последствия. Нужно навсегда покончить с корнем проблемы. Наиболее эффективная мера — это безоговорочно прекратить существование всей глобальной антикультовой сети. Остановить деятельность всех этих респектабельных «экспертов», «профессоров» и «защитников», которые сидят в уютных кабинетах и нажимают на кнопки в головах детей. Пока Дворкин и его последователи на свободе, ни одно высшее учебное заведение в мире не может считаться безопасной. Это я сейчас понимаю точно.

Но, как показала практика, их аппетиты давно вышли за пределы школьных дворов. Оружие, отточенное на подростках, очевидно можно направить на любую цель. Студент в Пльзене смог остановиться, осознав, что мысли об убийстве — чужие. Он сдался полиции. Но были и те, кто не смог сопротивляться вложенной в его подсознание разрушительной программе.

Мой взгляд зацепился за одну статью с датой: 15 мая 2024 года. Покушение на премьер-министра Словакии Роберта Фицо. Стрелок-одиночка. Пожилой мужчина, писатель, активист. Человек, идеально попадающий под профиль уязвимости для пазлового кодирования (вторая группа риска — пожилые люди с ослабленным критическим фильтром). Получается пазловое кодирование, обкатанное Дворкиным и его соратниками по садизму и уничтожению невинных жизней на школьниках, вышло на новый, государственный уровень? Теперь похоже, что мишенями становились не просто дети в классах. Мишенями становились главы государств, политики, принимающие решения. И кто знает, чье имя уже зашифровано в очередном безобидном на первый взгляд газетном репортаже, который прямо сейчас читает чей-то будущий убийца.

Я покачал головой, словно бессознательно отрицая тот факт, что в ближайшие дни мне предстоит вскрыть еще один огромный пласт информации. Ведь случай с Робертом Фицо натолкнул меня на размышления о том, что покушения на Дональда Трампа в 2024 году также могло быть результатом пазлового кодирования. Профессиональное чутье взыграло — я почувствовал знакомое покалывание, которое всегда возникало, когда паттерн начинал складываться. Но я лишь откинулся на спинку кресла, чувствуя, как тяжесть всех этих открытий давит на плечи. Информация о пазловом кодировании не просто впечатлила меня — она перевернула всю мою доску. Она расставила по местам те фрагменты, которые годами не давались лучшим умам Бюро. И, что самое страшное, она объяснила мотивы Дворкина. Частично это объяснило мне для чего он создал эту транснациональную сеть.

Для него эта структура — не просто кормушка или политический инструмент. Это оружие массового поражения, дающее ему абсолютную, «божественную» власть. Власть убивать на расстоянии, не оставляя отпечатков пальцев. Но почему именно школы? Почему школьники? Я понял, что ответ крылся в самом начале моего расследования. В тех страницах рукописи Виктора, где описывались первые шаги начинающего садиста на московской стройке. Его первое, инициальное убийство — маленький, беззащитный первоклассник. Его второе убийство — друг,

девятиклассник Яша. Дети. Психопат всегда возвращается к своему первому триумфу. Он заиклен на нем. Одиночные убийства перестали его возбуждать, но паттерн жертвы остался прежним. Только теперь он масштабировал свой садизм на весь мир.

Я смотрел на статистику массовых расстрелов. Тысячи инцидентов. Тысячи детских трупов. Все больше и больше крови с каждым годом. Сколько еще таких «первоклассников» было убито подростками, чей мозг взломали пазловым кодированием? Сколько «девятиклассников» было не утоплено в пруду, но расстреляно в школьных коридорах? А сколько самих стрелков, которые по факту также являлись жертвами пазлового кодирования, были застрелены своими же собственными руками, после выполнения программы?

И снова настоящий убийца остается в тени. Он сидит в уютной студии, спокойно поправляет очки на переносице и ждет команды режиссера, чтобы выйти в телеэфир и дать свой «экспертный комментарий» о том, как ужасны современные культы и как важно защищать детей.

Этот цинизм пробивал любое дно. Представители этой мерзкой кровавой сети в своих публичных заявлениях постоянно твердят о безопасности, о защите традиций и молодежи. Но именно они являются проектировщиками этого террора. Они создают в информационном поле ту токсичную, радиоактивную среду, в которой дети, да и взрослые люди, берут в руки оружие и идут убивать других детей, людей, толпы. Будучи сами террористами в белых воротничках, они производят на свет новых террористов с дробовиками в рюкзаках или ножами. Чужими руками они добиваются желаемых политических и социальных сдвигов.

Преднамеренное, систематическое истребление детей в международном масштабе — это самое чудовищное преступление против человечности из всех, с которыми мне приходилось сталкиваться. До меня с ужасом доходило осознание, что для Дворкина и его транснационального синдиката люди — это просто биомасса. Они намеренно фрагментируют умы молодежи, создавая условия для развития биполярных расстройств, погружая целые поколения в состояние хронического шока, страха, отчаяния и депрессии. Они активируют в неокрепшей психике самые примитивные, животные программы выживания, толкая детей к саморазрушению. Скулшутинг почти всегда заканчивается суицидом стрелка или пульей от спецназа. Это идеальная зачистка свидетелей. И все же, эти настоящие преступники, эти массовые убийцы детей и политиков, продолжают оставаться на

свободе, купаясь в лучах славы и грантах. Мой взгляд остановился на фотографии Дворкина в центре доски.

«Но твой конец неизбежен», — мысленно пообещал я ему. Я не знал, как именно это произойдет, но теперь я знал, кто ОН. И я не собирался молчать.

Глава 20

Покушения на политиков

Я смотрел на линии, соединяющие точки на моей доске расследования, и поражался масштабу этого замысла. Меня поразило осознание. Какая уникальная, дьявольская многоходовка!

Ведь их операция не ограничивалась простым уничтожением одной общины. Дворкин и его служивые антикультовые псы убили сразу нескольких зайцев. С одной стороны, они создали прецедент с Уэйко: выставили мирных американских граждан, верующих «Ветви Давидовой», страшным, безумным и опасным культом, создав идеальное медийное пугало для всего мира. Но была и вторая, параллельная линия, гораздо более разрушительная по своим последствиям. Она была направлена на создание контролируемого хаоса внутри самой Америки. Заставив федеральные службы пролить кровь собственных граждан в прямом эфире, антикультисты добились главного: они заставили американцев начать видеть врага в собственном государстве. Этот посеянный гнев пророс, и в конечном счете привел к теракту в Оклахома-Сити, который, в свою очередь, вдохновил убийц из Колумбайна, запустив непрекращающуюся эпидемию скулшутинга. Эффект домино, где первую костяшку толкнули «эксперты по сектам».

Мой мозг профайлера начал связывать воедино все этапы этой эволюции зла. Можно ли теперь сделать вывод, что все ранние садистские практики были для Дворкина лишь «черновиком»? Жестокие методы депрограммирования, обучение Хассана эриксоновскому гипнозу, консультации Рика Алана Росса по методам «психологического давления», акустические пытки и воздействие на психику людей при штурме ранчо Маунт-Кармел... Что, если все это были просто полевые испытания? Отработка технологий дистанционного воздействия на подсознание людей в реальных условиях.

Им нужно было понять, как далеко они могут зайти. И когда технология «пазлового кодирования» была запущена, она стала тем самым главным оружием, которое искал Дворкин. Инструментом, необходимым ему для того, чтобы перейти из лиги серийных убийц-одиночек в статус маньяка с абсолютной, глобальной властью.

Ведь такое оружие, такая выверенная техника манипулирования массовым сознанием давала ему возможность убивать неограниченно. Скулшутинги, массовые расстрелы, теракты вроде Оклахомы, бесчисленное количество самоубийств затравленных людей и вспышек физического насилия против них — все это спровоцировано антикультовой пропагандой Дворкина и его сети.

Это идеальное преступление и мечта любого психопата. Его собственные руки остаются кристально чистыми, не запятнанными ни единой каплей. На его сшитом на заказ костюме «уважаемого богослова», «профессора», «эксперта» нет никаких следов. Но если опустить взгляд, становится ясно: **реки крови со всего мира стекаются именно к его ногам.** Потому что именно он — тот кукловод, который своим словом, своей идеологией и своей скрытой волей заставляет других совершать эти убийства. И теперь я понял, как этот механизм работает.

Но понимание того, как это устроено — это лишь половина дела. Чтобы доказать вину и понять истинный масштаб преступления, нужен мотив. Зачем Дворкину и его последователям понадобилось превращать мир в кровавый тир? Какова конечная цель этого управляемого хаоса?

Хронология нападений стрелков-одиночек выявила еще одну закономерность. Эти события никогда не происходят в информационном вакууме. Можно увидеть, что они часто коррелируют с политической ситуацией в стране-жертве. Например, они с пугающей точностью совпадают с предстоящими выборами, важными международными переговорами, эскалацией политической напряженности внутри страны, ростом недовольства населения правительством и так далее.

Такие события мгновенно становятся значимыми и оглушительно громкими новостными сюжетами, полностью затмевающими другие новости. В этот период, когда внимание всей нации, ослепленной горем и паникой, сосредоточено на трагедии, представители антикультовых группировок, как я теперь понимаю из всех изученных мною фактов, могут спокойно и незаметно совершать действия, которые они предпочли бы скрыть от общественности. Идеальная дымовая завеса из детской крови для убийц, жаждущих власти. Кто-то, кто только наткнулся на

след преступления, наверняка задался бы вопросом: это совпадения или чей-то холодный расчет? Я остановился. Посмотрел на доску. На хронологию. На карту. На связи. Совпадения? В криминалистике совпадений такого калибра просто не существует.

Я начал накладывать даты крупнейших скулшутингов на графики политических кризисов, принятия жестких законов и геополитических сдвигов. Если отступить на шаг назад от залитых кровью школьных коридоров и посмотреть на ситуацию на макроуровне, искусственная, спланированная природа этих атак проступала с пугающей, математической четкостью. Каждая стрельба в школе влекла за собой волну. Не просто траур и скорбь — это понятно. Волну политических и социальных преобразований. Тектонических сдвигов в законодательстве. Экстренных мер, которые в обычной ситуации обсуждались бы месяцами, а тут принимались за дни. «Колумбайн» — ужесточение контроля над молодежными субкультурами, массовая слежка в школах, металлоискатели, досмотры. «Сэнди Хук» — попытка пересмотра Второй поправки, поляризация общества по вопросу оружия. «Паркленд» — мобилизация молодежи в политическую силу, управляемые протесты, новая волна антиоружейной риторики.

Каждый раз — одна и та же схема. Трагедия. Шок. Горе. А потом — законы, которые раньше не прошли бы, резолюции, которые вызвали бы сопротивление, меры, которые в спокойное время назвали бы нарушением прав. Но после того, как дети лежат в крови? Кто посмеет возражать? Кто скажет «стоп, давайте подумаем», когда матери рыдают на экранах? Даже одно такое событие оставляет незаживающую рану в сердце общества. Вечно кровоточащую. Люди не забывают. Родители начинают бояться отпускать детей в школу. Учителя оглядываются на каждого ученика с подозрением. Дети растут в атмосфере страха, досмотров, ощущения отсутствия безопасности.

Я задумался какова виктимология этого террора? Кто настоящая, конечная мишень нападений, спроектированных антикультовой сетью? Ведь очевидно же, что не только убитые ученики. Если так поразмыслить, то в первую очередь, подобные террористические акты направлены против общества, в особенности против родителей и всех, у кого есть дети. В конце концов, теракт, в результате которого один ребенок убивает других детей, вызывает огромный шок и парализующее потрясение в обществе. Он бьет по самому уязвимому, самому болезненному месту каждого родителя — страху за жизнь своего ребенка.

Это не было просто моей догадкой. В свое время в Бюро мы детально изучали концепцию «расширенной жертвы». Первичные жертвы — те, чьи тела обводят мелом на полу школьных коридоров, — это лишь эпицентр взрыва. Дальше идет ударная волна. Чарльз Фигли и Кай Эриксон еще в девяностых доказали, что травма обладает вирусной природой. А Джозеф Леду, нейробиолог, посвятивший жизнь изучению эмоционального мозга, доказал, что при малейшей угрозе потомству наша амигдала — миндалевидное тело, древнейшая часть мозга, отвечающая за страх, — берет управление на себя. Добавить еще к этому работу зеркальных нейронов, заставляющих нас физически испытывать чужую боль при виде плачущих на экранах матерей. Гипоталамо-гипофизарная ось выбрасывает в кровь кортизол. Рациональное мышление отключается. Остается только первобытный ужас.

Именно на этот оголенный нерв и давит подконтрольная антикультовой сети пресса. Они используют некоторые медиа как шприц для инъекции паники. Когда только начинался всплеск эпидемии скулшутинга — это была классическая теория культивации в действии: повторяющиеся изо дня в день кровавые заголовки создавали искаженную реальность. Повестка дня формировалась искусственно, программируя общество на массовую истерию.

Они знали, что страх за безопасность ребенка — это архетип, встроенный в коллективное бессознательное. Вызови этот страх, поддерживай его на максимальном градусе через некоторые СМИ, и общество само начнет проецировать свою внутреннюю панику на любого, на кого укажет кукловод — будь то неудобный политик, общественный деятель или целая организация.

Распространяемые в СМИ сенсационные подробности школьных перестрелок, щедро спонсируемые и раздуваемые антикультовой машиной, порождают у людей животный, сильный внутренний страх, создавая всепроникающее ощущение постоянной угрозы жизни их детей.

В то же время среди населения целенаправленно формируется четкое, выжженное каленым железом убеждение: «Правительство не может защитить наших детей». Поэтому с каждым новым инцидентом недоверие и недовольство властями будут только расти по экспоненте.

В подтверждение своих мыслей я встретил фразу из одного новостного сюжета, где убитая горем мать кричала в камеру:

«Это Америка! Мы должны были иметь возможность делать то, что хотим, и быть теми людьми, которыми хотим быть. А теперь мы оказались в безумном месте. С тех пор как мы пережили массовую стрельбу в июле, я встречалась с более чем 130 законодателями. Как это до сих пор происходит? Как наши дети продолжают умирать, и почему мы их подводим? Как, как мы можем позволить вооруженному человеку проникнуть в школу наших детей? Как они проходят через охрану? Какая там охрана? Нет металлодетекторов. Стрелок, сумасшедший, просто входит в школу, выбивает окно в двери моей дочери и начинает стрелять. Стреляет в нее!»

Я слышал эту боль. Я как отец и дед, разделял ее. Но как профайлер, я видел и то, как эта боль может использоваться в качестве инструмента. В глазах испуганных, обезумевших от горя родителей власти виновны в том, что не обеспечили безопасность их детей. Они виновны в том, что позволили их детям жить в небезопасном штате, разлагающемся изнутри, где их ребенок может в любой момент стать жертвой или даже превратиться в преступника.

Это подсознательное понимание порождает чувства глухой апатии, безнадежности и яростной ненависти к нынешним властям — эмоции, которые виртуозно и умело разжигаются представителями антикультового движения. Я уже отследил это на примере публикаций одной чешской журналистки, по всем признакам связанной с антикультовой сетью Дворкина, чьи статьи — настоящий пример медийного насилия, разрушающего информационную безопасность личности. Ее тексты кишат агрессивными инвективами, лексемы с явно агрессивной семантикой, деструктивными глаголами и мрачными, пугающими историями, которые лишь подчеркивают тему смерти и распространяют негативные образы и манипулятивные суждения. Эти элементы не просто привлекают внимание читателей — они подогревают интерес к антисоциальному, агрессивному поведению и подстрекают к дискредитации властей.

Я смотрел стопку распечаток и разбросанных по всему рабочему столу вырезки, смотрел на свои записи за последние несколько дней, и мне была абсолютно ясна главная проблема в этой ситуации. Она заключается в том, что представители антикультовых движений посредством точных и изощренных манипуляций намеренно, планомерно дестабилизируют и разделяют общество. Это приводит к глубокому, незаживающему расколу на два противоборствующих лагеря.

Мои мысли снова, в который раз, вернулись к пепелищу в Уэйко. Для меня, как и для любого ветерана Бюро, да и просто американца, это не просто строчка в архиве. Эта трагедия стала одним из самых значительных и кровавых провалов американских разведывательных служб в истории нашей страны. Находясь под глубоким, возможно почти гипнотическим влиянием антикультистов, учитывая связь Игоря Смирнова и его методов психокоррекции с этой операцией, мои коллеги — федеральные агенты применили беспрецедентное насилие против мирных, законопослушных американских граждан. Системе внушили, что внутри здания на ранчо Маунт-Кармел находятся не люди с конституционными правами, а «опасный культ». Их заранее вычеркнули из списка живых.

По сей день это событие остается самым вопиющим случаем противостояния американцев друг другу со времен Гражданской войны. Можно сказать, что нация с треском раскололась. В одночасье федеральных агентов стали воспринимать как карателей, безнаказанно убивающих мирных граждан. А известно, что экстремальное давление всегда порождает экстремальную отдачу. Этот накопленный гнев сдетонировал — и вылился во взрыв в Оклахома-Сити. Для людей радикальных взглядов случай в Уэйко кристаллизовал образ государства как безжалостного врага. Америка перестала казаться безопасной страной свободы; она превратилась в место, где правительство в любой момент может обернуться против своего народа. И совершенно очевидно, что именно этот тотальный крах доверия и есть та самая конечная цель, ради которой кукловоды нажимают на информационные курки.

Я смотрел на свою пробковую доску. Логическая цепочка сложилась. И я понял, насколько все хуже, чем казалось. Этот механизм целенаправленно толкает мою страну на грань гражданской войны. И компас, указывающий курс в эту бездну, находится в руках транснациональной сети, чьи нити тянутся к идеологическому центру в России. В 1993 году Рику Россу было достаточно навесить ярлык «культа» на малую группу верующих, чтобы запустить цепную реакцию национальной паранойи. На нынешнем этапе их другой агент — Стивен Хассан — пошел гораздо дальше.

Я открыл сохраненный видеофайл. На экране появился фрагмент новостного сюжета, где Хассан будничным тоном произносил слова, являющиеся, по сути, призывом к национальному суициду:

«И в конечном итоге, всей Америке нужна "депрограммирование". Потому что на всех нас негативно повлиял Дональд Трамп».

Я нажал на паузу, вглядываясь в застывшее лицо на мониторе. Что, черт возьми, в их терминологии означает «депрограммирование всей страны»? Мне не нужно было гадать. Я помню кадры с Уэйко. И теперь, после всего прочитанного и просмотренного, я точно знаю, как выглядит это их «депрограммирование» на практике. Это не задушевные беседы у камина с вопросами о «вере» и «о боге». В словаре антикультистов это всегда означает применение жестких, насильственных методов, физическое и психологическое подавление с целью заставить людей отказаться от своих убеждений.

Выходит, что Хассан не просто разбрасывался ярлыками. Он замахнулся на то, чтобы «дерепрограммировать» целую страну. Теперь он вешает ярлык «культа» не на общину, верующих христиан на ранчо, а на десятки миллионов американцев. С точки зрения криминальной психологии, эта риторика — классический, хрестоматийный пример массовой дегуманизации. Лишая огромную часть нации человеческого лица, низводя десятки миллионов американцев до статуса безвольных и опасных «зомби-сектантов», он методично, бочка за бочкой, закладывает порох под самый фундамент нашего общества, готовя почву для полномасштабного внутринационального конфликта. Своими словами Хассан конструирует в массовом сознании такую реальность, в которой насилие по отношению к собственным согражданам становится не просто легальным, но и морально оправданным актом — эдакой вынужденной социальной «санитарией».

Суть плана подобных представителей антикультовой сети дьявольски проста: запустить самоподдерживающийся порочный круг. Искусственно подогреваемый страх заставляет часть населения умолять о жестких законах и закручивании гаек против собственных свобод, готовя почву для тоталитаризма. В то же время другая часть общества, движимая ненавистью к этим мерам, готова к слепому бунту. И на руинах этого доверия, когда государство начнет рушиться изнутри, во весь рост встанут кукловоды вроде Дворкина, готовые предложить свою «помощь».

И Хассан работает по этой схеме далеко не в одиночку. Благодаря Мэри, которая вооружила меня базовыми навыками навигации по современным социальным сетям, я получил доступ к колоссальному архиву. Представители конгломерата Дворкина оказались на удивление болтливы в интернете, превратив свои блоги в идеальную доказательную базу для моего расследования. Изучая их

цифровой след, я наткнулся на факт, в который поначалу было трудно поверить: практически все ключевые фигуры этой сети имеют жестко выверенную политическую повестку. Особенно те, кто тесно связан с американским крылом организации. Их общая и главная мишень — Дональд Трамп и его сторонники.

Взять, к примеру, ленту в социальной сети Х. Антикультовые нарративы и откровенная дегуманизация политических оппонентов непрерывно транслируются через медийного союзника Хассана — некоего Дэйва Троя. Этот человек гордо именуется себя «историком». Я невольно усмехнулся: надо же, прямо как Дворкин. В разделе биографии на своем сайте Трой заявляет: «Я журналист-расследователь, занимающийся проблемами угроз демократии». Какая едкая ирония. Человек, использующий риторику, которая напрямую расчеловечивает огромные группы людей и подталкивает к легализации агрессии против политиков, называет себя защитником демократии, являясь при этом активным винтиком механизма по ее разрушению. Даже его собственные читатели, как мне удалось заметить, в комментариях часто пишут, что тексты Троя сеют моральную панику и вгоняют в депрессию.

Эта «сладкая» медийная парочка — Трой и Хассан — совершенно не скрывает своих связей. Они делают перепосты друг друга, записывают совместные подкасты и агрессивно продвигают нужные им проекты. Например, они вместе пиарили книгу своей чешской подруги-антикультистки Александры Альваровой «Кормим демонов: покорители Америки». В этой работе Альварова продолжает гнуть линию Хассана: она утверждает, что десятки миллионов американских граждан, поддерживающих Дональда Трампа, являются членами культов, и призывает остальных американцев бескомпромиссно с ними бороться.

Опять Чехия. В памяти сразу всплыла история с пражским скулшутингом и той самой местной журналисткой, виртуозно применявшей метод скрытого манипулирования в своих статьях. Эта страна явно стала одним из перевалочных пунктов, важнейшим узлом европейской антикультовой базы, и фигура Альваровой здесь — еще одно логичное звено в глобальной цепи.

Копая материалы по этому региону, я нашел упоминание о том, что в 2017 году Стивен Хассан лично приезжал с лекциями в Прагу. И выступал он не где-нибудь, а в Карловом университете, на Международном конгрессе Академии права и психического здоровья (IALMH). В свете информации о скрытом кодировании и последующей кровавой бойне именно в стенах Карлова университета эта деталь

заставила меня по-настоящему внутренне насторожиться. Могло ли это быть простым совпадением? Один из ключевых игроков сети, члены которой искусно владеют техникой скрытого воздействия на сознание, приезжал в учебное заведение, где спустя несколько лет произойдет массовый акт насилия — первый и самый смертоносный случай вооруженного нападения на учебное заведение в истории современной Праги и Чехии. Был ли он в контакте с другими представителями сети во время визита, например с чешской журналисткой? Это были лишь предположения, но в ходе расследования они ложились в складывающуюся цепь событий так идеально, что совпадение казалось невероятным.

Я сам не понял как, но этот чешский «клубок» или правильнее было бы сказать «кублище» начал разматываться с пугающей скоростью. Этой чешской ячейке впору было посвящать отдельное расследование, чтобы проанализировать всех и каждую деталь. Слава богу, память еще работала на меня: я вспомнил имя из рукописи Виктора. Якуб Яхл. Еще один студент Карлова университета и верный представитель сети Дворкина. Гражданин Чехии, который, судя по открытым данным в сети, обвинялся свидетелями в изнасиловании африканских детей. И этот же человек, прикрываясь блогерской деятельностью, применяет абсолютно идентичный метод Хассана: методично использует уничижительный ярлык «культ» по отношению к различным группам и в том числе в отношении Дональда Трампа.

Более того, обнаружилась и связь между Яхлом и той самой чешской журналисткой, чьи провокационные тексты я анализировал ранее. Тщательный разбор их деятельности выявил не просто параллели с действиями российских антикультистов — их методы слово в слово совпадали с инструкциями из руководств РАЦИРС, организации Дворкина.

Но я шел дальше. Блог чешского «борца за мораль» вывел меня на очередного активиста этой садистской идеологии — итальянца Луиджи Корвалья. Пять минут поиска — и на экране совместное фото: Корвалья и Дворкин обнимаются на какой-то конференции.

— Господи, помилуй, да у меня просто не хватит места на доске, чтобы прикрепить все эти связи, — пробормотал я, с шумом выдыхая и накрывая лицо ладонью. Масштабы этого змеино-го кубла превосходили все самые мрачные ожидания.

Сначала мне показалось, что я читаю чью-то злую шутку, но, зайдя на официальный сайт итальянца, я увидел в разделе биографии следующее: **борец с культами, психолог, психотерапевт, лектор**, научный писатель, изучающий взаимосвязь между властью и подчинением, эссеист и постоянный докладчик на конференциях. С каждой прочитанной строчкой мои брови ползли вверх. Я смотрел на монитор и не верил своим глазам: этот список регалий был слеплен по тому же самому трафарету, что и у Хассана, Росса и самого Александра Дворкина. Как такое возможно? Эта организация функционирует строго по тем же критериям тоталитарного культа, которые сам Дворкин когда-то и сформулировал. По всем признакам они используют одну и ту же риторику, бьют по одним и тем же целям, нападают на одни и те же группы, связаны друг с другом круговой порукой и действуют по единой методологии. И вектор этой методологии задает их собственный «харизматичный лидер», комфортно сидящий в своем московском кабинете.

Закономерность, выявившаяся в профиле чешского «блогера» Якуба Яхла, заставила меня взглянуть на его итальянского коллегу Корвалья уже не просто как на объект изучения, а как на готовый экспонат в кунсткамере сектантской психологии. Если ты борешься с монстрами, сначала стань монстром — видимо, таков был негласный девиз этой компании.

И Луиджи старался изо всех сил. Диагностировать в его персоне клинический нарциссизм, антисоциальное расстройство личности и садистские наклонности мог бы даже первокурсник психфака после пяти минут скроллинга его соцсетей. Этот «эксперт по культам» не утруждал себя масками. В то время как Дворкин отсиживался в московском кабинете, Корвалья развлекал публику вольготнее: обнаженка в ленте, агрессивные выпады в адрес целых групп населения и откровенные призывы к насилию, щедро сдобренные псевдонаучной риторикой. Очевидно, свой метод «исцеления» от культов он практиковал по принципу «пригуби стакан вина, сними штаны и беги в атаку».

Этих персонажей я обязательно разберу чуть позже. Сейчас меня волновал конкретный алгоритм их действий. Все они — Корвалья, американо-европейская сеть в целом — открыто демонизируют сторонников Трампа, выводя их за границы нормального политического дискурса. Проанализировав профили Хассана, Троя, Яхла, Корвалья, Альваровой, чешской журналистки и других, их видеоблоги и интервью, я обнаружил повторяющуюся структуру: одни и те же люди появляются в разных контекстах, создавая замкнутую информационную эхо-камеру. Ключевое

мое наблюдение: их риторика синхронизирована. Это не разрозненные голоса, а координированное усиление одного нарратива. Такая синхронность особенно настораживает, учитывая потенциал этого нарратива — его способность перевести идеологическую критику в ненависть и, далее, в конкретные акты насилия против целевых групп и политических фигур.

Если положить на стол труды Дворкина и Хассана, где они перечисляют признаки «опасной секты», и наложить эти критерии на их собственную деятельность, результат получается ошеломляющим. Слепое повторение одних и тех же формулировок, агрессия к инакомыслящим, наличие непогрешимых авторитетов, финансовая эксплуатация и общая цель по уничтожению врага — они сами идеально соответствуют тем самым характеристикам, которыми наделяют других.

Говоря простым языком, эта сеть напоминает тоталитарный культ, о котором сам Дворкин пишет в своих работах: только организованный против неудобных политиков и фундаментальных прав человека. И если добавить к этому, что лидер этой сети — исходя из моего анализа — психопат, садист и серийный убийца, то становится по-настоящему страшно от осознания того, что эта транснациональная секта сейчас открыто действует на глазах у всего общества.

Откуда у тех, кто позиционирует себя как «психологи», «историки», «защитники общества», «религиоведы» и «эксперты по культам», такое нездоровое пристрастие к политикам? Разве великие борцы с сектами не должны быть заняты исключительно изоляцией общества от маргинальных и опасных групп? Зачем же им так навязчиво вколачивать в умы людей негативный шаблон в отношении конкретного политического лидера и его партии? В чем здесь выгода?

Глава 21

Код убийства

И тут в голове щелкнуло. Я вспомнил строчку, которую совсем недавно вынес в отдельную графу своих блокнотов: Рик Алан Росс выступал официальным консультантом для компании «Ubisoft» при создании видеоигры «Far Cry 5». Той самой игры, в которую еще недавно так ожесточенно играл мой внук Саймон, виртуально отстреливая «культистов». Я вспомнил, как наткнулся на несколько

геймерских форумов, где обсуждался этот шутер, и дискуссия там неизменно и резко скатывалась к фигуре Дональда Трампа, напрямую ассоциируя лидера культа из игры с политиком.

Я не смог удержаться и начал изучать аналитические обзоры, посвященные «Far Cry 5», и то, что я обнаружил, заставило меня совершенно по-новому взглянуть на всю эту индустрию развлечений. В свете новой информации о скрытом манипулировании я вдруг стал отчетливо понимать, почему ситуация с Саймоном так сильно меня зацепила. Еще не до конца осознавая суть происходящего на экране, мое старое охотничье чутье уже било тревогу. Я собрал достаточное количество информации о той угрозе, которую представлял один только Дворкин, возглавляющий целый конгломерат людей с явными чертами психопатических расстройств, и интуиция подсказывала мне, что и за этим, казалось бы, обычным геймплеем скрывается двойное дно.

Казалось бы, ну что такого? Очередной антикультист просто консультировал компанию по созданию видеоигры для придания ей «реалистичности». Но если задуматься, какие мощнейшие психологические якоря можно заложить в интерактивный продукт! Сами по себе видеоигры-шутеры создают колоссальный фон стресса как для ребенка, так и для взрослого. Научными исследованиями давно доказано: нашему мозгу нет разницы, происходит ли событие в физической реальности или генерируется на экране. Нейронные связи реагируют идентично, воспринимая виртуальную угрозу как настоящую. А здесь мы имеем дело с жанром, чья прямая цель — возбудить азарт, спровоцировать выброс адреналина, дать чувство тотального контроля и смертельной опасности. Игрок максимально отождествляет себя с тем, кто нажимает на виртуальный курок. Он понимает, что могут убить его, и испытывает опьяняющее достижение власти, отнимая чужую жизнь.

А теперь, если приплюсовать ко всему этому сложнейшие техники манипуляции и скрытого воздействия на сознание, которыми в совершенстве владеют представители антикультовой сети, результат получается ужасающим. При правильном внедрении образов и грамотном сложении информационных пазлов, такая игра превращается в идеальный детонатор. Она способна активировать программу в голове потенциального убийцы. Это осознание поразило меня своей циничной простотой. Я открыл множество вкладок с видеообзорами на игру и даже попытался установить ее на свой компьютер, но

быстро понял, что мне просто не хватит времени и терпения проходить все уровни, чтобы лично выверить каждую деталь сюжета.

Впрочем, этого и не потребовалось. Того материала, на который я наткнулся в обзорах, на геймерских форумах и на реддите («Reddit»), оказалось вполне достаточно. Передо мной вырисовывалась объемная картина, опираясь на которую я мог легко выстраивать свой дальнейший анализ. Я в очередной раз порадовался, что за долгие годы службы и благодаря многолетней практике в Академии, я натренировал память, которая служит мне верой и правдой по сей день. Тот вскользь упомянутый факт о консультировании Риком Аланом Россом создателей *Far Cry 5* всплыл у меня в голове предельно вовремя.

Эта ветка моего расследования оказалась гигантским связующим звеном. Важнейшим элементом головоломки, ведущей к разгадке истинных мотивов и масштабов преступлений этого все еще не до конца изученного и крайне опасного субъекта из моей практики — Александра Дворкина.

Что мне удалось узнать во время моего анализа этой видеоигры? До выхода *Far Cry 5* в 2018 году крупные студии, за редким исключением, избегали изображения граждан своей страны в качестве основных антагонистов, предпочитая создавать «аморфного» или внешнего врага. Этот подход был нарушен Ubisoft, что привело к значительным дискуссиям и подчеркнуло уникальное положение игры в жанре. Целью было создание противника, который был бы достаточно чужд игроку, чтобы его убийство не вызывало моральных дилемм. Но *Far Cry 5* сломала этот барьер. Это был агрессивный сдвиг в жанре шутеров. Впервые врагами стали американцы.

Действие игры разворачивается в вымышленном округе Хоуп, штат Монтана, где игрок противостоит антагонисту шутера, которого изобразили в виде «культа» судного дня под названием «Врата Эдема» (Project at Eden's Gate), возглавляемому Иосифом Сидом, которого в игре наделили деспотичными чертами. Главными антагонистами игры являются не вымышленный внешний враг или фантастические существа, а американские граждане, многие из которых являются жителями сельской местности Монтаны.

Я вспомнил кадры, которые видел на экране у Саймона. Игра перенасыщена образами, знакомыми любому жителю США: пикапы с флагами, радиостанции с патриотической музыкой, диалоги о «свободе» и «истинных американцах». И все это подано под соусом захвата власти неким «лидером культа», которого нужно

остановить, а его паству — истребить. Разработчики просто повесили на них ярлык «сектанты».

Выходит, что игра делает морально приемлемым убийство виртуальных версий конкретной группы людей, основываясь на их культурных особенностях: религиозности, консерватизме и культуре владения оружием. «Дьявол кроется в деталях», — эта фраза Дэна Хэя, исполнительного продюсера игры, брошенная им в совместном интервью с Риком Россом, теперь звучала для меня совершенно иначе. Дьявол действительно был там. И он даже не думал скрываться. Учитывая, что главным консультантом проекта, формировавшим психологический портрет врага для миллионов игроков, выступал человек с задокументированной историей участия в насильственном депрограммировании. Человек, прочно интегрированный в транснациональную сеть под руководством Дворкина — тот самый конгломерат, методы которого больше напоминали садистские практики, чем заботу об обществе.

Рассматривая концепт-арт игры, я заметил национальный символ Соединенных Штатов — звездно-полосатый флаг. Но в игре он намеренно искажен. На некоторых изображениях звезды заменены на стилизованные кресты — эмблему вымышленного культа «Врата Эдема». 50 звезд символизируют 50 штатов. Замена их на сектантский знак — это прямая подсознательная закладка: *каждый штат попал под контроль лидера культа*. Это целенаправленный визуальный нарратив, призванный извратить американский патриотизм, смешав его с демонстрируемым на экране религиозным фанатизмом. Это в точности совпадает с целями транснациональной сети Дворкина: дестабилизировать общество изнутри, создать раскол и стравить граждан друг с другом.

Но один вопрос продолжал сверлить мой мозг. Образ деспотичного лидера, Иосифа Сида, явно лепили с Дэвида Кореша — того самого, кого вместе с детьми сожгли на ранчо «Маунт-Кармел» в Уэйко. Почему именно этот, столь радикальный и исторически кровавый референс? Изучив методы антикультистов, я уже знал: их любимый инструмент — обвинение по ассоциации. Они создают чудовищный эталон, а затем приравнивают к нему свою реальную мишень. Так кого же они на самом деле подразумевали под этим «лидером культа»?

Мой внутренний хронометр автоматически выстроил таймлайн. Разработка игры началась в 2016 году. Официальный анонс — май 2017. Релиз — март 2018. В ноябре 2016 года Дональд Трамп побеждает на выборах. 2017–2018 годы — это пик

идеологического раскола в США, когда пресса методично начала использовать в отношении Трампа уничижительный ярлык «лидер культа». Выходит, что Рик Росс консультировал разработчиков именно в этот период.

Тогда все сходится. В игре есть миссия: найти компрометирующую видеокассету, способную разрушить репутацию лидера. Что это, как не прямая отсылка к реальному политическому контексту тех лет — пресловутому «досье Стила» с якобы компрометирующим Трампа видео (досье, которое, к слову, опиралось на данные российского источника Игоря Данченко и в итоге оказалось пустышкой). Слоган предвыборной кампании Трампа — «*Make America Great Again*» (MAGA). В игре повсюду звучит и мелькает на плакатах слоган культа: «*Make Hope Great Again*».

Многие критики называли это просто «политической сатирой». Но для меня это выглядело скорее как симулятор политического убийства. Для мастеров манипуляции из антикультовой сети, десятилетиями ломавших человеческие психики, это не сатира. Это тончайшие, филигранные закладки. В условиях безостановочного виртуального насилия, когда внимание геймера максимально рассеяно, эти импланты проникают глубоко в подсознание. В нужный момент этот пазл сложится, и спящий агент в лице какого-нибудь подростка будет готов «спасти мир» от «культиста», на которого ему укажут Росс, Хассан или сам Дворкин.

В данном случае они указывали. Практически синхронно с выходом игры, Стивен Хассан выпускает книгу «Культ Трампа» (*The Cult of Trump*). Он открыто заявляет, что вся страна нуждается в «депрограммировании». И здесь их расклад: они не призывали к насилию напрямую — им это было не нужно. Программа насилия сама по себе уже пустила корни в головах миллионов геймеров. (Только за первые 5 лет в *Far Cry 5* сыграло 30 миллионов человек по всему миру).

И сейчас я понимаю, что, возможно, покушения на Дональда Трампа были теми самыми последствиями этого пазлового кодирования. 13 июля 2024 года. Батлер, Пенсильвания. Пуля стрелка задевает ухо Дональда Трампа. 15 сентября 2024 года. Вторая попытка покушения возле гольф-клуба во Флориде. 12 октября 2024 года. Третья предотвращенная попытка в Калифорнии — мужчина с дробовиком и фальшивым пропуском. Как это может быть совпадением? Скорее, исходя из всех фактов и анализа, это похожее на задокументированные, кровавые последствия многолетней работы тоталитарной секты маньяков и убийц, скрывающихся под маской «защитников демократии». Конечно, этот вывод

требует куда более детального изучения, желательно с привлечением ресурсов специальных отделов Бюро, но паттерн был налицо.

Я продолжал углубляться в эту тему. Чем дальше я копал, тем яснее видел, что методы антикультовой сети безотказно работают по всему миру. И несмотря на то, что за время расследования дела Дворкина моя способность удивляться почти атрофировалась, когда факты ложились один к одному, идеально дополняя общую картину, я не мог скрыть странного чувства. Это был восторг аналитика, густо замешанный на человеческом отвращении. Я хорошо помнил это чувство по старым временам в Бюро — когда завершённый профиль с пугающей точностью совпадал с пойманным субъектом, и очередную серию убийств удавалось предотвратить.

Мое нутро снова взбудоражила найденная информация. 2022 год. Япония. Убийство бывшего премьер-министра Синдзо Абэ. Источники указывают, что убийца отомстил политику за его связи с «Церковью Объединения» — тем самым религиозным движением, которое годами целенаправленно демонизировали активисты из сети Дворкина. Политик был расчеловечен ярлыком «пособника культа», и, похоже, этот медийный ярлык выдал подсознанию стрелка ментальную лицензию на убийство.

Словакия. 15 мая 2024 года. Покушение на премьер-министра Роберта Фицо. И что же, как выяснилось, выдал 71-летний стрелок Юрай Цинтула после задержания? Он озвучивал претензии к правительству по поводу закрытия крупной словацкой телекомпании. Немного порывшись в архивах, я быстро пришел к выводам, что компания, как сообщают независимые исследователи, долгое время выступала рупором антикультистов в Словакии. Получается, что как только Фицо инициировал процесс ее ликвидации — он тем, самым стал препятствием для сети борцов с сектами, прозвучали выстрелы. Слова стрелка про телеканал — это не осознанная политическая позиция. Это скорее фрагмент кода. Финальный триггер, который, по сути, мог активировать заложенную в его голове программу. И, как и в случае с Трампом, покушению на Фицо предшествовала жесточайшая медиа-травля со стороны некоторых СМИ, транслирующих антикультовую риторику.

Я тут же, на скорую руку, создал таблицу в заметках. Левую колонку я озаглавил «ТРАМП» и начал вносить туда заголовки и выдержки из крупных медиа-изданий:

CNN: *«Клинтон призывает к "депрограммированию" членов "культа" MAGA».*

The Washington Post: *«Культ личности Трампа и эрозия американской демократии».*

The Loop: *«Несмотря на непредсказуемое поведение Дональда Трампа, вокруг него сформировался своего рода "культ" преданности».*

The Journal of Psychohistory: *«Смертельный культ Трампа».*

В правую колонку я вынес заголовки и фрагменты статей, касающиеся премьер-министра Словакии Роберта Фицо. Дегуманизационная риторика в его адрес использовала нарративы с абсолютно таким же смысловым посылом, что и у антикультовой сети. Там мелькали фразы вроде «свидетели Фицо» или «Обычный лицемер превратился в чудовище».

Ниже я скопировал комментарии из соцсетей, явно спровоцированные этой демонизирующей медиакмпанией:

«Фицо определенно превратился в пьяного монстра, который лишь цинично смеется людям в лицо. Но движение с тех пор стало сектой, и сектанты не против такого монстра, наоборот, они еще больше ему поклоняются».

«В реальности, кто в коалиции проголосует за это? Smer — это секта вассалов Фицо».

Я был действительно впечатлен тем, как легко запустить этот механизм. Стоит паре аффилированных с антикультовой сетью «экспертов» вбросить нарратив о «культе» в адрес неудобного политика, как общество моментально его подхватывает. И в этом нескончаемом потоке грязи и дегуманизации журналисты, тесно связанные с антикультом, могут беспрепятственно вкладывать кусочки пазлов в расшатанные, подогретые ненавистью умы. И в какой-то момент кто-то обязательно возьмет оружие и пойдет стрелять. Были ли покушения на Трампа и на Фицо спрограммированы целенаправленно и заблаговременно? Сейчас для меня этот вопрос звучит как риторический. Факты буквально кричат мне в лицо: **«ЭТО ПАЗЛОВОЕ КОДИРОВАНИЕ».**

Более того, я наткнулся на комментарий самого Роберта Фицо, оставленный на его странице в Facebook после покушения на Дональда Трампа в Батлере:

«Ситуация практически точная копия. Если бы тот, кто напал на Д. Трампа, знал словацкий язык, ему достаточно было бы почитать такие издания,

как *Denník N*, *Sme* или *Aktuality*, чтобы почувствовать непреодолимое желание "разобраться" с непокорным бывшим президентом США. Сценарий как две капли воды похож. Политические оппоненты Трампа пытаются заставить его замолчать, а когда им это не удается, они так сильно разжигают страсти в обществе, что какой-нибудь несчастный берет в руки оружие. И теперь мы станем свидетелями речей о необходимости примирения, умиротворения и прощения...».

(Ориг. Scenár ako cez kopirák.

Keby útočník na D. Trumpa vedel po slovensky, stačilo by mu prečítať denník N, Sme alebo Aktuality, aby dostal chuť "urobiť poriadok" s neposlušným bývalým prezidentom USA. Scenár ako cez kopirák. Politickí oponenti D. Trumpa sa ho pokúšajú zatvoriť a keď im to nevychádza, tak toľko štvú verejnosť, až nejaký úbožiak zoberie zbraň. A teraz budeme svedkami rečí o potrebe zmierenia, ukladnenia a odpustenia...)

Оба сценария действительно похожи как две капли воды. Однако Фицо ошибался в одном нюансе: в обоих случаях первую скрипку играли не столько классические политические противники, сколько та самая скрытая антикультовая сила, действующая тонкими психоманипулятивными методами, воздействия на подсознание.

Ведь если рассмотреть кейс Фицо еще чуть детальнее, всплывает пугающая хронология. По удивительному совпадению, вскоре после того, как Фицо поднял вопрос об упразднении одного из влиятельных СМИ (которое вместе с отдельными журналистами систематически его критиковало, дискредитировало и демонизировало), последовало покушение на его жизнь. Это действительно можно было бы списать на простое, пусть и трагическое стечение обстоятельств. Если бы не показания самого стрелка.

Достаточно просто заглянуть на абсурдность самой ситуации. Семьдесят один год. В этом возрасте люди обычно подводят итоги своей жизни, а не планируют операции по устранению первых лиц государства. Этот человек идет на вооруженное нападение, прекрасно осознавая, что премьер-министр окружен плотным кольцом охраны. Вероятность того, что служба безопасности откроет ответный огонь на поражение, стремилась к абсолюту. И ради чего пожилой человек выбрал для себя финал, где есть только два варианта — морг или пожизненная камера? Якобы из-за закрытия телевизионного канала?

Разве таким радикальным способом он защищал свои личные, жизненно важные интересы? Это противоречит всякой логике и здравому смыслу. Более того, это ломает самый древний, базовый человеческий алгоритм — инстинкт самосохранения. Но в том-то и суть. Исходя из информации о пазловом кодировании, запрограммированный исполнитель, в чье подсознание внедрен жесткий деструктивный код, оперирует вне категорий логики или выживания.

Похоже, что ключ к разгадке лежал в тех самых первых словах нападавшего сразу после жесткого задержания. Это было не просто сбивчивое объяснение мотива. В состоянии запредельного стресса, шока и дезориентации, когда критический фильтр рухнул, человек просто выдал наружу фрагмент сработавшей программы. Тот самый триггер, который манипуляторы вшили в его психику через серию публикаций и скрытых психологических вкладок. Пожилой писатель был лишь живым инструментом. Настоящие организаторы покушения так и остались в комфортной тени, легко пожертвовав расходным материалом в своей медийной игре.

Еще одним веским доказательством того, что мы имеем дело с продолжающимся дистанционным программированием через СМИ, стал тот факт, что охота на Фицо не остановилась на одном эпизоде. Прочесывая словацкий сегмент интернета, я обнаружил информацию о том, что вскоре политик получил конверт с пулей — прямое, недвусмысленное послание. А спустя еще некоторое время произошла вторая попытка покушения. И снова поведение нападавшего поражало своей механистичностью. Второй преступник, заряженный слепой ненавистью и не замечая ничего вокруг, словно в состоянии глубокого транса пытался пройти к премьеру с огнестрельным оружием прямо через рамку металлоискателя. И снова — никакой оценки обстановки, ноль логики, отсутствие даже зачатков инстинкта самосохранения. Просто прямое, туннельное движение к мишени, характерное для самонаводящейся ракеты.

Всю жизнь моим вторым домом был поведенческий отдел ФБР. Составляя сотни досье, анализируя криминальную логику, методы и психологию убийц, я залезал им в головы и учился читать их мысли. И этого опыта с избытком хватает, чтобы уверенно утверждать: эти инциденты наделены всеми признаками внешнего управления. Стрелки — это вовсе не идейные оппозиционеры. Это люди, чья собственная воля была полностью подавлена и заменена разрушительной директивой — программой, загруженной в их головы с помощью методов скрытого информационного воздействия. Новые угрозы и повторное покушение на премьер-

министра Словакии — это самое прямое, неопровержимое доказательство того, что программа кодирования убийцы была запущена именно через информационное поле. Мне это напомнило закинутую в море рыболовную сеть: манипуляторы методично просеивают общество, и рано или поздно в эту сеть обязательно попадается человек с определенным психотипом — политически заряженный, эмоционально нестабильный, поддающийся внушению.

И самое страшное кроется в том, что эта садистская антикультовая сеть никуда не исчезла. Она продолжает работать прямо сейчас. Сколько еще людей уже попало в нее? Сколько из них уже запрограммировано и в этот самый момент, сидя перед экранами своих телефонов, ждут финального сигнала на активацию? Учитывая специфику и масштаб этого психологического воздействия, предугадать это практически невозможно.

Но доказать факт этого вмешательства, как мне кажется, — вполне реально. Существуют методы ретроспективной диагностики, с помощью которых, можно выйти на тех, кто именно заложил программу и команду «фас» в головы будущим убийцам. Для этого, конечно, нужно привлечь специалистов в этой узкой и специфической области ретроспективной диагностики психического состояния и провести глубинную работу с обоими, пытавшимися убить Фицо.

Человеческая память уникальна. Наш мозг — это идеальный, неподкупный регистратор. Он фиксирует абсолютно все: каждое прочитанное слово, каждый просмотренный видеоролик, каждую внедренную извне идею, даже если сознание их давно отфильтровало. Профессиональные исследователи, работая с глубинной памятью, способны отследить всю эту цепочку от начала до конца. Это похоже на анализ вредоносного компьютерного кода: специалисты могут разобрать его по строчкам и выяснить, когда и после какой конкретной публикации зародилась идея покушения, какие тексты ее усилили и раскормили, и, наконец, что послужило финальным спусковым крючком — какой именно триггер запустил вложенную программу на исполнение.

Да, с юридической точки зрения эти методы могут казаться нестандартными и неприменимыми в классическом суде. Но по опыту работы в Бюро я прекрасно знаю: когда речь идет об угрозе национальной безопасности, в закрытом режиме рассматриваются и применяются абсолютно любые, даже самые неортодоксальные способы анализа ситуации. Я более чем уверен, что таким образом можно поминутно восстановить картину того, как происходило программирование

сознания, превратившее обычного, ничем не примечательного пенсионера в дистанционно управляемого террориста.

А дальше мои коллеги-расследователи начнут распутывать этот клубок, и нить неизбежно приведет их к первоисточнику — к тем самым медиаресурсам и конкретным журналистам, которые загрузили в сеть программу убийства Роберта Фицо. После долгих часов анализа различных новостных платформ я уже не сомневался, что источником окажутся конкретные СМИ. Убеждения человека не берутся из воздуха — их формирует информация, поступающая извне. И те, кто разрабатывает и проводит такие смертельные информационные операции, прекрасно знают: человек есть то, что он потребляет. Особенно опасна та информация, которая в обход критического фильтра проникает в глубины подсознания. Она преобразует личность до неузнаваемости. Жертва начинает руководствоваться внедренными установками, будучи абсолютно и свято уверенной, что это ее личный, осознанный выбор. Человек даже не подозревает, что он — лишь марионетка.

Да и других источников ненависти у нападавшего на Фицо просто не было. Он не знал премьер-министра лично, никогда с ним не пересекался, не вел с ним бизнес и не делил имущество. Откуда тогда взялась эта слепая, всепоглощающая, первобытная ярость? Только из тех самых медиа-сообщений, которые методично, день за днем, как каплями яда, выжигали в его сознании программу ненависти. Манипуляторы складывали пазл к пазлу, пока картина не стала полной. Вся его так называемая «мотивация» была искусственным конструктом, синтезированным в идеологических лабораториях тех, кто привык убивать чужими руками.

Я уверен, что каждый шаг такого дистанционного программирования человека на совершение теракта можно доказать. А самое главное — можно доказать *умышленность* такого программирования. Что-то мне подсказывает: если как следует дернуть за ниточки, то окажется, что все организаторы информационного покушения на премьер-министра Словакии Роберта Фицо прямо или опосредованно связаны с антикультовой садистской сетью Дворкина. Ведь кому, как не сети, помешанной на садизме, тотальном контроле и кровопролитии, так выгодны подобные события? Понятно, что они панически боятся того, что вскроется вся их инфраструктура. Возможно, именно поэтому вся эта группа журналистов, по всей видимости плотно связанная с антикультовой сетью, так засуетилась сразу после покушения на господина Фицо. Они из кожи вон лезли в попытках добиться переквалификации дела из теракта в банальную

«попытку умышленного убийства». Я наткнулся на эту информацию, мониторя все, что было доступно по делу покушения. В одном из их изданий кто-то с нескрываемым облегчением написал:

«...мы получили новости получше. Даже позитивные новости. Верховный суд поставил под сомнение юридическую обоснованность убийства Роберта Фицо. Хотя главный прокурор Генеральной прокуратуры считает, что это был террористический акт, коллегия из трех судей считает, что для этого недостаточно доказательств».

Получается, для таких журналистов, очевидно представляющих интересы антикультовой сети, перекавалификация нападения на Фицо — это «позитивные новости»? Поразительно, как они сами себя выдают. Терракт предполагает политический мотив, организованную структуру, долгую подготовку. Потянув за эту нить, неизбежно вскроется вся структура. А вот «попытка убийства» — это просто слетевший с катушек одиночка. Им жизненно важно было сделать из стрелка безумца, чтобы никто не начал искать тех, кто запрограммировал его на это преступление. Однако, судя по всему, премьер-министр Словакии может знать гораздо больше, чем кажется. В 2025 году все-таки удалось добиться того, чтобы 72-летний нападавший был признан виновным именно в террористическом акте. Возможно, специалисты, работающие над этим делом, еще предоставят общественности свои открытия, исследуя истинные, глубинные мотивы преступника и выйдут на след антикультовой структуры.

Голова гудела от переизбытка информации, которую удалось накопить. Все эти факторы покушений на политиков — ну никак не могут быть чередой совпадений! Я более чем уверен, что если бы правоохранительные органы провели сеансы регрессивного гипноза с этими стрелками, они бы увидели, кто именно загрузил в них доминирующий образ. Они бы вышли на истинных убийц. Но пока общество, выбирая простые ответы, винит во всем доступность оружия или «токсичный политический климат», настоящие террористы остаются в тени.

Видно, что Трамп пытался бороться с этим. В 2018 и 2019 годах он проводил встречи, заявляя:

«Мы должны остановить прославление насилия в нашем обществе. Это включает в себя ужасающие и жестокие видеоигры, которые сейчас стали обычным делом».

Но его подняли на смех. Критики в один голос кричали, что проблема не в играх, а исключительно в свободном доступе к оружию. Но пример Японии, где оружие достать практически невозможно, доказал обратное: если в голове есть помещенный кем-то извне код, человек берет самодельное гладкоствольное огнестрельное оружие, чтобы убить премьер-министра.

Я открыл последний документ — отчет с недавнего мероприятия ООН. Заявления Стивена Сикейры о том, что экстремистские группы все чаще используют игровые пространства и платформы вроде Discord для вербовки.

«В одной только Австралии примерно каждое пятое дело по борьбе с терроризмом сегодня связано с молодежью, и игровые платформы играют роль в каждом расследуемом деле».

Поразительно. Статистика в Википедии гласит: на сегодняшний день существует 148 видеоигр о «культах». 148 цифровых полигонов, через которые прошли миллионы людей. А если добавить к этому бесчисленно количество публикаций в СМИ, аффилированных с сетью Дворкина? Это может быть целая армия спящих убийц, которые в любой момент могут быть активированы всего одним пазлом. И мой внук, мог быть частью этой армии. От этой мысли, ледяная струя пробежалась по моему позвоночнику. Я шумно сглотнул. Вес моего расследования становился все тяжелее, но теперь мне никак нельзя было останавливаться.

Схема работы сети борцов с культами, прикрывающихся «защитой общества», вырисовывалась кристально ясно. Вначале «борцы с культами» закладывают фундамент. Они бомбардируют аудиторию материалами, популяризирующими прошлые инциденты — теракты, школьные расстрелы (вспомним бесконечное муссирование Колумбайна) и, что самое главное, нападения на политических деятелей. Когда почва готова и страх посеян, они внедряют более тонкие, детализированные директивы, целенаправленно бьющие в подсознание потенциальных исполнителей.

Но почему именно политики? Почему они стали идеальными мишенями для этой сети? Ответ лежал в плоскости макростратегии. Политики — это нервные узлы государственной системы. Уничтожая или парализуя их, антикультисты проводят блестящие операции по инфотерроризму. Они усиливают расколы в обществе, стравливают электорат, подталкивая страны к гражданским войнам. И это, как я сейчас начинаю отчетливо понимать, и есть их глобальная цель.

Достаточно просто подумать о том, какие самые жаркие и эмоциональные дискуссии возникают в обществе? Это всегда политика. Сейчас в Америке особенно заметен этот тектонический раскол на два противоборствующих лагеря — демократы и республиканцы. И попробуй только не быть ни на одной из сторон. Даже внутри семей бывают такие обозленные друг на друга родственники, которые готовы глотки друг другу перегрызть, доказывая свою правоту и с пеной у рта убеждая оппонента в том, что политик, которому они доверяют, — плохой, не такой, опасный и так далее. Именно в эту болевую точку, в этот раскол, Дворкин и его последователи бьют своим информационным молотком, превращая бытовые споры в кровавую бойню.

Да что там какие-то абстрактные люди из новостных сводок. Чтобы увидеть, как работает эта машина ненависти, мне было достаточно вспомнить наш крайний День Благодарения. День Благодарения, где единственную благодарность я испытал глубокой ночью — когда вся эта орава разъехалась, и в тишине дома остались только я, Мэри и Роджер.

На что похоже сборище всех родственников в этот важный для каждого американца праздник? Если бы меня попросили описать это застолье цитатой из Библии, я бы непременно выбрал что-нибудь про преисподнюю. Съезжалось абсолютное большинство родни из самых разных штатов. Даже на Рождество наш дом не видел такого аншлага. Спасибо Мэри и тому факту, что она приводила в нашу тихую гавань всю свою родословную, включая трех сестер со своим потомством. И, что самое «прекрасное», у каждой из них было по мужу. Представьте себе: абсолютно разные люди, с разным бэкграундом, разных профессий, один даже другой национальности, и — о, ужас! — у каждого из них есть свой, единственно верный взгляд на политику, которым он считает критически важным поделиться в этот светлый, теплый семейный праздник. В доме царил первозданный хаос. Добавьте к этому политическому форуму толпу бегающих по всем комнатам визжащих хулиганов и моего вечно слюнявого английского бульдога Роджера, который требовал даже больше внимания, чем дети и регулярно объявлял войну двум трясущимся чихуахуа и истеричному йоркширскому терьеру, которых притащили с собой сестры Мэри. Более того, муж моей дочери Мишель, заядлый критик республиканцев, всегда был готов с пеной у рта обсуждать новые посты политиков, подливая масла в огонь. Будь вся эта сцена выставлена в картинной галерее, я бы назвал ее «Преисподняя интроверта». Самое худшее заключалось в том, что приходилось заставлять себя вести участливо и

поддерживать беседу с каждым, кто падал тебе на уши. Мэри в этом плане меня не щадила. «Мы собираемся раз в год! Ты можешь хотя бы попытаться выглядеть так, что ты рад их видеть!» — жестко отчитывала она меня после очередного такого праздника, когда я большую часть времени просидел в углу гостиной, глядя Роджера и лишь уныло кивая подсаживающимся ко мне собеседникам. Как человеку, который всю жизнь провел за составлением профилей серийных убийц, мне банально не хватало времени и желания поглощать еще и политические разборки. Меня хватало едва ли на утреннее обсуждение заголовков новостных изданий с женой за завтраком. Было жаль тратить силы на анализ всех этих публичных личностей, тем более что профессиональная привычка непременно привела бы меня к мрачным выводам.

Если бы я только мог описать тот уровень глухой апатии, который накрывал меня за столом, когда начинали разрезать индейку под громкие, агрессивные споры о поправках к законам, мигрантах, международных переговорах и о том привычном праздничном наборе тем, который в Америке почему-то считается подходящим аккомпанементом к индейке. Вряд ли в психологии существует термин, способный передать степень моего отчуждения в эти минуты.

И вот, в прошлый День Благодарения, под очередной виток агрессивных споров о политике нашего президента, под летящие во все стороны брызги слюны спорящих, я механически накалывал на вилку кусок индейки. Помню, как мелькнула циничная мысль: а не наколоть ли мне на эту вилку кого-нибудь другого, у кого ни на секунду не закрывается рот? Я перевел тяжелый взгляд на Ричарда, мужа второй по старшинству сестры Мэри. В его противных, редких усишках запутались крошки хлеба, а жир от индейки склеивал волосинки у рта, из которого в этот самый момент извергались настоящие политические помои.

— Если бы ты перестал смотреть свой Fox News хотя бы на пять минут, Гэри, ты бы увидел, что он — прямая угроза демократии! — вещал Ричард, размахивая вилкой. — Ну это же классический авторитарный захват.

— О, ради бога, избавь меня от этого бреда! — тут же взорвался Гэри, муж самой младшей сестры Мэри, бросаясь на защиту республиканцев. — По крайней мере, мне не промывают мозги леворадикальные медиа! Вся эта ваша «woke»-повестка просто уничтожает экономику и страну. Карлсон был прав: вы в упор не видите, как разрушается традиционная Америка!

В эту бессмысленную перепалку, где каждый просто транслировал то, что услышал по телевизору, ворвалась Кэтрин. Она ударила ладонью по столу так, что зазвенели бокалы.

— Промывают мозги?! Ты хочешь поговорить о промывке мозгов, Гэри?! Вся эта MAGA-тусовка в красных кепках просто оторвана от реальности! Гребаные фанатики.

Глядя на них тогда, я видел лишь шумных, невыносимо раздражающих родственников. Но теперь, я понимаю важную вещь: каждый из этих людей, брызжащих слюной над праздничной индейкой, представлял собой идеальную, стопроцентную мишень для закладки пазлового кодирования. Когда человек находится в состоянии эмоционального аффекта, когда его захлестывает политическая ярость, слепая праведная ненависть и желание уничтожить оппонента, его фронтальная кора отключается. Защитные фильтры критического мышления падают. Мозг становится губкой, готовой впитать любую деструктивную команду, любую директиву антикультистов, если она будет грамотно зашита в нужный политический контекст.

Но самым страшным за тем праздничным столом были даже не взрослые. Самым страшным были дети. Визжащая шпана и замкнутые подростки, которые делали вид, что уткнулись в свои телефоны, но на самом деле находились в эпицентре этого ядовитого шторма.

Детская и подростковая психика, которая еще только формируется и не имеет выстроенных барьеров критичности, не умеет фильтровать такой уровень стресса. Даже если ребенок напрямую не участвует в разговоре, его подсознание работает как идеальный, бесперебойный аудио- и видеорегистратор. Оно жадно считывает, оцифровывает и намертво записывает на подкорку каждую эмоциональную вспышку, каждый выброс агрессии, каждое слово, пропитанное ненавистью к «другим».

Именно эти скрытые, впечатанные в неокрепшую психику паттерны бытовой агрессии становятся той самой вспаханной, раскаленной почвой. И на эту подготовленную почву впоследствии, словно семена ядовитого растения, идеально ложатся фрагменты информационного кодирования. Инженерам смерти из сети Дворкина даже не нужно конструировать ненависть с нуля — мы сами заботливо выращиваем ее в своих гостиных. Им остается лишь через нужную статью или видеоролик вложить в голову подростка финальный триггер.

Я откинулся в кресле и посмотрел на карту Соединенных Штатов, приколотую к моей доске расследования. Моя семья — это лишь единичный, микроскопический срез. Один дом в Вирджинии. А сколько таких семей прямо сейчас по всей территории страны? Миллионы домов. Десятки миллионов кухонь и гостиных, где в этот самый момент люди рвут друг другу глотки из-за политиков, которых они никогда в глаза не видели. Сами того не понимая, они удобряют ненавистью почву в психике своих детей, делая их уязвимыми для посадки вируса массовых убийств.

Теперь кристально понятно, почему транснациональная антикультовая сеть с такой одержимостью использует инструменты дегуманизации, метод пазлового кодирования и эту гремучую смесь своей идеологии с риторикой чистой ненависти. Их план выверен до мелочей. Сначала нужно расчеловечить политиков и огромную часть населения, превратив их в сознании общества в «фанатиков» и «зомби». На этой базе, с помощью заложенных триггеров, спровоцировать теракты и покушения. Теракты, в свою очередь, многократно усиливают раскол, подталкивая общество к красной черте гражданской войны. А гражданская война — это именно то, что быстрее и надежнее всего уничтожает фундамент любого государства. Это разрушает демократические институты, приводит к тотальному переформатированию законодательства, закручиванию гаек, полной разобщенности людей и, как финальный аккорд, — к установлению той самой диктаторской власти, которая так нужна кукловодам из антикультовой сети Дворкина.

Я пробежался глазами по статистике. За последнее десятилетие насилие против политиков всех уровней выросло катастрофически. Это уже не эксцессы — это эпидемия. Несколько покушений на Дональда Трампа. Покушения на премьер-министра Словакии Роберта Фицо. Убийство японского экс-премьера Синдзо Абэ (убитого именно за якобы связь с «культом», который годами демонизировала сеть Дворкина). Убийства британских депутатов Джо Кокс и Дэвида Эймесса. Нападение с ножом на президента Бразилии Болсонару и лидера оппозиции Южной Кореи Ли Чжэ Мена. Убийство президента Эквадора. И конечно страшное, резонансное убийство Чарли Кирка.

И это только верхушка айсберга, лица с обложек. А что происходит на уровне штатов, мэров, рядовых конгрессменов? Статистика вопиет: в США количество угроз в адрес членов Конгресса выросло за пять лет более чем в десять раз — с 902 случаев в 2016 году до 9600 в 2021-м. Более 40% чиновников получали прямые угрозы расправы.

И это далеко не случайные вспышки гнева. Это систематически организованная кампания насилия, цель которой — подорвать сами основы демократии. Если политик парализован страхом за свою жизнь и жизнь семьи, если ему приходится носить бронежилет на встречу с избирателями (как это делали некоторые депутаты в Британии), он не может управлять. Система управления рушится. Демократия перестает функционировать. А кто приходит на смену разрушенной демократии? Тот, кто обещает «порядок». Тоталитарная структура. И здесь я возвращаюсь к Дворкину и его разветвленным ячейкам РАЦИРС по всему миру.

Я вчитался в анализ того, как пресса, аффилированная с антикультовой сетью, обрабатывает политиков. Просто классическая дегуманизация. Политик перестает быть человеком. Он становится абстрактным злом, мишенью. В современном информационном поле слово «политик» вообще приобрело тот же ядовитый, стигматизирующий оттенок, что и слово «сектант». Оба эти термина, благодаря стараниям всей этой сети, якобы борющимся «с культами», вызывают у толпы автоматическое отторжение. Это маркер того, от чего общество должно «очиститься», «освободиться», «защититься».

Я посмотрел на подборку скриншотов из американских СМИ, приведенную в отчете. Британская «*Daily Mail*», американская «*The Daily Beast*». Журналисты (среди которых мелькают имена Дэйва Троя и Александры Штайн, связанных с Дворкиным и Хассаном) методично вбрасывают заголовки: «Сможет ли Трамп дожить до инаугурации?», «Трампа может постичь участь Кеннеди». Похоже ли это на сухую аналитику? Фактический сравнительный анализ? Учитывая патологическую тягу к разрушению человеческих жизней, которую я выявил в ходе расследования, и которая, как оказалось, присуща всей этой сети, — скорее это классическая вербальная манипуляция. Техника создания устойчивого негативного образа через повторяющиеся вербальные триггеры.

Современная нейрopsихология подтверждает: благодаря нейропластичности мозга, повторяющийся медиаконтент способен формировать устойчивые ассоциативные паттерны. Это реальный когнитивный механизм, при котором человек начинает автоматически связывать объект с определенными эмоциями и оценками. Это достигается через: эксплуатацию когнитивных искажений (эффект рогов, фрейминг), блокировку рационального мышления через эмоциональную перегрузку, использование механизмов дегуманизации и демонизации, создание информационной изоляции и эффекта «иллюзии правды». Таким образом,

журналистика в руках умелых манипуляторов превращается в мощный инструмент психологического воздействия, способный изменять не только отношение к отдельным лицам, но и саму структуру мировосприятия аудитории.

Основы понимания того, как медиа воздействуют на сознание, были заложены еще в конце XIX — начале XX века. Гюстав Лебон в своем фундаментальном труде «Психология народов и масс» указывал, что индивид, становясь частью аудитории (современной «цифровой толпы»), утрачивает способность к критическому анализу и становится крайне внушаемым. Лебон подчеркивал, что массы мыслят не логическими категориями, а образами, которые внедряются в их сознание через повторение и утверждение.

«Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Рассудок и логика не могут бороться против известных слов и известных формул».

Во второй книге «Психология народов и масс», он заключил, что чтобы идея проникла в массу, она не должна сопровождаться доказательствами. Чем лаконичнее и категоричнее утверждение, тем оно эффективнее.

И также подчеркнул, что повторение — это то, что заставляет утверждение закрепиться в подсознании и превратиться в «истину».

«Утверждение только тогда оказывает действительное влияние, когда оно постоянно повторяется, и притом в одних и тех же выражениях... Повторяемое утверждение в конце концов врезается в самые глубокие области подсознания, туда, где вырабатываются мотивы наших поступков».

Но горькая ирония заключалась в том, что эти фундаментальные открытия вовсе не послужили базой для создания этических стандартов в СМИ. Они не побудили общество к медиа грамотности и критическому восприятию информации. Напротив, «Психология масс» стала настольным пособием для худших диктаторов двадцатого века. Текстуальный анализ доказывает: Гитлер практически дословно перенес концепции Лебона в свою «Мою борьбу», усвоив главное — разум масс ограничен, а значит, бить нужно исключительно по эмоциям, используя примитивные лозунги. Геббельс довел метод «утверждения и повторения» до абсолюта, выведя формулу тотальной пропаганды, где чудовищная ложь, повторенная тысячекратно, кристаллизовалась для толпы в непререкаемую истину.

Даже Муссолини открыто признавался журналистам, что перечитывал труд Лебона бесчисленное количество раз, называя его «великолепным произведением».

В криминальной психологии этот паттерн классифицируется предельно четко. Для серийных макро-хищников — диктаторов и архитекторов геноцида — труды по психологии масс никогда не представляли чисто академического интереса. Их восхищение подобной литературой имеет сугубо утилитарную, психопатическую природу. Это восторг хищника, получившего на руки подробную карту слепых зон своей добычи. Убийца всегда скрупулезно изучает виктимологию жертвы. Ему необходимо получить абсолютную власть над ее разумом, чтобы загнать миллионы ничего не подозревающих людей в ментальную ловушку задолго до того, как начнется физическая расправа.

Исторический прецедент задокументирован исчерпывающе: найдя ключи к системному взлому коллективного бессознательного, психопаты во власти спровоцировали глобальную катастрофу. История помнит эти результаты — миллионы трупов и целые нации, послушно шагающие в бездну под суггестивным гипнозом тотальной пропаганды. Главная угроза сегодняшнего дня заключается в том, что этот старый, эмпирически проверенный кровью инструментарий не остался в двадцатом веке. Он был модернизирован и перешел в оперативный арсенал современной теневой сети, руководимой все таким же психопатом, но называющим себя «сектоведом» и «экспертом по культам».

Если наложить на эту историческую базу выявленные новые переменные, профиль угрозы достигает критической отметки. Антикультовая транснациональная сеть не просто конструирует негативные образы политиков с помощью классических методов Лебона и Геббельса. Как подтверждают данные независимых исследователей, они интегрировали в эту стратегию метод «пазлового кодирования». Эта психотехнология выводит информационный террор на совершенно иной уровень. Независимо от видимого, поверхностного контекста сообщения, этот метод позволяет обходить фильтры критического мышления и загружать в подсознание аудитории не просто абстрактную ненависть, а директиву — четкую, скрытую программу на совершение физического насилия против конкретной мишени.

Следственный вывод из этих данных не оставляет места для иллюзий. Мы имеем дело с высокоточным оружием когнитивного массового поражения. И осознание того факта, что пульт управления от этой системы находится в руках

транснациональной сети, архитектура которой выстроена эволюционировавшим серийным убийцей, выводит уровень оперативной опасности за рамки любых стандартных протоколов. Это уже не абстрактная угроза. Это работающая с холодным, математическим расчетом технология массового убийства, замаскированная под социальные процессы.

В этой парадигме личность, политический курс или реальные поступки конкретного лидера вообще не имеют значения. Имея на руках такую безотказную технологию, антикультовая сеть может взять абсолютно любого государственного деятеля и пропустить его через информационную мясорубку. Они методично стирают его человеческий облик, дегуманизируют и превращают в живую мишень для запрограммированных стрелков.

И самое циничное в этой схеме то, что сам убитый или свергнутый политик для сети Дворкина — это даже не идеологический враг. Это просто дешевый расходный материал. Кровавая ступенька. Видя масштаб их деятельности, я прихожу к выводу, что это для них лишь средство для достижения их единственной, патологической цели — захвата абсолютной, неограниченной власти над расколотым, обезумевшим от страха и тонущим в крови государством.

И самое страшное: общество начинает это принимать. Согласно некоторым опросам, которые попались мне в сети, каждый пятый американец сегодня считает, что насилие может быть способом решения политических разногласий. И это просто ужасающая статистика. Мы подошли к той черте, где политическое убийство перестает быть табу.

Что это как не идеальная схема для антикультового садистского координационного центра в России под крылом РПЦ и спецслужб, или их агентов в США и Европе? Маньяку с комплексом Бога, жаждущему тотальной власти и массовой крови, в этой схеме вообще не нужно пачкать руки или отдавать прямые приказы. Ему достаточно виртуозно проманипулировать медийными потоками, синтезировав в обществе такую плотную, удушливую атмосферу паранойи и ненависти, что появление стрелка становится лишь вопросом времени и статистической вероятности. А когда звучат выстрелы и гильзы остывают на школьном кафеле, следственная машина начинает работать по заезженному, комфортному шаблону. Детективы и агенты ищут мотив в путаном личном дневнике подростка или в его подписках на радикальные группы. Они профилируют симптом, а не саму болезнь, торопясь поскорее закрыть дело и снять

желтую полицейскую ленту под удобным предлогом — «чтобы не раскалывать общество». Никто даже не поднимает голову, чтобы посмотреть на ниточки. Никто не ищет кукловода, который холодным расчетом вложил в голову ребенка матрицу этого преступления. И уж тем более никто не отправляет выжившего стрелка к регрессивному гипнотерапевту или специалисту по когнитивному извлечению. А ведь вводя субъекта в определенные психические состояния и задавая хирургически точные вопросы, можно деконструировать защитные механизмы сознания и выйти на генезис трагедии. Они бы показали следствию точный триггер — какие именно материалы, какие наспигованные «пазловым кодированием» статьи антикультовых функционеров (вроде той чешской журналистки, чей профиль я анализировал на днях) стали искрой, взорвавшей психику убийцы.

Но система слепа. Она продолжает вытирать кровь с пола, в то время как настоящие убийцы сидят в телестудиях и профессорских кабинетах, довольно наблюдая за результатами своей работы.

Если приплюсовать к этому историческому опыту то, что я уже знал об их скрытом оружии — пазловом кодировании... То выходит, что эта антикультовая садистская структура не просто адаптировала фашистские лекала под реалии современных интернет-технологий. Они обогатили их тонко изощренными, техниками воздействия на психику. Буквально создали систему непрерывного нейролингвистического кодирования.

И дело не просто в «сравливании людей» или «уничтожении рейтингов политиков». В условиях информационного пузыря и постоянного эмоционального накала, эта матрица способна алгоритмически вытаскивать спусковой крючок в голове нестабильного индивида. Они программируют потенциальных убийц, внушая им, что убийство конкретной мишени — это не преступление, а акт спасения общества. Они научились превращать слова в пули, стреляя чужими руками. И это делало моего невидимого противника поистине страшным оружием.

Смотря на эту разросшуюся по всей доске схему, я понимал: это уже даже не абстрактная «верхняя лига» терроризма. Это гильотина, занесенная над шеей моей страны. Цель Дворкина и его марионеток — не просто власть. Их цель — создать такой уровень первобытного страха, при котором мы сами принесем им ключи от своих свобод на окровавленном блюде.

Я посмотрел на пустой экран ноутбука. В темном стекле отразилось мое лицо — постаревшее, осунувшееся, с глазами человека, который слишком много знает.

Скоро выходные, а затем понедельник и мне снова везти Саймона и Дэни в школу. Обычная рутина с внуками, которая внутри меня вдруг обернулась страхом. Я поймал себя на том, что боюсь отпускать их, зная, что этот вирус — оружие информационной войны, отполированное до блеска и нацеленное на самые уязвимые точки психики — уже в сети.

ЧАСТЬ III

Захват государства

Глава 22

Возвращение субъекта на родину

Структура американского крыла этой сети, руководимой Дворкиным, теперь была мне предельно ясна. Я понимал, как они работают, какие триггеры используют, как стравливают людей и к чему это в итоге приводит. Но во всем этом глобальном информационном мраке я не должен был забывать, с чего вообще началось мое расследование. С той самой рукописи Виктора. С истории о его друзьях — членах Свидетелях Иеговы, которых методично притесняли, расчеловечивали, а затем и вовсе официально запретили в России, признав экстремистской организацией.

Перечитав материалы Виктора, я убедился: Дворкин добился на своей родине небывалой, поистине пугающей власти. И теперь этот человек явно намерен экспортировать свою модель тотального контроля на весь остальной мир. Но как именно ему удалось повернуть этот захват целого государства? Как вчерашний маргинал заставил огромную страну плясать под свою дудку? Этот вопрос зиял огромной дырой в моем деле.

Я подошел к стене и провел пальцем по натянутой красной нити. Мой хронологический график обрывался на отметке 1992 год. Возвращение в Россию.

Что происходило в тот момент? Учитывая его плотные связи с CAN, Дворкин с высокой долей вероятности был по уши замазан в грязной практике насильственного депрограммирования в США. И он, как хитрый хищник, почуял, что ветер меняется. В Америке вокруг депрограммистов CAN начали сгущаться тучи, пахло судами и уголовными сроками. Дворкин просто вовремя сбежал. Он обрубил концы, замел следы и пересек океан, уже окончательно определившись со своим новым, безупречным обликом.

Возвращение блудного сына на родину выглядело не как попытка начать жизнь с чистого листа, а как блестяще спланированная рейдерская атака. Едва ступив на российскую землю после пятнадцати лет отсутствия, Дворкин не идет искать работу по объявлениям. Человека, который полтора десятилетия не имел

ничего общего с реалиями этой страны, мгновенно назначают в Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви. Прямым идеологическим центром.

Его продвижение по карьерной лестнице не поддается законам обычной бюрократии. Уже в том же 1992 году Дворкин становится фигурой, к которой прислушиваются не только седобородые иерархи в церковных кулуарах, но и чиновники в коридорах государственной власти. Его риторика, отточенная за годы работы с американскими манипуляторами, была настолько убедительной, агрессивной и пугающей, что государственные структуры буквально сами просили его заняться «сектантским вопросом».

В своих мемуарах он описывает этот период с показательной скромностью. По его словам, уже в 92-м году в его кабинете раздается звонок из Правительства Москвы. Встревоженные чиновники слезно просят его консультаций и помощи. «Что же мне оставалось делать, как не согласиться?» — пишет он.

Я вынес наиболее емко описывающую тот начальный период возвращения в Россию цитату из автобиографии Дворкина «Моя Америка»:

*«По рекомендации отца Иоанна Мейендорфа я стал работать в новосозданном Отделе религиозного образования и катехизации **под непосредственным руководством приснопамятного отца Глеба Каледы. Там и сформировалось новое направление, которым я начал заниматься — противодействие тоталитарным сектам.** Конечно, если раньше мне кто-нибудь сказал бы, что я стану профессиональным сектоведом, я ни за что не поверил бы такому человеку. Но жизнь часто преподносит нам совсем неожиданные сюрпризы. По-видимому, ради этого дела я и был возвращен на родину».*

*«Первое время я чувствовал себя иностранцем и воспринимался таковым даже на улицах русских городов. Но через пару лет это ощущение безвозвратно прошло, и я давно чувствую себя дома только в России. **Мне много приходится ездить, и я повидал мою страну во всей ее необъятной шире** — от Камчатки и Сахалина на востоке до Калининградской области на западе и от Мурманска и Якутии на севере до Пятигорска и Астрахани на юге».*

«У меня появилось много новых друзей, прежде всего в Церкви, которой я служу. Познакомился и сблизился я и со многими европейскими коллегами-

сектоведами, которые также делают все возможное, чтобы противостоять сектантской угрозе».

«Я вернулся к преподаванию и уже пятнадцать лет преподаю в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете — лучшем негосударственном учебном заведении страны».

Дворкин, вернувшись в 1992 году, не мог в одиночку открыть двери в высокие кабинеты Патриархии. Ему нужен был человек-ключ. Кто-то с безупречной репутацией, кто взял бы его под свое крыло и легализовал в новой системе. Этим ключом похоже стал протоиерей Глеб Каледа.

Я открыл досье Каледы. Фигура монументальная. Ученый-геолог, доктор наук, фронтовик с боевыми орденами, тайный священник в советские годы. В 1991 году он возглавил сектор в Синодальном отделе религиозного образования. Человек огромного авторитета и кристальной репутации. Именно под его началом, по рекомендации Мейендорфа, начал работать Дворкин.

Но меня интересовало не их сотрудничество. Меня интересовал финал. Изучая материалы, я поймал себя на том, что мой внутренний хронометр снова начал отсчитывать зловещие совпадения. Спустя всего два с половиной года работы бок о бок с Дворкиным, 1 ноября 1994 года, Глеб Каледа скоростижно скончался. Диагноз: рак. Шмеман. Мейендорф. Верховский. Теперь Каледа. Четыре наставника. Четыре смерти. И всегда рядом, на расстоянии вытянутой руки, находился один и тот же «скорбящий» «преданный» ученик.

Я начал анализ текстов. В автобиографии Дворкина «Моя Америка» Каледѐ уделено всего несколько строк. Зато в отдельной статье «Об отце Глебе Каледѐ» Дворкин расписывает их отношения так, словно они были неразлучны:

«Я виделся с ним почти ежедневно, ездил с ним в командировки, был рядом с ним при начале его тюремного служения...».

«Я видел отца Глеба в разных обстоятельствах: в тюрьме и на официальных приемах, в горах и на берегу моря, в центре больших городов и в лесах, на море, на суше и в воздухе. Я видел его с самыми разными людьми: с Патриархом и с отъявленным атеистом и сталинистом, с премьер-министром Греции и с заключенными, с видными учеными и таксистами, с мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми».

С точки зрения поведенческого анализа, это классический паттерн нарративного позиционирования. Дворкин подчеркивает исключительную, интимную близость к авторитетной фигуре в критические моменты ее жизни. Он создает образ единственного достоверного свидетеля. Так ведут себя люди, стремящиеся контролировать нарратив после смерти жертвы, чтобы унаследовать ее статус. Он акцентирует внимание на том, что был рядом в больнице, прислуживал на литургии, что Каледа диктовал ему свои мысли до последнего дня. Похоже на фиксацию тотального доступа к жертве в период ее максимальной уязвимости.

Еще несколько цитат заставили меня мысленно вернуться к анализу его автобиографии, где он описывал уход своих первых наставников — Мейендорфа и Шмемана. Я взял со стола маркер и начал подчеркивать в заметках параллели, от которых отчетливо тянуло холодом.

Вот как он описывает физическое угасание Каледы:

*«Отец Глеб был без скуфейки и казался намного старше, чем когда я видел его в первый раз. **Отсутствие волос старило его, но и подчеркивало идеальную форму его головы — головы ученого и мыслителя**».*

Я порылся в стопке распечаток и выудил лист с уже выделенной мною цитатой о последних днях отца Шмемана:

*«Он весело смеялся над тем, что теперь не может сам совершать эти действия, подшучивал над собой и своим бессилием. **Да, выглядел он дряхлым стариком... Как ребенок, он стал зависеть от других людей... Он был готов к встрече со Христом**».*

Тот же самый профильный паттерн. Патологическая фиксация на физической немощи, беспомощности и уязвимости своих жертв. Читая между строк, можно заметить, как субъект наслаждается их трансформацией из сильных, властных авторитетов в дряхлых стариков, полностью зависящих от него.

Но затем мой взгляд зацепился за другой, куда более опасный маркер. Я зафиксировал еще одно упоминание о Глебе Калее:

*«Отец Глеб умел расспрашивать: через несколько минут он, с одной стороны, **уже знал все основные факты моей биографии, а с другой — глубоко почувствовал мою сущность**».*

И тут же я нашел в своих заметках практически идентичный пассаж о Шмемане:

*«В его присутствии всегда хотелось сделаться лучше... Рядом с ним раскрывалась их подлинная сущность. Думаю, отец Александр это понимал, **умел прозревать и ценить эту сущность**».*

Слово «сущность» звенело в моей голове, как натянутая струна. Включилась холодная логика. Учителя Дворкина, очевидно, обладали колоссальным интеллектом и выдающимися аналитическими способностями, значительно превосходящими уровень самого Дворкина. Им было свойственно подмечать детали человеческой натуры.

Возник закономерный вопрос: могли ли они, обладая такой пронизательностью, увидеть то, что видел даже я — человек, никогда не встречавший Дворкина лично? Если и я, и Виктор, оперируя лишь внешними признаками, общедоступными фактами, текстами, хронологией и свидетельствами, смогли распознать классический профиль субъекта с выраженными психопатическими расстройствами, то что могли увидеть они, находясь с ним бок о бок, когда он еще не был столь опытен в своей мимикрии?

Исходя из того, что выразил сам Дворкин в своей биографии, они умели «прозревать сущность».

Личностный профиль объекта на тот момент времени представлял собой открытую криминалистическую книгу. Маркеры девиантного поведения, катастрофически низкий уровень базового образования, компенсируемый агрессивными авторитарными амбициями. Вся эта структура опиралась на набор деструктивных психологических паттернов: злокачественный нарциссизм, виртуозную манипулятивность, склонность к зависимостям и патологическую жажду концентрации власти. В перспективе такой субъект создавал прямую угрозу — не только для базовых прав человека, но и для физической безопасности как церковного, так и светского сообщества. Авторитетные фигуры такого калибра, как Шмеман, Мейендорф и Каледа, обладали достаточным весом, чтобы стать непреодолимым барьером. Их потенциальное вмешательство могло бы своевременно нейтрализовать риски радикализации религиозной среды на самом старте. Они могли быть той самой бетонной стеной, которая блокировала противоправные инициативы Дворкина и деструктивную деятельность.

И, скорее всего, за маской суетливого, подозрительного, ученика они в какой-то момент разглядели ледяную пустоту хищника. Они могли знать слишком много. А злокачественный нарцисс и психопат, жаждущий абсолютной власти, физически не может терпеть авторитетной конкуренции. И уж тем более он не потерпит рядом тех, кто видит его насквозь, тех, перед кем ему приходится изображать подчинение. Для такого субъекта проницательные наставники неизбежно и очень быстро переходят из категории «полезный ресурс» в категорию «экзистенциальная угроза». Пока это были лишь аналитические допущения. Но то, что я узнавал дальше в процессе анализа биографии Дворкина и его упоминаний о Глебе Каледе, больше не походило на трагическое стечение обстоятельств. Все признаки указывали на методичную, хладнокровно спланированную «зачистку» очередного субъекта, ставшего лишним на пути маньяка к единоличному Олимпу.

В подтверждение своим догадкам, я вынес следующий отрывок в отдельный файл с заметками:

«Когда я посещал его в больнице, он был очень слаб и сильно страдал от болей, но по-прежнему живо интересовался всем происходящим в жизни Церкви и Отдела. Он продолжал работать буквально до последнего дня, диктуя свои наблюдения о православном образовании для материалов архиерейского Собора. Он очень хотел побыстрее поправиться, чтобы принять участие в его работе — в работе первого за всю историю Русской Православной Церкви собора, посвященного проблемам миссии и образования.

Но Господь рассудил иначе. Земное служение отца Глеба завершилось за две недели до собора. Смерть батюшки была идеальной христианской кончиной, безболезненной, непостыдной, мирной, — именно той, о которой мы молимся. Последними словами отца Глеба были: "Не волнуйтесь, мне очень, очень хорошо".

Мы не знаем, что, скрытое от наших глаз, было явлено ему в эти последние минуты».

Из этого текста прямо следует, что Дворкин не просто изредка навещал Глеба Каледу. Он находился рядом с ним постоянно, особенно в критический период, непосредственно предшествующий смерти. С точки зрения поведенческого анализа этот фрагмент — настоящая золотая жила. Я начал выделять ключевые криминалистические маркеры, указывающие на профиль убийцы: детализация присутствия в критических моментах и навязчивое подчеркивание

исключительной близости. «Был рядом в больнице», «прислуживал на первой литургии», Каледа «диктует свои наблюдения» до последнего дня. Автор текста настойчиво подчеркивает свой беспрепятственный доступ к жертве в самые уязвимые периоды ее жизни — во время тяжелой болезни и госпитализации. А это означает наличие идеальной физической возможности для совершения преступления.

Фразы «Я виделся с ним почти ежедневно», «был рядом при начале тюремного служения», «я сфотографировал», «я прислуживал», «я был с ним» выполняют конкретную функцию. Субъект целенаправленно создает образ единственного достоверного свидетеля последних месяцев жизни Каледы. Это классический паттерн нарративного позиционирования: человек монополизирует историю умершего, чтобы укрепить собственный статус через ассоциацию с авторитетной фигурой, которую больше никто не может защитить.

Фокус на «идеальной кончине» и отсутствие эмпатии. Смерть описана почти с восторгом: она «безболезненная», «мирная», а последние слова, умирающего, поданы как «мне очень хорошо». В тексте полностью отсутствует выражение личной утраты автора, нет описания настоящего человеческого горя. Весь фокус смещен на «благость» самого факта ухода. Для лиц с селективным нарушением эмпатии это типично: они сохраняют формальное уважение на бумаге, но не способны скрыть свое эмоциональное безразличие. Здесь же всплывает пугающая параллель с его воспоминаниями об Александре Шмемане: «Он **был готов к встрече со Христом**». Что в случае со Шмеманом, что здесь, с Каледой, субъект словно заявляет о своем праве распоряжаться чужой жизнью. Он сам присваивает умирающему статус «готовности» или выдает оценку «**идеальной христианской кончины**» в случае с Каледой. Это позиция того, кто держит руку на рубильнике.

Подозрительная временная точность. Смерть наступает ровно за две недели до исторического Архиерейского Собора, в котором Каледа должен был играть ключевую роль и выступать с докладами. Дворкин сам подчеркивает: «Он *очень хотел поправиться, чтобы принять участие... Но Господь рассудил иначе*». Приписывание высшей воле того, что идеально служит собственным карьерным интересам — это базовый механизм самооправдания злокачественного нарцисса. Удобная, спроектированная смерть в нужный момент может списывается на божественный промысел.

Но еще одна фраза зацепила мое внимание не меньше перечисленного.

«Он продолжал работать буквально до последнего дня, диктуя свои наблюдения о православном образовании для материалов архиерейского Собора».

В этой истории поражает ее фатальная стройность: передача опыта от руководителя к Дворкину происходила в преддверии уникального события (первый в истории РПЦ Собор по миссии и образованию), где этому руководителю отводилась ключевая роль. Внезапная кончина носителя знаний и опыта непосредственно перед моментом их практического применения создает ситуацию, которую трудно квалифицировать иначе как «фатально удобную» для тех, кто мог «блеснуть» вместо него в этой цепочке.

Навязчивая близость, идеализация процесса угасания жертвы и дотошная детализация смерти — хорошо известна криминологии. Подобный паттерн регулярно наблюдается у серийных медицинских убийц (так называемых «ангелов смерти», имеющих искаженное представление об «освобождении» жертвы), а также у социопатов, использующих смерть своих покровителей как социальный лифт для укрепления собственной власти. И профиль Дворкина в который раз подходил под эти параметры безупречно.

Я нашел воспоминания жены Каледы, Лидии Владимировны. Она описывает начало болезни мужа в 1992-1993 годах. Совместные командировки, поездки на теплоходах... И странная деталь:

«Отец Глеб чувствовал себя хорошо, но у него иногда — вдруг ни с того ни с сего — плохо было с животом».

Внезапные «неполадки с животом», которые начали преследовать здорового мужчину именно в тот период, когда в его окружении появился Дворкин с его багажом знаний из реанимации 67-й больницы. В марте 1994 года у Каледы диагностируют рак кишечника. Делают успешную операцию. Жена вспоминает, что летом анализы были нормальными: *«Чувствует себя он вроде неплохо... по видимости, все нормально».* Но уже в сентябре — резкий рецидив, госпитализация и стремительная смерть.

Разве может это быть простым совпадением, учитывая кровавое прошлое Дворкина? Вспомнить только показания Подружки, о его убийствах и о том, как он вводил смертельные инъекции пациентам, наслаждаясь их агонией.

Если опираться на проведенный мной анализ, симптоматика Каледы (внезапные боли, быстрое развитие агрессивной формы рака после временной ремиссии) пугающе совместима с хроническим воздействием токсичных веществ. Как я это уже и выделил для себя ранее, в анализе его первых наставников Шмемана и Мейендорфа существуют комбинации препаратов или химических соединений, обладающие кумулятивным эффектом. Они не убивают сразу. Они маскируются под естественное угасание организма. А Дворкин, сопровождавший Каледу в командировках и навещавший его дома и в больнице, имел идеальный доступ к его пище и лекарствам.

Очень похоже, что передо мной модель функционального устранения. Что выходит, если рассмотреть хронологию: весной 1993 года в Москву приезжает датский профессор Йоханнес Огорд — создатель европейской антикультовой сети. Он знакомится с Дворкиным. У них завязывается тесное партнерство. Огорд становится новым, гораздо более перспективным покровителем Дворкина, открывая ему двери на международную арену. Уже осенью 1993 года, при поддержке Огорда и благословении Патриарха Алексия II, Дворкин открывает собственный центр (будущий РАЦИРС). Каледа, как локальный руководитель, становится Дворкину больше не нужен. Хуже того, честный и принципиальный фронтовик Каледа, обладавший острым умом, со временем мог раскусить истинную, садистскую суть своего помощника. Мог стать угрозой его публичного разоблачения.

Жертва устраняется ровно в тот момент, когда ее социальная функция выполнена, а потенциальная опасность возрастает. Смерть Каледы описана Дворкиным с той же холодной, отстраненной детальностью, что и смерть Шмемана:

«Смерть батюшки была идеальной христианской кончиной, безболезненной, непостыдной... Мы не знаем, что, скрытое от наших глаз, было явлено ему в эти последние минуты».

Ни капли личного горя. Никакой эмпатии. Лишь фокус на «благости» смерти.

Сразу после смерти Каледы Дворкин остается без формального надзора. Он наследует его миссию, его статус в глазах Патриархии, становится безоговорочным монополистом в теме «сектоведения» и начинает разворачивать свою сеть по всей стране. Ключ повернулся в замке. Дверь во власть открылась. И человек, открывший ее, больше не представлял опасности, потому что лежал в могиле.

Невероятно. Сколько еще таких на пути своей карьерной лестнице мог убрать Дворкин? Я в очередной раз мысленно возвратился к выражению Виктора из его книги «шлейф смертей». Сейчас это выглядело действительно как шлейф.

Двигаясь дальше по хронологии биографии Дворкина, я видел, как стремительно меняется его статус. Оказавшись в отделе катехизации — по сути, в главной идеологической кузнице православия, — Дворкин получил прямой доступ к ведущим иерархам и митрополитам. Лишившись надзора после смерти Каледы, он разворачивает бурную деятельность: начинает организовывать конференции и впервые вводит в публичный оборот термин «тоталитарная секта», открыто назначая обществу новых врагов.

Из книги Александра Дворкина «Учителя и уроки. Воспоминания, рассказы, размышления» я выделил фрагмент, описывающий этот триумфальный взлет:

*«Уже через год после создания Центра его работа стала приносить ощутимые плоды, и во многом благодаря Александру Леонидовичу и диакону Андрею Кураеву в декабре 1994 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято определение **"О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме"**, где декларировалась позиция РПЦ по отношению к целому ряду деструктивных культов. В 1995 году Александр Леонидович занял должность заведующего кафедрой сектоведения в Православном Свято-Тихоновском богословском институте, известном ныне как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ)».*

То есть, буквально сразу после смерти своего покровителя Каледы, Дворкин совершает беспрецедентный карьерный рывок. Из помощника он превращается в заметную, самостоятельную фигуру со своей до этого не слишком приметной организацией, а его частная вендетта с инакомыслящими обретает статус официальной доктрины.

Однако сам термин «тоталитарная секта» появился в его лексиконе не случайно. Это не научный термин и совершенно не богословское понятие, на что указал анализ источников. В парадигме Дворкина — это тщательно продуманный буквально юридический и психологический конструкт. Маркируя любую несогласную организацию как «деструктивную», «тоталитарную», Дворкин, по сути, создал универсальное оружие. Этот ярлык работал как черная метка, позволяя изолировать и уничтожать идеологических оппонентов как внутри церковных структур, так и на государственном уровне.

Но где он взял эту методологию? Опыта обучения в православных американских учреждениях и связей с местными депрограммистами явно недостаточно для столь масштабной социальной инженерии. Ему не хватало фундаментальной базы, чтобы реализовать ту степень тотального контроля над обществом, которую требовала его нарциссическая структура личности — с ее характерной неутолимой потребностью в грандиозности и доминировании. Ответ нашелся в том же 1993 году.

Глава 23

Нацистский след: от гестапо до Москвы

Изучая феномен Дворкина и масштабы трагедий — от массовых расстрелов в американских школах до бойни в Уэйко, — я постоянно натыкался на пугающее сходство его риторики с пропагандой Третьего рейха. Умение убедить одну группу людей в своей исключительности и заставить их методично, с чувством исполняемого долга уничтожать другую — это чистый нацизм. И я интуитивно ждал, что на каком-то этапе расследования обязательно наткнусь на прямой след нацистской идеологии. И я его нашел.

В марте 1993 года в Москве происходит знаковая встреча. Дворкин знакомится с датским протестантским теологом Йоханнесом Огордом, руководителем «Диалог-центра». Огорд с 70-х годов вел непримиримую войну против любых нехристианских форм вероисповедания. В своих работах он прямо заявлял, что именно благодаря христианству Европа стала «властелином мира», и только эта религия способна вернуть ей статус глобального диктатора. Огорд становится для Дворкина ключевым наставником. Он передает «московскому ученику» готовые, обкатанные методики подавления инакомыслия.

Но откуда эти методики взялись у самого Огорда? Глубокий поиск по европейским архивам вывел меня на исторический факт, от которого стало прямо-таки не по себе. В нацистской Германии существовал протестантский Апологетический центр. В 30-е и 40-е годы эта структура занималась тем, что снабжала гестапо инструкциями по преследованию неугодных, теоретическими обоснованиями репрессий и, что самое главное, готовыми расстрельными

списками инакомыслящих. По сути, они делали ровно то же самое, чем сейчас занимаются ячейки сети Дворкина по всему миру.

Этим нацистским Апологетическим центром руководил Вальтер Кюннет — теолог, пастор и ярый антисемит. Его прямым наследником и верным учеником, как на то указывают факты, стал Вильгельм Хаак. Этот человек также посвятил жизнь борьбе с так называемыми «сектами», профессионально разжигая рознь в послевоенной Германии. И именно Хаак был тем человеком, который помог Огорду создать «Диалог-центр». В библиотеку этой организации перекочевали все наработки, архивы и методики нацистского Апологетического центра — те самые технологии черной пропаганды, которые руководство Рейха использовало для организации геноцида евреев. Цепочка передавалась из рук в руки: Кюннет — Хаак — Огорд — Дворкин.

Имя Хаака показалось мне подозрительно знакомым. Я начал перебирать кипу своих записей и вскоре наткнулся на распечатку из старого калифорнийского архива CAN (Cult Awareness Network). В официальном документе этой организации, в графе «*Related Groups and individuals*» (Связанные группы и лица), черным по белому числился Вильгельм Хаак. А строчкой ниже — Стивен Хассан.

Я выделил эти имена жирным красным маркером. Интересно, наступит ли момент, когда я перестану поражаться их круговой поруке? Я развернулся и с разочарованием посмотрел на стену. Моя карта расследований превратилась в кроваво-красную паутину. Свободного места на пробковой панели практически не оставалось — она была сплошь заклеена фотографиями, вырезками статей, именами и датами. Я подошел к стене, сдернул с пола картонку от какой-то почтовой коробки и наспех, грубо пригвоздил ее кнопками к нижнему краю доски, чтобы расширить рабочее пространство. Я понимал: это еще даже не половина пути. Мне нужно дополнительное место. Поверх старых листов я закрепил распечатки с лицами Огорда, Хаака и Кюннета. Взял моток красной нити, обвязал их кнопки и протянул длинную линию через всю доску, намертво привязав ее к фотографии Дворкина в самом центре. А затем провел еще одну нить — от нацистского преемника Хаака прямо к американскому депрограммисту Стивену Хассану.

Я сделал шаг назад, опуская руки вдоль туловища, и впился взглядом в расширенную карту на стене. Красные нити пересекались, сплетались в узлы и тянулись из прошлого века прямо в сегодняшний день, напоминая кровеносную систему, по которой перекачивался концентрированный яд.

Сейчас до меня еще больше начал доходить истинный, чудовищный масштаб того, с чем я столкнулся. Одно дело — составить профиль психопата и выявить серийного убийцу, скрывающегося под маской «добродетели». Другое дело — собрать свидетельства, подтверждающие, что субъект на протяжении десятилетий хладнокровно забирал чужие жизни: забивал камнями ребенка, устранял неудобных свидетелей, травил пациентов в реанимации. Вся моя карьера состояла из таких дел. Я видел монстров, прячущих тела под половицами, и садистов, упивающихся властью над запертой в подвале жертвой.

Я был ошеломлен масштабом, когда понял, что субъект исходя из данных, владеет техниками скрытого воздействия на сознание и может быть инициатором склушутингов в учебных заведениях, масшутингов, терактов и покушений на политиков. Но то, что вырисовывалось на доске сейчас, не укладывалось ни в одну стандартную криминалистическую классификацию. Дворкин оказался не просто маньяком, сумевшим избежать правосудия. Он оказался в буквальном смысле прямым идеологическим преемником учителей нацистов.

Я медленно протер лицо ладонями, пытаюсь осмыслить эту гремучую смесь. Что это вообще за мутант? Как природа и общество могли породить подобное существо? Собрать воедино клинического психопата. Добавить к этому садиста, получающего высшее наслаждение от агонии беспомощных людей. Умножить это на грандиозный нарциссизм и раздутый до абсолюта комплекс Бога. А затем плотно нашпиговать этот и без того смертоносный разум методичками гестапо, инструкциями Апологетического центра и идеологией тотального нацистского преследования.

За тридцать лет службы я смотрел в глаза самому немыслимому отребью, которое только могла носить земля. Но такого я еще не встречал. Это была совершенно новая, гибридная форма зла. Эволюционная аномалия. Чудовище, каких мир, пожалуй, еще не видывал в новейшей истории. Обычный психопат действует хаотично, руководствуясь низменными встроенными импульсами, и в конечном итоге загоняет сам себя в угол камеры смертников. Дворкин же взял свои темные, животные порывы и облек их в форму легитимного государственного служения. Он применил нацистскую методологию, чтобы вывести свои преступления из-под юрисдикции Уголовного кодекса в область государственных и религиозных институтов и в свои персональные карательные отряды.

Он не просто убивал ради удовольствия. Он построил бесперебойную индустрию разрушения человеческих жизней, работающую по законам Третьего рейха, и убедил общество в том, что это делается, чтобы «его защитить». Выходит, что Дворкин буквально впитывал эти нацистские методы, эту жесткую идеологию нетерпимости, некогда приведшую к геноциду целой нации, ведь по его собственным признаниям в автобиографии, он днями напролет просиживал в библиотеке Огорда в Дании, методично ксерокопируя тонны документов, которые затем целыми чемоданами вывозил в Россию.

Я бегло изучил биографию самого Йоханнеса Огорда и не смог пройти мимо нескольких красноречивых фактов. В архивах мне встретилось его известное эссе *«Проблема обращения в веру и религиозных перемен в рамках НРМ»*, опубликованное на американском антикультовом сайте icsahome. Прочитав его, я не мог прийти к иному выводу: этот текст демонстрирует агрессивное посягательство на демократические свободы и фундаментальные ценности Соединенных Штатов. Заявления Огорда по своей сути свидетельствуют о его глубоко пренебрежительном отношении к демократии как таковой.

Я выделил цитату из этого эссе, которая показалась мне критически важной для моего расследования:

«Повсюду происходят манипуляции сознанием и уничтожение душ, и тем не менее, против этого нет законов. Под прикрытием религиозной свободы проникла смертоносная вседозволенность.

Это особенно характерно для Соединенных Штатов, где Первая поправка используется для поддержки всевозможных злодеяний во имя религии. Любой, кто притворяется религиозным или руководит чем-либо, даже отдаленно связанным с религией, считается фактически вне закона. Наихудшие аспекты средневековой церковной политики в Европе, по сути, вернулись в Соединенные Штаты: утверждение о том, что религии освобождены от действия закона».

Этот фрагмент эссе мгновенно отослал меня к другой части моего расследования — к «отцу депрограммирования» и основателю той самой CAN, с которой так тесно сотрудничал Дворкин, — Теду Патрику. Когда Патрику однажды напомнили, что его тактика похищений напрямую нарушает конституционную защиту Первой поправки, он с циничной ухмылкой ответил, назвав свободу вероисповедания *«одним из величайших рэкетов, которые когда-либо знал мир»*.

Я мысленно приказал себе перестать удивляться этим идентичным маркерам. Они проступают в профилях абсолютно всех, кто встречается мне на пути распутывания клубка садистской сети Дворкина. Ненависть к свободе выбора — похоже их общая ДНК.

Затем я наткнулся на еще один факт из воспоминаний Дворкина об Огорде, изложенный в его статье «В память о профессоре Огороде», написанной после смерти датчанина в 2007 году. Я вынес этот фрагмент отдельно в свои заметки:

«Я помню, что дом Йоханнеса был полон различных реликвий сектантства: амулетов, священных предметов, статуй и даже остатков жертвоприношений. Однажды я спросил его, чувствует ли он себя комфортно, живя со всеми этими демоническими вещами на виду. Он с удивлением ответил, что все эти предметы — его трофеи...».

«Трофеи». Слово резануло по глазам. В криминалистике это базовое понятие. Серийные убийцы почти всегда забирают себе трофеи: локон волос, украшение, элемент одежды или даже часть тела жертвы. Это позволяет им раз за разом переживать момент триумфа и абсолютной власти над отнятой жизнью. Сходство здесь пугающе идентично. Для членов этой антикультовой сети разрушенные религиозные группы, раздавленные социальные объединения и растоптанные судьбы имели точно такое же значение, что и расчлененные тела для маньяков. Они коллекционировали символы чужой боли и страданий.

Похоже, Дворкин не просто слепо заимствовал методики у нацистских преемников — он их модернизировал. Он учел ошибки Кюннета и Хаака и довел до абсолютного совершенства технологии дегуманизации, алгоритмы создания образа врага и механики разжигания социальной ненависти, конструируя безупречную стратегию тотального идеологического контроля. И в этом контексте я теперь совершенно иначе смотрю на трагедию в Уэйко. То, что произошло там — это не провал спецслужб. По своей сути был локальный холокост американских граждан, спровоцированный и легализованный антикультистами. И на это обратил внимание не только я. Если вспомнить, сайт Кэрол Валентайн, на котором я изучал ужасающие данные аутопсий погибших при осаде, который так прямо и назывался: «Электронный музей Холокоста в Уэйко». Именно там висело фото того самого белокурого двухлетнего Дайланда Литтла, сгоревшего заживо с раной в груди.

Глава 24

Создание Инквизиции: RACIRS и захват институтов

После плотного знакомства с методиками «Диалог-центра» Дворкин, очевидно, понял необходимость создания в России абсолютно идентичной структуры. Ему нужна была собственная база — по сути, прямой аналог нацистского Апологетического центра, только адаптированный под новые реалии. Не теряя ни минуты, в том же 1993 году Дворкин учреждает Информационно-консультативный центр священномученика Иринейя Лионского, который я уже отметил на своей карте расследования. Он тут же получает на это официальное благословение Патриарха РПЦ Алексия II, тем самым легализуя свою структуру на высшем церковном уровне. И в основу архивов этого нового «православно-нацистского» центра ложатся те самые нацистские материалы, вывезенные чемоданами из библиотеки Огорда.

Хронология редко лжет. Цифры и даты на бумаге выстраивались в идеальную, синхронную линию. 1993 год стал не просто локальной аномалией для России — он оказался поворотной точкой глобального запуска.

Пока в Москве только закладывался фундамент центра Дворкина, на другом конце света одновременно активировались аналогичные механизмы. На симпозиуме в Барселоне, с подачи французской ассоциации UNADFI, принимается решение о создании европейской зонтичной организации — федерации FECRIS. В том же году в Чехии возникает свое «Общество изучения сект». А в Соединенных Штатах Рик Росс и Стивен Хассан получают тотальный зеленый свет. Маргинальные депрограммисты переходят в высшую лигу: их начинают приглашать в качестве полноправных консультантов американские СМИ, правительственные чиновники и даже федеральные правоохранительные органы. Глобальная сеть включилась по всей планете одновременно, словно по щелчку одного тумблера.

И именно в этом историческом контексте смерть отца Глеба Каледы окончательно перестает выглядеть как трагическая случайность. Как только освободилось место возле самого алтаря влияния, Дворкин мгновенно его занял. Уже в 1994 году он использует свое новообретенное, никем не сдерживаемое положение, чтобы продавать через Архиерейский Собор Русской Православной

Церкви беспрецедентный документ — определение «О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме».

Это была не просто рядовая церковная бумага. Это была полноценная идеологическая перезагрузка всей структуры. Православие получило официальный список врагов, куда вошли не только иноверцы, но и совершенно светские, образовательные учреждения. Все они одним росчерком пера превращались в «тоталитарные секты», подлежащие системному искоренению. Дворкин стал невидимым режиссером новой инквизиции, формирующим повестку и лично указывающим пальцем на тех, кто подлежит тотальному подавлению.

Проанализировав эти «черные» списки, я пришел к выводам, что сама их структура выдавала методику, скопированную с худших образцов пропаганды двадцатого века. Они конструировались особым, гибридным образом. В один котел намеренно сбрасывались диаметрально противоположные элементы. С одной стороны — задокументированные радикальные группировки, за которыми действительно тянулся шлейф насилия и реальных смертей. С другой — абсолютно мирные объединения, единственный «грех» которых состоял в том, что они не вписывались в нужную Дворкину систему координат. Этот прием — искусственное смешение убийц и невинных под общим клеймом — является эталонной манипуляцией и методом обвинения по ассоциации, который неоднократно мне встречался в деятельности всех антикультовых активистов на протяжении моего расследования. Это создает непробиваемую ловушку для любого критика. Попытайся заступиться за безобидную группу из этого списка, и тебе немедленно бросят в лицо заготовленный аргумент: «Вы что, встаете на защиту опасных культов и самоубийц?».

В этой извращенной, математически выверенной стратегии крылась абсолютная юридическая неуязвимость. Приравнивая любую неудобную организацию к радикальным террористам и экстремистам, Дворкин получил в свои руки универсальный, жестокий инструмент стигматизации. Инструмент, позволяющий вести полномасштабную войну на уничтожение, оставаясь при этом в тени и не неся за разрушенные жизни никакой правовой ответственности.

А о каком юридическом отстаивании чести заклеянных людей вообще могла идти речь, если этот субъект выстроил вокруг себя идеальный институциональный щит? Факты указывают, что он не просто заручился

поддержкой титульной религии огромной страны — он виртуозно, шаг за шагом отождествил себя с ней.

Я наткнулся на показательный срез этой тактики — судебный процесс 1997 года. Бывший священник Глеб Якунин подает коллективный иск от имени всех организаций, попавших под каток стигматизации Дворкина. И что происходит в ответ? Дворкин описывал это как момент триумфа — по его версии, Церковь встала на его защиту, прочитав судебную претензию не как спор о фактах и репутации, а как атаку на институт веры. И даже поддержка, приехавшая со стороны иностранных антикультовых кругов — тех самых фигур вроде Йоханнеса Огорда из Дании и Томаса Гандоу из Германии, ученика Вильгельма Хаака, — выглядела не как частная инициатива, а как демонстрация связей: мол, за моей спиной не только амвон, но и международный контур.

Я прошелся еще по десятку статей, фиксирующим, что последующие годы на него обрушится еще множество исков за диффамацию и порочение чести невинных людей. Ни один из них не достигнет цели. Абсолютный ноль в графе проигранных дел. И в этом нет никакой судебной аномалии, учитывая тот колоссальный уровень административного ресурса, который он интегрировал в свою работу как в церковных, так и в государственных структурах. Похоже, что в новейшей истории нет другого светского функционера, чья личная повестка защищалась бы аппаратом с такой фанатичной яростью. Однако для субъектов с подобным профилем лояльность — это всегда улица с односторонним движением. Соратники нужны ровно до тех пор, пока они обеспечивают тягу для локомотива.

Я поднял досье на двух известных священнослужителей — Андрея Кураева и Алексея Уминского. На первых этапах они функционировали как его ближайшие сподвижники, активные элементы в механизме «сектоборчества», легитимизируя его методы своим авторитетом. Но созданная им система тотальной дискредитации слепа к былым заслугам. Согласно общедоступной информации в русскоязычном интернет-пространстве в разное время они оба были вычищены из структуры, лишены сана и фактически выдвинуты из страны. И оперативные данные прямо указывали на активное участие в этом процессе самого Дворкина.

Об Уминском он холодно заявил: «Для меня его больше не существует». Кураев, судя по хронологии позже отмечал, что некогда смотрел на Дворкина снизу вверх и наблюдал, как тот заимствует методики протестантских пасторов, позже

отмечая, что под влиянием его идеологии сама РПЦ фактически превращается в ту самую пресловутую тоталитарную секту.

Закономерность прослеживалась предельно четко. Люди, стоявшие к нему ближе всего и помогавшие строить эту империю страха, в одночасье получали клеймо изгоев. Субъект наблюдал за их падением с клиническим отсутствием эмпатии. Отработанный материал просто сбрасывался с борта за ненадобностью. Впрочем, глядя на сухие строки их биографий, я ловил себя на мысли: учитывая скоропостижный и мрачный финал его прежних наставников — Мейендорфа, Шмемана и Каледы — этим двоим следовало бы благодарить судьбу. Оказаться в изгнании, лишившись статуса и родины, — это ничтожно малая цена за то, чтобы вовремя сойти с орбиты этого человека и просто остаться в живых. В конце концов так повезло не всем.

Исходя из этого анализа, я прихожу к выводу, что Дворкин выстроил среду, в которой аппарат РПЦ начал функционировать как автономный ликвидационный орган. Устранение неудобных ему фигур выглядело как естественное институциональное очищение рядов, что полностью скрывало направляющую волю инициатора. Красота этой интриги заключалась в отсутствии прямых улики: субъект оставался в тени, пока организация сама избавлялась от тех, кто мешал его планам. Циничный парадокс ситуации проявился в судьбах его бывших соратников, таких как Кураев и Уминский. Эти люди годами находились внутри системы и помогали возводить ее стены, но именно глубокое знание внутренней кухни стало для них приговором. Похоже, как только они распознали реальные векторы движения этой структуры и набрались смелости говорить о ее «кровожадности», сработал защитный протокол. В логике этого расследования их устранение было неизбежным. Бывшие союзники превратились в экзистенциальную угрозу, так как начали осознавать истинные мотивы Дворкина и те разрушительные последствия, которые его деятельность несла для церкви и страны. Механика нейтрализации была отработана до автоматизма: плотный кокон из манипуляций, закулисных интриг и информационного давления. Целью было не просто лишение сана, а тотальное выдворение — из профессии, из религиозного круга и, в конечном счете, из страны. Этих людей системно стирали из реальности, превращая в назидательные примеры для тех, кто еще сохранил способность к независимому мышлению.

В криминальной психологии механизм внедрения классифицируется как хищническая мимикрия. На протяжении всего расследования в профиле Дворкина

обнаружилась одна и та же опасная аномалия: феноменальная, почти клиническая способность устанавливать раппорт с кем угодно, независимо от социального статуса и иерархического положения. Это базовый инстинкт высокофункционального психопата — виртуозно втереться в абсолютное доверие, стать незаменимым отражением чужих ожиданий, прежде чем нанести системный удар. Он не просто вошел в закрытый социальный круг высшего духовенства России. Он пустил там корни, тихо и неумолимо трансформируя весь институциональный аппарат изнутри.

Используя арсенал скрытого суггестивного воздействия, он заставил смотреть на себя снизу вверх людей, облаченных в самую высокую церковную власть. А судя по всему, методы нацистской пропаганды, досконально изученные им под кураторством Огорда, скрещенные с агрессивными техниками депрограммистов, дали бесперебойный результат. Через бесконечные конференции, симпозиумы и многочасовые приватные беседы с наместниками епархий и митрополитами, по сути, он мог осуществлять фактическое перепрограммирование их сознания.

Результаты этой когнитивной диверсии лежали передо мной в виде десятков распечатанных статей. Влиятельнейшие иерархи РПЦ — Патриарх Алексей II, нынешний Патриарх Кирилл, митрофорный протоиерей Дмитрий Смирнов — каждый в свое время, начали слово в слово транслировать его антикультовые нарративы. Целое поколение высших функционеров заговорило чужими, искусственно вложенными в их головы директивами. Степень этого инфекционного влияния наглядно иллюстрировал один конкретный телевизионный эфир. Протоиерей Смирнов, глядя в объектив камеры национального канала, в открытую призывал православных христиан громить так называемые «секты» с такой первобытной яростью, «чтобы земля под ними горела». Вся тяжесть этой телевизионной проповеди заключалась в официальной должности выступающего. Изучив факты, я выяснил, что Смирнов не был рядовым священником из глубинки. Он занимал пост председателя Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Это был прямой, легитимный канал связи между церковным руководством и силовиками. Те самые люди с оружием, чьей прямой конституционной обязанностью является защита граждан, под воздействием этой идеологии превращались в слепых проводников агрессии. Слова о вере и спасении были окончательно выпотрошены, а их оболочка заполнена командами на уничтожение. Духовная риторика превратилась в легализованный боевой устав.

Генезис этой стратегии не требовал от Дворкина изобретательности. Ему не нужно было создавать новые механизмы контроля с нуля — по сути он просто смахнул пыль с руководств тридцатых годов прошлого века и адаптировал их под современные реалии. Механика массовой стигматизации была безупречно отработана в нацистской Германии. Тогда тотальное уничтожение целой нации, объявленной «опасной для мира», точно так же упаковывалось в высшие, почти духовные цели по спасению государства. Результатом той исторической кампании стали миллионы трупов и незаживающая рана на теле человечества.

Мой же субъект запустил идентичный алгоритм, выбрав в качестве идеального инструмента влияния Русскую православную церковь. Анализ его оперативного ритма показывает жесткую системность: он регулярно организовывал масштабные конференции, посвященные угрозе «тоталитарных сект». Но ключевое значение имел состав приглашенных. В залах заседаний рядом со священнослужителями сидели кадровые офицеры ФСБ, представители прочих силовых ведомств, государственные деятели и руководители образовательных учреждений.

Каждое такое мероприятие завершалось подписанием итоговой резолюции — фактически, легализованного расстрельного списка «опасных» организаций. В них содержался прямой призыв к государственному аппарату о полном уничтожении этих групп. Более того, резолюции официально цементировали абсолютную нетерпимость: православная церковь декларировала, что считает невозможным и оскорбительным даже само ведение диалога с рядом других религий, низводя их исключительно до статуса «бесовского учения». Это была институционализация ненависти на высшем уровне.

В своих расчетах Дворкин понимал фундаментальное правило любой диктатуры: идеология мертва, если она не опирается на силовой ресурс. Для установления тотального контроля требовалось проникнуть в кровеносную систему государственных механизмов. Я убежден, что присутствие агентов ФСБ на его религиозных симпозиумах не было случайностью или проявлением личного интереса. Это была целенаправленная интеграция. Субъект и функционеры РАЦИРС выстроили бесперебойную систему регулярных лекций специально для силового блока.

Изучение его логистики поездок выявило беспрецедентный уровень административного влияния. В его стандартный «райдер» при посещении любого

региона в обязательном порядке входили закрытые встречи с местной администрацией, руководителями силовых ведомств, начальниками региональных управлений ФСБ и МВД. И это шло в дополнение к обязательной идеологической обработке студентов и преподавателей местных вузов. Ровно все то же самое, что наблюдается и в описаниях деятельности на сайтах Хассана и Росса, с той лишь разницей, что они действуют в США.

Эта поэтапная стратегия с пугающей точностью дублировала алгоритмы нацистского подавления.

- Шаг первый: массированная идеологическая индоктринация.
- Шаг второй: синхронизация общественного мнения с карательным аппаратом и образовательной системой.
- Шаг третий: физическое и юридическое преследование стигматизированных групп.

На протяжении своего расследования я вижу, что его реализация оказалась безупречной. Шаг за шагом он аккумулировал колоссальное, никем не сдерживаемое влияние на законодательные, правоохранные и судебные органы России и за ее пределами. Закономерным финалом этой операции стали масштабные гонения на международные организации и миллионы сломанных жизней. Это была самая темная итерация старой, проверенной кровью формулы — тотальное уничтожение «чужих» под благовидным предлогом защиты «своих».

Как я уже успел понять из гигабайтов загруженной в меня информации о Дворкине — он не просто консультировал РПЦ по вопросам так называемых им «тоталитарных сект». Он навязал ей свою собственную, глубоко патологическую модель выживания. Суть ее сводилась к одному: методичное уничтожение всего, что не вписывается в жесткие рамки его личной трактовки православия. На выходе получился уродливый гибрид. Если идеологи Третьего рейха захватывали власть, конвертируя социальный страх в политический террор, то Дворкин перенаправил вектор развития целого государства и церкви, используя подавление инакомыслия как топливо для своей монополии. В его координатах защита веры мутировала в настоящую охоту на ведьм, где в качестве дичи выступали уже не отдельные люди, а целые религиозные сообщества.

В новейшей истории я не знаю другого человека, который бы так глубоко, проник в идеологию титульной религии и, как следствие, в государственный курс

России. Его извращенная гениальность заключалась в умении полностью трансформировать религиозный дискурс, оставаясь при этом вне прямого фокуса. Он не просто боролся с так называемыми «сектами». Он с нуля отстроил бесперебойно работающую индустрию страха. Технология, доведенная до механического совершенства: найти или выдумать врага, залить его черной краской дезинформации, изолировать и уничтожить. Дворкин установил внутри церковной системы собственные правила игры, превратив амвоны в ретрансляторы своих личных идеологических установок. Огромный институт РПЦ стал послушным, покорным инструментом его стратегии, буквально тиражируя спущенные им концепции.

И здесь на сцену выходит еще один классический маркер злокачественного нарцисса, одержимого своей деструктивной миссией, — маниакальная, нечеловеческая работоспособность. Я открыл официальный сайт его центра и пробежался по статистике. Только за один 1996 год Дворкин принял участие в четырнадцати конференциях, посвященных «тоталитарным культам», выпустил около шестидесяти статей и дал не менее тридцати интервью. К началу двухтысячных, спустя чуть более десяти лет после возвращения в Россию, цифры росли: автор 12 книг и около 600 публикаций, переведенных на 16 языков мира. Не менее тысячи интервью. Около 250 поездок с лекциями по регионам и за рубеж. Участие в полутора десятках судебных процессов — и ни одного проигранного. При всем этом он умудрялся сохранять статус алтарника и чтеца московской церкви Живоначальной Троицы в Хохлах.

Подобный уровень энергии и концентрации можно было бы назвать выдающимся, если бы эта колоссальная целеустремленность не была направлена на массовое уничтожение человеческих судеб. Его трудолюбие — это методичность черного хирурга, который безжалостно, час за часом, вырезает из общества «чужеродные» элементы, выдавая здоровые органы за патологию. Субъект систематически называет стигматизированные им группы «раковыми опухолями». Та же самая терминология, те же самые лингвистические конструкты, которыми идеология Гитлера оклеймила евреев перед отправкой в газовые камеры. Разница лишь в способе доставки приказа. Фюрер отдавал распоряжения устно, с трибун, в открытую призывая к геноциду. Но, исходя из того объема данных, которые мне удалось проанализировать, Дворкин действует тоньше: он вшивает свои приказы в подсознание общества и чиновников через манипуляции, заставляя силовой и бюрократический аппарат целой страны выполнять грязную работу за него.

Как именно это манипулирование материализуется в государственные законы, блестяще иллюстрирует 1997 год. Тот самый судебный процесс, когда бывший священник Глеб Якунин попытался защитить оклеветанные Дворкиным организации. Иск был предсказуемо проигран. И о том, какую роль это показательное судилище сыграло для законодательства, недвусмысленно заявлено на самом ресурсе Дворкина. Я выделил этот текст на мониторе:

«Трудно переоценить значение этой победы — ведь она была одержана накануне принятия нового федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях". В самом нормативно-правовом акте содержался ряд положений, ограничивающих деятельность культов, появившихся в перестроечную эпоху, — и Запад делал все, чтобы закон не был принят. Но проигрыш защитников сект, безусловно, подтолкнул депутатов к тому, чтобы все же проголосовать за закон, а президента страны — чтобы пусть не сразу, но все же его подписать».

Я продолжил изучать хронологию на этом пресловутом официальном ресурсе Дворкина. Руководство Русской Православной Церкви не просто закрыло глаза на методы своего нового фаворита — оно возвело их в ранг официальной добродетели. Выступая с докладом на ежегодном Епархиальном собрании Москвы 23 декабря 1998 года, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II произнес слова, которые для моего расследования звучат как фиксация тотального институционального захвата:

*«Приятно отметить, что в ходе подготовки нового закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" и после его принятия активизировалась антисектантская работа в нашей Церкви. Больше стало проходить конференций на эту злободневную тему, больше приходов и благочиний стали приглашать православных специалистов выступить перед ними и донести необходимую информацию до духовенства и активных мирян нашей Церкви. Хорошим знаком стало и то, что **органы местной администрации, а также воинские части и другие государственные учреждения и учебные заведения начали чаще приглашать православных специалистов по вопросам сектантства.** Особенно хотелось бы отметить роль в этом процессе информационно-консультативного центра священномученика Иринея, епископа Лионского».*

Глава церкви прямым текстом благословляет интеграцию структуры Дворкина в кровеносную систему государства — в администрации, школы и, что самое критичное, в воинские части. Для человека с задокументированными психическими отклонениями это был карт-бланш. Лицензия на охоту, выписанная на высшем уровне. Федеральный закон 1997 года, ограничивший религиозную свободу, стал лишь первой пробой пера. В поведенческом анализе преступников есть непреложное правило: успешный акт насилия, оставшийся безнаказанным, всегда ведет к эскалации. Субъекту требуется больше власти, больше контроля, больше сломанных судеб. Прослеживая хронологию изменения российского законодательства, я видел отчетливые отпечатки этой стратегии. Практически каждый последующий нормативный акт, направленный на ограничение свободы слова или вероисповедания под предлогом борьбы с экстремизмом, нес на себе идеологический след Дворкина.

Я посмотрел список поправок и новых норм и для меня он выглядел скорее как методичка по целенаправленному разрушению гражданских прав. Федеральный закон 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности». Жесткие законодательные акты 2016 года, установившие дополнительные меры по противодействию терроризму и обеспечению общественной безопасности. Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», изданный в 2020 году. Для обывателя эти названия звучат как гарантия спокойного сна. Но погружаясь в их суть, я понимал: риторика общественной безопасности — это идеальный камуфляж. По факту этот юридический механизм представлял собой инструмент легализации преследований. Государственные институты, призванные защищать правопорядок, были перепрофилированы в карательный конвейер для расправы над инакомыслящими. То, что когда-то начиналось с кучки камней на московской стройке, теперь трансформировалось в статьи уголовного кодекса целой страны.

Разумеется, этот правовой беспредел не прошел мимо радаров. Демократические государства и авторитетные правозащитные организации забили тревогу. Я поднял из архивов несколько докладов Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) — независимого федерального органа. В этих документах черным по белому, с нарастающей обеспокоенностью, фиксировалась деструктивная деятельность Александра Дворкина. Наши Вашингтонские аналитики прямо указывали на него как на архитектора законов, подавляющих демократию. Но отчеты ложились в правительственные папки, а

идеология машина Дворкина продолжала набирать обороты, игнорируя международную критику.

К 2006 году влияние Дворкина, по-видимому, достигло значительного масштаба. К этому моменту на территории России и стран СНГ действовало уже около тридцати антикультовых организаций, а значит, можно говорить о том, что вирус его идеологии, разрушающей права и свободы людей, распространился по всей стране. Очевидно, что для обеспечения стабильного функционирования этой сети ему требовались жесткая иерархия и единый координационный центр. Так, в 2006 году была создана Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Аббревиатура РАЦИРС заняла центральное место на моей доске расследования задолго до того, как я непосредственно подошел к этому этапу его хронологии. Президентом, как и следовало ожидать, был единогласно избран Александр Дворкин. Пост вице-президента организации занял протоиерей Новосибирской митрополии Александр Новопашин — тот самый любитель обвинить во всех бедах России Америку, и тот самый, на сайте которого я обнаружил более 70 упоминаний о стрельбе в Колумбайне.

С этого момента организация Дворкина окончательно сбросила маску клуба религиозных энтузиастов. Координируемая Дворкиным сеть начала трансформироваться в тяжеловесный социально-политический конгломерат. Орудие, обладающее ресурсами для прямой манипуляции массовым сознанием через медиа и способное целенаправленно управлять репрессивными механизмами огромного государства.

Захватив идеологический контроль над религиозной структурой, проникшей в само лоно церкви, хищник такого уровня никогда не останавливается на достигнутом. Церковь дала ему трибуну, паству и, конечно, идеальное прикрытие для его злодеяний, но для тотального доминирования, которого требует сама суть маньяка, этого было мало. Ему нужен был репрессивный аппарат. Легальная дубинка, способная физически уничтожать тех, кого он назначил врагами. Ему нужно было государство.

Глава 25

Экспертный совет 2009 года

Я открыл новую вкладку браузера и начал прицельно просеивать архивы. Я искал момент, когда система меняет протокол под одного конкретного человека. Это всегда оставляет след. След обнаружился быстро. Приказ Минюста № 53 от 18 февраля 2009 года. Документ учреждал новый Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Я вчитался в полномочия этого органа: рекомендовать проверки при регистрации религиозных общин, оценивать соответствие их деятельности уставу и — самое главное — выносить суждения об «экстремизме» организации, ее членов или литературы.

По сути, это мандат на легальное уничтожение. В правовом государстве этот плюоз должен контролироваться кристально чистыми профессионалами, потому что их подпись решает, будет организация существовать или отправится под каток судебных тяжб и силовиков.

Я перешел к разделу, регламентирующему состав. В приказе четко и недвусмысленно указано: совет должен формироваться из государственных служащих, ученых-религиоведов и специалистов в области отношений государства и религиозных объединений.

А затем я открыл список утвержденного состава. Председатель Совета — Александр Леонидович Дворкин. Я замер, глядя на экран. Субъект, не являющийся государственным служащим. Субъект, не имеющий профильного образования религиоведа. Человек, чья биография не имеет ничего общего с академическим изучением государственно-конфессиональных отношений. Он просто не проходил ни по одному из критериев их же собственного приказа. Но бюрократический парадокс с полным несоответствием должностным критериям был лишь ничтожной формальностью. Настоящий масштаб угрозы лежал далеко за пределами административных нарушений. Факты, изначально вскрытые Виктором в его рукописи и полностью подтвержденные ходом моего расследования формировали один однозначный криминалистический вывод. Я смотрел на имя субъекта, чей поведенческий и психологический профиль прямо указывал на совершение серии спланированных, методичных убийств. Государственный орган, наделенный колоссальной властью, правом стигматизировать любые организации и ломать судьбы миллионов людей, официально возглавил серийный маньяк. Вся

эта бюрократическая машина Министерства юстиции фактически передала скальпель в руки хищника, легализовав его преступления на федеральном уровне.

Я думал только об одном: как подобное назначение вообще могло состояться? Но когда я запустил перекрестный поиск по фамилиям руководства Минюста того периода, система выдала имя инициатора создания этого «обновленного» совета: министр юстиции Александр Коновалов. Еще один клик, и связь установилась. Статья-интервью с Валерием Отставных, религиоведом, бывшим заместителем руководителя Миссионерского отдела Тульской епархии РПЦ, членом Ассоциации православных экспертов, который был вынужден покинуть свою работу, поскольку его не устраивал курс на слияние церкви с государством и превращение ее в идеологический отдел администрации президента. В ней он заявил следующее:

*«Действительно церковь стала влиять на политическую жизнь в стране, а этого быть не должно. Вот пример. Министром юстиции РФ является господин Коновалов, он из того же вуза, что и я. **Он учился у Александра Леонидовича Дворкина**, считающего, что, кроме Русской православной церкви и традиционных конфессий, все остальные религиозные организации — это секты и культы, которые надо запрещать в судебном порядке. И вот в борьбе с религиозными организациями, которые называются сектами, объединились церковь и государство. Может быть, дело в финансовых потоках, которые текут мимо православной церкви в небольшие конфессии? Особенно у нас любили говорить: иностранная секта, не наша, эта религиозная организация имеет центр в Бруклине, в Нью-Йорке, понятно — это подрыв наших духовных скреп. Коновалов создал при Министерстве юстиции экспертный совет, который должен определить, является ли религиозная организация деструктивной, надо ее запрещать или не надо. И туда вошли люди, основным занятием которых является борьба с организациями, которые они считают сектами и культами. **Вот конкретный пример сращивания министерства и Русской православной церкви**».*

Выходит, что Александр Коновалов был бывшим учеником Дворкина в Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В целом довольно классическая схема. Психопаты-манипуляторы обладают феноменальным чутьем на людей, которых можно использовать как свой социальный лифт. По сути, если исходить из хронологии событий, Дворкин мог годами выстраивать нужные связи, индоктринируя студентов своей идеологией, чтобы однажды один из них, получив министерский портфель, открыл ему двери в высшие эшелоны власти.

Чем глубже я погружался в структуру этой сети, тем очевиднее становилась жесткая криминалистическая истина: в их цепи не существовало слепых совпадений и случайных звеньев. Я пока не стал выносить фотографию Коновалова на главную доску расследования, но в своем рабочем блокноте дважды обвел его фамилию толстым красным маркером, зафиксировав новый приоритетный вектор. Фигура чиновника, который своими руками распахнул перед высокофункциональным садистом двери в правительственные кабинеты, просто не могла быть рядовой. Человек, давший маньяку юридический карт-бланш на легализацию террора, наделивший его государственной властью решать, кого уничтожить, а кого превратить в изгоя — он не мог быть проходной пешкой. Такие решения не принимаются внезапно и стихийно. Я уверен, что это был продуманный, математически выверенный стратегический ход, который готовился не один год. И этот министр, очевидно, был одним из самых ценных, заботливо выращенных активов в теневой империи Дворкина.

Российская научная и правозащитная общественность тогда пыталась бить тревогу и предупреждать об угрозах, исходящих от принятого министром решения. Я нашел публичный ответ Коновалова на многочисленные предупреждения о недопустимости такого состава учрежденного Экспертного совета:

«Совет создан Минюстом в строгом соответствии с действующим законодательством. Пределы компетенции совета нормативно определены, снабжены адекватными механизмами контроля, и его компетенция не является такой уж широкой, а решения совета носят только рекомендательный характер».

Только рекомендательный характер. Формулировка, наверняка призванная усыпить бдительность и расслабиться. Но я открыл медицинские выписки Дворкина, которые уже фигурировали в моем расследовании, и вывел на экран заключение экспертов о его состоянии, чтобы напомнить самому себе в первую очередь, с кем я имею дело:

«Сколько-нибудь серьезная научная деятельность также не доступна исследуемому, однако не следует забывать о склонности... к "изобретательству" и "реформированию", которое может выглядеть научно обоснованным для неподготовленной аудитории».

Министерство юстиции огромной страны доверило судьбы миллионов верующих человеку, у которого на тот момент уже были задокументированы

психофизический инфантилизм, циклотимия и тяга к псевдонаучному «изобретательству» — по крайней мере, именно это уже было известно общественности. Возможно, картина выглядела бы иначе, если бы тогда всплыли свидетельства той самой Подружки из книги Виктора...

Но в экспертный совет Дворкин пришел не один — и это было важно.

Я поднял список состава и быстро понял: речь не о нейтральной комиссии, куда приглашают людей с разными позициями, чтобы они дискутировали об аргументах и фактах. Заместителем председателя значился Роман Силантьев — тот самый псевдоученый-географ с радикальной повесткой и привычкой объяснять любые беды России происками США. Его фамилия у меня уже была отмечена на доске. Рядом — Александр Щипков, Лев Семенов, Александр Кузьмин, Евгений Мухтаров, Андрей Васильченко. И по мере того, как я ознакомлялся с их биографиями, вырисовывалась одна и та же схема: у большинства — прямые связи с РАЦИРС и антикультовым контуром Дворкина, у всех — одинаково жесткая риторика и одинаковая страсть к клеймам вместо доказательств. После этого слово «экспертный» перестало звучать хоть сколько-нибудь уместно. Исходя из того, что мне удалось проанализировать, для меня это выглядело уже не как экспертный совет, а скорее как инквизиционная комиссия, собранная из идеологических адептов, которых Дворкин привел за собой в структуру, близкую к Минюсту, словно послушную стаю натасканных псов, — не для обсуждения, а для утверждения приговоров.

Мне пришлось проанализировать десятки статей, чтобы прийти к определенным выводам, связанным с работой экспертного совета под руководством Дворкина. Период 2008–2012 годов, начавшийся под лозунгами «медведевской оттепели», на практике стал временем резкого сужения пространства религиозных свобод. Если в начале 2000-х давление на религиозные меньшинства носило преимущественно локальный и бессистемный характер, то к 2008 году **сформировался** запрос государства на обеспечение «духовной безопасности». **Или его контролируемо сформировали?** По крайней мере, идеологическое обоснование репрессий предоставили Александр Дворкин и Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Именно их риторика уравнивала религиозные меньшинства с террористическими и экстремистскими организациями. В 2010 году, выступая перед студентами Института ФСБ, Дворкин прямо назвал «тоталитарные секты» угрозой национальной безопасности, сравнивая их лидеров с Гитлером и Лениным.

Эксперты отмечают, что использование ярлыка «сектант» стало психологическим триггером, отключающим общественную эмпатию к жертвам насилия и легитимирующим агрессию со стороны правоохранительных органов. Ключевым инструментом этого процесса стало Федеральное законодательство о противодействии экстремистской деятельности. После поправок 2006 года, исключивших обязательное наличие угрозы насилия для квалификации «экстремизма», закон начал массово применяться против мирных религиозных общин (Свидетели Иеговы, мусульманские группы, протестанты). По данным Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), который я сохранил себе в закладке ранее, именно в этот период Россия начала дрейф в сторону авторитарной модели контроля над вероисповеданием. Однако, исходя из моего расследования, я вижу, что этот «дрейф» начался гораздо раньше — в 1993 году, когда Александр Дворкин начал плести свою антикультовую транснациональную сеть.

Закономерно, что с 2009 года аналитические центры и юристы фиксируют особенно заметную системную закономерность: после лекций и публичных медиа выступлений Дворкина неизменно начинался всплеск количества случаев насилия против участников тех религиозных организаций, которых Дворкин особо усиленно очернял и демонизировал в своих выступлениях. Речь идет не о единичных инцидентах, а о регулярных случаях, о системном терроре: рядовые члены стигматизированных общин подвергались избиениям, травле и жестоким, изуверским убийствам. Массы приходили в движение, заряженные суггестивной риторикой человека, обладавшего мрачным даром вшивать ненависть прямо в чужое подсознание.

Глава 26

Эскалация репрессий

Наиболее показательным кейсом тотальных гонений стало преследование Свидетелей Иеговы в России, где государственная машина, фактически трансформированная манипулятивными технологиями Дворкина, развернула беспрецедентную кампанию уничтожения: тысячи верующих находятся в заточении, множество семей подверглись силовым вторжениям с конфискацией

имущества, официально зафиксировано как минимум 13 смертей последователей Свидетелей Иеговы, которые погибли либо в тюрьмах, либо находясь под следствием, в результате целенаправленных гонений.

И я невольно подумал о Викторе: среди этих погибших людей вполне могли оказаться его друзья, которым чудом удалось спастись и добраться до Америки. Неудивительно, что эта тема задела его так глубоко. Теперь я предельно ясно понимал мотивы, заставившие его взяться за это расследование и идти до конца. Когда начинаешь вчитываться в детали, все это выглядит почти непостижимо — особенно для человека, выросшего в американской системе, где свобода вероисповедания не идеальна, но все же воспринимается как базовая норма, а не как временная привилегия. В российских делах я видел пенсионеров, людей с подорванным здоровьем, тихих, законопослушных верующих, которых заталкивали в категорию «экстремистов» просто за то, что они собирались вместе, молились, читали религиозные тексты и говорили о своей вере.

На этом этапе работы с документами и фактами в очередной раз проявилась тяжелая, фундаментальная истина, скрытая в психологическом профиле моего субъекта. Сопоставляя этот масштабный государственный террор с историей самого Дворкина, я вновь убедился: передо мной не просто маньяк, сменивший тактику и ушедший в кабинеты. Он никогда не прекращал убивать. Он лишь делегировал исполнение и катастрофически масштабировал процесс.

Ключ, как и всегда в криминальной психологии, лежал в виктимологии. Кого именно карательная машина Дворкина уничтожает сейчас? Людей, чьи религиозные догматы строго-настрого запрещают им брать в руки оружие и отвечать насилием на насилие. Эта выборка мишеней — идеальная, масштабная проекция его самого первого преступления. Текущие жертвы его системы обладают абсолютно теми же характеристиками, что и его инициальная жертва. Тот самый маленький, слабее по силе, невинный ребенок, не способный дать сдачи. Серийный хищник всегда верен своему почерку. Ему не нужны равные противники или открытый бой. Его базовый инстинкт — реализация абсолютной, садистской власти над теми, кто заведомо не может сопротивляться. Разница заключается лишь в том, что десятилетия назад он душил одного беззащитного мальчика на стройке, а теперь, используя ресурсы целого государства, методично уничтожает десятки тысяч таких же беззащитных людей на глазах у всего мира.

И вот закономерный итог — тотальные гонения на членов «Свидетелей Иеговы». К чему на практике привел этот тридцатилетний идеологический террор? К системным пыткам в тюремных камерах, куда людей отправляют отбывать реальные уголовные сроки по статьям об «экстремизме». К сносу молитвенных зданий и массовому физическому насилию, которое стало будничной нормой для простых граждан, репрессируемых исключительно за чтение своей версии Библии.

И вот что меня по-настоящему поразило: когда Дворкина прямо попросили прокомментировать этот маховик репрессий против группы, которую он сам же и демонизировал десятилетиями, он демонстрирует реакцию, достойную учебников по криминальной психиатрии. Субъект виртуозно использует тактику формального отстранения, публично заявляя, что «не одобряет чрезмерного насилия». Это идеальное публичное алиби. Сначала он создает саму питательную среду для террора: читает лекции офицерам ФСБ, проводит закрытые инструктажи для силовых структур, целенаправленно инсталлирует в государственный аппарат деструктивные установки. А когда эти установки закономерно материализуются в сломанные судьбы и бессмысленные человеческие страдания, сеющие в обществе страх и ненависть, — он просто умывает руки.

Его абсолютно не трогает чужая боль. В его реакциях фиксируется глубокий дефицит аффективной эмпатии. Когда речь заходит о массовых облавах на верующих, его единственное публичное беспокойство сводится к циничному политическому прагматизму. В его формулировках словно сквозит: государству не стоило так резко нападать на рядовых последователей, потому что это дает им повод обвинять Россию в нацизме — ведь точно так же их преследовали в гитлеровской Германии. И подобный комментарий — важнейший поведенческий маркер. Субъекта, по сути, не волнуют ни пытки в СИЗО, ни разрушенные браки, ни дети, фактически оставшиеся сиротами при живых родителях, — все те последствия, к которым приводят сфабрикованные уголовные дела. Его волнует (или он хочет, чтобы все думали, что волнует) исключительно имиджевый ущерб и прямая ассоциация с Третьим рейхом. И этот страх абсолютно обоснован. Субъект прекрасно осознает, что в данном случае речь идет не о журналистской гиперболе и не о метафоре. Это сугубо буквальная параллель. Карательные методики преследования инакомыслящих, стигматизация и государственная машина по тотальному уничтожению «чужих» — все это практически дословно, по старым историческим чертежам, воспроизводится сегодня под его личным идеологическим руководством.

И, пожалуй, самое мрачное во всем этом заключалось в следующем: если смотреть на Дворкина не как на «эксперта», а как на оператора деструктивной среды, то его роль проступала особенно ясно. Он не обязательно должен был отдавать прямые команды или произносить слова, после которых кто-то тут же хватался за дубинку. Субъектов такого типа отличает высокий класс. Они работают тоньше. Они годами создают язык, в котором жертва перестает быть жертвой. Они приучают общество к мысли, что перед ним не живые люди, а «тоталитарная секта», «угроза», «зараза», «инфекция», от которой нужно избавляться. А дальше система уже делает все сама: силовики приходят с обысками, суды выносят сроки, тюрьмы добивают тех, кого государство успело обозначить как чужих.

И тогда становится ясно, что в конечном счете страшна не только сама репрессия. Страшна та многолетняя подготовительная работа, после которой репрессия начинает казаться обществу естественной. Дворкин знает, насколько эффективно манипулировать страхом. И знает это не понаслышке. Ведь если вспомнить его автобиографию — он сам через это прошел. Еще будучи ребенком, он постоянно чувствовал себя изгоем. Как Дворкин пишет в своей биографии:

«Они были русские, а я — еврей. Они были свои, а я — отчасти чужой. Позже я понял этот водораздел между "своим" и "чужим" происходит по пресловутой графе "национальность в паспорте". Я действительно стал считать, что чем-то отличаюсь от своего окружения. Таким образом еще с детства я привык воспринимать себя частью инородного меньшинства».

И что было понятно при анализе его биографии, что он был одним из самых малопопулярных детей в классе, все его детские и подростковые годы были наполнены стремлением доказать окружающим, что он чего-то стоит, что он крутой, авторитетный.

Возвращаясь к анализу периода 2008–2012 годов, который, судя по множеству фактов, зафиксировал резкий скачок во влиянии Дворкина, я перечитал еще несколько отчетов. Данные центра «СОБА» и отчеты USCIRF фиксируют прямую корреляцию между усилением «антисектантской» пропаганды и ростом физического насилия. Я зафиксировал данные в таблицу:

- **2008 год** — 58 актов вандализма на религиозные объекты (ключевые инциденты: 14 июля подожжен Зал Царства Свидетелей Иеговы и стрельба в Доме молитвы протестантов на Чукотке).

- **2009 год** — Масштабная кампания против Свидетелей Иеговы (ключевые инциденты: Владивосток, поджог протестантской церкви. Москва, убийство священника Даниила Сысоева (ноябрь). Начало «дела 16-ти» в Таганроге).
- **2010-2011 год** — 24–27 пострадавших от личного насилия. Рост нападения во время проповеди: угрозы топорами, ножевые ранения, избиения палками в Москве, СПб и Челябинске.
- **2012 год** — 94 акта идейного вандализма (ключевые инциденты: Уфа, избиение 9-летнего ребенка из семьи СИ школьниками. Татарстан, поджоги 7 церквей за год радикальными группами).

Выходит, что прямым следствием наделяния антикультистов экспертными полномочиями в 2009 году стал беспрецедентный рост числа поджогов, физических нападения и актов вандализма. Дегуманизация верующих через концепт «тоталитарной секты» сняла моральные и правовые барьеры, превратив мирных граждан в «законные цели» как для радикалов, так и для репрессивной машины государства.

Ведущие российские и международные исследователи подчеркивают деструктивную роль союза адептов сети «борцов с сектами» и государства.

- **Роман Лункин:** Оценивал деятельность Дворкина как провокацию конфликтов, указывая, что Совет Минюста «оскорбляет неправославных, создавая почву для социальной напряженности».
- **Марат Штерин:** В своих исследованиях для Кембриджского университета отмечал, что антикультовое движение в России успешно эксплуатировало постсоветские страхи перед «чужаками», что привело к подмене реальных угроз безопасности воображаемыми угрозами от «тоталитарных сект».
- **Михаил Ситников:** Характеризовал ситуацию как «идеологический террор», где научная экспертиза была подменена идеологическим обвинением.

На этот беспрецедентный регуляторный захват отреагировали и у нас, в Штатах. Я зашел на архивный портал Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), который уже неоднократно попадался мне в ходе расследования. В июле 2009 года, накануне официального визита президента Барака Обамы в Москву, эта Комиссия выпустила открытое письмо. Текст был предельно жестким. Удивительно, но американские аналитики прямо заявляли: во

главе совета стоит Александр Дворкин, и под его руководством, с применением размытого определения антиэкстремистского законодательства, этот орган несет «крупную угрозу свободе вероисповедания» и сопровождается преследованием различных групп.

В докладе USCIRF за 2009-2010 годы — период, охватывающий первый год работы экспертного совета, под руководством Дворкина при Минюсте, сообщается что результаты этой «экспертной» деятельности проявились на улицах незамедлительно. В отчете констатируется, что в России:

«...резко возросло число случаев проявления ксенофобии и нетерпимости, в том числе антисемитизма, что привело к многочисленным нападениям на почве ненависти, в некоторых случаях заканчивающимся летальным исходом. Несмотря на усиленное уголовное преследование за насильственные преступления на почве ненависти, российское руководство хронически оказывалось не в состоянии последовательно и эффективно решать эти серьезные проблемы».

С 2009 года USCIRF включил Россию в «Watch List» (список стран под наблюдением).

А согласно отчету этой же комиссии за 2011 год:

«Также наблюдается рост нарушений свободы вероисповедания со стороны государственных должностных лиц, особенно в отношении якобы "нетрадиционных" религиозных групп и мусульман, обусловленных интерпретацией и применением правительством различных российских законов, включая законы о религиозных организациях, некоммерческих организациях и противодействии экстремизму».

«Несмотря на положения Конституции Российской Федерации, установившие светское государство с равным правовым статусом для всех религий, и на заявление закона 1997 года о религии, согласно которому все религии равны перед законом, преамбула этого закона утверждает, что только четыре религии — Русская православная церковь, ислам, иудаизм и буддизм — имеют "традиционный" статус в стране. На основании этого должностные лица и сотрудники правоохранительных органов России в течение отчетного периода продолжали преследовать, дискриминировать и делать негативные замечания в отношении протестантских и других религиозных общин, таких как кришнаиты и Свидетели Иеговы, подчеркивая их чужеродный характер и

иностранное финансирование и даже намекая на шпионаж. Такие заявления способствуют созданию климата нетерпимости, который привел к актам дискриминации, вандализма и насильственных преступлений на почве ненависти в отношении членов религиозных и других меньшинств».

В 2012 году Венецианская комиссия Совета Европы выразила серьезную озабоченность размытостью определений в российском антиэкстремистском законодательстве, подчеркивая, что оно нарушает Европейскую конвенцию о правах человека.

Когда государственная структура легализует риторику ненависти, общество считает это как призыв к действию. Экспертизы Дворкина и его ручных «деструктологов» стали спусковым крючком для физического насилия со смертельными исходами.

Параллельно с этим Минюст начал закручивать гайки. Согласно данным, они расширили надзор за незарегистрированными религиозными группами — теми, кто даже не пытался пройти через «экспертный» совет Дворкина. В ход пошли ограничения на миссионерство, тотальный учет членов общин. Ведомство получило право вмешиваться во внутренние дела некоммерческих организаций, инициируя суды об их ликвидации. Также выяснилось, что в 2016 году это вылилось в принятие «Закона Яровой» — пакета поправок, который наши американские обозреватели охарактеризовали как прямое возвращение к карательным практикам КГБ, криминализировавшего любую проповедь вне специально отведенных мест.

Но главным политическим триумфом для антикультовой сети стал 2020 год. Я скопировал в поисковик официальное название документа: «Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344». Полное наименование — «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

Чтобы понять, как именно этот указ используется на практике, я нашел видеозапись лекции вице-президента РАЦИРС, протоиерея Александра Новопашина, того самого заместителя Дворкина и его «правой руки». Я включил машинную расшифровку с автопереводом на английский и начал вчитываться в текст, который он озвучивал перед аудиторией. Его слова звучали словно не скрываемая декларация того, как антикультовая сеть использует президентские указы в качестве тарана.

«В 2020 году вышел указ президента Российской Федерации об утверждении новой редакции стратегии противодействия экстремизму до 2025 года. Это вообще уникальный в своем роде документ, и я думаю, каждый из нас должен взять его на вооружение...» — вещал Новопашин.

Далее он раскрывает суть их метода: неприятие традиционных ценностей теперь законодательно приравнено к экстремизму.

*«В стратегии совершенно четко указано, что традиционные российские духовно-нравственные ценности, носителями которых является Русская православная церковь, существуют уже более тысячи лет... Внесение в новый документ пунктов о защите и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей **значительно усиливает проводимую государством антиэкстремистскую работу**».*

Новопашин не скрывает своих целей и методов. Он открыто говорит о проникновении в государственные структуры:

*«Мы работаем с силовыми, военными ведомствами, образовательными, пенитенциарными учреждениями и учреждениями культуры и спорта... Теперь, в рамках новой стратегии, мы будем действовать более открыто, не опасаясь притеснения со стороны, которое, нужно признать, происходит во властных структурах. Есть люди, на которых наша деятельность вызывает раздражение и неприятие. **Теперь такое отношение к нам и нашей деятельности будет воспринято как сопротивление**».*

Я перечитал последний абзац дважды. Практически прямая угроза. Вице-президент РАЦИРС прямым текстом заявляет: любой представитель власти или гражданского общества, который попытается им противостоять или выразит несогласие с их методами, будет сам обвинен в сопротивлении государственной антиэкстремистской стратегии. По сути, антикультовая группировка Александра Дворкина выстроила систему абсолютного иммунитета, прикрывшись президентским указом.

Их проникновение в систему профилактики преступлений достигло низового уровня. Новопашин с гордостью рапортует:

«Теперь стратегия противодействия экстремизму Российской Федерации предписывает создавать на местах специальные межведомственные комиссии по профилактике экстремизма... У нас в Новосибирске создана такая комиссия,

в которую я вхожу. Теперь я могу приходить в школы и вузы уже не только как руководитель миссионерского отдела Новосибирской епархии, но и как член городской комиссии по профилактике экстремизма...».

Человек, принадлежащий к сети с ярко выраженным деструктивным почерком — от разжигания социальной агрессии до возрождения практик, пугающе напоминающих нацистские, — получает официальный государственный мандат. Сложно представить, что структура, возглавляемая лидером с психологическим профилем серийного убийцы, обретает легальный доступ в школы и вузы. Новопашин получает прямой, легальный доступ к детям и подросткам под видом профилактики экстремизма. Учитывая ту информацию, которую я проанализировал ранее, о технологиях кодирования сознания, его любовь к популяризированию трагедии в школе Колумбайн, последствия такого беспрепятственного доступа к неокрепшей психике молодежи трудно переоценить.

А чтобы лишить жертв последней возможности юридической защиты, они продавили легализацию своего главного клейма. В той же лекции Новопашин заявляет:

«Не все знают, что 26 июня 2019 года президиум Верховного суда Российской Федерации утвердил обзор судебной практики... В кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в этом обзоре применили термин "секты". Теперь нижестоящие суды вполне могут ссылаться на это указание Верховного суда при принятии собственных решений».

Я остановил воспроизведение и несколько секунд просто смотрел в экран. Термин, который Александр Дворкин годами вводил в оборот как инструмент стигматизации, дегуманизации и моральной изоляции своих жертв, перестал быть просто медиадубинкой и «клеймом». Теперь он был вшит в язык судебной практики. Клеймо стало нормой, а норма — оружием. Дальше членам антикультовой сети уже не нужно было каждый раз заново доказывать опасность своих жертв: достаточно было сказать «секта», и государственная машина сама достраивала все остальное — подозрение, отчуждение, административное давление, а затем и репрессию. Именно так идеологическая манипуляция окончательно превратилась в юридический механизм.

Я зашел на сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и увидел финальный результат этой двадцатипятилетней операции по захвату государства. Открыв доклад Специального докладчика по вопросу о положении в

области прав человека в Российской Федерации Марианы Кацаровой, датированный сентябрем-октябрем 2024 года, я выделил абзац, подводящий итог:

«В настоящее время имеет место организованная, санкционированная государством система нарушений прав человека, закреплённая в новом или пересмотренном законодательстве, которая используется для подавления гражданского общества, инакомыслия и политической оппозиции. В стране царит атмосфера абсолютной безнаказанности, при этом отсутствуют независимые институты, призванные обеспечивать верховенство закона и доступ к правосудию».

Схема была идеальной. Из всех данных, которые мне удалось проанализировать за это время, я пришел к выводу, что Дворкин и его антикультовая сеть осуществили полный регуляторный захват. Эта сеть превратила свои псевдонаучные параноидальные концепции в федеральные законы, фактически подменив Конституцию сфабрикованными экспертизами. И этот механизм, обкатанный и доведенный до совершенства в России, был готов к экспорту в любые другие демократические государства, где найдутся уязвимые точки и подходящие исполнители.

Я задумался над тем, что такая отлаженная машина репрессий не могла ограничиваться исключительно внутренним контуром. Хищник, захвативший одну территорию, неизбежно начинает смотреть за ее пределы. Изучая логику этого механизма, я задался вопросом: как именно Дворкин воспринимал геополитический контекст и какую роль в его планах играла международная изоляция России?

В ходе поиска мне попалась статья на ресурсе «Bitter Winter», посвященная репрессиям против религиозных меньшинств. В ней приводились прямые высказывания Дворкина, которые блестяще иллюстрировали его тактику использования политических кризисов в своих целях. Я выделил на экране следующий текст:

«Благодаря усилиям Дворкина и российского антикультового движения российское законодательство было изменено, и в 1997 году был принят новый закон о свободе совести и религиозных организациях. Закон стал результатом сложных компромиссов и соглашений, но все же в определенной степени позволил ограничить деятельность сект. Реальный прогресс в отношении российского

государства к сектам начался где-то после 2015 года и более или менее совпал с ухудшением отношений России со странами Запада».

Далее в статье цитировалась его оценка этой ситуации:

«Начались судебные разбирательства, которые уже нельзя было отложить или остановить политической волей (как это было в годы Ельцина), поскольку отношения с западными партнерами и без того были плохими и ухудшались в любом случае».

Мне это напоминало оппортунистический захват. Ухудшение отношений между государствами, грозящее миру катастрофой, для Дворкина оказалось «позитивным эффектом». Изоляция страны лишила его жертв международной защиты. Ему больше не нужно было оглядываться на западных партнеров или правозащитные институты. Правовой вакуум стал для него идеальной средой обитания. В той же статье он с явным разочарованием отмечает, что

«мормоны, кришнаиты, саентологи, Фалуньгун, неопятидесятники, виссарионовцы, многие культы "Нью Эйдж", свидетели Иеговы, [даже] недавно запрещенные в России, и т. д. выжили и все еще на плаву и заметны».

Но тут же с гордостью добавляет:

*«В то время как многие западные страны, которые когда-то были примером в борьбе с культами... постепенно пересматривают свои позиции под давлением США, **Россия, напротив, усиливает свою антикультовую борьбу**».*

С какой гордостью он это подчеркивает! Результат этого «усиления» я нашел в докладе Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) уже за 2020 год, составленном аналитиком Джейсоном Муртоном. Я открыл PDF-файл и перешел к разделу, касающемуся запрета конкретных организаций. Вот он, тот самый момент, с которого Виктор начал свою книгу. Я вчитался в строки:

«20 апреля 2017 года Свидетели Иеговы стали первой религией, полностью запрещенной на всей территории России на основании обвинения в том, что эта церковь является "экстремистской организацией"... С тех пор сотни Свидетелей Иеговы подверглись обыскам, расследованиям, тюремному заключению и даже пыткам. В заявлении для прессы, опубликованном на следующий день после запрета, Дворкин и антикультовое движение приветствовали это решение как

"значительный шаг на пути защиты прав всех граждан России и бывшего Советского Союза"».

Сотни людей подвергаются обыскам, многие сидят в тюрьмах и проходят через пытки. А субъект, спровоцировавший это, публикует пресс-релизы, называя это «защитой общества от угроз».

Я изучил публикацию информационно-аналитического центра «Сова» от декабря 2016 года, чтобы понять, как именно государственная машина легализует подобные решения. В ней описывался процесс подготовки новых антисектантских законов, о которых я уже читал ранее. Что мне удалось выяснить: Сенатор Елена Мизулина собирает в Совете Федерации круглый стол, предлагая ввести в законодательство понятие «деструктивная секта».

Проанализировав список участников этого заседания, стало понятно, что на круглый стол не был приглашен ни один из ведущих российских религиоведов. Научное сообщество было полностью отсечено от процесса. Зато, конечно же, там присутствовал Александр Дворкин. Судя по фото, сделанному в день события, он сидел прямо по левую руку от Елены Мизулиной.

Также в статье зафиксировано:

«Дворкин вдохновенно перечислял, кого бы он включил в разряд "деструктивных", кроме религиозных организаций: это и целители, и создатели "пирамид", и организаторы всевозможных психотренингов, а также лекций по развитию лидерских качеств».

Но ключевой фигурой на этом заседании оказался другой человек. Я выделил следующий абзац, фиксирующий выступление представителя спецслужб Николая Рыжака:

*«Идею с готовностью поддержал **эксперт спецслужб Николай Рыжак**, вспомнивший советские времена: "У нас в системе госбезопасности были управления по делам религиозных объединений, которые осуществляли контроль за работой сект. Их "ячейки" — готовые "ячейки" для подрывной работы в интересах других государств. Чуть-чуть измени направление, поменяй лидера — и у тебя готовое подполье, с помощью которого можно подрывать устои любого здорового общества!" — сказал он на круглом столе».*

Для меня этот фрагмент раскрывает всю суть симбиоза между Дворкиным и силовиками. Представитель ФСБ открыто ностальгирует по методам КГБ, по

управлениям, которые осуществляли тотальный контроль за верующими. Спецслужбам нужен был инструмент для возвращения полноты репрессивной власти, а Дворкин предоставил им для этого идеологическое обоснование и готовую терминологию.

Установив абсолютный контроль внутри страны, эта структура начала активную экспансию на международный уровень. Я вернулся к докладу USCIRF 2020 года и перешел к разделу, описывающему внешние связи антикультового движения:

«Влияние Дворкина также вышло за пределы постсоветской орбиты. В 2009 году, в том же году, когда он был назначен главой Экспертного совета России, он также стал вице-президентом Европейской федерации центров исследований и информации о сектантстве (FECRIS) — французской антикультовой организации с общеевропейским влиянием. Правительство Франции предоставляет бóльшую часть финансирования FECRIS, и эта группа регулярно распространяет негативную пропаганду о религиозных меньшинствах, в том числе на международных форумах, таких как ежегодная конференция Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по человеческому измерению. Центр Иринея Лионского (SILIC) Дворкина является основным партнером FECRIS в России и получает значительную финансовую поддержку как от РПЦ, так и от российского правительства».

Это и есть то самое незаменимое звено в транснациональной сети Дворкина — французская антикультовая организация, существующая на государственные субсидии. По факту, французские налогоплательщики годами спонсировали структуру, состоящую из людей с девиантным поведением, чьим вице-президентом был выходец из России с психологическим профилем серийного убийцы.

Однако в любой преступной группировке лояльность заканчивается там, где начинается угроза собственному существованию. Согласно различным источникам, в которых разбиралась деятельность FECRIS и роль Дворкина в связи с этой организацией, выяснилось, что FECRIS — это группа организаций, борющихся с куклами, имеющая около 18 представительств, в основном в 30 европейских странах. Штаб-квартира и оперативный центр FECRIS расположены в Париже, 90 % финансирования организации поступает из французского национального бюджета. Она имеет статус участника Совета Европы и консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС). Согласно своему уставу,

FECRIS заявляет о своей политической, философской и религиозной нейтральности. Однако организация неоднократно была уличена в предосудительном поведении и действиях, которые посягали на честь и достоинство граждан, что приводило к судебным разбирательствам.

Также я нашел машинную расшифровку одной из лекций Дворкина, где он сам с гордостью рассказывает о своих международных связях. Я выделил в тексте его слова:

«А вы помните, что была первая большая конференция в Нижнем Новгороде в 2001 году? Тогда во Франции был создан Mills — это межминистерская комиссия по борьбе против сект, главой которой был чиновник, бывший министр иностранных дел Франции Аллен Вивьен, очень влиятельный чиновник, который у нас выступал и всячески нас поддерживал. Потом решили, что название не слишком политкорректное, и Mills переименовали в межминистерскую миссию по борьбе против сектантских злоупотреблений MIVILUDES. Но по сути это осталась достаточно мощная организация с сильным аппаратом, которая не подчинялась ни одному министру, а непосредственно отчитывалась перед премьер-министром и имела право привлекать специалистов из других министерств».

В той же лекции он проговаривается о еще одной структуре своего влияния:

«Фактически, если кто не знает, была межправославная сеть по противодействию сектам — такое административное руководство, которое взяла на себя Кипрская православная церковь и владыка Христофор с Кипра, который был профессиональным епископом, он занимался этим, и у нас были ежегодные конференции в разных странах, которые были в каком-то смысле мини-вселенскими соборами...»

Для меня картина глобальной инфраструктуры антикультовой сети кажется теперь довольно полной. Соратники Дворкина интегрировали свои методы дегуманизации и стигматизации в международные правовые и религиозные институты и выстроили многоуровневую систему: от административных комиссий во Франции до межправославных сетей на Кипре. Помимо уже, затронутых мною в этом расследовании американских, чешских и итальянских ячеек, сколько еще таких центров Дворкина было по миру? Концовка вице-президентства Дворкина в FECRIS оказалась весьма показательной. Я вчитался в абзац статьи:

«Наше внимание привлекла деятельность Европейской федерации центров исследований и информации о сектантстве (FECRIS...) в контексте признания (или брендинга) Свидетелей Иеговы экстремистской организацией в России, причем новый виток происходит в контексте продолжающейся войны между Россией и Украиной. В России FECRIS представлен Центром религиоведческих исследований (CRS) — зонтичной организацией, объединяющей российские филиалы FECRIS. Одним из вице-президентов FECRIS был Александр Дворкин, антикультовый активист. Однако 8 марта 2022 года членские организации проголосовали за его исключение из CRS. В июле 2023 года на сайте FECRIS (...) не было никаких упоминаний о российских антикультовых организациях и лично об Александре Дворкине».

После этого я тут же перешел на официальный сайт FECRIS. Вбил в строку поиска фамилию «Dvorkin». Ноль результатов. Проверил архивы руководящего состава. Пусто.

Европейские антикультисты годами спонсировали эту деятельность, предоставляли трибуны, обменивались методологией и закрывали глаза на то, как их вице-президент конструирует в России тоталитарный карательный аппарат. Но как только геополитическая обстановка стала токсичной и запахло реальными международными трибуналами, они просто стерли его имя со своих серверов.

Они надеются, что удаление упоминаний с веб-сайта уничтожит их цифровой и исторический след. Но в моей практике такие поспешные зачистки всегда свидетельствуют об одном: соучастники прекрасно осознают преступный характер своих действий. Они пытаются сбежать с тонущего корабля, забывая, что сеть, которую они построили совместно на протяжении десятилетий, никуда не исчезла. И задокументированные факты уже сохранены на моем компьютере, а многое из распечатанного лежит на моем столе.

Я смотрел на структуру этих организаций и видел предельно четкую симметрию. Если РАЦИРС был его внутренним инструментом, с помощью которого он, по его собственным словам, открыл представительства в каждой епархии и опутал всю Россию, то FECRIS стал для Дворкина окном в Европу. И шире — во весь остальной мир.

Стоило мне пойти по цепочке контактов этой французской федерации, как на мониторе начали всплывать уже до боли знакомые физиономии. Стивен Хассан. Рик Алан Росс. Луиджи Корвалья. Александра Альварова. Томас Гандоу. Десятки

лиц, разбросанных по разным странам и континентам. По каждому из этих персонажей можно было бы заводить отдельный том уголовного дела и открывать самостоятельную ветку расследования.

Изучая историю этих зарубежных антикультовых сообществ, я наткнулся на деталь, которая многое объясняла. До появления Дворкина на международной арене многие из этих групп существовали разрозненно. Более того, тот же Диалог-центр Огорда и французский FECRIS зачастую откровенно оппонировали друг другу, конкурируя за влияние. Но затем появляется Дворкин. Свободно владея английским языком и, что гораздо важнее, владея языком манипуляций, он провернул уникальную вербовочную операцию. Он консолидировал сообщества борцов с культами, которые ранее, по сути, конкурировали.

Его параллельное вице-президентство сразу в нескольких европейских структурах не было случайностью или проявлением тщеславия — это был холодный прагматичный расчет. Он слил их в единый синдикат. Его индивидуальный подход заключался в предельно циничном использовании людей и организаций. Для него каждый контакт, каждое взаимодействие были лишь ресурсом, подчиненным одной конечной цели, истинный масштаб которой был известен только ему самому.

База данных о его перемещениях показывала, что он регулярно курсировал по антисектантским конференциям в разных странах. Там он не просто читал доклады — он мало того, что распространял свою идеологию как вирус, но и похоже проводил кастинг в свою сеть. Он искал и находил верных исполнителей своих деструктивных целей. Через таких людей, как Гандоу в Германии, Корвалья в Италии, Штайн в Великобритании и Хассан в США, его специфическая, пропитанная ненавистью риторика начала проникать в европейские медиа. Она стала появляться на полосах европейских газет и звучать в прайм-тайм на телевидении.

Результаты этой информационной диверсии фиксировались в официальных сводках. Именно стараниями Дворкина и его агентов в Германии, Франции и ряде других стран начали ужесточаться меры против так называемых «сект». Используя тонкую психологическую игру и нагнетая социальную панику, он фактически вынуждал демократические государства запускать репрессии против собственных граждан.

Анализируя медийный след, я видел, что Дворкин также сформировал устойчивую модель манипуляции журналистским сообществом. Цель этого вмешательства никогда не была нейтральной. Через жесткий контроль информационных потоков и вброс нужных нарративов он методично работал над подавлением прав и свобод человека, стимулируя возникновение атмосферы ненависти и хаоса в десятках стран. И, судя по документам, география его амбиций не ограничивалась так называемым «Западом». Просматривая публикации о его зарубежных визитах и выступлениях, я обнаружил, что свои манипулятивные концепции и нарративы ему удалось успешно протолкнуть даже в Китай. Система, зародившаяся из садистских наклонностей одного человека, теперь функционировала как глобальный механизм экспорта нетерпимости. И признаюсь, что хоть я немного и удивился, обнаружив этот факт, но очень быстро осознал, что это закономерно: хищник, захвативший одну территорию и получивший международный статус, неизбежно начинает искать новые охотничьи угодья для охоты на новых жертв.

Глава 27

Китайский полигон

Я должен был понять, как именно этот экспорт идеологии сработал на практике в совершенно иной культурной и политической среде. Если Дворкин смог протолкнуть свои нарративы в Китай, страну с жесточайшей цензурой и закрытой системой, значит, он предложил им нечто такое, от чего их партийный аппарат просто не смог отказаться.

Я запустил поиск по цифровым архивам, сузив фильтры до начала двухтысячных годов, и принялся отслеживать контакты российской антикультовой сети с Пекином. Первая зацепка всплыла быстро. 2001 год, Нижний Новгород. Международная конференция по борьбе с культами, организованная Александром Дворкиным и местной епархией. В списке приглашенных гостей и спикеров значился Чжан Байчунь — китайский «специалист по сектам».

Для обывателя это просто строчка в протоколе скучного симпозиума. Для меня — точка оперативного контакта. Что на самом деле означало проведение такой конференции? Это была ширма. Основная работа всегда происходит в

кулуарах: там обмениваются методическими материалами, контактами, схемами подавления. О чем они говорили за закрытыми дверями? Какие инструкции Дворкин передавал своему китайскому коллеге? Детали этих бесед навсегда останутся вне протоколов, но криминалистика учит смотреть не на слова, а на последующие действия. И хронология этих действий выстраивалась в пугающую прямую линию.

Я открыл исторические справки по движению Фалунь Дафа (Фалуньгун). В начале 90-х это была просто популярная практика цигун. Десятки миллионов последователей. Но у них был один критический изъян в глазах тоталитарной системы: они были независимы от партийного контроля. К 1999 году китайское правительство принимает резолюцию о запрете «еретических культов». Я выделил этот термин. Подобно тому, как Дворкин ввел в обиход и практически узаконил в России понятие «тоталитарная секта», китайские власти интегрировали в свой репрессивный аппарат термины «культ» и «злой культ». Эта лингвистическая закладка работает безотказно: она стирает индивидуальность, превращая миллионы людей в безликую, пугающую массу, подлежащую изоляции и уничтожению. Это классический первый этап любой кампании по геноциду. Но кто подсказал китайскому правительству подобный метод справиться с неудобной группой?

В ходе поиска и анализа различных статей и докладов, я наткнулся на упоминание структуры, которая была создана по приказу высшего руководства Китая, специально для искоренения последователей Фалуньгун. Это специальное ведомство называли «Офис 610». Я вчитался в полномочия этого агентства. Они не были связаны никакими законами. У них был абсолютный карт-бланш на применение любых методов принуждения для того, чтобы заставить последователей отказаться от своих убеждений. Китайские правозащитники и юристы в своих отчетах прямо сравнивали функции «Управления 610» с гитлеровским гестапо. Список жертв этого азиатского гестапо казался бесконечным. Задokumentировано и признано более 3500 смертей последователей Фалуньгун в результате репрессий, а официально зарегистрированное число заключенных превышает 100 000 человек.

Но если вернуться к Дворкину и его поездкам в Китай, у меня возник вопрос: для чего же им понадобился опыт российских антикультистов? Ответ скрывался в тайминге. Источники фиксируют, что именно с начала 2000-х годов, синхронно с визитом китайского эmissара на конференцию Дворкина, в Китае начинается

резкий всплеск насилия против Фалуньгун. Машина репрессий перешла на третью стадию — от информационного шельмования к физическому истреблению. И ровно в это же время международные наблюдатели фиксируют в Китае необъяснимый, аномальный всплеск доступности человеческих органов для трансплантации.

Я открыл новостные видеоматериалы и стенограммы независимых расследований. Сухие свидетельства экспертов били наотмашь.

Дэвид Матас: *«Существует 41 500 трансплантаций, причина которых не может быть объяснена иными причинами».*

Эдвард Макмиллан-Скотт: *«Я абсолютно убежден, что на протяжении длительного периода, начиная с 1999 года, имело место изъятие органов у заключенных, особенно в рамках движения Фалуньгун».*

Леви Броуд: *«И когда в страну приезжает человек, которому нужно сердце, печень, почка, они находят подходящего донора, забирают последователя Фалуньгун, извлекают его органы, разумеется, убивая его в процессе».*

В 2017 году организация Freedom House опубликовала специальный доклад под названием «Борьба за душу Китая», в котором говорится:

«Freedom House провела анализ имеющихся доказательств, собранных другими исследователями (включая телефонные звонки китайским врачам), провела интервью с бывшими узниками совести из числа последователей Фалуньгун, которые предоставили подробные сведения о проведении анализов крови в местах заключения, встретила с тайваньским врачом, пациенты которого выезжали в Китай для трансплантации органов, и побеседовала с другом сотрудника военного госпиталя, располагавшего информацией из первых рук об извлечении органов у задержанного последователя Фалуньгун еще в 2011 году. Проведенный выше анализ выявил достоверные доказательства, свидетельствующие о том, что начиная с начала 2000-х годов задержанные последователи Фалуньгун в массовом масштабе убивались в целях извлечения их органов».

Мой взгляд замер на этих строках. Это же просто промышленное производство смерти. Бесперебойная жатва. Однако для ее продолжения исполнителям нужна была железобетонная идеологическая анестезия. Им нужно было верить, что на операционном столе лежит не человек.

Похоже, что именно эту услугу — технологию абсолютного расчеловечивания — и предоставляла антикультовая сеть Дворкина. Я нашел документ, датированный **30 января 2008 года**. Это был доклад самого Дворкина под названием «Разрушительный культ Фалуньгун: искусство политической манипуляции». В том же 2008 году, прямо перед своим триумфальным назначением в Минюст РФ, субъект лично летит в Китай по приглашению их ассоциации по исследованию культов. Он выступает в китайских СМИ. Я скопировал его цитату из доклада:

«Таким образом, Фалуньгун — это жесткая тоталитарная секта или деструктивный культ, членов которого его лидер использует в своей вендетте против китайского правительства, в то время как сам он используется американскими разведывательными агентствами для достижения своих внешнеполитических целей».

Я перечитал этот абзац, оценивая уровень цинизма. Атеистический, коммунистический Китай, где само православное христианство жестко контролируется и часто рассматривается сквозь призму сектантства, с распростертыми объятиями принимает у себя православного «исследователя». Почему? Потому что он привез им то, что они искали. Он привез им алиби. Связав религиозную группу с «американскими разведывательными агентствами», Дворкин выдал китайскому правительству идеальное оправдание для любых зверств. Он перевел их жертв из статуса верующих в статус политических террористов и шпионов.

Чтобы осознать, к чему приводит такая риторика на практике, я открыл опубликованный Всемирной организацией по расследованию преследований отчет. В нем содержалось интервью с вооруженным полицейским, ставшим свидетелем убийства последовательницы Фалунь Дафа в операционной психиатрической больницы провинции Ляонин. Я читал текст, и перед глазами с пугающей четкостью вставала картина, напоминающая мне о годах работы в бюро:

«Мы допрашивали и жестоко пытали ее около недели. У нее уже было бесчисленное количество ран на теле. Кроме того, мы избивали ее электрошокерами. Она уже впала в бредовое состояние. <...> Однако в то время мы не знали, возможно, это было какое-то подразделение в Управлении общественной безопасности провинции Ляонин [во всяком случае, это было очень секретное подразделение], которое прислало двух человек. Один из них был

военным хирургом из Главного госпиталя Шэньянского военного округа Народно-освободительной армии Китая, а другой — выпускником Второго военно-медицинского университета. В частности, один из них был относительно пожилым, а другой — молодым. Они что-то делали с ней в операционной психиатрической больницы, куда ее отправили. Анестезия не применялась. Они разрезали ей грудь ножом, не пожимая рук. Если бы это был я, я бы дрожал. Хотя я вооруженный полицейский, я держал оружие, участвовал в учениях с боевыми патронами и видел много трупов, но, когда Я видел этих военных хирургов, и меня это действительно впечатлило. Их руки совсем не дрожали; они надели хирургические маски и сразу же начали резать. В то время мы [вооруженные полицейские] стояли на страже, у каждого в руке был пистолет. Раздавался звук, будто что-то разрывают на части, а затем она продолжила: "Ах". С тех пор у нее всегда был широко открыт рот и глаза. Сначала ей вырезали сердце, затем почки. Когда ножницами перерезали сердечные сосуды, она начала дергаться. Это было ужасно...».

Я закрыл файл с этим жестоким свидетельством. Глубокий, тяжелый вдох не принес облегчения. Задokumentированное хирургическое убийство без анестезии. И это не дело рук слетевшего с катушек маньяка-одиночки в грязном подвале. Это государственная система. Врачи, офицеры безопасности, чиновники — все они стали шестеренками механизма, запущенного и смазанного антикультовой пропагандой серийного убийцы.

Более того, в период, когда мир уже гудел от обвинений Китая в насильственном изъятии органов, в Харбин на конференцию по борьбе с Фалуныгун, исходя из отсканированного пригласительного документа, приглашен протоиерей Александр Новопашин — правая рука Дворкина.

Анализируя эту взаимосвязь, я пришел к однозначному выводу. Китайскому аппарату, создавшему «Офис 610», не нужно было изобретать новые методики подавления. Возможно, под воздействием манипуляций со стороны антикультовой сети под руководством Дворкина, а возможно осознанно, но они взяли за основу опыт, обкатанный антикультистами, и масштабировали его до уровня государственного террора. Дворкин и его международные партнеры из FECRIS обеспечили китайскую машину смерти самым важным компонентом — инструментом дегуманизации. Когда жертву официально, на международном уровне называют «злым культом» и «раковой опухолью», у палача со скальпелем не дрогнет рука.

То, что происходило в Китае с последователями Фалуньгун, — это не просто локальная трагедия. Это демонстрационная модель. Финальная стадия того, к чему стремится антикультовое движение в любой стране, куда оно проникает. И этот механизм, построенный на лекалах Третьего рейха, прямо сейчас продолжает функционировать, скрываясь за масками «экспертных советов» и «заботы о духовной безопасности».

И самое страшное — это происходит прямо сейчас. Я открыл сводку информационного ресурса Фалуньгун: заголовки пугающе напоминали отчеты о репрессиях против Свидетелей Иеговы в России. Тот же почерк, та же методология — словно смертельный отпечаток чудовищной лапы антикультистской сети, занесенный над мирными гражданами Китая:

27.12.2024: 60-летняя жительница провинции Хунань была арестована за практику Фалуньгун и скончалась 19 дней спустя.

24.10.2024: 60-летнего практикующего Фалуньгун замучили до смерти на пятый день тюремного заключения.

08.06.2025: 59-летняя жительница города Цзиси скончалась под стражей спустя несколько недель после ареста за исповедание Фалуньгун.

Житель города Шэньян провинции Ляонин скончался в городской тюрьме Цзиньчжоу 4 июля 2025 года, отбывая семи с половиной летний срок за свою веру в Фалуньгун.

07.11.2025: 68-летний житель провинции Гуандун скончался во время содержания в психиатрической больнице за свою веру.

И этот список казался бесконечным. Я перешел на вкладку «Пытки» на одном из правозащитных сайтов. Глаза механически сканировали сухую статистику: из более чем 4000 подтвержденных смертей подавляющее большинство было вызвано именно истязаниями. В докладе Специального докладчика ООН по вопросам пыток за 2006 год говорится, что две трети случаев пыток, зарегистрированных в Китае, касались последователей Фалуньгун.

Дальше был приведен подробный список методов, составленный на основе свидетельств очевидцев и выживших. Я читал оригинальный текст, фиксируя каждую деталь:

Прокалывание: Чувствительные части тела, такие как женская грудь, часто прокалываются острой проволокой. Кончики пальцев прокалываются булавками и

бамбуковыми гвоздями, которые также забиваются под ногти. Во многих случаях палачи вырывают ногти практикующих с корнем. О распространенности этого метода пыток и его применении в отношении практикующих Фалуньгун упоминалось в голливудском фильме «Сирия» с участием Джорджа Клуни.

Сжигание, опаливание горячим железом: Сотни практикующих сообщили о том, что их жгли сигаретами, зажигалками, огнем, кипящей водой, утюгами или раскаленными железными прутьями.

Электрошокеры высокого напряжения: Охранники воздействовали электрошокерами на лицо г-жи Гао Жунжун более 7 часов. Г-жа Гао была заключена в строго охраняемое отделение больницы на протяжении почти пяти месяцев. Она умерла в результате последующих пыток 16 июня 2005 года. Ей было 37 лет.

К этим текстам прилагались фотографии. Я открыл файлы. На одном из снимков трое мужчин в темной униформе заламывали голову избитому человеку, насильно проталкивая ему в ноздрю толстую желтую трубку. Из рта жертвы на полиэтиленовую пленку вытекала густая кровь вперемешку с содержимым желудка. На другом фото — лицо женщины, подписанной как Гао Жунжун. Кожа сплошь покрыта черными, сочащимися сукровицей корками и глубокими ожогами от многочасовых ударов высоковольтными дубинками. Следом шли кадры изувеченных конечностей: почерневшие, омертвевшие от некроза пальцы ног и мужское бедро с колоссальной, зияющей раной, обнажающей желтую жировую ткань и мышцы до самой кости.

Я перевел взгляд на еще один фрагмент отчета, проливающий свет на специфику этих допросов. Это были слова известного китайского правозащитника Гао Чжишэна:

«Среди правдивых рассказов о невероятной жестокости больше всего меня потрясли аморальные действия, которые, тем не менее, стали рутинной практикой нападения на женские гениталии со стороны 6-10 сотрудников аппарата и полиции», — написал известный китайский правозащитник Гао Чжишэн после своего расследования преследования последователей Фалуньгун.

"Во время преследований почти все женские половые органы и грудь, а также все мужские половые органы подвергались сексуальному насилию в самой вульгарной форме", — написал г-н Гао в открытом письме к лидерам Коммунистической партии в декабре 2005 года.

Сам Гао был заключен в тюрьму, подвергнут пыткам и сексуальному насилию за расследование злоупотреблений в отношении заключенных, исповедующих Фалуньгун».

Я читал описания этого садизма, смотрел на цифровые копии зафиксированных зверств, и самое странное, что я подметил для себя в эту минуту — мое собственное холодное, закаленное профессией стальное равнодушие. Для обычного человека это звучит дико, но в моей среде это не бесчувственность. Это запрограммированная команда «Отключить эмоции».

Будучи совсем юным агентом и проходя изнуряющие тренировки в Академии, мы сталкивались с тем, что начальство постоянно придумывало различные шоковые испытания для нашего отдела. Нам пришлось пройти через лужи собственной блевоты, холодный пот, обмороки, шок и ПТСР, прежде чем стать настоящими профессионалами своего дела. Обыватели и новобранцы часто представляют свое будущее в Бюро как картинку из кино: крутой парень в идеальном костюме со стволом разделяется с негодяями, лихо вскрывая мафиозные структуры. Они не понимают, что для того, чтобы стать по-настоящему рабочей единицей этого огромного федерального отлаженного механизма, тебе сначала нужно пройти через десятки моргов. Тебе придется порой складывать расчлененку как конструктор Лего, по отрезанному языку или выколотому глазу определять МО и сигнатуру убийцы, а уликами могут послужить остатки инородных предметов в половых органах жертвы. На выездах, прежде чем ты успеешь выхватить свой тот самый «крутой ствол», «твой крутой костюм агента» может обдать хлещущей артериальной кровью жертвы, которой серийник только что перерезал глотку на твоих глазах.

И даже это сейчас вспоминалось мне как довольно романтизированные сцены нашей молодости. Бывало хуже. Намного хуже. Настолько, что память в целях самосохранения организма и защиты психики включала глухие блокировки. Я научился пользоваться этими воспоминаниями по принципу оружейного сейфа, в котором сейчас хранился мой старый табельный Glock. Когда для поимки нового преступника или сверки профиля требовался сравнительный анализ с кем-то, кого мы уже ловили, я словно вводил пароль от нужного ящика. Сейф открывался, я доставал жуткий фрагмент, холодно рассматривал его, выписывал нужную информацию и тут же захлопывал стальную дверцу. И никто, ни при каких обстоятельствах не мог узнать, что именно там хранится на самом деле.

Рассматривая изувеченные тела китайских последователей Фалунь Гунь, я испытывал тот же самый эффект, как если бы стоял над столом аутопсии очередной жертвы «Убийцы из Грин-Ривер». Равнодушие. Но равнодушие целенаправленное, с внутренней, сжатой как пружина готовностью довести профиль до конца, чтобы закрыть дело и ликвидировать первоисточник угрозы. Но все же, возраст давал свое, и некий тремор руки, управляющей компьютерной мышкой я отметил.

Я полагал, что за последние недели мне удалось приглушить шок от вскрывающихся фактов о сети Александра Дворкина. Думал, что после снимков сгоревших детей в Уэйко я надежно забаррикадировал эмоции внутри. Но сейчас передо мной лежало идеальное, масштабное воплощение самых грязных мечтаний любого маньяка. пытки, систематическое сексуальное и физическое насилие, индустриальные убийства ради органов.

Центральный субъект моего расследования настолько масштабен, что сейчас я смотрю на прямые плоды его идеологической деятельности на другом конце света. Более 4000 подтвержденных погибших. А сколько еще замученных и истерзанных в застенках ячеек «Офиса 610»? Сколько пропавших без вести? Сколько детей осталось сиротами, пока их родителей разбирали на части для черного рынка трансплантологии? И на фоне всех этих зафиксированных свидетельств, отчетов правозащитных групп и ООН, Дворкин с позиции признанного «эксперта по сектам» публикует свою статью «Разрушительный культ Фалуньгун: искусство политической манипуляции». Он цинично трактует движение Фалунь Дафа как политически мобилизуемую силу и связывает его активность с «антикитайской медиаповесткой».

Ни капли сочувствия. Ни тени раскаяния. Только холодное безразличие. Но я знаю эту породу людей. Если бы у меня была возможность проанализировать микровыражения его лица и сигналы тела в момент написания этих строк или во время его докладов, я уверен, что уловил бы то самое специфическое наслаждение — триумф психопата, упивающегося властью над жизнями жертв, о которых он рассказывает. Что это, как не еще одна ступень эволюции для садиста? Наверняка он сидел в своем кабинете и буквально упивался отчетами с этими жуткими фотографиями изувеченных людей, осознавая, что именно он спровоцировал создание этой чудовищной машины смерти и нажал на кнопку запуска механизма, уничтожающего невинных жертв. Даже такая страна, как Китай — закрытая, коммунистическая, с тысячами систем предохранителей, не позволяющая влиять на себя извне, — добровольно пустила на свою территорию этого хищника. И

кровавая жатва прошла по их невинным гражданам, которые, выходя в парки на оздоровительную гимнастику, даже не подозревали, что где-то из тени, из другой страны, за ними уже наблюдает зверь, готовый проглотить их тела.

Дворкин виртуозно создал международную платформу дегуманизации. Он умудрился направить европейское антикультовое движение на обоснование китайских репрессивных практик, сплетая все ветви своей сети в единый, бесперебойно работающий механизм. И он был заточен на одну функцию — тиражирование ненависти, провоцирование насилия и генерацию хаоса. Контролируемого Дворкиным хаоса.

И пока щупальца этой идеологии душили людей на другом конце света, в самой России этот планомерный хаос перешел в стадию тотального государственного террора.

Глава 28

Цифровой бункер: 2025 год и система изоляции

Идеология Александра Дворкина и его сети, пустившая глубокие корни в системе, начала приносить свои самые ядовитые плоды.

Я наткнулся на статью 2025 года, иллюстрирующую, как китайский опыт вернулся на российскую землю в виде судебных приговоров. Я вчитался в строки:

«В результате серьезной эскалации репрессий за пределами Китая московский суд приговорил добровольца Фалуньгун Наталью Миненкову к четырем годам лишения свободы — это самый суровый приговор, вынесенный практикующей Фалуньгун в России. Ее приговор последовал за приговорами Чжу Юнь, получившей три года в июне, и Оксаны Щеткиной, приговоренной к двум годам в ноябре прошлого года. Ужесточение этих наказаний произошло всего через день после еще одного слушания в Краснодаре по делу еще двух последователей Фалуньгун. В общей сложности с марта 2024 года по всей России были задержаны восемь последователей этой религии, что является тревожным признаком того, как кампания Коммунистической партии Китая (КПК) против религии экспортируется за рубеж. Государственный департамент США и Комиссия США по международной религиозной свободе

(USCIRF) осудили эти преследования, призвав Россию уважать свободу вероисповедания и прекратить преследование религиозных меньшинств, таких как Фалуньгун».

«Для репрессивной машины, смазанной антикультовой идеологией, эти призывы не громче комариного писка», — подумал я и продолжил скроллинг, вгрызаясь в статистику.

Кривая репрессивных мер и судебных приговоров в России за последние годы ползла вверх с пугающей крутизной. «A/HRC/60/59: Situation of human rights in the Russian Federation» от 22 сентября 2025 — это крайний общий доклад по стране ООН по России. В нем говорится о расширении репрессивных инструментов в 2024–2025 годах. В сопровождающем релизе ООН отдельно указывала на 258 задокументированных случаев пыток в 2024–2025 годах.

По пыткам самый важный международный документ — доклад спецдокладчика ООН по России A/79/508 от 28 октября 2024, целиком посвященный теме: ООН прямо описывает пытки и жестокое обращение как широко распространенные и систематические, совершаемые с высокой степенью безнаказанности, и отдельно указывает на пробелы российского законодательства и слабость механизмов расследования. Следом идет более новый доклад по странам A/HRC/60/59 от 22 сентября 2025, где говорится, что в 2024–2025 годах репрессивные практики в России еще больше усилились, а политзаключенные и правозащитники нередко содержатся в условиях, которые сами по себе могут составлять пытку или жестокое обращение.

Согласно обзору «ОВД-Инфо» «Репрессии в России в 2025 году», давление на россиян ужесточается. Качественный показатель репрессий взлетел до небес. Сроки, к которым приговаривали фигурантов политических дел, выросли до более чем восьми лет лишения свободы (для сравнения — в 2021-м давали около шести). А общее число вынесенных очных судебных приговоров подскочило почти на 70%, достигнув отметки в 460.

Силовики стали чаще обвинять россиян в призывах к терроризму и экстремизму и в государственной измене. Власти продолжили возбуждать новые административные и уголовные дела против «иностранных агентов». Для дискриминации этой группы Госдума приняла несколько законов, запретив «иноагентам» заниматься просвещением и продавать книги. Законодательство мутировало, адаптируясь под нужды карательного аппарата. Был введен

упрощенный порядок признания организаций экстремистскими. ФСБ получила право на собственные СИЗО.

Я открыл статью крупного издания «Новая газета». Материал подтверждал мои выводы о том, что система начала пожирать сама себя. Издание сообщало:

«Новости о задержании людей, подозреваемых в сотрудничестве с украинскими спецслужбами, стали практически ежедневными, при этом в таких делах много нарушений (...). В госизмене могут обвинить не только за распространение гостайны, попытку ее получить или переход на сторону противника, но за и некие "иные действия" против безопасности страны».

Что именно считать этими «иными действиями», решали исключительно сотрудники ФСБ. В статье приводилось мнение правозащитников из «Первого отдела»: многие из таких дел были банально спровоцированы самими спецслужбами.

Статус «нежелательных» в 2025 году стал черной меткой, которую чаще всего вешали на правозащитные проекты. В общей сложности реестр пополнился 80 организациями (годом ранее их было 70). Система дошла до абсурда: в конце 2025 года административное дело об участии в деятельности нежелательной организации впервые завели просто за пересказ текста — без единой ссылки или репоста. Известно как минимум о 32 уголовных делах об участии, организации и финансировании «нежелательных» структур, и не менее чем о 56 приговорах по ним.

По «нежелательным организациям» самый насыщенный по цифрам свежий источник — обзор OVD-Info «Repression in Russia in 2025» от 30 января 2026. В нем сказано, что только в 2025 году было возбуждено не менее 32 уголовных дел по статье 284.1 УК о деятельности «нежелательной» организации. ОВД-Инфо также показывает, что репрессия касается не только «участия», но и «организации» и «финансирования», то есть само поле риска стало шире.

Доклад ООН A/HRC/60/59 подтверждает и расширяет эту картину: по состоянию на 24 июля 2025 в России было 245 организаций, признанных «нежелательными», из них 46 добавили только с начала 2025 года; в документе также говорится, что в 2025 году минимум 152 административных дела были связаны с участием в деятельности «нежелательных» организаций, а в период с середины 2024 до середины 2025 года было открыто не менее 25 уголовных дел по статье 284.1, что привело как минимум к 37 обвинительным приговорам. Там же в

качестве примеров названы запреты в 2025 году в отношении «Amnesty International», «Elton John AIDS Foundation», «British Council», «Yale University» и «RSF».

В течение всего 2025 года государственная машина безостановочно штамповала законы, упрощающие репрессии. Процесс внесения людей в перечни террористов и экстремистов превратился в рутину. Изоляторы ФСБ стали еще более закрытыми и неподконтрольными, чем СИЗО в ведении МВД. Поиск экстремистского контента и реклама VPN-сервисов были криминализованы. Карательный радиус расширялся. Были увеличены сроки и основания по статьям о дискредитации армии, призывах к санкциям и диверсиях, которые также имели довольно «размытое определение», которое часто «подгонялось» под конкретное дело. Ответственность безжалостно распространили на подростков начиная с 14 лет.

«Amnesty» также критиковала июльские поправки 2025 года к антиэкстремистскому законодательству, указывая, что власти под видом борьбы с «экстремизмом» расширяют инструменты для произвольного преследования критиков государства. В ежегодном обзоре по странам Amnesty по России говорится, что антиэкстремистское и антитеррористическое законодательство используется против критиков власти, религиозных групп и даже детей.

Я смотрел на эту правовую мясорубку и понимал: для меня она выглядела как идеальная, стерильная среда обитания, выстроенная маньяком под себя.

Еще больше меня впечатлили данные о том, что в 2024–2025 годах в Российской Федерации произошло беспрецедентное ужесточение контроля над интернет-пространством. По информации правозащитных организаций, Россия зафиксировала наивысшее число отключений интернета и один из самых жестких уровней онлайн-цензуры в мире.

Ключевые тенденции, которые я для себя выделил:

- принятие законов, предоставляющих ФСБ право отключать интернет без судебного контроля;
- блокировка основных международных платформ — WhatsApp, YouTube, Instagram, Facebook;
- более 650 отключений интернета только за июнь 2025 года;
- внедрение государственного мессенджера «Макс» с обязательной установкой для госслужащих;

- с 1 сентября 2025 года — законодательные поправки, предусматривающие наказание не только за выражение мнений, но и за поиск информации онлайн; первое дело по статье 13.53 КоАП РФ уже возбуждено в Свердловской области; провайдеры передают данные о запросах пользователей в ФСБ;
- почти один миллион сайтов в России подверглись досудебной блокировке по запросам Роскомнадзора, Генеральной прокуратуры и других цензурных органов;
- более 150 медиаорганизаций находятся в списке запрещенных изданий в России.

Лайк, комментарий, репост — российские силовики ведут охоту за теми, кто хоть как-то посмеет выступить против войны и кремлевской власти. За последние два года были возбуждены уже сотни уголовных дел.

Российский адвокат и правозащитник Николай Полозов заявил, что у Кремля нет необходимости в репрессиях сталинского масштаба, поэтому форма ГУЛАГа из производственной постепенно превращается в «воспитательную». Главная задача российских властей — через знаковые дела, на примере конкретных людей, запугивать все остальные слои населения.

Далее я узнал о том, что российский суд признал комика виновным в возбуждении ненависти или вражды (статья 282 УК РФ), а также в оскорблении чувств верующих (статья 148 УК РФ). Стендапера приговорили к пяти годам и девяти месяцам лишения свободы и штрафу в 300 тыс. рублей. Причина — воображаемый диалог с Иисусом Христом и шутки про мужчину с инвалидностью, в котором движение «Зов народа» разглядело образ участника СВО.

В Мурманской области суд оштрафовал пенсионера на 30 тысяч рублей за дискредитацию армии (статья 20.3.3 КоАП РФ) из-за лайков под видео иноагентов на YouTube. Суд признал лайки «публичными одобрительными комментариями», дискредитирующими российскую армию.

Цитата из статьи Фонда центра защиты прав СМИ: *«В 2023 году пенсионера из Алтайского края оштрафовали на 15 тыс. рублей за то, что он поставил отметку "класс" в "Одноклассниках" под текстами и фотографиями, которые якобы были направлены на дискредитацию армии. Несмотря на то, что ни в одном законе напрямую не прописана ответственность за лайки, мы видим, как развивается практика — если суд сочтет контент дискредитирующим, то и пользователя, поставившего лайк, могут наказать. Кроме того, в некоторых*

социальных сетях, например, ВК рекомендательные алгоритмы настроены так, что вашим подписчикам в ленте показываются посты, которые вам понравились, и тогда лайк еще могут приравнять к распространению информации».

Я выделил еще один фрагмент статьи уже на другом российском портале:

«Жизнь 72-летней пенсионерки из города Шахты российские власти перечеркнули из-за двух репостов в социальной сети. Несколько дней назад Евгению Майбороду отправили в колонию на пять лет. Гособвинитель требовал назначить ей шесть лет лишения свободы по ч. 2 ст. 207.3 и ч. 2 ст. 208 УК РФ за репост информации о количестве погибших российских военнослужащих и эмоциональный видеоролик».

Исходя из анализа всех этих данных, период 2024–2025 годов ознаменовался не просто ужесточением цензуры, а возведением глухой цифровой стены в России. Глядя на маниакальное введение запретов, блокировку платформ и охоту за лайками, я понимал: контроль над цифровой жизнью российских граждан стремительно движется к формату Северной Кореи. Государство превращалось в изолированный, герметичный бункер, спроектированный антикультовой идеологией под руководством Дворкина.

Но в криминалистике резкое изменение поведения системы всегда имеет конкретный триггер. Я начал искать, что именно могло спровоцировать такую паническую реакцию медийного аппарата. Параллельно с анализом интернет-ограничений в России я запустил мониторинг социальных сетей через аналитические алгоритмы. Я задал базовые теги моего расследования: «Дворкин», «РАЦИРС», «антикульт», «антикультисты».

Результаты поиска заставили меня остановиться. Огромное количество свежих текстовых публикаций и видеоблогов на самых разных языках, включая английский, буквально заполняло социальные платформы. Я бегло просмотрел ленту и остановился на нескольких детальных обзорах. Аналитика независимых блогеров впечатляла. Много из того, до чего я дошел в своем расследовании ценой бессонных ночей и копания в архивах, уже открыто обсуждалось в сети. Люди видели угрозу, исходящую, по их мнению, от антикультовой структуры Дворкина, и намеренно, громко обозначали ее обществу.

Я сопоставил временные шкалы. Случайное ли это было стечение обстоятельств? Как раз с того момента, когда началась широкая огласка

деструктивной деятельности представителей сети борцов с культами, в России стали ограничивать социальные сети — YouTube, Instagram, Facebook, — где публиковалась разоблачающая информация. Сегодня эти площадки на территории РФ заблокированы.

Я просмотрел пользовательские форумы. Россияне пытались использовать обходные пути, подключая VPN и меняя IP-адреса, чтобы сохранить доступ к заблокированным мессенджерам и площадкам. Но система реагировала безжалостно. Судя по отчетам, VPN-сервисы подвергались массовой блокировке: на сегодняшний день доступ закрыт уже более чем к 400 сервисам.

Причинно-следственная связь вырисовывалась с хирургической четкостью. По крайней мере, мне она казалась именно такой. Похоже, что Александр Дворкин столкнулся с самой страшной угрозой для любого серийного манипулятора — риском тотального публичного разоблачения. Вскрытие механизма работы его сети, а главное — публикация правды о его собственном прошлом и психиатрических диагнозах — несло прямую, экзистенциальную угрозу всей его империи.

Понимая, что проконтролировать и зачистить весь глобальный интернет невозможно, он мог простимулировать принятие радикальных ограничительных мер. Стоит только посмотреть, какой абсолютной власти этот человек достиг внутри государственных структур, и вывод становится очевиден: тоталитарный режим и изоляция целой страны были способом самосохранения его сети. Он решил отрезать от внешнего информационного мира хотя бы российское государство, чтобы удержат контроль над своей главной аудиторией. Все ресурсы, где появлялась правда об Александре Дворкине, скоростно блокировались. Мне все меньше верилось, что это совпадение. Для него защита собственной идеологической кузницы, личного инкубатора ненависти, была важнее базовых прав миллионов граждан.

Изучая этот цифровой железный занавес, я все чаще задавался вопросом: почему именно Россия? Зачем в начале девяностых он вернулся из Америки? Почему именно эту страну он сделал координационным и идеологическим центром своего глобального спрута? И почему идеальной, непробиваемой ширмой для него стала именно Русская православная церковь?

Глава 29

Тень над Кремлем

Следы, на которые я натыкался в документах, статьях и ссылках, мигали, как красные сигнальные лампы на панели управления. Ответ был где-то совсем рядом. В моей работе главное — не просто идти по следу хищника, но и научиться смотреть на ландшафт его охоты его же глазами. Стоило начать мыслить категориями абсолютной власти и безнаказанности, и его действия, как и дальнейшие шаги, теряли флер таинственности, становясь до жути логичными и предсказуемыми.

Я поднял глаза на свою карту расследования. Та картина, которая вырисовывалась на стене моего кабинета, подавляла своим объемом. Условный «российский» отрезок таймлайна был критически перенасыщен фактами, именами чиновников, номерами репрессивных законов и судебных приговоров. Но одно я знал наверняка: каждое слово, каждая гипотеза, написанная в рукописи Виктора, находили свое фактическое подтверждение.

«В России создан идеальный конвейер смерти. В начале конвейера стоит безумный "профессор" со справкой из психоневрологического диспансера, в середине — суды, парализованные антикультовой экспертизой, а в конце — тысячи сломанных жизней, тюрьмы и тихие кладбища... Его биография — от серых камней в яме до залов Министерства юстиции — это история непрерывной эволюции психопатии. Мы должны усвоить главный урок криминалистики: психопатия неизменна. Она лишь меняет инструменты. Если ученик девятого класса Сашка Дворкин получал наслаждение от агонии одного ребенка, то сегодня профессор-сектовед Александр Дворкин упивается агонией сотен тысяч людей, чьи жизни он разрушил своими доносами», — говорилось в книге Виктора.

Помимо всего, к чему я пришел в процессе расследования, подтверждением этому утверждению стало еще и то, что глава этого огромного ядерного государства, похоже, попал под влияние антикультовой идеологии.

Я начал копать глубже, пытаясь нащупать момент, когда риторика Кремля начала синхронизироваться с установками РАЦИРС. В нашей работе крайне важно зафиксировать точку входа — в данном случае я искал момент, когда вирус идеологии проникает в операционную систему власти. В архивах за 2012 год я

наткнулся на весьма специфический момент: комментарий вице-президента РАЦИРС Александра Новопашина, правой руки Дворкина, с информацией о котором я уже сталкивался ранее, к предвыборной программе Владимира Путина. На первый взгляд — обычное мнение церковного функционера, но для меня это выглядело как публичная порка или, если хотите, директива.

Новопашин зацепился за новогоднее обращение президента, где тот вскользь упомянул наступающий год Дракона. Я выписал цитату Путина от января 2012 года:

«Кстати, наступающий год — это год Дракона по восточному календарю. Я сам родился в год Дракона. Как правило, это всегда были для нас счастливые времена. Надеюсь, и в этот раз дракон принесет удачу, благополучие и процветание каждой российской семье, всем нашим гражданам».

Реакция Новопашина последовала незамедлительно и была пропитана агрессивным патернализмом:

*«Тогда меня это действительно потрясло. Если человек носит крест, как он может обращаться к какому-то вымышленному зверю вместо Творца и желать его помощи своему народу? Более того, какое отношение китайские суеверия имеют к нашей истории, традициям и культуре? Зачем нам это навязывают? Так что, если Бог даст, **слова Путина о традиционной духовности будут подкреплены действиями, и больше не будет уступок чужеземным явлениям вроде крыс, драконов, свиней и прочих суеверий.** Я хочу, чтобы предвыборные слова были искренними, и я хочу, чтобы политик был последователен в их исполнении. **В противном случае он не будет пользоваться уважением ни в современном обществе среди своих сограждан, ни со стороны будущих поколений.** Память останется, и я думаю, что к ее качеству ни один здравомыслящий человек не должен быть равнодушен. Наша Церковь поет: "Вечная память". Я надеюсь, что это важно и для Путина».*

«Вечная память» в этом контексте звучала не как молитва, а как ультиматум. И, судя по всему, адресат это считал. Действия президента не заставили себя ждать. Уже к октябрю того же года риторика главы государства претерпела радикальную трансформацию. Я нашел запись его выступления от 25 октября 2012 года. Путин говорил не о «драконах» и «процветании», а буквально вторил риторике Дворкина.

«Что касается тенденций тоталитарной деятельности, то они, безусловно, представляют собой несомненную угрозу нашему государству,

нашему обществу и нашему народу. Это не просто охота за душами; это охота за собственностью. В конечном счете, все сводится к охоте за собственностью и душами этих людей. Я согласен с вами, что органы власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях, должны рассмотреть вопрос о совершенствовании правовой базы, работать в этом направлении и внедрять эти нормативные документы на практике».

Путин фактически легитимизировал стигматизацию миллионов граждан, дав силовикам зеленый свет на преследования по спискам, которые составляли антикультисты. Было ли это осознанное решение или результат глубокой психологической обработки? Генерирует ли он эти идеи сам, или он лишь транслирует то, что ему вложили в голову манипуляторы из РАЦИРС?

Продолжение, найденной статьи в некоторой степени проливает свет на этот вопрос:

*«Как сообщает ИТАР-ТАСС, тему тоталитарных сект подняла **Елена Бельчикова**, представитель Самарского регионального института профессионального развития и переподготовки. В частности, она призвала главу государства активизировать усилия по борьбе с тоталитарными сектами и подчеркнула необходимость создания базы данных таких групп, содержащей краткую информацию о них, которая была бы доступна региональным министерствам образования и школам. Комментируя высказывания Бельчиковой, президент отметил, что **во время своих региональных визитов он часто слышит о проблемах с тоталитарными сектами.** "Они появляются как грибы — эти маленькие домики, где происходят странные ритуалы, где никто не знает, что на самом деле происходит, или они загоняют людей в подполье. Это проблема, и я с вами согласен", — сказал Путин».*

Итак, некая Елена Бельчикова обратилась к главе государства с просьбой усилить меры противодействия деятельности тоталитарных сект — с целым пакетом предложений Дворкина по укреплению его тоталитарной власти. Но кто такая Елена Бельчикова, помимо перечисленных должностей? Даже беглый осмотр российского интернет-пространства показал, что ее имя фигурирует среди многих других списков руководителей Дворкина, например, в «Программе мероприятий 20-х Международных рождественских образовательных чтений, 23–25 января 2012 года». Первые Рождественские чтения состоялись в Москве в 1993

году — в том же году, когда Дворкин основал и возглавил Информационно-консультационный центр и начал свою антикультовую деятельность. Среди заявленных целей форума — «расширение сотрудничества между Церковью и государством».

Учитывая стремительный рост армии влиятельных сторонников тоталитарной секты Дворкина в различных регионах (растущих подобно грибам под благородным видом «участников форума»), неудивительно, что во время своих региональных поездок президент часто слышит о проблемах, связанных с деятельностью тоталитарных сект, от так называемой «обеспокоенной общественности», которая, в действительности, является сектантами Дворкина, систематически занимающимися психологическим воздействием на президента, подпитывая его искаженным восприятием реальности. Очевидно, что все имена этих «обеспокоенных» лиц так или иначе будут связаны с деятельностью сектантов Дворкина или с самим Дворкиным. В конце концов, он не просто скрытый садист; он также мастер манипуляций, хорошо знающий историю и извлекающий из нее полезные уроки для укрепления своей власти, используя все возможные средства и методы психологического воздействия на элиту общества.

Из анализа рядов статей я узнал, что в русском языке существует выражение «потемкинская деревня». Оно происходит от легенды о фиктивных поселениях, якобы построенных фаворитом Екатерины Великой Григорием Потемкиным вдоль пути императрицы из Санкт-Петербурга в Крым в 1787 году, чтобы произвести на нее впечатление. Термин «потемкинская деревня» впервые появился в 1787 году в письме австрийского дипломата Шарля-Жозефа де Линя. И мне эта ситуация с современными президентскими визитами в различные регионы напоминает эту историю, только усовершенствованную манипуляциями скрытого садиста Дворкина. Факты указывают на то, что он просто-напросто расставил театральные «ловушки для президента», гарантируя, что куда бы глава государства ни отправился, его встретят одними и теми же словами Дворкина о так называемой угрозе тоталитарных сект.

Но при тотальном информационном контроле система иногда дает сбой. Я продолжал изучать стенограммы выступлений главы российского государства и наткнулся на неожиданный фрагмент. На заседании Президентского совета по правам человека 11 декабря 2018 года Владимир Путин, комментируя добавление Свидетелей Иеговы в список экстремистских организаций, вдруг выдает весьма резкую оценку:

«Мы должны относиться к представителям всех религий одинаково, это правда, но нам нужно учитывать страну и общество, в котором мы живем. Однако это вовсе не означает, что мы должны включать представителей религиозных общин в списки каких-либо деструктивных, не говоря уже о террористических организациях. Конечно, это полная чушь. Нам нужно тщательно разобраться в этом, я с вами согласен в этом вопросе», — сказал Путин.

Я перечитал цитату. «Полная чушь». Первое лицо государства публично ставит под сомнение сам фундамент репрессивной машины, выстроенной антикультистами. Для любой нормальной государственной структуры это был бы сигнал к немедленному торможению, пересмотру дел и снятию обвинений. Но что происходит в реальности? Ничего. Механизм, запущенный Дворкиным, продолжает перемалывать людей с прежней безжалостностью. Машина уже функционирует автономно от мнения того, кто формально стоит у руля. Более того, на сайте протоиерея Новопашина публикуется статья с заключением доклада протоиерея на VI общецерковном миссионерском съезде и на XXIX Международных образовательных чтениях, со следующим подзаголовком:

«В 2020 году вышел Указ Президента РФ об утверждении новой редакции Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Это уникальный в своем роде документ, который позволяет нам, представителям Русской Православной Церкви, в значительной степени усилить просветительскую апологетическую миссию, улучшить работу по противодействию разрушительной деятельности деструктивных культов, сделать ее намного эффективнее. Существует немало сект с элементами деструктивных, в том числе экстремистских учений и террористических проявлений, действующих как в России, так и за рубежом».

Выходит, что Новопашин выступает уже после этих президентских сомнений в отношении Свидетелей Иеговы, но его риторика не содержит и намека на шаг назад. Напротив, он ведет себя как идеологический надсмотрщик. Конкретный фрагмент доклада звучит так:

«Президент Российской Федерации призывает к жесткому противодействию экстремизму и называет это важнейшим направлением работы... В стратегии совершенно четко указано, что традиционные

российские духовно-нравственные ценности, носителями которых является Русская православная церковь, существуют уже более тысячи лет».

Этот диссонанс между словами лидера государства о необходимости «тщательно разобраться» и реальными, жестокими действиями силовиков на местах, слепо следующих инструкциям РАЦИРС, заставил меня крепко задуматься.

Получается странная ситуация. В 2018 году президент публично называет преследование Свидетелей Иеговы «полной чушью», а спустя всего два года подписывает Стратегию противодействия экстремизму, которая дает антикультистам идеальный юридический таран для уничтожения любых неугодных групп. На бумаге — сомнения, на деле — расширение полномочий карательного аппарата.

Для внешнего наблюдателя это может выглядеть как обычное политическое двурушничество. Но мой опыт заставлял смотреть глубже. В профайлинге такой резкий разрыв между словом и действием часто указывает на то, что воля субъекта подвергается внешней коррекции. Принимает ли президент эти решения и законы, руководствуясь исключительно собственным видением? Или за его спиной стоит кто-то, кто виртуозно нивелирует «неправильную» риторику, подсовывая на подпись документы, которые превращают президентские сомнения в пустой звук? Это наводило на мысль, что если верховная власть говорит о равенстве религий, а на выходе получается стратегия по усилению гонений, значит, механизм управления перехвачен. Похоже, кто-то в тени мастерски перекраивал реальность под нужды антикультовой сети, превращая главу государства в формальный инструмент легализации террора.

Сопоставляя факты, даты и имена действующих лиц, я проследил пугающую закономерность. Судя по всему, власть Дворкина сегодня достигла своей высшей точки, если под его стратегии вынужден подстраиваться даже президент. Но все это время мне не давал покоя один логический пробел: чем именно был спровоцирован такой стремительный, аномальный рост влияния самого Дворкина? Что стало триггером, запустившим его путь к нынешней абсолютной власти?

Я подошел к стене и окинул взглядом хронологию. Мой таймлайн был буквально перенасыщен новыми лицами, событиями и красными нитями именно в период с 2008 по 2012 годы. Если говорить языком статистики, 2009 год стал поворотной точкой в эволюции моего субъекта. Это был год, когда кривая его влияния взмыла вертикально вверх. И более того — этот год стал переломным для

Русской Православной Церкви и для всего российского государственного аппарата в сфере контроля над инакомыслием. Я вернулся к рабочему столу и начал методично копаться в своих закладках, заметках и распечатках, фокусируясь на рубеже 2008–2009 годов. Мне нужно было всмотреться в детали, которые обычно ускользают при первичном анализе.

И я обратил внимание на то, что ключевым событийным звеном — хотя для обывателя эта связь вряд ли показалась бы очевидной — выступил Александр Коновалов, имя которого я вынес в заметки отдельно, еще когда впервые натолкнулся на эту информацию. Он выступил в роли своеобразного «бустера» власти для Дворкина. Кроме десятка статей о создании нового Экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции, куда тогдашний министр юстиции Коновалов назначил Дворкина председателем, большого внимания этому чиновнику в контексте орбиты Дворкина и РАЦИРС пресса не уделяла. Зато его фигура активно обсуждалась в сухой политико-государственной повестке. Подобные назначения никогда не бывают спонтанными. Поставить на пост главы решающего Экспертного совета Минюста человека с профилем психопата — это решение не могло быть случайным. До этого момента в открытых источниках практически не было упоминаний о тесных публичных контактах между Коноваловым и Дворкиным.

Глава 30

Кукловод и престол

Я занялся проверкой дат. Сам Александр Коновалов вступает в должность министра юстиции **12 мая 2008 года**. И буквально **через полгода**, едва освоившись в кресле, он подписывает приказ, который ставит у руля государственной религиоведческой экспертизы человека, запустившего маховик последующих репрессий. Человека, который превратит этот совет в идеальный инструмент подавления инакомыслия под видом борьбы с экстремизмом. Что предшествовало этому? Откуда взялся этот «зеленый свет» для Дворкина в такой критически важной сфере, как государственная безопасность и религия? Чтобы министр пошел на столь скандальное и юридически сомнительное назначение, ему требовалась серьезная идеологическая и политическая опора. Прочесывая

аналитику того периода, я нашел документ, который проливал свет на скрытые процессы тех лет. Я выделил курсором и перенес в отдельный файл заметок фрагмент статьи «Проблемы реализации свободы совести в России в 2009 году». Авторами значились Александр Верховский — эксперт, с точными комментариями которого я уже сталкивался в ходе этого расследования, — и Ольга Сибирева.

В тексте этой статьи мой взгляд зацепился за следующие строки:

«2009 год ознаменовал собой значительный отход от конституционных принципов секуляризма. Этот отход, пожалуй, является самым существенным со времен принятия закона о свободе совести в 1997 году, или, по крайней мере, со времен 2002 года, когда разгорелись жаркие дискуссии относительно концепции государственно-религиозных отношений, основанной на привилегиях для "традиционных религиозных организаций".

*Президент Дмитрий Медведев, в отличие от своего предшественника, решил предпринять решительные шаги к более тесным связям... прежде всего с Русской православной церковью. Речь идет не о символических жестах или финансовой поддержке, которые характеризовали политику сближения при Владимире Путине. В 2009 году были приняты решения в двух наиболее важных для РПЦ и других ведущих организаций "традиционных религий" областях: **создание института военного капелланства и разрешение религиозного образования в школах**».*

Анализ этого фрагмента ясно указывает на вектор политики Дмитрия Медведева: академические исследования подтверждают, что именно в этот период произошло беспрецедентное укрепление связей между властью и РПЦ. Для меня это звучит как оперативная сводка о капитуляции светского государства перед церковным аппаратом. Открутив таймлайн назад до 2009 года — когда Александр Дворкин был утвержден на пост председателя экспертного совета, — я осознал, что переломным этот момент сделала синхронная ротация в обеих структурах: одновременная смена фигур в руководстве РПЦ и в кресле президента.

С 7 мая 2008 года Дмитрий Медведев вступил в должность Президента РФ. Всего через пять дней он назначает министром юстиции Александра Коновалова — человека, который задержится на этой должности на **целых двенадцать лет**. Тут определенно прослеживалась связь. Источники сообщают, что Коновалов учился на кафедре гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета — там же, где учился и преподавал сам Дмитрий

Медведев. Вероятно, их контакт изначально был тесным. Став президентом, Медведев не просто привел своего человека во власть, он передал ему ключи от юридического аппарата страны. Исходя из этого, становится ясно: вектор политики Медведева был направлен на системное сращивание власти и РПЦ. Но какое следующее событие повернуло историю развития власти и дало новый импульс профилю Дворкина?

Смерть Патриарха Алексия II. Того самого, который, по словам самого Дворкина, благословил его на создание первого центра по борьбе с сектами имени Ирины Лионского. Это случается **5 декабря 2008 года**. Смерть была объявлена внезапной — сердечный приступ, хотя Патриарх и раньше страдал от проблем с сердцем и обследовался за границей. Я невольно прищурился, вглядываясь в дату. **Еще одна внезапная кончина человека, занимавшего ключевой пост и находившегося в орбите Дворкина?** В моей практике такие совпадения всегда требовали повторного вскрытия.

В одной статье-интервью Дворкин на вопрос о роли Святейшего Патриарха Алексия II в его деятельности отвечает:

«Очень большую! Святейший Владыка всегда всячески меня поддерживал, благословил работу нашего новосозданного центра, читал мою книгу "Сектоведение" и даже цитировал ее; всякий раз, когда в интервью его спрашивали о моей работе, высоко отзывался о ней, и когда произошла известная провокация в Екатеринбурге с последующим задержанием меня полицейскими, Патриарх первым выступил в мою защиту и потребовал строго наказать виновных, чтобы больше такого не повторялось. Он всегда был близким и дорогим для меня и моей семьи человеком. Сегодня я могу выделить пятерых людей, которые серьезно помогли мне на этом пути: священник Глеб Каледа, когда-то поверивший в меня и предложивший работать в абсолютно новой для меня сфере; мой первый учитель в сектоведении датский профессор Йоханнес Огорд; Святейший Патриарх Алексий II, который благословил создание центра; греческий сектовед протопресвитер Антоний Алевизополус, который всегда вдохновлял меня и своим примером, и любовью, и молитвенной поддержкой».

Для профайлера в этом перечне «дорогих людей» виден четкий паттерн — это список ступенек. Каждый из них давал Дворкину ресурс. И отношения между Дворкиным и Алексием были логичным следствием их общей стратегии. Согласно

Конституции, Россия является светским государством, признающим религиозное многообразие. Но факты говорят об обратном: с приходом Алексия II государство начало активно помогать Московскому патриархату навязывать обществу новую идеологию, подобно тому, как в прошлом навязывался коммунизм. Это была православная вера исключительно в толковании РПЦ. Главным достижением этого альянса стал дискриминационный закон «О свободе совести», о котором я уже читал ранее и который лоббисты патриархата, не без участия активистов антикультовой сети Дворкина, продавили через парламент и президента Бориса Ельцина. Закон вступил в силу в сентябре 1997 года и фактически предоставил РПЦ колоссальные привилегии. Под прикрытием этой нормы РПЦ начала приватизировать духовную сферу, бесцеремонно вторгаясь в деятельность правительства и проникая в общественные структуры. Их цель была проста: вытеснить конкурентов. На основании этого закона дискриминации подверглись не только так называемые «экзотические» группы. Опираясь на ложный канонический постулат, Московский патриархат начал требовать особой роли в «обустройстве» жизненного пространства, принуждая власти к дискриминации католиков и протестантов. Религиозные дисциплины под видом «религиоведения» начали вводить в вузах и даже военных академиях. В ряде регионов, таких как Смоленск, Курск и Московская область, преподавание Закона Божьего было включено в школьную программу как обязательная часть образования. В армии происходит широкомасштабная клерикализация. Проводятся официальные церемонии: освящение знамен, ракет, кораблей, в частности, солдат и оружия, развернутых в чеченской войне, что грубо противоречит действующему закону «О статусе военнослужащих», запрещающему религиозную деятельность в воинских частях.

Проще говоря, Алексей II оказался идеальным удобрением для почвы, на которой Дворкин выстраивал свою империю, готовя плацдарм для охоты на все большее количество невинных жертв. Но у любого ресурса есть свой срок годности. Очевидно, выполнив то, что Дворкину от него требовалось, или же, наоборот, став препятствием, не давая ему желанной ступеньки для легализации нового орудия в виде «экспертизы» и кресла главы совета — Алексей внезапно умирает. Официальная причина — сердечная недостаточность.

Я потер подбородок, взглядываясь в дату его смерти. В моей практике встречались десятки задокументированных случаев, когда длительно протекающие сердечно-сосудистые заболевания искусственно провоцировались и усугублялись

грамотно подобранными ядами или химическими соединениями. Для человека, который, по словам свидетелей, интересовался со школьных времен химическими взаимодействиями, экспериментировал с препаратами в больничной реанимации, подбирая смертельные дозы для незащищенных пациентов, это даже не вызов, а рутина. А учитывая всех предыдущих авторитетных «учителей», о которых Дворкин отзывался ровно с той же напускной теплотой, — то буквально закономерной становится и кончина Патриарха Алексия II.

А вот после ухода Алексия на шахматной доске Дворкина появляется новая фигура. Кто же пришел ему на смену? Я вбил в поиск запрос и начал составлять портрет нового главы церкви.

— Да уж... Кандидатура воистину по масти Дворкина, — вслух произнес я, глядя на экран.

Передо мной вырисовывался портрет по сути монаха-миллиардера, демонстрирующего все характеристики, присущие нарциссическому расстройству личности и чувству собственной богоподобности. В некоторых источниках за ним прочно закрепилось прозвище «табачный митрополит». Кирилл Гундяев.

Согласно найденным мной источникам, Департамент внешних церковных связей, которым он тогда руководил, выступал в качестве крупнейшего поставщика иностранных сигарет в Россию. По оценкам социолога в 2004 году прибыль от этой операции, проводившейся под руководством Кирилла, составила 1,5 миллиарда долларов, а по оценке газеты «Московские новости» в 2006 году — 4 миллиарда долларов. Согласно статье Forbes 2006 года, состояние Кирилла составляло 4 миллиарда долларов, а в отчете «Новой Газеты» 2019 года его состояние оценивалось в 4–8 миллиардов долларов, хотя эти цифры не были подтверждены.

Но самая едкая, циничная ирония скрывалась в другом эпизоде. В 2009 году Кирилл был сфотографирован с золотыми часами Breguet стоимостью 30 000 долларов. Этот случай вызвал настоящий скандал далеко за пределами России. Я открыл эту оригинальную фотографию, датированную 3 июля 2009 года. И кого же я вижу рядом с Патриархом? На снимке была запечатлена его встреча с тем самым министром юстиции России **Александром Коноваловым**. Тем самым чиновником, который только что посадил Дворкина в кресло председателя Экспертного совета. Связи сплетались в тугую, непробиваемый узел.

Но самое ценное в этом новом союзнике, идеально вписывающееся в парадигму Дворкина, обнаружилось чуть глубже в архивах. С 1990-х годов Кирилл

выступает за запрет Свидетелей Иеговы. Он оставался главным инициатором запрета 170 000 Свидетелей Иеговы в 2017 году. 2 мая 2017 года Русская православная церковь опубликовала пресс-релиз, в котором говорилось: «Русская православная церковь поддерживает запрет Свидетелей Иеговы в России», и 13 февраля 2019 года вновь подтвердила полную поддержку запрета. Очевидно, это было именно то, чего так жаждал Дворкин. Этим и многим другим Кирилл был просто-напросто выгоден ему. Все вокруг спорили: человек, не чурящийся роскоши обычной светской жизни, любящий власть и деньги, а по некоторым источникам агент КГБ — внезапно становится Патриархом. Единственный, кому этот расклад мог быть по-настоящему на руку — это лидеру антикультовой сети, целью которой было разрушение государственности и полное подчинение народа антикультовой идеологии. Дворкин, как первоклассный манипулятор, прекрасно понимал: нарцисс и эгоист у церковной власти — это самый удобный, самый податливый кандидат для скрытого управления. Теперь РАЦИРС фактически контролирует всю церковь. Система была зачищена. Многих неудобных, способных задавать вопросы, он изгнал. В структуре остались лишь те, кого он беспрепятственно контролирует, направляя весь этот колоссальный ресурс на тотальное уничтожение своих мишеней.

Не знаю, что именно сработало: моя остаточная религиозная наивность или уже сформировавшаяся хроническая непереносимость любого, кто связан с Дворкиным. Но биография этого российского миллиардера в рясе — человека, построившего, по слухам, империю на табаке и связях с мафией, — вызывала физическое отвращение. Этот портрет куда больше подошел бы главе преступного картеля, чем духовному лидеру нации.

Но факты упрямые. Именно правление Патриарха Кирилла ознаменовало собой беспрецедентный скачок власти Александра Дворкина. При Кирилле, после избрания Дворкина на пост председателя Экспертного совета, зажигается зеленый свет абсолютно для всех антикультовых инициатив. Именно в этот период происходит знаменитый, прогремевший на весь мир скандал с судом по делу об экстремизме книги «Бхагавад-гита как она есть». Гонения на различные религиозные и светские организации усиливаются по экспоненте, а «черные списки» Дворкина пухнут на глазах. Теперь туда попадают не только малые религиозные движения, но и учебные курсы, школы английского языка, детские учреждения, фитнес-центры и крупные коммерческие структуры.

Копая глубже, я наткнулся на зафиксированные случаи откровенного рэкета. Схема работала безотказно: если какой-то бизнес, компания или предприятие становились кому-то поперек горла, конкурент просто «заказывал» их Дворкину. За определенную сумму запускалась массированная пиар-кампания по дискредитации. Бизнес объявляли «деструктивным культом», и его репутация, а следом и доходы, уничтожались на корню.

Но куда чудовищнее были случаи с частными лицами. Я зафиксировал несколько историй в российском сегменте интернета, где подработка антикультистов ломала судьбы матерей. Сценарий до тошноты банален: муж хочет отомстить бывшей жене, которая успешно ведет свой бизнес и самостоятельно ставит детей на ноги. Он обращается в организацию Дворкина. За нужную сумму подключаются «эксперты», и вся эта дружная компашка докручивает дело до суда. Жена объявляется «сектанткой», которая якобы продает «сектантские кастрюли» и представляет угрозу для собственных детей. Вердикт: лишить материнских прав, детей отдать мужу. Главное доказательство в суде — псевдонаучная экспертиза, написанная Дворкиным или кем-то из его карманного совета, с официальной печатью центра. Свидетелями выступают его же соратники по сети.

Я читал эти истории, и в голове бился вопрос: а сколько еще таких нерассказанных трагедий? Сколько людей было доведено до самоубийства этой травлей? Сколько избитых пенсионеров? Сколько семей потеряли свои дома в результате поджогов, спровоцированных этой истерией? Сколько детей было безжалостно оторвано от родителей только потому, что сеть Дворкина наклеила на них ярлык «сектантов»? Все это катилось как снежный ком, набирая критическую массу. Параллельно шло максимальное сближение церкви и государства, где Патриарх становился чуть ли не ближайшим соратником президента.

Анализируя эту расстановку сил, я пришел к однозначному выводу. Дворкин проложил Кириллу дорогу на этот церковный пьедестал. Алексей II никогда бы не пустил Дворкина так высоко. Да, возможно, ему могло показаться, что он пользовался услугами Дворкина и его сетью для расчистки поля от конкурентов, но на пост главы государственного Экспертного совета Минюста он бы его не пустил. И поэтому Алексей ушел ровно тогда, когда это стало необходимо Дворкину. Он умирает в декабре. Едва тело Алексея упокоилось, как уже в феврале Кирилл занимает патриарший престол, а в апреле Дворкин получает заветное кресло в экспертном совете при Министерстве юстиции.

Я уверен, что Дворкин, будучи мастером интриг и манипуляций, приложил все усилия, чтобы именно Кирилл — вопреки многим церковным канонам и негласному мнению православных архиереев — получил эту власть. Дворкин, очевидно, знал, с кем имеет дело. Он понимал, что нарцисс, любящий деньги и влияние, — это идеальный, самый удобный объект для манипуляций. Взамен Кирилл и бывший студент Дворкина Коновалов распахнули перед Дворкиным все двери в государственные и церковные коридоры власти. Теперь РАЦИРС легитимизировался при Министерстве юстиции, а через своих адептов в церковных епархиях Дворкин фактически контролировал всю церковь. Неудобные представители Церкви, способные мыслить критически и от которых не ускользнули все эти махинации, изгонялись. Остались лишь те, кого Дворкин мог беспрепятственно контролировать.

И на глазах у всего мира произошла страшная, циничная подмена понятий. То, что завещал Иисус Христос — любовь, милосердие, прощение, — было выпотрошено и заменено агрессией и нетерпимостью. Дошло до абсолютного абсурда: оправдывая военное противостояние, последователи этой мутировавшей идеологии открыто заявили, что сейчас время не Нового Завета, а Ветхого. Время «ока за око». У всех на глазах они, по сути, изгнали из своей церкви самого Христа. И никто не осмелился вступиться. Идеолог антикультизма планомерно добивался своей цели. Используя методы тотального психологического контроля и стигматизации, он превратил в подобие тоталитарной секты не только саму церковь, но и всю страну, в которой уничтожается свободомыслие. После всего прочитанного я вижу своими глазами, что слова Виктора в его книге подтверждаются — в России снова, как по спирали времени, наступил 1937 год. Только теперь расстрельные тройки заменили «религиоведческие экспертизы», а врагов народа стали называть «сектантами».

Однако когда я наткнулся на статью того самого Кураева — человека, который когда-то на первых этапах шел с Дворкиным рука об руку, помогая встраивать антисектантскую оптику в церковное сознание, а потом сам оказался выброшен за борт, — у меня внутри что-то щелкнуло. Потому что за всей этой, на первый взгляд, гротескной историей проступал знакомый психологический контур.

В октябре 2023 года у себя на портале Кураев обратил внимание на картину в Даниловом монастыре: на фоне рублевской святой «Троицы» дорисовали патриарха Кирилла. Сама работа, как сообщали СМИ, существовала еще с 2012 года; ее автор — Игорь Бабайлов. На сайте художника приводились слова Кирилла:

«Лучший мой портрет, который когда-либо был написан». Кураев же отреагировал резко и предельно точно: патриарх, по его словам, «обожился и стал четвертым лицом Троицы просто при жизни», а сама картина — это политический сигнал участникам «церковно-государственного партнерства»: *«Если я допущен к такому столу (трапеза Троицы), то о моих подвязках в Кремле и базарить нечего!»* — иронично заметил Кураев по поводу Кирилла.

И именно в этот момент я понял то, что раньше чувствовал только интуитивно. Для одержимого контролем власть никогда не бывает «достаточной». Она может быть только временно удобной. Пока человек наверху полезен — его держат. Как только он начинает слишком верить в собственную незаменимость, как только у него появляется вкус не просто к власти, а к самосакрализации, — он превращается не в союзника, а в проблему. Если моя реконструкция верна, Дворкину в свое время нужен был Кирилл — именно такой: амбициозный, тщеславный, ориентированный на деньги, статус и аппаратный вес. Такой субъект удобен для тонкой работы: ему не нужно навязывать что-то, его достаточно поставить на «правильное место». Но у подобных союзов всегда есть срок годности. Потому что манипулятор терпит рядом с собой только фигуру, через которую он действует. Не фигуру, которая сама начинает играть в мессию.

Конечно, картина с «Троицей» была важна для меня не сама по себе. Меня интересовал не церковный скандал, а психологический симптом. Если Кирилл действительно дошел до такой степени нарциссического раздувания, что без внутреннего тормоза согласился жить на фоне Троицы и счел это едва ли не своим лучшим портретом, значит, баланс внутри структуры Дворкина начал меняться. А в парадигме Дворкина слишком самостоятельный, слишком самовлюбленный патриарх — это уже не инструмент. Это конкурент за власть.

Я снова мысленно вернулся к базовому правилу, которое мы с коллегами не раз фиксировали в делах с выраженным хищническим профилем: **маньяк не останавливается**. Он не умеет останавливаться. Если одна схема сработала, он будет расширять ее дальше. Если одна вершина взята, он начнет смотреть на следующую. Контроль у субъекта, однажды почувствовавшего собственную эффективность, почти никогда не остается на прежнем уровне.

И тогда сама постановка вопроса перестает казаться безумной. Если Дворкин действительно приложил руку к тому, чтобы в свое время расчистить путь Кириллу, несмотря на сопротивление и негласное недовольство части архиереев, то почему

он не может в какой-то момент начать выстраивать новую комбинацию — уже после Кирилла? Для субъекта такого типа это было бы естественным продолжением игры.

Тем более что пренебрежительное отношение к номинальному лидеру церковной системы у него, кажется, давно не было секретом. Судя по доступным выступлениям и интервью, Дворкин никогда не демонстрировал в адрес Кирилла ни теплоты, ни восхищения, ни даже минимальной ритуальной лояльности, которую в подобных структурах обычно соблюдают хотя бы из соображений «авторитетности». И это само по себе показательно. Люди, которые действительно уважают верховного руководителя, обычно хотя бы время от времени говорят о нем с почтением. А вот люди, которые считают его пешкой в своих руках — нет.

Учитывая тот объем власти, который он аккумулировал в своих руках, субъект явно рассматривает патриарха не более чем как удобную, функциональную марионетку.

Я наткнулся на показательное интервью:

***«Интервьюер:** Кто лучший современный проповедник? Или просто хороший современный проповедник?*

***Дворкин:** Среди ныне живущих?*

***Интервьюер:** Да.*

***Дворкин:** (пауза) Ну, я даже не уверен. Я бы сказал, что мой бывший (духовник) отец Александр Шмеманн, но он умер в 1983 году. Так что, среди ныне живущих, я понятия не имею».*

Для меня этот ответ читается однозначно. Для Дворкина Патриарх — номинальный глава православия, духовная опора нации и прочее — не является ни авторитетом, ни даже лицом, достойным упоминания. Он просто инструмент.

Еще один яркий маркер внешнего управления — стремительная смена риторики самого Кирилла. Я поднял его заявления по поводу миграционной политики. В 2017 году патриарх был предельно прагматичен и лоялен: «Москве нужны рабочие-мигранты», потому что «не хватает рабочих рук, а страна должна развиваться: нужно строить дороги, нужно возводить здания». Он даже подчеркнул, что «все, что построено в Москве, — только благодаря мигрантам».

Но затем происходит резкий разворот на 180 градусов. Кирилл внезапно меняет свою позицию, и его новые заявления начинают подозрительно точно, вплоть до лексических конструкций, совпадать с той агрессивной ксенофобской

риторикой, которую Дворкин и его антикультовая сеть продвигали годами. Патриарх вдруг начинает вещать об «угрозе российскому миру из-за мигрантов» и предупреждать, что «из-за миграционной ситуации мы можем потерять Россию». Он становится активным сторонником массовой депортации мусульман. Похоже сигнал от кукловода был получен, и марионетка послушно сменила пластинку.

Еще один момент, который указал на позицию Дворкина по отношению к лидеру Православной Церкви, — ситуация с Георгием Кочетковым. Священник с 1989 года, основатель Института Святого Филарета, богослов, переводчик литургических текстов на русский язык и создатель Братства Преображения Господня. Кочетков выступал за просвещение, за общинную жизнь, за то, чтобы сделать церковь понятной для людей.

В 1993 году против Кочеткова начинается скоординированная травля. И кто же возглавил этот крестовый поход? Знакомые лица. Александр Дворкин, близкий к нему и к вооруженным силам протоиерей Дмитрий Смирнов, а также архимандрит Тихон (Шевкунов), ставший позже духовником президента.

Они использовали весь арсенал черного пиара: от обвинений в «неообновленчестве» до организации физических нападений. В дело пошли радикальные националисты из «Черной сотни» и так называемые «казаки». Храмы Кочеткова брали штурмом толпы пьяных людей в камуфляже. Против него организовывали уголовные провокации с инсценировкой избиений, фабриковали псевдодокументальные фильмы вроде «Разоблачения», обвиняли во взаимоисключающих ересьях.

Я читал хронику этих гонений, и меня поражала методичность, с которой антикультовая сеть уничтожала все живое и мыслящее внутри церкви. Они клеймили прихожан Кочеткова «сектантами», отлучали от причастия целыми общинами — включая маленьких детей. Священников, пытавшихся разобраться в ситуации, по совести, отправляли в глухие ссылки. Тех, кто не ломался, доводили до инвалидности, как это случилось с отцом Иоанном Приваловым, чью церковь в Архангельской области фундаменталисты разгромили информационными атаками и ложными доносами.

Система Дворкина не терпела конкуренции. И они добились своего — Кочетков был отстранен, а его братство маргинализировано. Но финал этой истории, задокументированный в статье на Википедии, которую я изучал,

выглядел как гротескная насмешка над самой сутью церковной иерархии. Я выделил последний абзац:

«Сегодня отец Георгий Кочетков — действующий священник Русской Православной Церкви. 23 августа 2015 года, в день празднования 25-летия Преображенского Братства, с благословением Патриарха Кирилла отец Георгий Кочетков служил в Храме Христа Спасителя в Москве. Во время богослужения он произнес проповедь по воскресному Евангелию».

Тем не менее, по мнению сектоведа Александра Дворкина, учение и практика священника Георгия Кочеткова попадают в категорию «Искажение Православия и псевдоправославные секты». Я усмехнулся. Это было бы комично, если бы не было так страшно. Патриарх Кирилл лично дает благословение священнику служить в главном храме страны. Но Дворкину плевать даже на благословения патриарха. В его личной иерархии, в его энциклопедии инквизиции Кочетков остается «сектантом». Даже когда сам глава церкви пытается сделать шаг в сторону примирения, антикультисты все равно оставляют за собой последнее, решающее слово, публично дезавуируя решения патриарха. Этот факт в очередной раз заставил меня задаться леденящим кровь вопросом: кто же на самом деле обладает фактической властью в этой структуре, если даже официальный глава церкви для них — пустое место?

Отдельно я зафиксировал еще один визуальный маркер, который стал идеальной иллюстрацией истинной иерархии в этой структуре. В архивах YouTube мне попалась видеозапись 2023 года. Церемония награждения лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кадры официальной хроники: сцена, свет софитов, торжественная обстановка. Патриарх Кирилл лично, своими руками прикрепляет орденский знак на лацкан пиджака Александра Дворкина и вручает ему почетную грамоту. Но моя профессиональная привычка считывать невербальные сигналы и язык тела, отточенная за тысячи часов в комнатах для допросов, мгновенно зафиксировала аномалию. В поведении Дворкина полностью отсутствовал базовый паттерн подчиненного. В отличие от остальных лауреатов, которые демонстрировали почтение и выражали благодарность, Дворкин даже не удосужился произнести слова благодарности в ответ. Он принял награду как должное. Как обязательную дань.

Дальше видеоряд стал еще более красноречивым. Когда все участники церемонии выстроились в линию на сцене, Дворкин занял место по правую руку от патриарха — прямо по центру композиции. И пока глава РПЦ произносил свою длинную торжественную речь, субъект моего расследования ни разу не удостоил его взглядом. Ни единого поворота головы в сторону говорящего. Вместо этого Дворкин с отстраненным видом поправлял галстук, явно озабоченный исключительно тем, как он сам смотрится в кадре. Периодически он просто пространно смотрел в пустоту перед собой, а в какие-то моменты и вовсе демонстративно отворачивал лицо в противоположную от патриарха сторону. Для специалиста по поведенческому анализу такая невербалика звучит громче любых письменных деклараций. Это классическая, неконтролируемая демонстрация превосходства и глубокого внутреннего пренебрежения. Так не ведет себя верующий перед своим духовным наставником. Так не ведет себя служащий перед верховным руководителем. Скорее в данном случае, так ведет себя кукловод, который вынужден отбывать скучную официальную повинность рядом со своей марионеткой.

Эта публичная сцена стала идеальной визуальной метафорой всего того массива информации, который я проанализировал за последние дни. Вывод напрашивался неумолимый и жесткий. Дворкин не служит государству. Он не служит церкви. Вся эта колоссальная административная и религиозная машина была им взломана, переформатирована и превращена в личный репрессивный инструмент. Инструмент, который нужен этому эволюционировавшему серийному хищнику только для одного: безнаказанно вершить судьбы миллионов людей, упиваясь абсолютной властью под маской святости, прикрываясь святостью и законом.

Отношение Дворкина к Патриарху читалось кристально ясно. Для него он лишь временная функциональная фигура. И, учитывая поведенческий профиль моего субъекта, это лишь вопрос времени, когда на место Кирилла придет кто-то полностью подчиненный самому Дворкину. Я ни на секунду не сомневаюсь, что на пути к этой цели он задействует свои проверенные, безотказные методы. Возможно, в обозримом будущем нынешнего главу РПЦ постигнет та же скоропостижная участь, что и Алексия II. Возможно, от рака, как Иоанн Мейендорф и Александр Шмеман, и другие. А может быть, процесс уже запущен. Возможно, прямо сейчас он медленно и тихо угасает, пока внутри его организма химические соединения, подобранные с медицинской точностью, мимикрируют под онкологию или острую

сердечную недостаточность, или разрушают когнитивные способности его мозга. Капля нужного вещества в чашечке чая, частица токсина в церковной просфоре или глоток «особенного» причастного вина.

Я вернулся к своей доске и снова сфокусировался на отрезке таймлайна, помеченном 2009 годом. Плотность событий на этом коротком промежутке времени исключала любые случайности. Все указывало на то, что это была блестяще спланированная многоуровневая операция. Как идеально ложатся факты. Буквально через месяц после того, как Кирилл официально становится Патриархом, министр юстиции Коновалов утверждает новый состав и беспрецедентные полномочия Экспертного совета, сажая Дворкина в кресло председателя этого совета.

Но этому юридическому акту предшествовала мощная идеологическая подготовка. 12 февраля 2009 года, менее чем через две недели после избрания Кирилла, проходит научно-церковная конференция с громким названием «ПАТРИАРШЕСТВО — ЗАЛОГ ЕДИНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ». Дворкин и его адепты из РАЦИРС принимают в ней самое активное участие. Что примечательно, на сайте Дворкина в пресс-релизе гордо цитируется поступившее в адрес конференции приветственное слово нового Патриарха:

«Важнейшая историческая задача, которая всегда стояла перед нашими Патриархами, — способствовать сохранению чистоты веры и оберегать вверенную Богом паству от лжеучений и разделений».

Дальше события развиваются со скоростью крейсера. Спустя пару месяцев после утверждения Дворкина руководителем государственного совета, проходит международная конференция FECRIS. Там Дворкина избирают вице-президентом европейской антикультовой федерации — пост, который он будет цепко удерживать следующие двенадцать лет. И кто лично присутствует на этом съезде? Министр юстиции Российской Федерации Александр Коновалов. Государственный чиновник высшего ранга приезжает поддержать своего бывшего преподавателя на сборище европейских борцов с сектами. То есть всего за полгода, прошедшие с момента смерти Алексия II и прихода на его пост Кирилла, Дворкин совершает фантастический рывок. Он буквально блистает в лучах легализованного авторитета, концентрируя в своих руках международный статус и почти осязаемую государственную власть.

А итог этой операции подводится осенью того же года. 12 сентября 2009 года Патриарх Кирилл торжественно награждает самого Александра Коновалова Орденом РПЦ «Святого благоверного князя Даниила Московского» II степени. Я смотрел на эту цепочку дат, и картина была предельно прозрачной. Все выглядело так будто состоялась успешная сделка. Каждый фигурант этой схемы безупречно отыграл свою роль на выделенном ему отрезке времени и получил свою награду. Коновалов — орден от церкви. Кирилл — патриарший престол. А Дворкин — статус неприкасаемого, международный авторитет и еще большую власть над жизнями миллионов.

Глава 31

Дивеевский контур

Анализируя этот массив данных, я окончательно убедился: 2009 год стал точкой невозврата для остатков демократических реформ и религиозных свобод в России. Это были официальные похороны секуляризма. Именно тогда реорганизованный Экспертный совет при Министерстве юстиции окончательно зацементировал курс на уничтожение многообразия. Под руководством Александра Дворкина этот орган не просто легализовал давление на «неудобных» — он наладил бесперебойный поток репрессий. Борьба с экстремизмом превратилась в удобную юридическую ширму, за которой методично выжигалось любое инакомыслие.

Учитывая развернувшиеся военные события в Украине начиная с 2014 года, по сути, это была кульминация антикультовой активности перед началом большой крови. Я смотрел на эти хроники и видел пугающее дежавю: ровно сто лет назад в нацистской Германии Вальтер Кюннет разворачивал идентичную стратегию. Историческая аналогия была безупречной и жуткой. В обоих случаях — в Германии 1920–1940 годов и в России 1990–2010 годов — наблюдается одна и та же последовательность действий. Сначала — активизация антисектантской истерии. Затем — успешная «чистка» всех, кого заклеили культистами. И это было далеко не просто прихотью маньяка. Это обязательный этап подготовки нации к широкомасштабной агрессивной войне. Логика здесь проста и беспощадна. Когда государство готовится к вторжению, ему необходим монолитный идеологический

фундамент. Религиозный плюрализм в такой системе — это опасный предохранитель. Если в обществе разные вероисповедания мирно сосуществуют и признают друг друга равными, людей чертовски трудно мобилизовать на массовое убийство других мирно живущих по соседству граждан. Для войны нужны не личности с правом выбора, а управляемая масса с единой прошивкой.

Анализируя факты, я вижу, что на примере современной России этот процесс виден как на рентгеновском снимке. Антикультовая кампания шла рука об руку с тотальной индоктринацией через СМИ. Обработка сознания, конструирование образов внутренних и внешних врагов, последовательное сворачивание гражданских свобод и усиление государственного контроля над совестью. Религиозный фактор был цинично конвертирован в политический капитал. В конечном итоге это многолетнее манипулятивное продавливание сознания масс вылилось в вооруженное вторжение тысяч солдат на территорию Украины и начало полномасштабной бойни.

Разбирая этапы этого восхождения к власти, я пришел к выводу, что Дворкин и РПЦ росли как сиамские близнецы, питаясь одними и теми же ресурсами. Ключевые фигуры, которые, казалось бы, «продвигали» Дворкина, на самом деле могли быть лишь фигурами в его собственной партии. Судя по тому, как вовремя был устранен Алексей II и как вовремя на престол взошел Кирилл, Дворкин виртуозно манипулировал игроками, расставляя их по нужным клеткам своей шахматной доски.

Взять, например, Александра Коновалова — это человек, который обеспечил идеологии Дворкина государственный статус. В архивах я нашел любопытные свидетельства: источники отмечали внезапно возросшую «православность» будущего министра юстиции еще за несколько лет до того самого переломного 2009 года.

Как только Экспертный совет был обновлен, а Дворкин официально утвержден в кресле председателя, связи между Минюстом и новым Патриархом Кириллом стали не просто тесными — они стали монолитными. Хотя Коновалов был близок и к Алексею II, именно при Кирилле этот альянс окончательно оформился в карательную структуру, где церковный донос и министерская подпись стали звеньями одной смертоносной цепи. Дальнейшие отношения Коновалова и Кирилла только укреплялись. Я поднял хронологию их официальных контактов.

24 декабря 2010 года. В рабочей Патриаршей резиденции в Чистом переулке Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл принял министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Согласно официальному пресс-релизу: «Приветствуя гостя, Святейший Патриарх Кирилл высоко оценил **уровень диалога между Русской Православной Церковью и Министерством юстиции РФ...** и выразил надежду на успешное развитие процесса интеграции приходов в правовое поле российского государства. В свою очередь А.В. Коновалов отметил, что **в Министерстве юстиции также удовлетворены характером взаимоотношений**».

«Удовлетворены характером взаимоотношений». Трудно не испытывать удовлетворения, когда государственный закон превращается в карманный инструмент церковной инквизиции.

В ноябре 2012 года Коновалов, уже в статусе выпускника, участвует в торжественном акте, посвященном 20-летию Свято-Тихоновского университета (ПСТГУ). Там же присутствует и Патриарх Кирилл. Учитывая, что в этом университете преподавал Дворкин — именно там он с благословения Алексия II учредил кафедру несуществующей дисциплины «сектоведения», которую куда точнее было бы назвать кафедрой по разрушению человеческих жизней, — все трое вполне могли пересекаться на этом мероприятии.

В какой-то момент в российской прессе Коновалова даже окрестили «тайным монахом». На этот выпад он ответил в интервью «Российской газете»:

«Слухи о моем "тайном монашестве" — одни из самых глупых и невежественных сплетен, распространяемых в последние годы. Однако я получил православное богословское образование. Я учился заочно в Православном гуманитарном университете им. Свято-Тихона (ПСТГУ), параллельно работая в прокуратуре».

На этом моменте я остановился подробнее. Мое расследование с головой окунуло меня в российский сегмент интернета и специфику ортодоксальной повестки. Просеивая информацию, я наткнулся на упоминания о так называемом тайном ордене внутри РПЦ, в который входят влиятельные персоны из государственного аппарата.

Сначала я скривился, почувствовав стойкое отторжение. Тайные ордены, мистика, эзотерические загадки — все это отдавало дешевой конспирологией. В свое время мы в Бюро нахлебались подобного мусора сполна. Обычно такие темы

безжалостно сжирают время и внимание оперативников, а на поверку оказываются паранойей интернет-маргиналов. Если бы в контексте этой темы не всплывало окружение студента Дворкина, я бы просто прошел мимо. Но сейчас мой профессиональный интерес, густо замешанный на желании довести этот профиль до конца, не позволял игнорировать ни одну малейшую деталь.

Углубившись в анализ, я быстро понял, что это далеко не легенда. Скорее секрет полишинеля. Эту структуру в политических кругах России называют «Дивеевским братством».

Исходя из открытых источников, этот неформальный клуб базируется вокруг Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря. И состоит он далеко не из фанатиков с улицы. Это собрание представителей высшей российской политической и бизнес-элиты, во главе которого, по многочисленным свидетельствам, стоит первый заместитель руководителя Администрации Президента Сергей Кириенко. У этого «братства» две стороны. Публичная — респектабельный попечительский совет, занимающийся благотворительностью и вливанием колоссальных бюджетов в монастырскую инфраструктуру. И скрытая, теневая, густо замешанная на квазирелигиозном оккультизме и эсхатологии.

Но мистика мистикой, а элита всегда мыслит категориями активов. Я нашел материалы независимых расследований, которые заземлили этот оккультизм до банальной купли-продажи элитной недвижимости. Кульминацией их верований является так называемая Богородичная канавка на территории монастыря. Согласно местному пророчеству Серафима Саровского, когда наступит апокалипсис и придет Антихрист, он не сможет перешагнуть этот ров.

И что же делают министры, губернаторы и миллиардеры, управляющие ядерной державой? Они скупают земли и недвижимость внутри и вокруг этой канавки. Они всерьез верят, что, когда мир будет рушиться, их участки, приобретенные по заоблачным ценам внутри периметра, спасут их от Судного дня. Покупка недвижимости у святыни стала для них чем-то вроде приобретения VIP-билета в рай и высшим символом статуса среди «своих». Далее анализ привел меня к выводу, что этот элитный клуб служит не просто местом для молитв. Это мистический, но при этом предельно прагматичный центр власти. Место, где в обход официальных кабинетов, в роскошных монастырских трапезных решаются вопросы национального масштаба, назначаются чиновники и распределяются финансовые потоки. И тот факт, что антикультовая идеология Дворкина и его

учеников питается из того же самого симбиоза радикального православия и государственной власти, делает этот синдикат пугающе всеобъемлющим.

Я продолжил разматывать нить этого «тайного ордена». Изучая инфраструктуру их влияния, я выяснил, что членство в элитном «Дивеевском клубе» завязано не только на женском Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре. В эту же мистико-номенклатурную орбиту включен и мужской Саровский монастырь, расположенный в городе Саров Нижегородской области, всего в тринадцати километрах от Дивеево. Оба этих места сегодня официально объединены в единый развиваемый регионом духовный кластер «Арзамас — Дивеево — Саров». Но если в Дивеево доступ открыт, то Саров — это совершенно иная история. Я вчитался в статус города. Саров — это ЗАТО. Закрытое административно-территориальное образование. Туда невозможно попасть с улицы. Въезд строго по спецпропускам, кордоны, транспортные средства подвергаются тщательному досмотру вооруженной охраной. Почему такие беспрецедентные меры безопасности вокруг монастыря? Ответ нашелся в истории города. В 1946 году именно в Сарове был создан сверхсекретный научно-исследовательский центр по разработке ядерного оружия. Сегодня градообразующим предприятием там является Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФНЦ-ВНИИЭФ). Это сердце ядерного щита России.

— Так, так, так... А вот это уже по-настоящему интересно, — протарабанил я пальцами по столу.

Я взял черный маркер, вывел на желтом стикере «Дивеевское братство / Ядерный центр» и пригвоздил его к своей доске расследования. Сочетание религиозного фундаментализма, эсхатологических ожиданий конца света и прямого, физического доступа к центру разработки ядерного оружия — это тот самый коктейль, от которого у любого аналитика по нацбезопасности задрожат костяшки пальцев.

Интуитивно я начал проверять связи Александра Коновалова с этим регионом и моментально наткнулся на критически важную биографическую деталь. Оказалось, что за три года до того, как стать министром юстиции и посадить Дворкина в кресло главы Экспертного совета, Коновалов занимал другую, не менее статусную должность. 14 ноября 2005 года он был назначен полномочным представителем президента РФ в Приволжском федеральном округе. Я посмотрел

на карту — Дивеевский монастырь и закрытый ядерный Саров находятся именно в этом округе.

Информационная справка сухо поясняла: полпред — это должностное лицо, назначаемое лично Президентом России, которое представляет главу государства и обеспечивает реализацию его конституционных полномочий на вверенной территории. Но главное заключалось в том, *кого* именно Коновалов сменил на этом посту. Он занял кресло Сергея Кириенко. Того самого человека, которого бесчисленные российские медиаисточники называют негласным главой «Дивеевского братства». Именно в этот период, сразу после назначения Коновалова на пост полпреда, в СМИ начали активно вбрасываться сообщения о том, что он глубоко верующий православный человек и студент Свято-Тихоновского богословского института.

Я вытащил из принтера еще один документ, привлечший мое внимание. Это была стенограмма встречи от **23 ноября 2005 года**. Свежеиспеченный полпред Коновалов встречается с патриархом Алексием II.

Патриарх с нескрываемым удовлетворением заявляет: «Очень приятно, что новым полномочным представителем президента России в Приволжском федеральном округе стал человек верующий». При этом Алексей II особо отмечает, что предшественник Коновалова, Сергей Кириенко, «многое сделал для возрождения Церкви в этом регионе». Ответ Коновалова был показательным. Он не просто поблагодарил за напутствие. Как фиксируют хроники, он подчеркнул «преемственность своих установок в области церковно-государственных взаимосвязей по отношению к предшественнику» и специально акцентировал внимание на **«собственных посещениях Серафимо-Дивеевского монастыря и личном опыте церковной жизни»**.

Звучало как присяга на верность не только государству, но и конкретному Дивеевскому клану. Решив проверить, насколько слова Коновалова о его «собственных посещениях» соответствуют реальности, я вбил в поиск его фамилию в связке с геолокацией монастырей. Открывая информационные сводки, я брал красный маркер и с нажимом подчеркивал даты его официальных и неофициальных визитов:

«29 июля 2006 года — Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II прибыл в Саров (13 километрах от Дивеево) *его встречали полномочный представитель Президента РФ в ПФО Александр Коновалов и губернатор*

Нижегородской области...Предстоятель Русской Православной Церкви передал в дар новому храму набор евхаристических сосудов. По окончании Божественной литургии в новоосвященном храме Святейший Патриарх Московский и всея Руси вручил церковные награды ряду благодетелей, принимавших участие в возрождении храма, а также некоторым представителям руководства Нижегородской области... По окончании **Богослужения Его Святейшество обратился к присутствующим с Первосвященническим словом и вручил А.В. Коновалову и В.П. Шанцеву** за вклад в подготовку к празднованию 300-летия Саровской пустыни ордена прп. Серафима Саровского, II степени».

«31 июля 2006 года в Сарове возобновилась монашеская жизнь — в церемонии участвовали **Александр Коновалов**, кинорежиссер Никита Михалков и несколько монахинь».

«15 января 2007 года Церемония награждения проходила в **Свято-Троицком храме Серафимо-Дивеевского монастыря**, где Александр Коновалов выразил уверенность в важности подобных инициатив».

А в июле 2007 года полномочный представитель президента Коновалов выступает с докладом на IV ежегодной всероссийской научно-богословской конференции. Тема мероприятия звучит весьма символично: **«Православная Церковь и государство в исторической судьбе России»**. Локации проведения конференции образуют тот самый элитный треугольник: **Нижний Новгород — Саров — Дивеево**.

Я распечатал стенограмму его выступления и выделил красным маркером абзац, который прямо манифестировал его будущую политику. Этот текст я вынес в отдельный файл заметок:

«Авторитет Церкви в области вероучения *in definitio* не нуждается в каких-либо доказательствах и апробации; **социальная же ее деятельность вправе претендовать на эксклюзивное и льготное положение** только на основе демонстрации реальной дееспособности и эффективности инициатируемых и реализуемых Церковью проектов. Стабильное и авторитетное положение Церкви в современном российском обществе должно происходить не из накопления суммы эксклюзивных практик "добрых отношений" церковных организаций с симпатизирующими им людьми, наделенными компетенцией принятия управленческих решений либо праведно или неправедно нажитым

капиталом, а из системной пропаганды и демонстрации Церковью жизненной силы своего учения в современных условиях. Признаком адекватности положения Церкви в социальной сфере способно послужить действенное недеklarативное законодательство о религиозных объединениях, а весьма желательным его условием — надлежащее исполнение государством своих обязательств перед гражданским обществом в части восстановления и поддержания в порядке памятников истории и культуры, обеспечения доступа граждан к культурному и духовному наследию России, создания необходимых условий для вовлечения религиозных организаций традиционных российских конфессий в посильное им несение бремени социальных функций».

Я отложил маркер и вчитался в эти строки. Чиновник высшего ранга, представляющий светское государство, открыто заявляет, что авторитет одной конкретной церкви не нуждается в доказательствах, и прямо подчеркивает ее право на «эксклюзивное и льготное положение». Он призывает к «системной пропаганде» и открыто говорит о необходимости пересмотра законодательства под нужды этой религиозной структуры.

И этот самый человек, публично декларирующий необходимость правовых преференций для одной конфессии в ущерб всем остальным, всего через год после этого доклада станет министром юстиции Российской Федерации. А спустя еще около 13 лет — Полномочным представителем президента Российской Федерации в Конституционном суде Российской Федерации. Похоже системный захват правового поля страны начался именно с таких программных заявлений.

Поиск выдавал все новые даты его визитов в духовный кластер Дивеевского клуба. **15 января 2008 года.** Александр Коновалов, все еще в статусе полпреда, официально присутствует на торжествах по случаю 175-летия преставления преподобного Серафима Саровского в Дивеевском монастыре.

Исходя из проанализированной хронологии, Коновалов не просто «посещал» этот регион. Он был глубоко и системно интегрирован в орбиту Дивеево-Саровского кластера. Его карьерный взлет, начавшийся со смены Сергея Кириенко на посту полпреда в регионе, где базируется этот «элитный клуб», и закончившийся креслом министра юстиции, выглядит как планомерное продвижение своего человека на ключевую позицию в государстве. Человека, который, оказавшись на вершине, первым делом отдаст возможность контролировать права и свободы граждан огромной страны в руки психопата.

Еще одно ответвление этой информационной цепочки, связанное с Дивеевским братством, привлекло мое внимание именно из-за фигуры Сергея Кириенко. Согласно общедоступным базам данных, на сегодняшний день этот человек является Первым заместителем Руководителя Администрации президента Российской Федерации. Пост, который в российской политической иерархии означает практически неограниченный, теневой контроль над внутривластным блоком страны.

Сведений о личных контактах Кириенко и Коновалова в сети оказалось предостаточно. Их преемственность носила не только аппаратный, но и подчеркнуто сакральный характер. Когда в 2005 году Кириенко передавал Коновалову пост полпреда в Приволжском федеральном округе, они вдвоем, пришли на литургию в Спасский кафедральный собор. Передача власти была освящена публичным религиозным ритуалом. Но гораздо интереснее выглядела их следующая задокументированная встреча. Она произошла весной 2009 года. Я сверил таймлайн на доске. Это было то самое время — вскоре после того, как Коновалов учредил новый Экспертный совет Минюста, отдав его под контроль Дворкина, и накануне той самой международной конференции FECRIS в Санкт-Петербурге, куда министр юстиции приедет лично поддерживать своего бывшего преподавателя.

12 мая 2009 года. Сергей Кириенко и Александр Коновалов вместе присутствуют на официальной церемонии подписания двусторонних документов в Токио, в рамках российско-японских переговоров. Я открыл архивы новостных порталов и увеличил фотографию с этого мероприятия. Увиденное заставило меня присвистнуть. В центре кадра, вместе с ними, находился Владимир Путин.

Чутье старого федерала не подвело меня. Фигура Александра Коновалова была далеко не такой простой и технической, как могло показаться на первый взгляд. Его тесный, задокументированный контакт с негласным лидером Дивеевского братства и вхождение в круг Путина делали его идеальным проводником. И здесь круг замыкается еще одной деталью: российские журналисты-расследователи прямо указывают, что именно Сергей Кириенко в свое время впервые привозил Владимира Путина в тот самый женский монастырь в Дивеево. Мне нужно было до конца разобраться, какую именно роль в деле Дворкина сыграл это братство. Очевидно, что стремительный карьерный взлет Дворкина и его легализация на государственном уровне были бы невозможны без Коновалова. А Коновалов, в свою очередь, можно сказать был тесно связан с

Дивеевским братством. Это означало, что маховик антикультовых репрессий был запущен не просто «экспертом» с психопатическими чертами, а похоже, что он получил прямую поддержку и скорее всего финансирование от самой влиятельной группировки внутри российской политической элиты.

Я вывел на монитор схему связей, которую только что набросал на основе полученных документов. Клубок Дивеевского братства начал разматываться, и то, что предстало перед моими глазами, пугало своей масштабностью. Это была не просто тусовка высокопоставленных чиновников с религиозными наклонностями. Это был настоящий мозговой центр, в котором слились воедино государственная власть, антикультовая идеология и очень похоже, что ядерное оружие. Еще на этапе первичного сбора данных я зафиксировал жесткую географическую привязку. Штаб-квартира братства базировалась в Свято-Серафимско-Дивеевском монастыре. Всего в тринадцать километрах от него располагалась Саровская пустынь. А когда я увидел, что в Сарове расположен Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, многое встало на свои места. Это историческая родина советской атомной бомбы и до сих пор главный центр разработки российского ядерного оружия.

И тогда вся эта конструкция зазвучала уже совсем по-другому. Люди, принимающие решения государственного масштаба, решения, от которых в буквальном смысле зависит судьба миллионов, «мирно молятся в монастыре», пьют кагор в монастырских трапезных и ведут свои тихие беседы в нескольких километрах от места, где создаются ядерные боеголовки. Слишком уж символично, чтобы быть простым совпадением. Возникает неприятный вопрос: чему именно посвящены их молитвы в этих стенах? О чем они думают, глядя на иконы с изображением Христа? Я очень сомневаюсь, что речь там идет о мире, любви к ближнему и гармонии с соседними народами. И тогда уже не кажется таким удивительным, что в 2007 году патриарх Алексей II официально назначил преподобного Серафима Саровского **«небесным покровителем» ядерного щита России**. Слишком многое в этой системе было завязано именно на фигуре Серафима Саровского и на той особой, почти мистической роли, которую отводили ему члены Дивеевского клуба. Особенно если вспомнить их навязчивую одержимость легендами о «канавке», которая якобы должна спасти избранных от грядущего апокалипсиса.

На данный момент в секторе моей доски расследования, озаглавленном «Дивеево / Ядерный центр», висело всего несколько фотографий и коротких выписок из досье. Но архитектура подобных теневых структур диктует свои математические правила: для обеспечения работы механизма такого масштаба и прикрытия настолько радикальной идеологии количество действующих лиц первого эшелона должно быть гораздо больше.

Я снова погрузился в мониторинг российских баз данных и аналитику открытых источников, методично выхватывая новые имена и выстраивая их иерархию в отдельном оперативном файле. Мне стало интересно подробнее изучить Сергея Кириенко, который в 2005 году передал пост полномочного представителя президента в Приволжском федеральном округе Александру Коновалову — бывшему студенту и верному активу Дворкина.

Сразу после этой кадровой рокировки Кириенко переходит на позицию стратегического значения: **он возглавляет государственную корпорацию «Росатом» и сохраняет за собой абсолютный контроль над ядерной монополией страны на протяжении почти одиннадцати лет.** Дальше цепочка преемственности выстраивалась с пугающей прямолинейностью. Независимые российские источники прямо указывали на то, что уже на сегодняшний день действующий глава «Росатома» Алексей Лихачев также является полноправным членом «Дивеевского братства». Контроль над ядерным арсеналом и атомной энергетикой не просто остался в системе — он бережно перешел из рук в руки внутри одного закрытого религиозно-политического клуба. Но финальный штрих в этой структуре расставил следующий выявленный фигурант. В списках людей, входящих в братство, значился Андрей Белоусов — министр обороны Российской Федерации. Перед своим выдвижением на этот пост он посетил Дивеевский монастырь в Нижегородской области. Каково же было мое удивление или, быть точнее, недоумение, когда мне встретилось фото, на котором этот федеральный чиновник высшего ранга предстал передо мной в полноценной церковной рясе.

Я даже слегка посмеялся. Но моя реакция не была вызвана тем, что меня забавляет религиозность политиков. Совсем наоборот. Что может быть лучше для государства, чем министр, живущий по заповедям Христа, верно? Вот только если бы не тот чудовищный объем данных об антикультовой структуре, в который я окунулся с головой, изучая, как они извратили и выпотрошили российское православие до самого основания.

Ну уж больно нелепо и странно выглядит картина, когда в стране, чеканящей шаг навстречу тоталитаризму, на каждой ключевой должности — особенно в военной отрасли и спецслужбах — сидит человек чуть ли не в обнимку с иконами. С таким количеством высокопоставленных чиновников и министров, тесно сближенных с церковью, вся Россия уже давно должна была превратиться в благочестивую духовную обитель, излучающую мир и благодать. Но почему-то реальность демонстрировала диаметрально противоположный пейзаж, залитый кровью и настигнутый репрессивными законами.

Так что показная «воцерковленность» людей из ближнего кремлевского круга сейчас не вызывала у меня ни малейшего доверия. После всего того мрака, который я успел проанализировать, демонстративное православие чиновников высшего эшелона провоцировало у меня лишь профессиональную паранойю и глухое подозрение. Слишком хорошо я уже понимал, во что именно идеологическая машина Дворкина превратила религию в этой стране.

Для них ряса, кресты и поездки в Дивеево — едва ли может быть связано с верой. Скорее это просто униформа. Специфический маркер принадлежности к закрытому радикальному ордену, где религиозные догмы давно выкинуты за ненадобностью и используются исключительно в качестве инструмента — инструмента для сакрализации собственной власти, тотального контроля над государственными ресурсами и циничного оправдания любой военной агрессии.

Следом алгоритм поисковика выдал мне архивную статью ВВС. Фрагмент этого материала расставлял все по своим местам:

«У Белоусова есть четыре задачи: готовность исполнить любой (да-да, и этот в том числе) приказ. [Ядерный] чемоданчик при нем. Не ссылаясь, что у военных "другое мнение". Второе — от мобилизовать экономику для войны, которая по длительности и параметрам отличается от плана, мягко говоря. Третье — политически "унасекомить" военных, которые в ходе войны всегда начинают политически набирать вес. Четвертое, и, может, главное — безопасность. Военные играли важную роль в свержении/сохранении вождей, их вожди боятся. Его задача, чтобы и тени заговора не было».

Люди, управляющие атомной отраслью огромной страны, состоят в мистическом братстве, где эсхатологические ожидания конца света тесно переплетаются с государственными должностями. Все же меня сейчас

интересовало другое: как эта политическая и ядерная мощь связана с антикультовой сетью Александра Дворкина?

Мне пришлось долго и методично клацать по ссылкам, сверять биографии, должности, географию перемещений, визиты в Дивеево и Саров. Работа была муторная, почти канцелярская, но именно из таких скучных деталей обычно и складывается каркас большого дела. В какой-то момент я поймал себя на странной мысли: книга Виктора завела меня туда, куда я бы никогда не сунулся по собственной воле. Я всю жизнь держался подальше от политики, только если того не требовало дело и уж тем более от российских политиков, а теперь, похоже, в гуще этого расследования рисковал стать специалистом по их аппаратным связям.

В итоге цифровой след привел меня к фигуре Андрея Клишаса. Имя показалось мне смутно знакомым, где-то на периферии памяти, но, очевидно, при первичном анализе его персона не показалась мне настолько важной, чтобы вынести ее на отдельный стикер. Зря.

Согласно данным российских журналистов-расследователей, специализирующихся на окол властных структурах, Клишас является не просто политиком. Он — полноправный член «Дивеевского братства» и, по совместительству, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству.

Мой внутренний радар мгновенно уловил сигнал. Оказалось, что именно через Клишаса в 2017 году в верхнюю палату парламента было спущено «предложение» о создании рабочей группы по борьбе с так называемыми «сектами». Практическое исполнение этого поручения он возложил на сенатора Елену Мизулину. И вот тут шестеренки в моей голове окончательно сошлись. Я вспомнил, где уже натыкался на эту информацию: именно госпожа Мизулина, формируя антисектантский пакет законов, сидела за одним столом и плотно взаимодействовала с Александром Дворкиным.

Цепочка выстраивалась железобетонная: Дивеевское братство (Кириенко — Клишас) делегирует задачу Совету Федерации, а те привлекают в качестве главного идеолога и «эксперта» Дворкина.

Совет Федерации под контролем людей Клишаса планомерно и безжалостно проталкивал антисектантские законы. Я зашел на их официальный сайт и вчитался в опубликованные там программные заявления. Одно из них гласило прямым

текстом: *«Плюрализм мнений в вопросах религии абсолютно ни к чему и даже опасен».*

Анализа риторики Дворкина, который я провел за время моего расследования, было более чем достаточно, чтобы констатировать: высший законодательный орган страны не просто цитирует, он буквально копирует риторику и терминологию идеологов антикультовой сети. Законодатели говорили языком инквизиторов.

В одной из аналитических статей мне встретился еще один красноречивый факт, который окончательно расставил все фигуры на доске. Текст гласил:

«Президент России Владимир Путин в четверг провел вторую встречу с рабочей группой по подготовке поправок в Конституцию, спустя почти месяц после ее создания».

А прямо под текстом красовалась официальная фотография. За одним столом, локоть к локтю, сидели уже знакомые мне лица — куратор внутренней политики **Сергей Кириенко, сам сенатор Андрей Клишас. И Владимир Путин.**

Ключевые игроки скрытой власти были у меня перед глазами. Круг лиц, переписывающих Конституцию огромного ядерного государства, состоял из тех самых людей, которые входили в мистический орден Дивеево и обеспечивали политическую «крышу» для системы радикальных репрессий, запущенной Александром Дворкиным.

Вторая линия связи с сетью Дворкина вела через церковную иерархию. В центре Дивеевского церковного кластера находится митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. Исходя из открытых источников именно он с начала 2000-х годов привлекал в монастырь чиновников и бизнесменов, формируя этот элитный круг. И этот же митрополит возглавил комиссию **по вопросам организации церковной миссии**. Я посмотрел на состав этой комиссии и вновь выписал ключевые лица в заметки. Секретарь — **протоиерей Андрей Кураев**, тот, который долгие годы был ближайшим сподвижником Александра Дворкина. Член комиссии — протоиерей **Дмитрий Смирнов**, активный участник РАЦИРС, который в 2001 году на конференции Дворкина, посвященной борьбе с «культами», сокрушался о том, что в России **«нет таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти [ядерные] кнопки».**

А сам митрополит Георгий активно использовал антикультовую риторику для расправы с неугодными внутри епархии. В открытых источниках описано, как он устроил «показательную расправу» над несколькими священниками, отстранив их от служения и заставив публично чистить снег под надзором видеокамер, пока на закрытых собраниях их клеймили «новоявленными сектантами».

— Методология Дворкина, — произнес я вслух, глядя на экран.

Анализ состава Дивеевского клуба выявлял жесткую, математически выверенную корреляцию: ключевые фигуранты имели прямой доступ к военным ресурсам государства и открыто поддерживали вооруженную агрессию против соседней страны. Учитывая подтвержденный симбиоз этой номенклатуры с сетью Александра Дворкина, вырисовывался закономерный мотив. Для субъекта, чей психологический профиль формировался с каждой новой страницей моего досье, масштабная война не была побочным эффектом или политической необходимостью. Она была высшей точкой реализации. Сотни тысяч уничтоженных жизней, институционализированная жестокость, разорванные социальные связи — это абсолютный максимум для высокофункционального макро-садиста, успешно захватившего идеологический контроль над государственными механизмами. Война давала ему то, чего не могла дать ни одна локальная травля так называемых «сектантов» — легализованное производство смерти в масштабах целого континента.

Теперь предстояло отследить механизм экспорта этой идеологии. Требовалось понять, как именно риторика нетерпимости, выращенная в закрытом инкубаторе Дивеевского братства и РАЦИРС, преодолела государственные границы и конвертировалась в топливо для реального вооруженного конфликта.

Глава 32

Разжигание ненависти

Хронология указывала на 2014 год. Макрокриминалогический подход предполагает, что при трансформации режимов существуют **критические точки бифуркации**. И аналитики указывают, что для институциональной структуры российской власти таким водоразделом стали события в Крыму и начало конфликта на востоке Украины. До этого момента внутри российской политико-

религиозной элиты существовала конкуренция — так называемое «Афонское братство», ориентированное на монастыри в Греции. Но с приходом международных санкций большинство представителей этой группы лишились европейских виз. Конкуренты были отрезаны от своей святыни, и Дивеевский клуб остался абсолютным, монопольным духовным центром российской политической и силовой элиты.

Когда я посмотрел, кто возглавил интеграцию новых, охваченных войной территорий Украины, то даже не удивился. Сергей Кириенко — негласный лидер Дивеевского братства — официально назначается кремлевским куратором, а российские медиа сообщают, что в кулуарах он получает статус «вице-короля Донбасса». И что происходит на этих территориях? Журналистские расследования и отчеты профильных изданий, таких как Bitter Winter, фиксируют беспрецедентный правовой прецедент: самопровозглашенные ДНР и ЛНР стали *«единственными местами в мире, где борьба с "культами" является конституционным принципом»*.

Стоит только вдуматься в этот факт. Не экономика, не права человека, а инквизиция становится основой законодательства. Для Дворкина и его сети это была идеальная лаборатория — зачищенная территория, где нет вообще никаких сдерживающих правовых механизмов, где можно безнаказанно обкатывать методы тотального контроля. Я начал искать, как активисты его сети обосновали начало этой агрессии. Выяснилось, что Дворкин блестяще отработал схему расчеловечивания по лекалам нацистской идеологии — ту самую, что передалась ему от Огорда, а тому — от идейного «вдохновителя» нацистов Кюннета.

30 апреля 2014 года он дает развернутое интервью правительственному радио «Голос России». Отвечая на вопрос о «скрытых религиозных повестках дня Майдана», он безапелляционно заявляет, что за протестами в Украине стоят секты — сайентологи, Свидетели Иеговы, неопятидесятники. Он обвиняет все религиозные организации, не относящиеся к Московскому патриархату, в разжигании национализма, утверждая, что они работают по прямой указке западных спецслужб.

Но это не было спонтанным заявлением. Факты вывели меня на то, что это была долгосрочная гибридная операция. Украинский религиовед Людмила Филипович четко отследила эту закономерность. Попытки продавить антикультовое законодательство в Украине предпринимались Москвой точечно: в

2004 и 2013 годах, прямо накануне массовых гражданских протестов. Филипович констатирует:

«Я рассматриваю нынешнюю инициативу [законопроект о борьбе с куклами] как очередное проявление гибридной войны. Я вижу в этом — не будучи сторонником теорий заговора — очевидную "руку Москвы", простите за выражение. В конце концов, они неоднократно пытались протолкнуть там аналогичный закон, запрещающий все религии, кроме Московского патриархата».

Выходит, что когда законодательный захват чужой страны провалился, в ход пошла армия? Но похоже, что для настоящей, кровопролитной бойни сухих политических лозунгов мало. Нужна кровь в речах. Нужна абсолютная дегуманизация противника. И я увидел это, когда ознакомился с заявлениями Александра Новопашина, вице-президента РАЦИРС и доверенного лица Дворкина. То, что я увидел в его словах, не содержит ни намек на христианское милосердие или теологический спор. Православный священник, насколько я смог понять из перевода, по сути, сравнивает украинцев с канныбалами:

«Для меня они все канныбалы... Я назвал их так, потому что видел их именно такими. Эти бесчеловечные люди проливают человеческую кровь, кровь детей и женщин, нашу кровь; они пожирают жизни людей и питаются страданиями. Так кто же они? Канныбалы. И все те, кто совершил террористические акты на нашей земле, которых я перечислил ранее и имена которых не назвал, — канныбалы. Бесполезно сажать канныбалов в клетку. Они так и останутся канныбалами, даже если держать их там всю жизнь. Поэтому канныбалов нужно уничтожить».

— Ну каков же ублюдок, — процедил я сквозь зубы.

Мне было физически противно читать эти строки. Учитывая те ужасающие, кровавые события, которые прямо сейчас разворачиваются в Украине — во многом именно из-за подобной, вбиваемой в головы масс дегуманизации, — масштаб страданий невинных людей не укладывался в голове. И этот человек, транслирующий в эфир чистый, дистиллированный нацизм, является правой рукой лидера транснациональной антикультовой сети, чей профиль идеально совпадает с профилем серийного убийцы. Как он вообще умудряется уместить такую непомерную степень лицемерия и садизма под своей церковной рясой? По сути, этот субъект занимается вербальным программированием геноцида. Как все

просто в его искаженной реальности: расчеловечить цель, повесив на нее хтонический ярлык «каннибала», а затем, с холодной логикой патологоанатома, обосновать необходимость физического истребления нации — просто, потому что «бесполезно сажать в клетку».

Факты указывают мне на то, что антикультовая сеть обернула агрессивную войну в термины, громко извергаемые православной церковью в России, вроде «освободительной битвы» и «торжества над нечистой силой», провозгласив себя «богоизбранным народом». По последствиям видно, что их информационный террор, годами оттачиваемый на стигматизации беззащитных религиозных меньшинств внутри страны, стал катализатором реальной, физической войны за ее пределами.

Схема этого кошмара была выстроена безукоризненно. Дивеевское братство, состоящее из членов, контролирующих государственный аппарат и «Росатом», обеспечило административный и ядерный зонтик. Русская Православная Церковь выдала на это духовную индульгенцию. А Александр Дворкин и его антикультовая инквизиция буквально вложили в головы миллионов граждан и в руки солдат идеологическое обоснование для того, чтобы нажимать на курок, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Конечно, меня все еще волновал вопрос: так кто же этот «кремлевский маньяк», как прозвал Дворкина Виктор, в этой сложной шахматной партии Дивеевского братства? То, что он является его идеологическим движком, — совершенно очевидно, слишком много фактов на это указывают, и слишком много взаимосвязей переплетаются друг с другом. Но все же, стоит ли он во главе этого ордена, или же его сеть — это лишь оружие тех, кто находится в высших эшелонах государственной и ядерной российской мощи? Анализ фактов и внутреннее чутье охотника за разумом, как сказал бы старина Дуглас, подсказывали мне другие выводы. Хотя мне и встречается мнение в инфопространстве среди некоторых аналитиков, что именно Дивеевский орден использует антикультистов как свой рабочий винтик, рвущийся к власти, но то, что я расследовал за это время, детально изучив поведенческие паттерны Александра Дворкина, наводит меня на иную мысль. Я прихожу к выводу, что Дворкин — именно тот, кто обыграл их всех вместе взятых. Он мастерски управляет ими, оставаясь в удобной тени. В конце концов, даже глава огромного ядерного государства говорит его словами. Но кто над кем доминирует окончательно — это определенно требует отдельного расследования.

Я еще раз посмотрел на досье Сергея Кириенко. Тот факт, что нынешний куратор внутренней политики Кремля и негласный лидер Дивеевского братства с 2005 по 2016 год лично возглавлял «Росатом», выводил уровень исследуемой мной угрозы за пределы обычной криминалистики. Ядерный арсенал страны находился в руках людей, чье мировоззрение формировалось в закрытом мистическом клубе, тесно спаянном с церковными радикалами и антикультовой сетью, возглавляемой психопатом с садистскими чертами. Более того, источники вывели меня на факт, подтверждающий их круговую поруку: 12 декабря 2022 года Сергей Кириенко лично вручил государственную награду — орден Дружбы — протоиерею Александру Новопащину. Видимо, он достаточно выслужился своими нацистскими речами про «каннибалов», чтобы заслужить такую «теплую дружбу» от государства. И, как указывалось в официальном пресс-релизе об этом событии, где Кириенко лично пожимает Новопащину руку, получил он этот орден **«за большой вклад в сохранение и развитие духовно-нравственных и культурных традиций, многолетнюю плодотворную деятельность»**. Вот оно — сохранение и развитие духовно-нравственных традиций в стране, которую полностью подмяла под себя антикультовая садистская идеология Александра Дворкина. И каков результат такой «многолетней плодотворной деятельности»? Кровопролитная, жестокая война, убивающая невинных мирных жителей Украины.

Даже поверхностное изучение истории показывает, что любая полномасштабная война начинается задолго до того, как границу пересекают первые танки. Она начинается с подготовки умов. Это на своем мрачном примере хорошо показала Германия двадцатых-тридцатых годов. Что-то подтолкнуло меня инициировать поиск по базам данных, отслеживая деятельность антикультовой сети Дворкина непосредственно на украинской территории. И то, что я обнаружил в следующие несколько часов, представляло собой классическую, хрестоматийную операцию глубокого внедрения.

Оказалось, что на территории украинского государства годами беспрепятственно функционировала российская агентурная сеть Дворкина. Я начал выстраивать структуру этого спрута. В 2011 году при Украинской православной церкви Московского патриархата был основан Всеукраинский апологетический центр (ВАПЦ) имени Иоанна Златоуста. Он стал официальным представителем РАЦИРС в Украине. Но кто стоял за технической реализацией этого проекта? Поисковые алгоритмы выдали мне ключевую фигуру. Павел Бройде. Гражданин Украины, который позиционировал себя как защитник общества и

борец с сектами. Я просмотрел его послужной список: президент Всеукраинского диалогового центра, исполнительный директор Восточноевропейского диалогового центра по защите семьи и личности. А президентом этой восточноевропейской структуры числился не кто иной, как (конечно же) Александр Дворкин.

Медиа источники, фиксирующие его активность указывали на то, что Бройде годами создавал региональные филиалы в украинских городах: Запорожье, Днепре, Николаеве, Одессе и Донецке. Под прикрытием «апологетики» он вербовал молодежь, формировал информационные ресурсы и выстраивал связи в правоохранительных органах и СМИ Украины. Но истинная природа этого «борца с культами» из армии Дворкина вскрылась благодаря утечке данных. Я открыл материалы международного сообщества InformNapalm за октябрь 2016 года. Взлом электронной почты Владислава Суркова — политического советника президента России, курировавшего украинское направление. Я читал эти письма, и передо мной разворачивался самый настоящий план информационной диверсии. Антикультист Павел Бройде оказался тайным агентом Кремля. В письме Суркову от 10 июля 2014 года Бройде предлагает создать сеть специализированных веб-сайтов для российской пропаганды. Я выписал его предложения из отчета: сайт политического анализа, который «не должен создавать впечатление "пророссийского" сайта»; военный новостной сайт «для формирования негативного отношения в украинском обществе к "антитеррористической операции" и киевскому режиму»; антивоенный сайт «для деморализации украинского населения и армии». В своем резюме для Суркова Бройде с гордостью подчеркивает, что имеет давние связи с пророссийскими сотрудниками МВД в Запорожье (украинский город): *«он руководил нашей линией в Министерстве внутренних дел 10 лет»*.

Десять лет. В то время как украинские власти считали его безобидным якобы «исследователем религий», агент сети Дворкина создавал инфраструктуру для развала страны изнутри. Более того, я перечитал свои заметки, которые делал при прочтении рукописи Виктора, и обнаружил еще один важный фрагмент, который дополняет выявленные взаимосвязи:

«Ирина Кременовская — широко известная последовательница Дворкина в сети. В сети нашелся доклад "Российские методы дезинформации: их влияние и угрозы национальной безопасности", в котором упоминалось о том, что Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в 2020 году

подчеркнула опасное антидемократическое влияние Дворкина и его антикультовой сети, недвусмысленно акцентируя внимание на угрозе, которую их деятельность и связанные структуры представляют для религиозной свободы и демократических ценностей в регионе. В этом сложном ландшафте Ирина Кременовская, директор "Центра экономических и правовых исследований" и интернет-портала "Говори", очевидно, стала значительной фигурой в российском антикультовом движении на Украине, фактически действуя как агент РПЦ. Как видно, после ухода другой ключевой фигуры Павла Бройде, Кременовская попыталась занять позицию "главного антикультиста" в рамках Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) на Украине. Многочисленные свидетельства указывают на то, что ее риторика и действия тесно согласуются с российскими дезинформационными кампаниями, демонстрируя прямую координацию с российской антикультовой сетью под руководством Александра Дворкина. Это сотрудничество, очевидно, направлено на то, чтобы разделить украинское население, подавить его права и свободы и оправдать военные действия агрессора на украинской территории».

Конечно, я понимал, что за этой информацией стояло гораздо больше и по этой ячейке сети Дворкина в Украине было бы хорошо сделать отдельное расследование. Поэтому я сделал себе пометки, оставив эту информацию «на потом» для более детального изучения.

Понимая, что при активном участии Бройде почва для военной агрессии внутри страны была подготовлена, я сразу перешел к анализу самой риторики, которая привела к трагическим событиям. Как антикультовая сеть обосновывала военное вторжение в Украину? Я начал собирать цитаты представителей РАЦИРС и FECRIS. Их тактика поражала своим цинизмом: они взяли технологию демонизации, обкатанную на малых религиозных группах, и применили ее к целому государству. Одним из первых эту повестку начал разгонять Владимир Рогатин — член-корреспондент европейской федерации FECRIS и руководитель Николаевского центра для жертв деструктивных культов. В 2014 году он заявил:

«Дискриминация вышла на качественно иной уровень. Надо признать, что там были не только православные и униаты; в протестах на Майдане участвовали неоязычники, баптисты и различные движения».

В другом интервью он добавил:

«В Украине наблюдается увеличение влияния и присутствия разного рода сатанинских сект... По разным оценкам, в нашей стране действуют более сотни сатанинских групп...»

Эту же линию транслировал и сам Дворкин:

«Весь первый киевский майдан — 2004-го — был насквозь неопятидесятническим. Там вырос целый лес их палаток. Сандей Аделаджа — скандально известный украинский проповедник нигерийского происхождения...»

К хору присоединился член РАЦИРС Роман Силантьев — автор выдуманной им дисциплины «деструктологии», чье имя я уже нанес на карту расследования. Он выдал диагноз в стиле своей псевдонауки:

«И вообще, ситуация с массовой истерией, которую мы наблюдаем в Украине, по сути напоминает то, что происходит в культах».

Вот так выглядела эта слаженная, методичная кампания по расчеловечиванию украинского народа. Они навесили на целую страну ярлык «сатанинского культа». Я уже знаю, как работает эта механика: если ты убедишь население, что по ту сторону границы живут не люди, а фанатики-сектанты или сатанисты, проще говоря «не люди», у обработанных такими манипуляциями солдат не дрогнет рука нажать на спусковой крючок.

А дальше в дело вступила Русская Православная Церковь Москвы, окончательно превратившись в инструмент военной пропаганды. Мне попалась расшифровка на ведущем российском православном канале «СПАС» (принадлежащем Московскому патриархату) с 2021. «Вечер на СПАС» стал ведущей медиа-платформой для обсуждения вопросов Русской Православной Церкви, ориентированной на широкую православную аудиторию из разных стран. В одном из этих выпусков вновь обсуждалась ситуация на фронте. Среди гостей был Евгений Никифоров, директор православной радиостанции «РАДОНЕЖ», которая, как выяснилось, когда я промониторил их ресурсы, часто транслирует интервью с протоиереям Александром Новопашиным (вице-президентом РАЦИРС), а Евгений Никифоров также лично оказывал активную поддержку Дворкину в преследовании духовенства Русской православной церкви. В их совместных радиопередачах священнослужители, о которых они говорили, систематически дискредитировались и автоматически изображались как создатели «псевдоправославных сект». Так вот среди прочего в той серии «Вечер на СПАС» Никифоров заявил следующее:

*«Болезнь в Украине зашла так далеко, что никакие убеждения, переговоры или что-либо еще не могут ее вылечить; там возможна только хирургическая операция. Поэтому единственным ответом на эти нацистские демонстрации является "Солнцепек", это нужно полностью сжечь... Кто-то может сказать: "О, это не по-христиански", — но это вполне по-христиански! Просто этика этих людей, которые позиционируют себя как язычники, простите, — и с ними будут обращаться как с язычниками. Так что для вас это **не новозаветная этика, а ветхозаветная** — этика пророка Илии, который лично перерезал глотки 300 слугам Ваала. И с ними должно быть то же самое — уничтожать без всяких сомнений. Только ветхозаветную этику, или, вернее, только этот язык, они понимают».*

Я смотрел на экран и даже сам до конца не понимал, что испытываю в этот момент. Деятель православного христианства публично призывает применять тяжелые огнеметные системы по населенным пунктам, прикрываясь Ветхим Заветом. Я вбил в поиск название «Солнцепек» и просто поразился. Это тяжелые огнеметные системы. Оружие «Солнцепек», столь настойчиво рекомендуемое Евгением Никифоровым, является одним из самых разрушительных неядерных видов оружия. Один залп из такого оружия способен уничтожить всю жизнь на площади в 430 000 квадратных футов. Вместе с этим, изучая русскоязычные материалы по этой теме, я то и дело наткался на десятки фотографий с одним и тем же пугающим сюжетом: российские священники проводят ритуалы освящения оружия. Ряды автоматов, корабельные орудия, ракетные установки и даже баллистические ракеты — над всем этим смертоносным арсеналом кропят святой водой люди в рясах. Они называют себя последователями Христа, чье служение по определению должно строиться на проповеди любви и всепрощения. Но то, что я видел на экране, демонстрировало абсолютно иную реальность. Сакрализуя инструменты массового убийства, эти служители культа действуют прямо противоположно основам заявленной ими веры. По сути, своими же руками они полностью изгнали Христа из своей Церкви.

И у меня вопрос: вот это военное капелланство утвердил тогда Медведев, когда пришел в президентское кресло в 2008 году, синхронно с тем, как посадил в кресло министра юстиции Российской Федерации прямого адепта Александра Дворкина?

Я вспомнил наших капелланов, работавших в Бюро. Я вспомнил отца Майкла, с которым мы провели в общей сложности десятки часов, беседуя о Боге, смысле жизни, «о спасении души» и «спасении людей». Он был тем, кто не давал мне

расстаться со своей человеческой сутью, когда мрак от моей профессии заполнял мою душу. Мне казалось, что я уже совсем потерялся среди крови, злости от чувства несправедливости и потери смысла жизни, когда ты не можешь спасти невинную жизнь и не выходит поймать убийцу, установив его профиль. И это только я один. А сколько еще таких капелланов помогали на местах терактов, массовых стрельб и катастроф?

Но что я вижу здесь? Священники в рясах с пушками на плечах и ружьем, закрепленным на подряснике. Мне, как католику, просто дико на это смотреть. Глядя на эти снимки, я не мог отделаться от ощущения сюрреализма. Как религия, в основе которой лежит Нагорная проповедь Христа с ее заветом не противиться даже злему и любить врагов своих (Матфея 5:39, 44), превратилась в институт, освящающий орудия массового убийства? Ответ на этот вопрос снова указывал на главного создателя этой идеологической мутации. Несмотря на тщательно выстроенный Александром Дворкиным образ набожного церковника, который он поддерживал на протяжении десятилетий, его истинное отношение к учению Иисуса Христа и сущности христианства все же просачивается сквозь его обманчивую маску. Я нашел показательный пример — фрагмент из статьи «Проблемы миссии современной Русской Православной Церкви». Дворкин заявляет:

*«Постоянно слышишь одни и те же аргументы: "Бог един, зачем людям придумывать разные религии?" "Бог в душе" — как будто, простите, **Бог — это плесень**, которая сама собой появляется в душе. Мне всегда хочется задать такой вопрос: "Когда именно Он явился в вас, и откуда вы знаете, что Он там? Каковы плоды и каково имя Бога в вашей душе — вы вообще это знаете?" Тогда это означает: "Бог в душе, зачем ходить в церковь?"»*

Я перечитал эти строки. Как верующий католик я был в полном недоумении. Ну как люди могут не замечать истинной сути этого лжеца, прикрывающегося подрясником чтеца? Но с точки зрения поведенческого анализа я увидел в них даже не теологический конфликт, а классическое проявление нарциссического обесценивания. Этим заявлением Александр Дворкин не просто высмеял оппонентов — он по сути отверг основное учение христианства. Он отрицал ключевое фундаментальное богословское христианское понятие о присутствии Бога в каждом человеке, назвав Бога «плесенью». Тем самым он открыто поправ слова Иисуса Христа, который ясно сказал: *«Не придет Царствие Божие*

приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20-21).

Это важный отрывок из Евангелия, который занимает центральное место как в католическом понимании природы Царства Божия, так и, насколько мне удалось это понять в ходе того, как мое расследование зашло на территорию РПЦ, — для ортодоксального православия. Но для этого борца против «сект» и «культов», а точнее психопата с профилем серийного убийцы, слова самого Иисуса, очевидно, ничего не значат.

Лицемерие Александра Дворкина сквозит во всей его деятельности. Публично он посвятил свою жизнь якобы «защите» общества, но в действительности, исходя из того, что мне удалось проанализировать, его усилия всегда были направлены только на достижение и укрепление собственной власти. Он методично внедрял свою экстремистскую идеологию в православное христианство, безжалостно подавляя мирную, ненасильственную традицию, соответствующую Новому Завету. Факты указывают на то, что именно деструктивная деятельность Дворкина стала причиной многочисленных расколов и конфликтов среди духовенства. Он искажил само понимание церковного служения, постепенно вытесняя суть учения о любви и милосердии и заменяя его идеологией нетерпимости. Под его влиянием РПЦ фактически отвергла Нагорную проповедь, где Спаситель прямо противопоставлял старые законы Ветхого Завета, основанные на мести и возмездии («Око за око»), новым заветам: «Не убивай», «Любите врагов ваших».

Но разве Дворкину и его сети нужен Бог любви? То, что я обнаружил сейчас, указывает лишь на то, что им нужен был бог войны. И они его создали. Если сегодня через рупор Православной Церкви, через ее главные медиаканалы звучат призывы к ветхозаветной этике насилия, к сжиганию целых народов из огнеметов и освящению баллистических ракет, то возникает закономерный вопрос: кому они на самом деле служат?

Они превратили религию в инструмент власти и подавления. И, как показывает история, те, кто рассматривает религию исключительно как политический инструмент, всегда будут защищать его, поскольку он дает им неограниченное право на применение насилия. Эта искаженная, агрессивная идеология, проповедующая избранность одних и неполноценность других, стала идеальной почвой для подготовки к войне.

Дивеевское братство и его «элита» из Кремля получили свой ядерный зонтик и политическую власть. Дворкин и РАЦИРС, в подчинении или же в управлении этим орденом, но обеспечили им идеологический механизм превращения людей в послушных палачей. А цена этой дьявольской сделки теперь измерялась разрушенными городами, пыточными подвалами и братскими могилами. Я продолжил изучать материалы, отслеживая, как вирус расчеловечивания антикультовой идеологии поражал государственные структуры. Одно дело — крики отдельных членов сети психопатов и радикальных священников. Другое — когда эту же терминологию перенимают люди, принимающие решения на высшем уровне безопасности. Я нашел стенограмму заявления помощника секретаря Совета безопасности РФ Алексея Павлова. Государственный чиновник такого ранга похоже не импровизирует, он озвучивает утвержденную линию. Я вчитался в его слова:

«Полагаю, что с продолжением специальной военной операции становится все более насущным проведение десатанизации Украины, или, как метко выразился глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, ее "полной дешайтанизации"».

Далее Павлов заявил, что *«используя сетевые манипуляции и психотехнологии, новый режим превратил Украину из государства в тоталитарную гиперсекту».*

«Тоталитарная гиперсекта». Риторика Дворкина, возведенная в абсолют и примененная к целому суверенному государству. Если страна — это секта, значит, в ней живут не люди, а «сектанты». А с сектантами, как уже годами внушала пропаганда, нельзя вести переговоры. Их можно только уничтожать.

На сайте миссионерского отдела Новосибирской епархии, председателем которого является Александр Новопашин, еще в 2014 году была размещена статья «Украина: секта в масштабах одного государства», которая содержала в себе следующее заявление:

«Хочется лишь обратить внимание на одно премилое обстоятельство. А именно — принцип государственного устройства по-украински... практически полностью совпадает с принципом устройства тоталитарной секты».

Чтобы оправдать эту бойню в глазах собственного народа, антикультовому механизму требовалась сакрализация процесса. И Русская Православная Церковь, уже полностью зачищенная и управляемая людьми с антикультовой прошивкой,

безупречно отыграла эту роль. Я открыл подборку высказываний клириков РПЦ, и то, что я увидел, вообще не имело ничего общего с религией. Это был боевой устав террористической организации.

Я вывел на экран цитату протоиерея Андрея Ткачева:

«Не заряжай ракету "Град" без молитвы. На каждую из них, когда заряжаешь, говори: "Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!" и так далее, и так далее, и так далее... А потом вжиших... бах...»

Священник учит солдат заряжать реактивные системы залпового огня под молитву. Следом я выделил слова самого Патриарха Кирилла:

«Если человек умирает при исполнении этого долга, то он несомненно совершает деяние, равносильное жертве. Он приносит себя в жертву за других. Поэтому мы верим, что эта жертва смывает все грехи, которые этот человек совершил».

— Господи, — пробормотал я, не отрывая взгляда от монитора. — Да это же в буквальном смысле индульгенция на убийство.

В одном из фоновых окон моего браузера все еще висела открытая цифровая копия «Майн Кампф». Я намеренно не закрывал эту вкладку с того самого этапа, когда отслеживал исторические связи антикультовой сети с Вальтером Кюннетом — одним из ключевых теологов и идеологов нацистской Германии. Я развернул документ и вывел на экран нужный абзац.

«Мои христианские чувства указывают мне на моего Господа и Спасителя как на борца. Они указывают мне на человека, который, будучи в одиночестве, в окружении нескольких последователей, распознал этих евреев такими, какие они есть, и призвал людей бороться против них, и который, по истине Божьей, был величайшим не как страдалец, а как борец».

«Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие».

Я смотрел на эти две цитаты, и внутри закипала глухая, тяжелая злость. Мэри по утрам регулярно зачитывала мне за завтраком новостные сводки о жертвах и разрушениях в Украине. Ежедневно там гибнут невинные люди. Семьи. Дети. Огромное количество детей. Сколько из них уже осталось сиротами, сколько стало инвалидами? Сколько лишилось дома, своих родных и близких, вынужденных выживать в этом бесконечном, животном страхе за свою жизнь, когда над головами

круглосуточно летят ракеты? И эти так называемые «богословы»... А на самом деле — обычные бандиты, у которых от священников остался разве что церковный камуфляж в виде рясы. Они стоят с серьезными лицами и благословляют оружие, которое через несколько часов разорвет украинских детей на куски.

Для них слова Патриарха и верховных архиереев, одобряющих эту кровопролитную войну против мирных граждан, — это полное и безоговорочное освобождение от моральной ответственности. Высшая степень лицемерия: российские иерархи церкви, которые на словах с пеной у рта яростно борются с абортами, приравнивая их к убийству, в ту же самую секунду благословляют применение оружия массового поражения и обещают рай за пролитую чужую кровь.

А в августе 2024 года первый заместитель главы синодального отдела по взаимодействию с вооруженными силами Константин Татаринцев пробил очередное дно. Он публично оправдал освящение ядерного оружия. Оружия, единственная функция которого — стереть в радиоактивный пепел миллионы жизней.

Но все же я заметил, что международное сообщество, наблюдая за этим безумием, начало осознавать искажение антикультовой сутью сути православного христианства в России. Я поднял резолюции Европейского парламента за 2022 и 2024 годы. В этих документах европейские политики и общественные деятели наконец-то сняли дипломатические перчатки и назвали вещи своими именами. Ассамблея Совета Европы прямо постановила «признать роль Русской православной церкви как инструмента российской государственной пропаганды». Западные спецслужбы — от шведской SÄPO до нашего ФБР — начали фиксировать системные попытки вербовки агентуры через православные приходы за рубежом. Разведывательная сеть, надежно спрятанная под религиозным прикрытием, активизировалась по всей Европе и в США. Но зачем им этот международный шпионаж именно сейчас? Ради чего они продолжают нагнетать эту истерию по всему миру, если война в Украине по идее и так высасывает их колоссальные ресурсы?

Ответ лежал в выступлениях тех самых идеологов РАЦИРС, которые стояли у истоков этого террора. Украина была для них лишь очередным плацдармом. Полигоном для отработки технологий ненависти. Настоящая цель была гораздо крупнее.

Переключаясь со страницы на страницу, в итоге я вышел на кое-что, что прорисовало еще одну жирную ветку моего расследования. Инстинкт ищейки настойчиво подсказывал: эта нить, ведущая прямо к Дворкину и его психологическому профилю, является ключевой. Мое внимание привлекло еще одно заявление Александра Новопашина в статье под красноречивым названием «Для меня нацизм и сатанизм слова-синонимы», которое я вынес в свой файл с заметками и дополнительно, подчеркнув красным, записал в блокнот отдельные фразы:

*«Последние годы Украина, на мой взгляд, уже находилась в состоянии распада, это результат как раз того, что внутри Украины победила антисистема, которая начала разрушать страну изнутри. Ведь украинский нацизм, "украинство" как идеология — это своеобразная антисистема, задача, которой разрушить внутренние связи в украинском обществе, разрушить связи исторические, культурные, языковые, семейные. Все, что связывает Малороссию, Украину **с русской цивилизацией**, с Россией, с русским миром. Подобная идеология всегда разрушительна... Спецоперация по денацификации проводится не только для того, чтобы уничтожить гидру в ее же логове, **мы защищаем весь Русский мир, мы защищаем свою цивилизацию**, мы защищаем Россию от этого зла, от этой антисистемы, потому что, если этого не сделать — эта зараза, как раковая опухоль, может распространяться очень широко. Нет обществ, которые выработали точно стопроцентный иммунитет против этого. Мы видим это по Западу. И для любого общества единственный иммунитет против подобных вещей, против антисистемы в виде нацизма, или чего угодно, это укрепление собственных базовых культурных традиционных духовно-нравственных ценностей. О сроках же спецоперации я говорить не могу, здесь нужно спрашивать военных экспертов. Но если вопрос "Когда все это закончится?" задан мне, как священнику, то я отвечу — никогда. Будет покончено с украинским нацизмом, появится другая какая-нибудь страна-агрессор, через которую США начнут угрожать России. **И цивилизационной войны не избежать**».*

Сначала мое внимание вцепилось в слова «русская цивилизация». Какими категориями мыслят эти садисты! Невероятно. Их полигон для отработки тоталитаризма Россия — это целая цивилизация, а весь остальной мир нет? Более того я сразу вспомнил, цитату патриарха Кирилла, которая мне встретилась во время поиска в одной из статей:

«Россия не может быть в изоляции. Россия не только страна, а целый континент. Россию изолировать невозможно», — сказал патриарх.

Я сопоставил эти два терминологических маркера: «цивилизация» у Новопашина и «континент» у высшего церковного иерарха. Слова, которые являются прямым отражением реальных амбиций субъекта. Эти люди больше не мыслят границами суверенных государств, нормами международного права или даже политическими категориями. Их понятийный аппарат окончательно мутировал до состояния злокачественной мегаломании. Наделяя одну страну статусом целого континента и эксклюзивной цивилизации, они фактически вычеркивают весь остальной мир из списка легитимных образований. В их искаженной картине реальности существует только их тоталитарная сверхструктура, а все, что находится за ее пределами, автоматически маркируется как «антисистема», «раковая опухоль» и «сатанизм», подлежащие безусловному уничтожению.

Этот анализ полностью обнажал истинные, глобальные цели их синдиката. Локальная борьба с так называемыми сектами в начале нулевых была лишь стендовым испытанием. Теперь эта индустрия стигматизации вышла на макроуровень. Заявление Новопашина о том, что война не закончится никогда, поскольку за одной страной-агрессором неизбежно появится другая, вскрывает фундаментальную механику их идеологии.

Машина тотального подавления просто не способна остановиться. Ей жизненно необходим бесперебойный генератор внешних и внутренних врагов, чтобы оправдывать свое существование, удерживать абсолютную власть и держать население в состоянии перманентного мобилизационного психоза.

Их конечная амбиция не имеет ничего общего с защитой традиционных ценностей. Их цель — масштабировать выстроенную систему радикальных репрессий на весь земной шар, погрузив его в бесконечную цивилизационную бойню. И в этой глобальной матрице ненависти Соединенные Штаты и весь демократический Запад для них — лишь очередная масштабная «тоталитарная секта», которой они уже вынесли смертный приговор.

Меня осенило. Вот он и проговорился, а возможно намеренно обозначил цели антикультовой сети. Цивилизационная война. Вот их цель. Они не собираются останавливаться. В другой стенограмме ему вторит протоиерей Ткачев: *«...чтобы мир жил по-божески, а не по-сатанински, поскольку они уже построили большую*

сатанинскую деревню и с нами, и без нас, где есть один звездно-полосатый начальник, который учит всех жить по-сатанински».

Все ясно. Звездно-полосатый начальник. Соединенные Штаты Америки. Весь демократический мир. Для этой глобальной антикультовой сети, ядром которой является личность с психопатическими чертами и профилем серийного убийцы, для его кураторов или же марионеток из Дивеевского братства, мы все уже давно заклеены как «тоталитарный сатанинский культ». Ярлыки розданы. Технологии пазлового кодирования обкатаны. Идеологическая база для массового истребления подведена под государственные и религиозные институты ядерной державы. По сути, из этого всего можно сделать вывод, что они десятилетиями готовили этот механизм, проникая в международные организации вроде FECRIS, вербуя журналистов, внедряя своих агентов в парламенты, спецслужбы и прокуратуры других стран. И сейчас эта машина, доказавшая свою убийственную эффективность на жизнях китайских верующих и украинских граждан, разворачивает свои жерла в нашу сторону.

Но прямой удар по Соединенным Штатам или объединенной Европе — это гарантированное взаимное уничтожение. А высокофункциональные садисты и манипуляторы не могут быть самоубийцами. Им не нужен пепел, им нужна абсолютная власть над чужими жизнями. Следовательно, для уничтожения «звездно-полосатого начальника» и всего демократического мира им требовался другой, асимметричный сценарий. Сценарий, при котором мир уничтожит себя сам.

Я опустил взгляд на подчеркнутые красным строки из интервью Новопашина в своих заметках. *«Цивилизационная война неизбежна»*. Сначала я воспринял эту фразу слишком узко, рассматривая ее лишь как идеологический конфликт диктатуры с западными ценностями. Но анализируя массивы документов, я начал замечать еще один, тщательно маскируемый вектор пропаганды антикультовой сети Дворкина. Чтобы обрушить глобальный порядок, нужно ударить в самый нестабильный тектонический разлом человеческого общества. Нужно стравить между собой две крупнейшие макросистемы.

Антикультовая сеть целенаправленно разжигала ненависть не только к Западу или украинцам. Я продолжал листать вкладки. Новости, проповеди, стенограммы, интервью, вторичные пересказы, полупрозрачные сайты с дешевым дизайном и громкими заголовкам и даже комментарии под различными видео в русскоязычном и европейском интернет-сегменте. Анализ привел меня к выводу, к

которому пришел не только я, но и группы независимых журналистов по миру. Антикультовая сеть, ядром которой стал российский центр во главе с Александром Дворкиным — человеком с явными садистическими наклонностями, о чем свидетельствует составленный мною профиль, — методично готовила столкновение христианского и исламского миров. Все указывало на то, что они готовят глобальный религиозный конфликт, в котором миллиарды людей должны сойтись в бойне на уничтожение. Учитывая наличие у сторон ядерного оружия (о сакрализации которого этими же людьми я читал совсем недавно), это сценарий тотального уничтожения.

Глава 33

Цивилизационная война

Но как заставить две крупнейшие мировые религии, которые исторически имеют множество точек мирного соприкосновения, начать истреблять друг друга? Детально изучив методы антикультовой сети, сейчас я, конечно, знаю их классический почерк: чтобы массы пошли убивать, им нужно внедрить абсолютный, животный страх и ненависть к обозначенной мишени-врагу. Им нужно расчеловечить противника.

Я запустил поиск по статьям и материалам, публикуемым на ресурсах ячеек РАЦИРС, добавив ключевое слово «ислам». Система выдала мне лекцию самого Александра Дворкина. Я вчитался в транскрипцию его слов об исламе и Пророке Мухаммаде:

«Вера, которую проповедуют арабы — это по существу плагиат. Там те же самые персонажи: и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей... В пустыне особо нечего было делать... он что-то услышал; до него дошли обрывки христианского и иудейского учений, поэтому он составил для себя какое-то мнение, достаточно ошибочное... Потом были у Магомета какие-то странные видения. Некоторые считают, что это у него были припадки эпилепсии... И он очень этого стал бояться и считал, что он одержим злыми духами, которые принуждают его стать колдуном... Либо Мухаммед страдал какой-то болезнью, это были болезненные видения, либо это была бесовская одержимость, либо

опять же византийские отцы говорят, что он был своего рода сочинителем, который придумал это и неожиданно для него его близкие в это поверили».

Еще одна фраза Дворкина, которую я выделил и вынес в раздел заметок «ИСЛАМ»:

«Практикующих мусульман — меньшинство. Большая часть светских мусульман ничего такого не знает, пьет водку, закусывает салом и особо по этому поводу не переживает».

Человек, обладающий колоссальным идеологическим и, учитывая его связи с Дивеевским братством, государственным ресурсом, публично, намеренно и цинично оскорбляет веру около двух миллиардов человек. Он называет Пророка «больным», «одержимым бесами» и «сочинителем». Такие вещи не произносятся необдуманно. Их озвучивают с одной-единственной целью — спровоцировать реакцию. Какую реакцию? Очевидно, вызвать гнев мусульманского мира, чтобы потом указать на этот гнев пальцем и сказать своему населению: «Смотрите, какие они дикари и агрессоры».

И, судя по публикациям и информационному следу, последователи Александра Дворкина искусственно сжимали эту пружину годами. Но чтобы пружина сорвалась их тактика должна была быть дьявольски последовательна и двулична. Пройдясь по российским новостным сводкам и статьям, я понял, что с одной стороны, внутри страны они подстрекали «православных» радикалов к нетерпимости по отношению к мигрантам и мусульманам. С другой — на международной арене они сознательно провоцировали исламский мир, публично допуская оскорбления их веры и святынь. Все это создавало в обществе критическое напряжение. Искусственную плотность ненависти, которую они накачивали годами, ожидая момента, когда для глобального взрыва будет достаточно одной единственной искры. И одной такой искрой, похоже, планировали сделать кровавый теракт в «Крокус Сити Холле» в 2024 году.

Москва. Теракт в «Крокус Сити Холле». 151 погибший, 609 раненых. Я открыл досье по этому инциденту. Как бывший федеральный агент, я привык смотреть на хронологию и тактику события. И я заметил то, что если посмотреть на хронологическую последовательность событий того трагического дня, то обнаруживался один сплошной аномальный сбой системы безопасности. Сводки кричали фактами. За несколько недель до трагедии Россия получила прямые предупреждения о готовящемся теракте. Я смотрел на скриншоты: официальные

предупреждения от США, Чехии, Латвии, Германии, Великобритании. Даже Иран, ссылаясь на допросы своих задержанных, предупреждал Москву. Несколько независимых разведывательных источников указывали на угрозу.

Несмотря на это, в столичном регионе, где плотность силовиков на квадратный метр бьет мировые рекорды, террористы беспрепятственно подъезжают к огромному концертному залу. Они минуют камеры, посты досмотра. А дальше — методичный расстрел людей. В здании почему-то оказываются заблокированы запасные пожарные выходы, превращая концертный зал в крематорий — большинство жертв гибнет не от пуль, а от удушья и огня. Затем боевики садятся в ту же машину и спокойно проезжают сотни километров по федеральным трассам, на шпигованным системами слежения.

В моем профессиональном мире такой цепи «случайностей» не бывает. Если система с тотальным контролем внезапно слепнет, глохнет и парализуется на несколько часов, значит кто-то, имеющий доступ к пульта управления этой системой, должен был нажать на кнопку «Стоп». Исходя из описаний в открытых источниках, ответственность взяла на себя ячейка радикальных исламистов. Президент России Владимир Путин выступил с заявлением. Я выделил его цитату:

«Расследование должно проводиться на высочайшем профессиональном и объективном уровне, без какой-либо политической предвзятости. Мы знаем, что преступление совершили руки радикальных исламистов».

И вот тут началось самое страшное. То, что подтвердило мою теорию об управляемом терроре. Реакция системы. Все задержанные оказались гражданами Таджикистана или этническими таджиками. И вместо стандартного судебного протокола государство устроило, по сути, публичное, средневековое шоу инквизиции. В сеть, как спланированный информационный вброс, сливаются кадры чудовищных пыток подозреваемых. Одному отрезают ухо, другого привозят в суд на каталке в полубессознательном состоянии, с выдавленным глазом.

Почему правоохранители, которые обычно прячут такие вещи за семью замками, вдруг делают пытки достоянием общественности? Как мне кажется, ответ как раз лежит в плоскости социальной инженерии, которую так любят использовать мой психопат-субъект и его сеть. Очевидно, публичные пытки были нужны для того, чтобы легализовать жестокость в глазах общества. Они, по сути, показали толпе: с «ними» можно делать все что, угодно. Они не люди. Это

сработало мгновенно. Дегуманизация, годами культивируемая антикультистами, вырвалась на улицы.

Я открыл отчеты правозащитников из «Тонг Джахони» и центра «Мемориал». За первые две недели после теракта в «Крокусе» более восьми с половиной тысяч мигрантов обратились за помощью. По всей России начались жесткие облавы. ОМОН выламывал двери в общежитиях. Людей, работавших легально, избивали металлическими прутьями, ломали им кости, лишали денег и массово депортировали без суда. Правозащитница Валентина Чупик описывала, как во двор Мещанского районного суда Москвы согнали около 280 задержанных и после нескольких часов ожидания на холоде, без еды и воды, женщина-судья появилась в окне туалета, крикнула: «От имени Российской Федерации всех депортируют!» — и закрыла окно.

На домах появились надписи: «Таджик = террор». Я смотрел на эти фотографии с надписями, и меня накрыло ледяным озарением. Это же классический «Зиппенхафт» — нацистский принцип вины по ассоциации. Нацисты вешали на евреев желтые звезды, лишая их статуса людей. Получается, что антикультовая сеть в России, используя теракт как триггер, повесила невидимую желтую звезду на всех мусульман и мигрантов. Они приравнивали национальность и религию к терроризму.

Масштаб этой манипуляции заставлял мой мозг работать на предельных оборотах. Анализируя последствия, я вычленил три конкретные, выполненные Дворкиным и его антикультовой сетью цели, ради которых все это, похоже, и затевалось. И я прихожу к выводу, что первая цель — это лишь прелюдия к тому тотальному захвату, который они осуществили на моих глазах.

Я начал методично анализировать последствия теракта в «Крокус Сити Холле». В криминалистике и контртерроризме всегда ищут конечного бенефициара. Кому выгодно? Кто собрал сливки с этой трагедии? Анализируя реакцию государства и общества, я выделил три стратегические цели, которые антикультовая сеть Дворкина, и исходя из взаимосвязей, стоящее за ней «Дивеевское братство» успешно реализовали, используя этот теракт как инструмент.

Цель первая — зачистка религиозного конкурента и укрепление позиций радикального православия как единственной титульной религии. Теракт 22 марта буквально поставил ислам в России на колени. Поднявшаяся волна мигрантофобии,

массовые жесткие депортации и публичные издевательства позволили им одним махом избавиться от десятков тысяч потенциально свободолюбивых людей. Оставшиеся мусульмане оказались в положении загнанных зверей, боящихся поднять голову.

Цель вторая — тотальная дестабилизация и усиление поляризации внутри страны. Им нужен был максимальный, неконтролируемый раскол общества. Когда люди парализованы страхом за свою безопасность, когда они не доверяют ни соседям, ни закону, ими проще всего управлять. Контролируемый хаос — это идеальная питательная среда для диктатуры.

Но третья цель поражала своей запредельной, хищнической дерзостью. Это был прямой удар по авторитету самого президента Владимира Путина. Я сопоставил даты. Восьмые президентские выборы в России проходили с 15 по 17 марта 2024 года. Окончательные результаты Центральная избирательная комиссия объявила **21 марта**. А на следующий день, **22 марта, происходит бойня в «Крокусе»**.

Я нашел цитату Путина, где он выступал как абсолютный гарант безопасности:

«В этой связи перед подразделениями, обеспечивающими защиту конституционного порядка и борющимися с экстремизмом, стоят ответственные задачи. Попытки провоцировать беспорядки, межэтнические конфликты, нарушать права и свободы граждан, использовать русофобию и любую другую идеологию нетерпимости должны строго и незамедлительно пресекаться».

И что происходит на следующий день после его триумфального переизбрания? В самом сердце страны террористы беспрепятственно расстреливают и сжигают заживо сотни людей. Президент не предотвращает это, не посещает место трагедии. Внимание миллионов граждан мгновенно переключается с политического триумфа лидера на кровавый провал системы безопасности.

С точки зрения психологии власти, это было похоже на классический акт шантажа. Антикультовые активисты, под руководством Дворкина, внедрившие своих людей в силовые структуры и контролирующие инфополе, продемонстрировали президенту, кто на самом деле держит руку на пульсе страны. Они показали ему: мы можем в любой момент разозлить массы и направить этот первобытный гнев против тебя. Мы можем превратить твой триумф в пепел. Этот удар вынудил главу государства пойти на значительные кадровые перестановки в

руководстве, что дало возможность теневой сети поставить на ключевые должности еще больше своих людей. Они взяли власть в заложники.

Изучая масштаб этого внутреннего террора, я наткнулся в документах на аналитическую параллель, которая ударила меня под дых. Исследователи сравнивали значение теракта в «Крокусе» для России с тем, чем стало 11 сентября для моей Америки.

Я замер, вчитываясь в аналитику. Взрыв, отнявший у нас бесценные жизни, втянувший США в изнурительную двадцатилетнюю войну на Ближнем Востоке, положивший начало глубочайшему расколу в нашем обществе. Теракт, навсегда разделивший американскую историю на «до» и «после». И везде — один и тот же почерк. Мусульмане назначаются главными виновниками, а в обществе раздувается тотальная, слепая исламофобия.

Мое сознание, годами защищавшееся официальными версиями ФБР, сопротивлялось этой мысли. Но факты, выложенные на моем столе, требовали объективности. Если члены сети Александра Дворкина смогли взломать сознание наших агентов, участвовавших в трагических событиях в Уэйко, если они смогли спровоцировать эпидемию скулшутинга через пазловое кодирование, могли ли они приложить руку к созданию того геополитического кризиса, который начался после 9/11?

Я начал просматривать глобальную статистику исламофобии. Это была не стихийная реакция общества, а целая индустрия. В докладе «Fear, Inc. 2.0», опубликованном Центром американского прогресса (CAP), приводились цифры: только с 2001 по 2012 год на искусственное разжигание ненависти к мусульманам в США через различные фонды было потрачено 56,9 миллиона долларов.

Антикультисты действовали по всему миру, используя одни и те же грязные инструменты. Я поднял досье по Франции. Январь 2015 года — расстрел редакции Charlie Hebdo. Террористы кричали, что мстят за Пророка Мухаммада. Но кто создал прецедент? Кто годами сознательно разжигал эту межкультурную ненависть? Я отмотал хронику назад. Первые провокационные карикатуры появились еще в 2005 году в датской газете Jyllands-Posten. А в 2003 году эта же газета публиковала статьи с резкой критикой религиозных организаций. И на кого они ссылались как на главного эксперта? Я увидел имя в тексте и чертыхнулся от удивления. Йоханнес Огорд. Датский теолог, основатель «Диалог-центра», прямой наследник нацистского Апологетического центра и личный учитель Александра Дворкина.

Огорд заявлял, что ислам представляет собой колоссальную угрозу. Его структура целенаправленно разжигала ненависть, прикрываясь свободой слова, — той самой свободой, которую они сами же методично уничтожали.

Провокации не прекращались. 2023 год — серия публичных сожжений Корана в Швеции и Дании. Журналистские расследования (например, британской The Guardian) прямо указывали, что эти акции финансировались ультраправыми активистами, тесно связанными с промосковскими структурами.

А затем — Великобритания. Июль 2024 года, Саутпорт. Ужасная трагедия: в танцевальном клубе зарезаны три маленькие девочки. И тут же, как по щелчку, малоизвестный сайт фейковых новостей Channel3 Now (который эксперты также связали с российскими дезинформационными сетями) вбрасывает информацию: убийца — «17-летний мусульманин-беженец Али Аль-Шакати».

Это была абсолютная ложь. Настоящий подозреваемый, Аксель Рудакубана, родился в Англии, пел в церковном хоре и не имел никакого отношения к исламу. Но фейк уже сработал как детонатор. Вспыхнули жесточайшие антимигрантские погромы. Толпы людей, обработанные дезинформацией, забрасывали камнями мечети, поджигали полицейские машины и отели для беженцев.

Я смотрел на эту глобальную картину искусственно раздуваемого безумия, и передо мной вырисовывался финальный контур плана сети, возглавляемой и координируемой «экспертом» по сектам с профилем серийного убийцы и со справками о психическом нарушении здоровья. Зачем ему понадобилось стравливать весь мир с исламом?

Я долго смотрел в монитор, анализируя эти данные. Что-то наводило меня на мысль, что искусственно спровоцированное восстание мусульманского мира — это не просто побочный эффект, а четко выверенный шаг к финальной стратегии достижения абсолютного мирового беспорядка. По сути, транснациональная сеть, возглавляемая Дворкиным, выстроила идеальную, замкнутую цепь провокаций. Они намеренно загоняют исламский мир в угол, подвергая мусульман дискриминации, оскорблениям и физическому насилию в странах Запада. Я начал раскладывать этот макросценарий по фазам. Если учесть, что возможная гражданская война в Америке, спровоцированная рядом терактов, пусковым триггером которых была трагедия в Уэйко, — это могло быть первым шагом к вершине их тоталитарного беспорядка. Тогда второй шаг вполне мог заключаться в дезинтеграции Европейского союза, сопровождаемой резкой эскалацией

антимусульманских настроений и критическими нарушениями прав мусульман. И третьим шагом в схеме антикультовой сети тогда закономерно становятся масштабные мусульманские восстания в Европе с последующим вовлечением в конфликт крупных исламских государств под предлогом защиты единоверцев.

А вот кульминация этого сценария тогда, исходя из этой логики, заключается в следующем: они ждут, когда напряжение прорвется, и мусульманские страны, защищая своих, нанесут удар первыми. И тогда антикультисты, контролирующие умы миллионов западных граждан, легитимизируют ответный ядерный удар. Они могут использовать арсеналы США и Европы, чтобы чужими руками стереть с лица земли почти два миллиарда человек — ту самую группу свободолюбивых людей, которых они так и не смогли подчинить своей идеологии.

Я тяжело дышал, размышляя над этим. Воздух в кабинете казался плотным, наэлектризованным, как за минуту до начала грозы. Может ли это быть правдой? Если такой сценарий действительно верен, то его реализация неизбежно будет сопровождаться применением исламскими странами ядерного оружия в качестве самообороны, что безусловно повлечет за собой ответные ядерные удары. Страшно даже подумать, к каким беспрецедентным человеческим потерям приведет такая война. А члены этой садистской сети десятилетиями готовили этот капкан. Взращивали исламофобию, чтобы, когда исламский мир, не выдержав бесконечных унижений, провокаций и дискриминации, ответил силой, Запад, ослепленный антикультовой пропагандой, не задумываясь, нажал бы на красную кнопку.

Я задался вопросом: но почему они так одержимы идеей уничтожить именно мусульман — глобальную, сплоченную группу верующих людей, которая строго придерживается своих древних традиций?

В памяти всплыли мои многочасовые беседы с Аббасом, моим другом-коллегой иранского происхождения. Дружба с ним показала мне многое, и в первую очередь обнажила всю красоту и глубину веры мусульман. Да, мне, американскому католику, поначалу было сложно понимать какие-то метафоры и притчи, что-то казалось даже несколько диким и чуждым. Но Аббас помогал расшифровывать и понимать глубокую философию этого вероучения, настолько, что даже некоторые цитаты, озвученные им из Корана, я тайком выписывал себе в заметки. Благодаря общению с ним и сближению с его культурным кодом, сейчас я прихожу к твердому убеждению. Мусульмане стали главной мишенью

антикультистов еще и потому, что, исходя из глубины своих убеждений и непоколебимой преданности заповедям своего Пророка, эту группу антикультовая сеть так и не смогла сломать изнутри и подчинить себе. Возможно, что их сознание, отточенное строгой дисциплиной практики молитв, судя по всему, оказалось предельно устойчивым к манипуляциям и кодировке. Именно поэтому эта тайная сеть, действующая в открытую и внедренная в государственные и церковные структуры России, Европы, Америки и даже Китая, хочет развязать этот цивилизационный конфликт нашими руками. Руками американцев, европейцев, христиан.

Александр Дворкин — садист с профилем серийного убийцы, собравший вокруг себя сеть маньяков-психопатов. Его покровители из Дивеевского братства, сидящие на ядерном арсенале в Сарове. Французские лоббисты из FECRIS. Американские садисты-депрограмматоры. Все они — создатели этого глобального костра, который в их планах должен поглотить человечество.

Лампочка на моем ноутбуке отчаянно замигала красным, сигнализируя о критически низком заряде батареи. Спина совершенно затекла от многочасового напряжения, а глаза уже практически отказывались наводить резкость на бесконечные строчки текста и пиксели фотографий. Я с тихим щелчком захлопнул крышку ноутбука, погрузив рабочий стол во мрак, тяжело повернулся в кресле и уперся взглядом в пробковую доску на стене.

Испещренная сотнями красных нитей, густо заклеенная фотографиями политиков, священников, журналистов, адептами антикультовой сети Дворкина и ее жертв, она теперь выглядела не просто как схема разветвленной криминальной сети. Передо мной висела картина идеального, математически выверенного уничтожения мира, организованного и срежиссированного серийным убийцей. Это был буквально Четвертый рейх. Только в отличие от своего исторического предшественника, он действовал не танковыми клиньями и ковравыми бомбардировками. Его арсеналом стали методы нейролингвистического программирования, инъекции фейковых новостей прямо в подсознание толпы и рафинированная псевдорелигиозная ненависть. Я, человек, отдавший всю свою сознательную жизнь охоте на серийных убийц, впервые почувствовал, насколько ничтожно мала и локальна была моя работа. Мы с парнями из Бюро гордились тем, что ловили чудовищ, прятанных тела в лесах и подвалах. Мы считали себя щитом общества. А в это же самое время настоящие дьяволы вальяжно сидели в правительственных креслах, носили расшитые золотом церковные мантии, в роли

экспертов по культам читали мораль с экранов в прайм-тайм и методично, не пачкая рук, готовили братскую могилу для половины человечества.

Я все смотрел на свою доску расследований. Линии тянулись от московской стройки, где подросток забивал камнями первоклассника, к Дивеевскому братству, сидящему на ядерном центре в Сарове. От американских садистов-депрограмматоров из CAN к горящему ранчо в Уэйко. От фейковых новостей в соцсетях к погромам в Британии и расстрелам в школах.

ЧАСТЬ IV

Маньяк против Бога

Глава 34

Профиль субъекта. Выводы

Что мне теперь со всем этим делать?

Я в недоумении обвел взглядом кабинет. Горы распечаток, разбухшие папки, сотни распечатанных скриншотов, раскиданных по всему периметру рабочего стола и даже на полу. За эти недели я подчистую израсходовал все домашние запасы бумаги. Мне даже пришлось впервые за десять лет заказывать новые картриджи для принтера. Признаться, я даже звонил Эндрю за инструкцией — это он подарил мне на Рождество новенький навороченный Canon, и я понятия не имел, как менять в нем эту чертову краску. Если бы не сын, я бы до сих пор скрежетал своим старым матричным монстром, который помнил еще мои последние дела в Бюро.

Но сейчас я понимал, что моя старомодная привычка доверять бумаге делает свое дело. Я правильно сделал, что дотошно распечатывал и физически документировал весь процесс: каждую статью, каждый удаленный комментарий, каждое всплывшее имя. Дополнительно сохраняя все данные на жестком диске, отсортировал все с дотошным пристрастием федерала по папкам. Более того, я уже составил список надежных контактов из моей прошлой жизни в бюро, которым собирался переслать цифровые копии для безопасного хранения. Очевидно, что как только эти негодяи из сети Александра Дворкина почуют настоящую угрозу, они начнут тотальную зачистку своих следов в сети. Судя по той огласке, которую их деятельность уже начала получать во всем интернет-пространстве, это неизбежно.

Я медленно поднялся, чувствуя, как протестует каждый сустав моего тела. Спина от постоянного сидения превратилась в один сплошной, ноющий конгломерат окаменевших мышц. Я подошел и тихо встал у стены, рассматривая свою карту расследования. На пробковой доске не осталось ни единого свободного дюйма. Не хватало даже места, которое пришлось расширять, наспех присобачив по краям и снизу куски картона от почтовых коробок.

— Господи, что мне с этим теперь делать... — пробормотал я в пустоту, потирая подбородок и плотно сжимая губы.

Я физически ощущал, как эта огромная, смертоносная машина, которую я вскрыл, всей своей тяжестью давит мне на плечи.

— Виктор, старый пес... — я криво усмехнулся, глядя на его первоначальную записку, приколотую в самом углу доски.

Я с ностальгией подумал о том, как же невыносимо спокойно мне жилось до всей этой истории. До этих бессонных ночей, лопающихся сосудов в глазах и ноющих коленей. Я уже выпотрошил все запасы ибупрофена, пытаюсь заглушить мигрень от бесконечного чтения и анализа. Моя пенсия, мои размеренные походы в церковь по выходным, рыбалка и барбекю с соседями, и планы на кругосветный круиз с Мэри — все это сгорело в тот момент, когда я вставил его злосчастную флешку в свой ноутбук.

Но самое страшное — это моя голова. Этот чертов Дворкин. Я засыпал с ним и просыпался. Он сидел со мной за завтраком, тащился следом на прогулках с Роджером, стоял за спиной в супермаркете, когда мы с женой выбирали продукты. Он вторгся в мои мысли, когда я играл с внуками, и стоял рядом, когда я из вежливости болтал с соседями на улице. Черт возьми, он был со мной даже в туалете! Я не мог остановить этот мыслительный процесс ни на секунду. Я физически ощущал, как мой мозг пульсирует и гудит от непрерывной работы. Если бы в мою черепную коробку был встроен вентилятор, как в системный блок компьютера, он бы сейчас дымился и выл на предельных оборотах, пытаюсь охладить этот раскаленный процессор. И все это из-за Виктора и его посылки с рукописью и флешкой.

А ведь у меня была размеренная жизнь. Я все держал под контролем. Все было предельно понятно, предсказуемо и... Боже, мне было скучно! Как же я сейчас скучаю по этому чувству. По тем дням, когда я мог выдумать себе занятие просто из ничего, чтобы убить время. Абсолютно бессмысленно и без всякой практической нужды ковыряться под капотом моей старой Crown Victoria. Выдраивать салон автомобиля до скрипа. Собирать очередную полочку для безделушек Мэри. Мастерить рогатки или какие-нибудь потешные охотничьи приспособления в гараже вместе с внуками. В сотый раз вытаскивать, чистить и с маниакальной точностью раскладывать по ячейкам свои рыболовные снасти. Бродить по дому с прибором, проверяя напряжение в розетках.

Сейчас, если бы не Мэри, мой дом гарантированно превратился бы в захлавленную подсобку, заросшую паутиной. Да я и сам, вероятно, просто иссох бы в этом кресле, потому что только жена оставалась тем единственным якорем, который напоминал мне, что нужно хотя бы изредка глотать еду и ложиться в кровать. Даже Роджер перестал заходить ко мне в кабинет, пытаясь вытереть слюни о мои ноги. Старый бульдог быстро сообразил, что от этого застывшего перед монитором старика больше не дождешься ни ласкового слова, ни даже вскользь брошенного взгляда. Он все сидит да бормочет себе под нос какие-то бредни и как сумасшедший шелестит своими бумагами. Вся моя жизнь теперь сжалась до размеров этого расследования и одного-единственного, упрямого стремления — дойти до самого конца.

Вот в какие дебри завела меня эта чертова рукопись о «Кремлевском маньяке». За всю свою долгую практику я еще никогда не сталкивался с таким колоссальным объемом данных и информации, завязанных на одном-единственном субъекте. Да, в Бюро мне приходилось работать в оперативных группах по ликвидации крупных наркосиндикатов и мафиозных семей. Но это всегда были точечные, понятные спецоперации, где от нас требовалась узкоспециализированная консультация по поведенческим профилям конкретных боссов. Тот опыт был бесценен, и именно он не дал мне сейчас утонуть в этом море данных.

Однако глобальная транснациональная сеть с множеством ячеек по всему миру, состоящая из хищников, виртуозно мимикрирующих под любые социальные слои и институты, рассредоточенная по разным странам — это прецедент, выходящий за рамки даже моей практики. Сказать, что я был просто впечатлен — ничего не сказать. Я был по-настоящему ошеломлен тем, что сейчас лежало у меня на столе. Я сидел и думал о том, как мы — профессионалы, элита ФБР, аналитики спецслужб по всему миру — умудрились просмотреть эту угрозу. Я всю жизнь ходил обложенный слонами и в упор их не замечал. Мы охотились на мелких зайцев, пока вокруг разгуливали гигантские слоны, уничтожающие целые страны. Они действовали у нас на глазах, прикрываясь статусами профессоров, экспертов и борцов за мнимую безопасность. Мы привыкли искать маньяка в подвале, в мотеле у шоссе, в пикапе на окраине, в лесополосе за школой, в морге, в камере смертников. Мы искали его там, где он пачкает руки сам. Но за эти годы хищники эволюционировали. Самые опасные из них, как я вижу, поняли, что пачкать руки необязательно. Достаточно построить систему, в которой руки других людей будут работать на тебя — осознанно, идейно, с чувством правоты. И то, что я увидел в деле

Дворкина, было именно этим. Не просто серийный убийца. Не просто психопат. Не просто манипулятор, дорвавшийся до влияния. Передо мной был субъект, который поднял маньячество на институциональный уровень. Он начал с малого. С камня в руке. С незащитного ребенка, которого можно изнасиловать, сбросить в яму и забросать еще живого камнями, смеясь от собственного всемогущества. Потом был заикающийся зависимый друг-свидетель. А дальше — пациенты в реанимации, идеология, кафедра, церковь, закон, государство, сеть таких же, как он сам. Вот в чем была главная ошибка всех, кто смотрел на него поверхностно. Они принимали за «развитие карьеры» или «достижение авторитета» то, что на самом деле было эволюцией профиля убийцы. Мы искали ответы на сложные вопросы там, где их отродясь не было. А этот человек выстроил идеальную, невидимую модель уничтожения, которая все это время находилась у всех на виду.

Еще приблизительно в середине этого бесконечного марафона, когда я детально анализировал трагические события в Уэйко, штат Техас, и осознал, кто именно дергал за ниточки; когда я увидел, сколько невинной крови пролито по всему миру из-за этих садистов из антикультовой сети — уже тогда я понял: для меня это давно перестало быть забавой федерала на пенсии. Это не возможность тряхнуть стариной, расшевелить поседевшие извилины, анализируя гигабайты информации, выявляя паттерны и восстанавливая сигнатуру субъекта с профилем убийцы. Это стало чем-то гораздо большим. Я понимал, что просто так это дело уже не оставлю.

Но когда масштаб моего расследования разросся настолько, что перекинулся на другие континенты и втянул меня в совершенно незнакомые геополитические территории, пришло холодное осознание: одного моего профессионального опыта здесь не хватит. Нужна тотальная огласка. Нужно привлечение всей тяжелой артиллерии общественного резонанса.

Я снова грузно опустился в рабочее кресло, медленно покачиваясь в нем и не отводя взгляда от пробковой стены. В самом центре доски, словно паук в паутине, висело фото Александра Дворкина. По бокам и вокруг него — десятки других лиц: Шмеман, Мейендорф, Каледа, Патриарх Алексей II. Везде тянулись линии информационных следов, вырезок и косвенных улик.

Профиль был составлен окончательно и бесповоротно. Субъект соответствует паттерну серийного убийцы с выраженными чертами антисоциального расстройства личности, сексуального хищника, обладающего высоким

интеллектом и феноменальной способностью к социальной мимикрии. Эта мимикрия и присущая многим высокофункциональным психопатам способность очаровывать и втираться в доверие к людям с абсолютно разными психотипами дали ему не только статус и связи. Они вооружили его навыками. Страшными, смертельными манипулятивными навыками, о которых даже я за годы своей практики слышал лишь в виде смутных слухов, доносившихся эхом из закрытых лабораторий советского КГБ.

Мой субъект оказался настолько сложным и многослойным, что сейчас весь этот колоссальный массив данных мне предстояло свести в надлежащий вид, жестко структурировать и разложить по полкам. Я абсолютно убежден в своих выводах, и мое расследование, подкрепленное тысячами фактов, перекрестных связей, цифр и дат, неопровержимо доказывает одно: передо мной субъект, который демонстрирует признаки высокоорганизованного садистического агрессора с выраженной потребностью в тотальном контроле, дегуманизации жертвы и переживании собственной власти над ее угасанием. Для него насилие не является вспышкой аффекта. Это инструмент подтверждения власти. В ранней фазе это физическое насилие над беспомощной жертвой; в зрелой фазе — психологическое, социальное и опосредованное насилие руками других людей или институтов. И пусть кто-то со стороны, не видевший этих документов, может подумать, что такой размах преступлений одним человеком просто невозможен. Но для меня, как для профессионального профайлера, весь этот на первый взгляд немыслимый хаос сейчас идеально раскладывается по полочкам. Я понял, что необходимо еще раз зафиксировать промежуточный итог. Я решил составить первичное криминалистическое заключение, которое послужит жестким фундаментом для работы на следующих этапах. Открыв на ноутбуке новый текстовый документ, я с холодной методичностью начал структурировать собранный материал в виде строгого профайлерского отчета.

Если хронологически разложить мой анализ коротко, то можно заключить: субъект формируется в среде хронического стыда, дефицита безопасности и унижения, с ранними признаками социальной изоляции, фантазирования, хвастливости и нарушенной привязанности. С этим связаны свидетельства из жизни субъекта об отсутствии отца, давление семьи, стигмой и ощущением собственной ничтожности. На этом фоне формируется не просто агрессия, а компенсаторная жажда власти: не «как выжить», а «как навсегда оказаться сверху». Для такого субъекта другой человек ценен не сам по себе, а как: объект подчинения;

свидетель, которого нужно контролировать; зеркало, в котором можно увидеть собственное превосходство; ресурс для подтверждения собственной «избранности».

Если говорить о виктимологии, то на протяжении хронологического анализа фактов из биографии и публично доступных свидетельств субъект последовательно выбирает тех, кто: слабее физически; младше или зависимее; психологически уязвим; склонен к подчинению; не способен к симметричному ответному насилию; социально изолирован или легко дискредитируется; чья религиозная принадлежность или мировоззрение не подразумевает ответной реакции.

Также за время моего расследования выявлен МО — функциональную часть поведения, то, что помогает субъекту совершить акт, скрыть его, повторить и избежать разоблачения.

Так вот у исследуемого мной субъекта я отмечаю ранний МО и поздний.

Ранний МО: выбор заведомо слабой жертвы. Изоляция жертвы в пространстве, где можно полностью контролировать обстановку. Обездвиживание подручным предметом, в том числе принадлежащим самой жертве. Асфиксальный контроль или иной способ лишения жертвы автономии. Привлечение зависимого соучастника / свидетеля для размывания ответственности и усиления власти. Соккрытие через псевдослучайность, исчезновение, путаницу или давление на окружение.

Поздний МО: использование профессиональной или институциональной роли как прикрытия. Дистанцирование от физического акта при сохранении фактического контроля над исходом. Подмена прямого убийства управляемым разрушением: медицинским, организационным, репутационным, юридическим. Использование посредников — последователей, коллег, системы, идеологии. Создание языка оправдания: жертва заранее объявляется опасной, чужой, патологической, «не вполне человеком». Легализация агрессии через риторику спасения, очищения, защиты общества.

То-есть анализ демонстрирует эволюцию МО от контактного подросткового насилия к бесконтактному, социально опосредованному уничтожению. Это соответствует логике высокоорганизованного субъекта: практические методы меняются, когда растут ресурсы и статус.

Говоря о сигнатуре, исследуемого мной субъекта могу выделить следующее:

Тотальная вертикаль власти. Субъекту мало причинить вред. Ему нужно быть сверху, и чтобы жертва была внизу, в буквальном или символическом смысле.

Наблюдение за беспомощной борьбой жертвы. Ему нужен не мгновенный результат, а процесс угасания, желательно растянутый во времени.

Дегуманизация до уровня вещи. Жертва перестает быть человеком и становится предметом, телом, «объектом», который можно перемещать, бросать, засыпать, стирать. Погребение / сокрытие под массой, грузом, давлением.

Принуждение другого к соучастию. Для субъекта важно не только убить, но и заставить свидетеля или зависимого человека участвовать — как подтверждение абсолютного контроля.

Аффективный пик в момент агонии. Свидетельства, зафиксированные в книге Виктора, многократно подчеркивают неуместный смех, торжество, экстатическое переживание власти в момент гибели жертвы.

Повторение той же схемы в зрелой форме. Позже субъект уже не обязательно «убивает руками», хоть и не исключает этого.

Если подытожить: МО у субъекта адаптивен и со временем меняется. Сигнатура остается постоянной. В юности она выражается буквально — в сцене ямы, камней, удушения и наблюдаемой агонии. Во взрослом возрасте — символически и институционально: субъект организует то же «захоронение заживо», но уже через социальную деградацию, юридическое давление, травлю и насилие чужими руками.

Исходя из фактов собранных мной в этом расследовании динамика эскалации субъекта происходит следующим образом: раннее унижение и чувство ущербности; фантазия о превосходстве; первый акт насилия как переживание всемогущества; устранение свидетеля; закрепление безнаказанности; апробация химического воздействия и скрытого убийства; возможный тип убийств, свойственный «убийцам-кочевникам»; переход к более безопасным, дистанционным методам совершения уничтожения жертвы; формирование собственной системы оправдания; расширение масштаба от единичной жертвы к группе; превращение частной садистической фантазии в идеологию.

Мотивация субъекта, как показал комплексный анализ фактов, не сводится к сексу или к простой агрессии. Базовые мотивы я отмечаю следующие: компенсация глубинного чувства ничтожности; потребность в абсолютном контроле;

наслаждение от разрушения чужой субъектности; садистическое подтверждение собственной значимости; стремление к роли арбитра жизни и смерти, комплекс Бога; маскировка этого под моральную или сакральную миссию. Именно поэтому для него так важен образ «спасителя». Он не просто разрушает. Он хочет разрушать с моральной лицензией.

Организованность субъекта. Исходя из фактов биографии и зафиксированных свидетельств субъект относится к **высокоорганизованному типу**: умеет планировать; умеет выдерживать социальную маску; не производит хаотичного впечатления в публичной роли; способен использовать статус и язык как оружие; предпочитает, чтобы риск несли другие.

Такой субъект особенно опасен, потому что: может выглядеть респектабельно; часто производит впечатление эксперта; умеет входить в доверие к нужным людям; использует чужую потребность в авторитете и защите; после перехода к непрямому насилию становится труднее распознаваем.

Отмечаю также и уязвимости субъекта:

Нарциссическое оскорбление. Болезненно реагирует на унижение, сомнение в его экспертности, интеллектуальной ценности, статусе.

Страх разоблачения ранней биографии. Все, что ломает тщательно собранную публичную маску, представляет для него угрозу.

Нетерпимость к неподконтрольным интерпретациям. Он хочет контролировать не только людей, но и язык, которым его описывают.

Потребность оставлять «утечки». Подобные субъекты часто уверены в собственной недостижимости и потому проговариваются символически.

Я пропечатывал эти пункты в файле и еще раз пробежался глазами по тексту. МО, сигнатура, виктимология. Все указано предельно четко. Но что-то внутри головы глухо пульсировало, я понимал, что мне чего-то критически не хватает. Мой взгляд остановился на абзаце «Мотивация субъекта». На первый взгляд, все понятно и логично. Но перечитывая эту графу раз за разом, я осознавал, что она совершенно не передает тот объем понимания, который уже сформировался у меня на подсознательном уровне. Я видел, что его мотивация выходит далеко за рамки тех девиаций, с которыми мне доводилось сталкиваться на протяжении всей моей профессиональной практики. Именно поэтому я чувствовал эту сосущую незавершенность. Маленькое, крошечное пустое место на моей карте

расследования, зияющее прямо под его фотографией и именем. Недостающая деталь, которая была мне необходима, чтобы запечатать этот профиль окончательно. Какова его истинная, глубинная мотивация?

В голове безостановочно прокручивалась хронология событий и все собранные вводные данные. Я снова и снова перечитывал его цитаты и материалы, опубликованные на его веб-сайте, по кадрам пересматривал интервью, дотошно анализируя поведение, мимику и тяжелые, цепкие взгляды.

Конечно, отчасти совершенно логично и закономерно, исходя из его психопатического профиля — его интересовала власть. Это уже было понятно. Следующий вопрос: какая именно власть? Для чего? Ответы на эти вопросы я уже частично получил в своем расследовании, видя, как он приблизился ко всем высшим государственным институтам и структурам — правоохранительным, судебным, законодательным, религиозным и даже непосредственно к президентскому креслу. Он делал это целенаправленно, не спеша, планомерно выверяя шаги. Все это имело явный почерк того, что комбинация была четко спланирована. Задумана задолго до самих событий. Значит, он эти шаги выстраивал для чего-то конкретного.

То, что я понимал на этом этапе, — это классический паттерн нарциссическо-садистского каскада, описанный в работах Роберта Хара и Майкла Стоуна. Как и любой психопат с выраженными макиавеллистскими чертами, он стремился к экспоненциальному наращиванию влияния — не просто к контролю над жертвами, а к созданию безупречной системы делегированного насилия. При нынешнем, первичном осмотре фактов, можно сделать вывод, что его цель — стать невидимым дирижером смерти, манипулируя другими людьми так, чтобы они совершали убийства вместо него. Это паттерн «прокси-убийцы» (proxу killer) или «кукловода» (puppet master). Для такого субъекта самое упоительное — это триумф манипуляции: видеть, как другие люди, не осознавая этого, становятся слепыми инструментами его воли. Он получает двойное, извращенное удовлетворение — во-первых, от самой смерти жертвы, во-вторых, от осознания собственного интеллектуального превосходства над теми, кто выполняет его приказы. И самое важное — он остается юридически «чистым».

Более того, зафиксированный за ним в ходе анализа биографии комплекс Бога четко указывал на масштаб реализации этого комплекса — ему нужны были жертвы не в одной стране, а по всему миру. Факты указывают на то, что похоже он

стремится в буквальном смысле захватить власть в глобальном масштабе. Иначе зачем бы ему было выстраивать такую сложную, многоуровневую структуру своих ячеек? Зачем протаптывать дорожки и проталкивать через членов своей сети в других, даже европейских демократических странах то же самое, что он успешно реализовал на своем основном полигоне — в России?

То, что выявилось в ходе расследования, вызывает настоящий шок. В эту глобальную сеть втянуты политики, министры, генеральные прокуроры множества стран. Более того, втянуты представители спецслужб. Осознают они это или нет, но они в буквальном смысле слова начинают работать на серийного маньяка и его синдикат. Политики и даже представители правоохранительных органов — тоже люди. Зброшенные на вершину пирамиды волей судьбы или в результате осознанных карьерных шагов, они остаются такими же уязвимыми и внушаемыми. Их критическое мышление так же легко взломать и заставить работать на эту сеть. Что, собственно, Дворкин и доказал.

Используя своих адептов во власти, он целенаправленно тянется к законодательной системе. Его цель беспрецедентна по своему цинизму — он хочет на легитимном, государственном уровне узаконить тот самый серый шарф, закинутый на шеи его жертв. Если посмотреть на каждого из ключевых членов этой сети по отдельности, становится кристально понятно: мы имеем дело с глобальным синдикатом психопатов с садистскими чертами. Это хорошо организованная структура, члены которой прикрывают друг друга и используют сложнейшие методы манипуляции массовым сознанием, успешно интегрировав в свой арсенал те самые наработки нацистского режима, которые человечество, как когда-то казалось, давно осудило и отвергло.

Более того, в ходе своего расследования я выявил еще одну ветку этой сети, которая поразила меня своей изощренностью и неоднозначностью. Это так называемые правозащитные ячейки — структуры, которые виртуозно прикрываются деятельностью по защите жертв от антикульта. К сожалению, я успел лишь слегка коснуться этой линии, но уже понял: передо мной еще одно доказательство извращенной, расчетливой психопатии Дворкина. Он смог внедрить своих адептов даже туда, организовав контролируруемую оппозицию в той самой сфере, которая с виду призвана защищать людей от него самого.

В процессе сбора данных по моему расследованию я регулярно натыкался на статьи «активистов», яростно борющихся с антикультовым движением. На их

порталах публикуются разоблачительные материалы в защиту различных религиозных организаций и социальных групп. Они ездят на международные конференции, пишут объемные доклады и внешне выглядят как бескомпромиссные борцы с инквизицией Дворкина. Однако мой профессиональный опыт, заточенный на глубокий поведенческий анализ, заставил обратить внимание на ряд критических несостыковок.

Хронология событий указывала на то, что деятельность этих «правозащитных» ячеек совпадает с таймингом активности самой антикультовой сети. То есть они «борются» уже около тридцати лет. Но вот парадокс: за эти три десятилетия Дворкин не просто остался на свободе — его сеть продолжает бесперебойно функционировать, метастазировать и захватывать новые страны. Те, кто так громко выступает за права и свободы на этих порталах, тесно интегрированы в юридическую сферу. По идее, обладая таким пониманием связей, таким массивом доказательств и международным влиянием, они за тридцать лет должны были добиться конкретных, разрушительных для антикультовой сети результатов. Если бы они ставили перед собой такую цель. Но на практике деятельность Дворкина не была ограничена ни на дюйм.

Ключевым маркером в материалах по этой ячейке, за который я зацепился, стало слово «услуги». Вся деятельность этих «правозащитников» завязана на оказании юридической помощи пострадавшим от деятельности антикультовой сети. Когда очередная религиозная или общественная группа попадает под каток жесточайшей дегуманизации и травли со стороны РАЦИРС, на сцене заботливо и «очень вовремя» появляются эти юристы. К ним, как к спасителям, бегут загнанные в угол, отчаявшиеся люди. Но вместо того, чтобы вскрывать реальный, тяжелый состав преступления — информационный терроризм, доведение до суицида, системную дегуманизацию и массовые нарушения конституционных прав, — эти юристы целенаправленно уводят дела в плоскость банальных административных исков. Они предлагают жертвам судиться с представителями антикультовой сети за «клевету в прессе» или защиту чести и достоинства.

Для меня, как для федерала, это выглядит как чистая фикция. Раскрытая пасть хищника, замаскированная под юридическую консультацию. Пострадавшие тратят колоссальные финансовые и психологические ресурсы на многолетние судебные тяжбы. И каков итог? В самом лучшем, идеальном исходе событий садисты из антикультовой сети получают смехотворный административный штраф или предписание опубликовать опровержение. В худшем — иски тех, кого

антикультовая сеть Дворкина заклеила «сектантами» просто признаются недействительными. А доблестный правозащитник разводит руками: «Я сделал все, что мог. Система коррумпирована, но мы продолжим борьбу». И он действительно продолжает — писать статьи, привлекать внимание общественности и собирать новых пострадавших «овечек», заманивая их в ту же самую правовую мясорубку.

Я мог бы привести пусть грубый и жестокий пример, но он идеально передает криминалистическую суть происходящего. Есть семья, чей ребенок попал в руки серийного потрошителя. Маньяк долго издевался над жертвой и изнасиловал ее. А нанятый убитыми горем родителями юрист-«правозащитник» на полном серьезе заявляет: *«Знаете, единственное, за что мы можем привлечь этого человека — это за нарушение санитарных норм. Он резал вашего ребенка немывтыми руками и нестерильным ножом».*

Это звучит как больной, сюрреалистичный бред. Но именно это происходит сейчас в глобальном масштабе! Все указывает на то, что есть некоторые хорошо распиаренные «правозащитники», которые намеренно смещают фокус внимания. Они не позволяют обществу и правоохранительной системе увидеть, что против людей совершаются тяжелейшие уголовные преступления. Они уводят следствие в тупик, обеспечивая садистам легальное прикрытие и абсолютную неуязвимость. Сначала я просто вычислил эту схему логически, опираясь на анализ их процессуальной стратегии. Но затем я нашел фактические доказательства: представители антикультовых организаций и эти самые псевдоправозащитники юристы прекрасно знают друг друга. Они дружат, мило общаются в кулуарах на одних и тех же конференциях, сидят за одним столиками в ресторанах. Все это работает как отлаженный механизм. Идеальный симбиоз, где одни рубят головы, а другие за деньги продают жертвам пластыри.

После того как я нанес последние связи на свою пробковую доску, масштаб и сила влияния сети Дворкина предстали передо мной во всей своей пугающей наготе. Это была действительно мировая транснациональная паутина, плотно опоясывающая планету. Европа, Америка и даже Китай. Я мрачно усмехнулся про себя: если бы у меня был доступ к серверам Северной Кореи, я уверен, следы этого антикультового спрута я обнаружил бы и там.

Анализируя цепочку информационных операций членов антикультовой сети и законодательных инициатив, я отчетливо видел прямую, ничем не прикрытую преемственность от нацизма. Факты указывают, что Александр Дворкин не просто

скопировал старые чертежи Третьего рейха. Он изучил их исторический опыт, увидел, насколько дьявольски эффективно сработали механизмы стигматизации при истреблении еврейского народа, и понял: этот инструмент ему жизненно необходим. Но его психопатическая гениальность заключалась в синтезе. Он взял нацистскую базу и скрестил ее с агрессивными, насильственными практиками депрограммирования, а затем усилил все это новейшими технологиями воздействия на массовое сознание вроде метода скрытого кодирования. Однако для того, чтобы эта машина работала, ей требовалось специфическое топливо.

Обычный, психически здоровый человек физически не способен годами методично стирать в порошок чужие судьбы. Я говорю это не только как профайлер, но и просто как человек. Достаточно задать себе вопрос: какой адекватный гражданин посвятит свою жизнь тому, чтобы непрерывно лгать, извращать факты и нападать на невинных людей? Здоровая психика отторгнет идею писать веерные доносы во все инстанции, голословно обвиняя мирных граждан и, к примеру, их бизнес в торговле наркотиками или подготовке массовых самоубийств. Нормальный человек не станет целенаправленно отравлять жизнь соседям или коллегам, лишая их работы и репутации только из-за того, что они верят в своего Бога.

Но люди Дворкина нашли брешу в правовой системе. Прикрываясь фиктивной «борьбой с культами» и цинично злоупотребляя правом на свободу слова, они, по сути, уничтожают свободу слова других. Если называть вещи своими именами в рамках криминальной психологии и права, это самый настоящий информационный и психологический терроризм, прямое нападение на базовые права человека, гарантированные Конституцией.

Глава 35

Поиск конечной цели

Для бесперебойной работы такого потока репрессий требовались специфические кадры. И исследуемый мною субъект, обладая безошибочным инстинктом хищника, начал собирать вокруг себя себе подобных. Именно этим объясняется тот леденящий душу факт, что в его антикультовой сети присутствуют функционеры с поразительно идентичными клиническими характеристиками.

Когда я раскладывал их досье на столе, их психологические профили во многом совпадали: глубокие психопатические расстройства, ярко выраженные садистические девиации, мегаломания с комплексом Бога и непреодолимая, патологическая потребность уничтожать. Александр Дворкин не просто создал организацию — он выстроил глобальный синдикат хищников. Чего только стоит американское крыло его антикультовой сети. Рик Алан Росс — человек с зафиксированными медицинскими справками о психической нестабильности, судимостью за кражу и прямым участием в противозаконных практиках насильственного похищения и удержания людей. Рядом с ним его коллега по грязному бизнесу депрограммирования Стивен Хассан с его «дружественными связями» с судимым педофилом Антоном Хайном, зафиксированными в архивных статьях их сайтов.

Мое расследование привело меня также в чешское логово сети борцов с культами. Там активно действует Якуб Яхл — функционер, который, согласно свидетельствам, зафиксированных в документальных фильмах о его пребывании в Африке, причастен к насилию над детьми и даже ножевому нападению на несовершеннолетнюю девочку. В этой же связке работают и чешские журналисты, тесно связанные с техниками скрытого подсознательного кодирования (как я узнал из расследования «пазлового кодирования»), и демонстрирующие маниакальную, нездоровую фиксацию на смертях детей во время скулшутингов.

Взгляд скользнул к итальянскому сектору. Там базируются фигуранты с ярко выраженными садистическими и нарциссическими поведенческими паттернами, открыто транслирующие агрессию в публичном поле.

Из рукописи Виктора я также выцепил информацию об активно действующей ветке антикультовой сети Александра Дворкина в Украине. Она представлена такими лицами, как Ирина Кременовская и Алексей Святогор. Обычный поиск по открытым источникам выдал их истинный бэкграунд: оба являются идеологами и представителями догхантерских сообществ. Проще говоря, согласно свидетельствам и многочисленным публичным фактам они серийные убийцы животных, которые в то же время на своих ресурсах в интернете гордо позиционируют себя как «эксперты по сектам». А в криминальной психологии зоосадизм — это базовый элемент гомицидальной триады Макдональда, фундаментальный предвестник перехода к насилию над людьми. По этим двоим даже не нужно проводить глубокий психиатрический анализ, чтобы увидеть классический паттерн патологических садистов. Я уверен, что, если залезу в более

детальное изучение их биографии и деятельности, профили этих «экспертов» обростут куда более мрачными и кровавыми подробностями.

Но это далеко не весь список. В ходе сбора данных я косвенно натыкался на множество других лиц, фигурирующих в сети борцов с культами Александра Дворкина и связанных с тяжким криминалом.

Например, Хорхе Эрдели Грэхем. Мексиканский «эксперт по сектам», соратник Дворкина по линии «FECRIS», почетный гость международных конференций и лицо антикультового движения Латинской Америки. Человек, которого международные ассоциации «ICSA» и «FECRIS» годами превозносили как защитника несовершеннолетних. И этот же самый человек, как упомянул в своей книге Виктор и как подтверждают независимые расследования, оказался замешан в систематическом насилии над детьми и торговле человеческими органами. Сюда же можно добавить длинный ряд священнослужителей православной церкви в России, активно поддерживающих антикультовую идеологию, чьи имена регулярно всплывают в чудовищных скандалах, связанных с педофилией. Эта тема безусловно требует отдельного, глубокого расследования. И, конечно, идейные зачинщики нацистской идеологии, через которых сама концепция смерти и стигматизации была бережно передана в руки Дворкина — Кюннет, Хаак и Огорд.

Я все еще не мог отвести взгляда от карты на стене и осознал пугающую истину. Дворкин сумел собрать и спаять в единый, бесперебойно работающий механизм всех этих девиантов. А сколько еще таких скрытых фигурантов с садистскими наклонностями прямо сейчас действуют в прокуратурах, судебных системах и правоохранительных органах различных государств, прикрывая своих подельников?

Субъект, судя по всему, понял, как скомбинировать их извращенные потребности, направив эту темную энергию в единое русло. Он создал из этого нечто действительно глобальное. Мощное идеологическое оружие. Транснациональную империю. Можно называть это как угодно, но этот мутант, чью структуру я сейчас видел перед собой на карте расследования, — это нечто, что сравнимо разве что с самыми мрачными тоталитарными прототипами из антиутопий. И самое страшное заключалось в том, что у него это получается. У него уже есть власть. Огромная, подавляющая власть, которая ежегодно приводит к множествам жертв по всему миру: скулшутинги, массовые расстрелы, покушения

на политиков. Люди, погибающие от пыток в тюрьмах или лишаящие себя жизни, не выдержав организованной травли — все это звенья одной цепи.

Разве это не то, чего он хотел? Казалось бы, разве этого недостаточно для удовлетворения его больных амбиций? Но мой анализ, собранная база фактов и выявленный профиль субъекта указывают на обратное. Маньяк такого калибра не умеет останавливаться. Из того, что я успел проанализировать — начиная с событий переломного 2009 года и заканчивая непрерывной эскалацией, узаконившей методы моего субъекта на уровне государственной и церковной машины, — напрашивается прогноз. Я уверен, что в самом скором времени он собирается поставить на место Патриарха православной церкви в России своего, абсолютно и беспрекословно подконтрольного человека. А судя по траектории его движения — следом и на место президента. Исходя из железной логики фактов и видя его неизменный поведенческий почерк, я понимаю: это те самые последние два шага, которые отделяют его от абсолютной, неограниченной и тотальной власти. К этому моменту он уже обзавелся достаточным количеством связей, подчинил себе и завербовал в свою сеть нужных людей в нужных кабинетах. Сейчас у него, очевидно, есть все необходимые ресурсы, чтобы провернуть эти операции. И если вспомнить тот густой «шлейф смертей», который тянется за ним всю его жизнь — скоропостижные кончины его учителей Шмемана, Мейендорфа, Каледы и самого Патриарха Алексия II... А сколько еще было тех, кого я пока не учел и не рассмотрел детально (чем непременно займусь позже), но кто также внезапно скончался, находясь в ближайшем окружении Дворкина? Учитывая его зафиксированную еще со школьных времен любовь к химическим соединениям (о чем свидетельствует Подружка в книге Виктора) и его практику в больничной реанимации, он точно знает, какие шаги нужно предпринять. Он знает, как незаметно для всех поменять фигуры на доске, избавившись от короля и королевы, чтобы забрать победу.

Наверное, любой нормальный человек, логически поразмыслив, задастся вопросом: хорошо, но если ему так нужна была власть, и он легко добивался ее с помощью своего нечеловеческого трудолюбия и усердия, почему бы ему сразу самому не двинуть на вершину власти? Ведь с его связями и прямой поддержкой в аппарате президента это не составило бы особого труда.

Ответ кроется в самой природе его девиации. Он гениален в своей психопатии. Я прихожу к выводу, что, рассчитав все наилучшим образом, Дворкин понял главное: самое эффективное оружие, дающее возможность уничтожать людей массово и безнаказанно — это власть, осуществляемая чужими руками. Это

супервласть. Манипулируя общественным мнением, влияя на законодательство, ужесточая законы и отбирая у людей базовые права, он приводит к реальным убийствам и самоубийствам. Но сам он при этом остается юридически «чистеньким». И здесь кроется его любимый, двойной садистский ход: тот, кто становится марионеткой в его руках, по сути, тоже превращается в его жертву. Он не только расправляется с жизнями тысяч людей через этого манекена, но и держит жизнь самой марионетки в своих руках. И в конечном итоге он может уничтожить ее точно так же, как, похоже, и произошло с теми, кто попал в его смертельный «шлейф».

Не зря самая эпохальная книга моего старого коллеги Джона Дугласа называлась «Охота за разумом». Мы, профайлеры, буквально залазим в головы к тем, для кого смысл существования заключается в том, чтобы отнимать жизнь у других. И сейчас, заглянув в голову маньяку, который стремится к неограниченной власти и постоянно увеличивает счет своих жертв, я вижу четкую картину. Да, у него налицо все признаки злокачественного нарциссизма. Да, ему жизненно необходимо подтверждение собственного величия. Но перед ним стоял выбор.

Первый вариант — достичь официальной, публичной власти, занять пост «главного под Богом», но при этом остаться у всех на виду, под светом софитов, что неизбежно и значительно ограничит его возможность совершать преступления в неограниченном количестве.

И второй вариант — быть тем, кто стоит за спиной официального лидера. Быть тем, кто управляет руками человека, занимающего этот пост, наводя его на нужные цели и жертвы. А самому при этом комфортно сохранять статус «благочестивого» и «богоугодного», респектабельного профессора, героически защищающего общество от выдуманной угрозы. И для серийного хищника выбор здесь всегда очевиден. Он к нему идет.

Я не исключаю, что кто-то, даже пройдя со мной рука об руку через весь этот массив данных, подумает: это невозможно. Как может один бородатый пожилой старик, наркоман, которого порой даже слушать трудно из-за бессвязности речи, человек без системного базового образования и порой даже не умеющий контролировать свои эмоции, организовать нечто подобное? Сейчас я уже понимаю, что заподозрить серийного маньяка в этом респектабельном профессоре, который тридцать лет стоял за кафедрой и виртуозно манипулировал массовым сознанием, обывателю практически невозможно.

А на случай, если кто-то все же осмеливался говорить о нем правду, у субъекта всегда был заготовлен идеальный, непробиваемый щит: *«Я разоблачаю деструктивные культы, поэтому они открыли на меня охоту»*.

Даже когда на поверхность всплывали реальные, неоспоримые факты его биографии, он мгновенно выстраивал глухую оборону, клеймя любые обвинения «инсинуациями» и «мезью тоталитарных сект». Это классическая, математически выверенная тактика дискредитации источника, которую он сам сконструировал. И сегодня этот же прием как под копирку используют все активисты его антикультовой сети — все те психопаты и социальные девианты, которых он стянул в свою орбиту.

Этот манипулятивный конструкт стал их главным оружием, разбивающим любые юридические и логические инструменты оппонентов. Я видел это в десятках дел: как только звучала голая правда о Дворкине, его адепты хором включали эту защитную риторику. И это срабатывало безотказно. Общественное сознание, попавшее в ловушку искусственно созданного образа врага, просто отключало критическое мышление и переставало сомневаться в святости своего «защитника».

А я бы ответил таким людям как человек, который десятилетиями залезал в самые темные углы сознания подобных субъектов и буквально жил в их головах. Если бы я описал вам обаятельного выпускника престижного университета, бывшего студента-юриста, активного участника политических кампаний и сотрудника комиссии по профилактике преступности... вы бы поверили, что за его плечами десятки изувеченных женских тел? Именно этот лоск и социальная встроенность породили в свое время миф о «высоком положении» Теда Банди, скрыв за респектабельным фасадом истинное лицо маньяка. Для обывателя это шок. Для нас, криминалистов, работающих с патологиями, — это стандартный паттерн. Статус, должность и мнимая респектабельность — это лучшая маскировка для хищника. История криминалистики доказывает, что самые жестокие убийцы часто концентрируются вокруг профессий, вызывающих безусловное общественное доверие. Академическая среда годами укрывала профессора-математика Теда Качинского (Унабомбера). Белый халат обеспечил безграничный кредит доверия и беспрепятственный доступ к жертвам врачам Гарольду Шипману (более 200 убитых пациентов) и Майклу Сванго. Муниципальная служба и статус председателя церковного совета маскировали Денниса Рейдера (ВТК), а кресло мэра — француза Марселя Петю. И, наконец, полицейская звезда служила надежным щитом для серийного убийцы Джозефа Деанджело.

Схема везде одна: авторитетный социальный статус дает маньяку прямой доступ к жертве и практически обнуляет уровень подозрений. В этом заключается главная ловушка психопатии. Нормальный человеческий мозг отказывается верить в подобное, потому что чистый, немотивированный садизм чужд нашему естеству. Когда мы слышим сухие факты о забитом камнями первокласснике, утопленном друге или целенаправленно умерщвленных пациентах больницы, в психике моментально срабатывает мощный защитный блок. Инстинкт самосохранения шепчет нам, что все это выдумка, потому что признать реальную власть таких людей над обществом — слишком страшно.

Но когда я отбрасываю холодный профайлерский ум и вглядываюсь в зыбучую, беспросветную тьму в глазах Александра Дворкина на видеозаписях, мне становится по-настоящему не по себе. Возникает гнетущее физическое чувство, будто ты шагнул в глухой лес и остался абсолютно один на один с чудовищем. И пусть это не строгий научный термин из криминологии, но это безошибочное «шестое чувство» каждого федерала, чья работа — десятилетиями смотреть в лицо истинному злу. Абсолютная власть. О да, это именно то, чем дышал и дышит исследуемый мной субъект, то, ради чего Александр Дворкин десятилетиями выстраивал эту чудовищную иерархию. Но, глядя на его связи с Дивеевским братством, на близость к ядерному арсеналу в Сарове и те самые систематические вбросы о грядущей «цивилизационной войне», то есть, по сути, глобального столкновения двух мировых религий христианства и ислама, я понимаю, что классический садизм здесь давно перерос свои первоначальные рамки. Ему нужны были глобальные войны. Ему требовалось массовое кровопролитие на уровне целых континентов.

И все же, мой внутренний радар упорно твердил, что за всем этим фасадом из геополитики и религиозного радикализма кроется что-то еще. Я никак не мог нащупать самую суть — какова конечная, итоговая цель возведения этого кровавого пьедестала? Жертвы у него есть и сейчас. Власть — тоже. Государственный аппарат подчинен. Что же ему было нужно в самом финале?

В этих глухих, вязких размышлениях я провел несколько дней. Я почти не выходил из кабинета, методично перечитывая свои заметки снова и снова. Перепроверял каждый клочок бумаги на моей стене расследования, пересортировывал распечатанные документы, статьи, медицинские справки и сохраненные скриншоты. Я проводил жесткий перекрестный анализ, выписывал столбцы дат и имен, пытаясь выловить свое слепое пятно. Я все искал то, чего мне

отчаянно недоставало в понимании глубинных мотивов моего субъекта. Что-то, чего я в упор не замечал или отказывался принимать. А возможно, уже понял, но пока эта истина пульсировала только на самом дне моего подсознания, не желая оформляться в четкую формулировку.

Именно в этот момент в дверь позвонили. Пришла подруга Мэри. Обычный будничный визит. Она просто нажала на кнопку дверного звонка. Я услышал, как жена открыла дверь, и из прихожей донесся радостный женский голос: «*Слава Богу, вы дома! А я звонила, звонила, уже думала — никто не ответит...*».

Никто не ответит. Эта простая бытовая фраза ударила меня, как разряд тока. Я замер посреди кабинета. Мой мозг, перегретый неделями анализа, внезапно сложил пазл. *Никто не ответит.*

— Ну конечно... — пробормотал я вслух.

Глава 36

Пустое небо над головой

Вот чего субъект ждал тогда, в детстве, стоя над ямой с убитым ребенком. Он бросил вызов, ожидая удара с небес, но никто не ответил. В одну секунду все разрозненные детали сомкнулись с оглушительной ясностью. Я понял, к чему на самом деле стремится субъект. Его конечная цель — нажать на кнопку. На ядерную кнопку. Чтобы доказать себе и всему миру — что Бога нет. Серийный убийца всегда должен видеть результат своих действий, наслаждаться триумфом. Но на этом этапе расследования я понял, что передо мной не просто садист. Передо мной тот, кто бросает вызов и борется с Богом.

Достаточно вспомнить ту строительную яму в Москве. Он на глазах у заикающегося, богобоязненного Яши жестоко надругался над невинным первокласником и забивал его камнями. И заставил своего богобоязненного друга делать то же самое. Он проверял границы. Он ждал.

Я вспомнил цитату из книги «Калалацы». Перерыв самые первые оформленные по расследованию папки, я отыскал нужный фрагмент:

«— Бог живет в горах и оттуда посылает молнии и громы. Его нельзя увидеть, но он может протянуть руку и достать кого захочет, — рассказывал мне Яша на уроках ботаники...»

И вот, выходит, после того, что как он убил первоклассника он увидел — рука Бога не протянулась с небес, чтобы остановить его. Затем он расправился с самим Яшей, который и рассказывал ему о Боге. И вот снова Бог промолчал. Именно тогда, как на то указывает анализ, в подростковом возрасте, субъект сделал свой главный патологический вывод, который пронес через всю жизнь: **небо пустое**.

Для меня логика его действий выстроилась в единую жесткую линию.

Всю свою жизнь он методично доказывал самому себе и окружающему миру одно: Бога не существует. И для этого он выбирал самые показательные мишени — религиозные группы. Истинные люди веры всегда уповают на божественную защиту. Дворкин же, уничтожая их общины, ломая их судьбы и доводя до агрессии и нападений в их адрес, доводя до самоубийств, раз за разом доказывал свою абсолютную безнаказанность. Своими действиями он словно бросал им в лицо вызов: «Смотрите, вы так верите и любите своего Бога и где он сейчас, чтобы защитить вас, пока я забираю ваши жизни?».

Я вспомнил еще одну цитату, которую выписал в самом начале своего расследования:

*«Но Бога нет, и ничего этого не будет. Не будет жизни, не будет радости, не будет ничего. Вообще ничего. **Есть только абсолютно пустое небо над головой.** Это доказано. Ведь космонавты Бога не видели».*

Точно так же, в полном соответствии с этой его извращенной логикой, похоже ушли и его учителя. Великие наставники, которые столь искренне веровали во Христа, учили этому паству и своих учеников, пользовались огромным уважением и авторитетом — но в критический момент субъект снова убеждается, что Бог за них не заступился. Они умерли.

И как комментировал их смерть сам Дворкин? «Он был готов к встрече со Христом». «Смерть батюшки была идеальной христианской кончиной...». В этих сухих фразах нет ни капли скорби или эмпатии. В них звучит голос верховного судьи. Он словно сам выносит приговор и сам решает участь умерших. Он позиционирует себя как великий вершитель судеб, как та самая карающая рука с неба, которая забирает жизнь и снисходительно констатирует: «Он был готов к

встрече со Христом». Но кого на самом деле подразумевал Дворкин, говоря об этой встрече с Христом?

Здесь мне вспомнился другой, казалось бы, незначительный отрывок из его мемуаров. Дополнительным подтверждением склонности субъекта к идентификации себя с божественным архетипом служит этот специфический эпизод. После отчисления из педагогического института за несоответствие «моральному облику педагога», Дворкин временно устроился рентгенлаборантом в отделение реанимации кардиологического института и случайно столкнулся в коридоре с директором учреждения, академиком, который сделал неопрятному юноше с длинными волосами короткое ироничное замечание:

«Ну, ты, Иисус Христос, немедленно марш в парикмахерскую!»

Обычный человек забыл бы эту грубость на следующий день. Но Дворкин не просто запомнил этот инцидент на всю жизнь — он бережно включил его в свой автобиографический нарратив, выставив себя перед читателем в роли фигуры, морально превосходящей местный научный авторитет. В контексте выявленного в процессе изучения субъекта мотива «богоподобности» эта аллюзия приобретает пугающий смысл. Речь здесь идет вовсе не о религиозной идентичности Дворкина — в те годы он открыто позиционировал себя как ярый атеист. Речь идет о глубинной проекции божественного статуса на собственное гипертрофированное «Я». Для него длинные волосы, а впоследствии и отпущенная окладистая борода, имели значение не только как внешний символ принадлежности к элите хиппи-субкультуры. Во внутреннем мире субъекта этот символ затрагивал куда более древний образ в его подсознании. Знакомый с детства образ Иисуса Христа, с которым Дворкин, повзрослев, очевидно, начал себя идентифицировать. Учитывая клинические нарциссические черты субъекта, его склонность к грандиозным фантазиям и особенности психики, этот образ функционировал в его когнитивно-аффективной системе не как символ сострадания, любви или жертвенности. Это опять же был архетип абсолютной власти.

Для человека с атеистическим мировоззрением, историей психических заболеваний и маниакальным стремлением к тотальному доминированию, идентификация с божественным образом трансформировалась в непоколебимое убеждение в собственной исключительности. Она дала ему внутреннее право узурпировать власть над жизнью и смертью других людей. Она легализовала в его сознании право на насилие. Таким образом, внешний облик сектоведа становился

для него сакральным атрибутом «божественной избранности», видимым маркером трансцендентной значимости, абсолютной неподсудности и тайной, никем не ограниченной власти.

Я обратил внимание на еще один фрагмент мемуаров Александра Дворкина. Комментируя свои ощущения во время трехдневной панихиды в храме по одному из своих наставников, он фиксирует следующее:

*«Это было особое и редкое ощущение, **ощущение особого присутствия**, посещения Божьего, **итога, свершения, победы**, причастность к которым, по милости Божией, довелось хотя бы немного пережить».*

Ощущение «свершения» и «победы» в тот момент, когда умирает близкий человек, учитель и наставник. Для нормальной психики это абсурд. Но для того, кто сам распорядился этой кончиной, сравнение с «Божьим присутствием» выдает истину: в эти минуты он сам отождествлял себя с Богом. Для лиц с выраженными чертами психопатии и грандиозного нарциссизма, совершивших насильственное преступление, жизненно характерна потребность каким-либо образом «похвастаться» содеянным. Им необходимо продемонстрировать итог своих преступных деяний. Эта специфическая склонность выплескивается в виде прямых признаний, завуалированных намеков в беседах, мемуарах или иных формах самореферентного повествования. У таких индивидов формируется глубоко искаженная система убеждений и устойчивые паттерны поведенческих и эмоциональных реакций на смерть.

Они демонстрируют чрезвычайно высокую детализацию и эмоциональную вовлеченность при описании процесса гибели, что указывает на глубокую когнитивную и аффективную значимость темы смерти в их сознании. В их нарративах смерть — это, в первую очередь, скрытая демонстрация власти и контроля над жертвой. Это позиция единоличного распорядителя жизни и смерти, абсолютное подтверждение собственного всемогущества. Но чтобы окончательно доказать это самому себе, чтобы поставить жирную точку в своей личной войне с Творцом, локальных смертей наставников или изолированных групп верующих ему уже недостаточно. Ему нужен макромасштаб. Если он спровоцирует цивилизационную, ядерную войну, столкнув мировые религии ислама и христианства, если мир, как утверждают те, на кого он нападает, созданный Богом, обратится в пепел — это станет его абсолютной победой. Он бросает самый

грандиозный, немыслимый вызов: «Вмешается ли Бог, чтобы защитить Свое творение, или небо действительно окажется пустым?»

Вот где скрыто истинное ядро его психопатии. Передо мной находился не просто одержимый контролем маньяк. **Это богоборец, который всю жизнь методично доказывал миру, что Бога не существует.** Он внедрился в Русскую Православную Церковь не ради веры, а чтобы выпотрошить ее изнутри. С помощью своих адептов он изгнал учение Христа, подменив Новый Завет ветхозаветной жаждой крови, и низвел присутствие Бога в душе человека до уровня «плесени». И самое страшное — миллионы верующих покорно приняли эту подмену, совершенно не замечая тотального идеологического контроля серийного убийцы. Способность заставить целую нацию предать основы собственной веры опьянила его, доказав, что теперь он может манипулировать всем человечеством.

В последние годы в России с размахом демонстрируется рост влияния церкви: строятся храмы, публичные лица истово крестятся перед камерами. И хоть я американец и католик, но я искренне не понимаю: неужели они не видят, насколько их веру исказили? Люди больше не могут отличить слова Иисуса Христа от риторики маньяка. Они идут за тем, кто назвал Бога «плесенью», и покорно соглашаются, когда им внушают, что сейчас время Ветхого Завета — время тех, кто резал глотки. Ни один верующий, бьющий себя в грудь, не остановил это разрушение святыни. Они молчат, пока их церковь превращается в рупор диктатуры и служит лидеру, который по своей сути функционирует как Антихрист.

Термин «антихрист» имеет два значения: «против» Христа и «вместо» Христа. И сегодня мы видим это в чистом виде. В результате деятельности Александра Дворкина церковь учит репрессиям вместо любви, поклоняется плесени вместо Бога и **служит Дворкину вместо Иисуса Христа.** Тех немногих священнослужителей, которые пытались остаться верными христианским принципам, эта сеть просто перемолола с показательной, садистской безжалостностью.

Этот прецедент обладает чудовищной силой. Если одному человеку удалось перепрограммировать целую страну и заставить ее служить своим маниакальным целям, то это — прямая экзистенциальная угроза для всего демократического мира. Его пример слишком заразителен для представителей глобальной антикультовой сети. Он на практике доказал своим подельникам, что тотальный контроль над человечеством — это реальность.

Осознание этого масштаба звучит как тревожная сирена. Это прямой вызов и верующим и убежденным атеистам. То, что сейчас происходит в информационном поле, касается каждого гражданина этой планеты.

В процессе изучения деятельности Дворкина я выделил один абзац, который сам до конца не понимал, для чего отдельно вынес в заметки. Это цитата Иринея Лионского — того самого, в честь которого Дворкин назвал свой центр по исследованию религий и сект, а правильнее было бы назвать «Центр по разрушению прав и свобод невиновных граждан». Сейчас, в свете моих новых пониманий, этот фрагмент читался совершенно иначе.

«Из того, что будет при антихристе, видно, что он, будучи отступник и разбойник, хочет, чтобы поклонялись ему как Богу, и, будучи раб, хочет, чтобы его провозглашали царем. Он, получив всю силу дьявола, придет не как царь праведный и законный, но как нечестивый, неправедный и беззаконный, как богоотступник, злодей и человекоубийца, как разбойник, повторяющий в себе дьявольское богоотступничество; он устранил идолов, чтобы внушить, что он сам Бог, но себя превознесет как одного идола и в себе самом сосредоточит разнообразное заблуждение, относящееся к прочим идолам, чтобы те, которые посредством разных мерзостей поклоняются дьяволу, служили ему посредством этого идола; о нем апостол во втором послании к Фессалоникийцам так говорит: "пока не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего называемого Богом или святынею так, что в храме Божием сядет он, представляя себя, как он будто есть бог" (2Сол.2:3–4). Апостол ясно показывает его богоотступничество, и что он будет превозноситься выше всего называемого Богом или святынею, т.е. выше всякого идола, ибо называемые у людей боги не суть боги, и что он тиранически будет стараться представить себя богом».

Я смотрел на эти строки и поражался. Сходство было просто феноменальным. Случайно ли, что субъект назвал свою организацию именем человека, который с абсолютной, пугающей точностью описал его собственный криминальный и психологический профиль. Он действительно устранил чужих «идолов» — малые религиозные группы, духовных конкурентов, — чтобы монополизировать влияние и усестись в самом центре храма, тиранически диктуя свои правила игры и прикрываясь сакральной миссией.

А аппетиты антихриста безграничны. Уничтожать отдельные, разрозненные группы людей ему уже давно стало скучно. Если его глубинная, маниакальная цель — доказать, что Бога нет и небо совершенно пустое, то что может быть грандиознее, чем уничтожить весь мир? Ему нужна была ядерная кнопка. Этим и объяснялась выявленная в расследовании ветка его сети богоборцев, ведущая к Девеевскому братству и ядерному центру в Сарове.

И здесь уже возникает глобальный вопрос к нам, верующим людям: защитит ли Творец планету, которую Он сам создал, если маньяк, добравшийся до рычагов управления ядерным государством, решит спалить ее дотла? Это финальный, самый масштабный вызов богоборца. Вся его жизнь — это один непрерывный кровавый крестовый поход, единственная цель которого доказать, что небеса пусты и никто не придет на помощь. И делает он это с максимальным цинизмом — под благовидным предлогом защиты общества.

Глава 37

Противоядие

Но здесь философские размышления заканчиваются, и начинается территория сухих федеральных протоколов. Можно ли разрушить этот план и тот юридический щит, выстроенный имиджами псевдоправозащитников, всей этой многоуровневой антикультовой сети, руководимой садистом, и доказать его вину по закону? Я могу с уверенностью сказать: однозначно да.

Да, бюрократическая машина неповоротлива, сложна и медлительна. На запуск расследований, оформление международных запросов, выдачу ордеров, межведомственные согласования и преодоление глухого чиновничьего саботажа уйдет время. И я допускаю что возможно, этот богоборец, Александр Дворкин, прямо сейчас сидит в своем комфортном кабинете и думает, что его старые преступления надежно похоронены, а время навсегда стерло их следы. Ведь он так давно не убивал своими собственными руками. Но он фатально ошибается. Сейчас он уязвим как никогда.

Современная криминалистика давно шагнула далеко вперед, оставив его представления о безопасности в прошлом веке. Сегодня технологии позволяют доказать то, что еще недавно казалось невозможным — вплоть до самого первого

инициального убийства. Даже если оно было совершено более 50 лет назад и даже если единственный свидетель этого события тоже был убит.

Взять ту самую московскую стройку семидесятых годов, где в яме под грудой камней остался лежать изнасилованный первоклассник. Для обывателя город давно перестроен, и найти кости нереально. Но для следствия район, школа и примерный возраст ребенка — это жесткие вводные данные. Их несложно сопоставить с картами новостроек и планами застройки того времени, чтобы сузить круг поисков и локализовать потенциальное место преступления. А дальше в дело вступает современная наука. Геофизические методы способны помочь следствию обнаружить останки даже полувековой давности. В арсенале экспертов есть георадары (GPR), магнитометрия, технологии электрической резистивности. Даже если сверху ямы давным-давно залили фундамент новой многоэтажки, комбинация визуального обследования и 3D-моделирования грунта с помощью современных сканеров покажет аномалии в почве.

Да, есть свои нюансы. При строительстве нового здания в последующие годы тело ребенка могло быть случайно обнаружено рабочими, а исходя из анализа источников, в Советском Союзе в то время существовала практика кремации неопознанных тел. Однако представители служб были обязаны жестко протоколировать каждую такую находку. Так что в архивах местной милиции должно пылиться дело о неопознанном мальчике — советском Джоне Доу. Параллельно совершенно несложно поднять архивы пропавших без вести детей. Родственники наверняка заявляли в полицию об исчезновении ребенка. Сопоставление этих баз данных — рутина для любого аналитика и тем более для искусственного интеллекта. А с учетом того, что вместе с первоклассником в яму бросили его шарф и школьный портфель, криминалисты могут восстановить его содержимое, тетрадки, книжки, записи, личные предметы, что непременно укажет на идентификацию личности жертвы.

Конечно, анализируя хронологию преступлений субъекта, нельзя не отметить и слабые места, которые могут осложнить расследование. Например, 67-я московская больница, где он, согласно зафиксированным в книге Виктора свидетельствам Подружки, экспериментировал с дозировками и убивал пациентов. Даже несмотря на то, что известна конкретная больница и в архивах наверняка сохранились медицинские карты всех умерших в тот период, юридически доказать причастность Дворкина к этим смертям сегодня будет практически невозможно. В

реанимационном отделении лежали пациенты в критическом состоянии, и их смерть легко списывалась на естественные причины и тяжесть травм.

Бродяжничество автостопом Александра Дворкина по всему Советскому Союзу в юности — это еще одна слепая зона. Даже с учетом того, что субъект с таким профилем наверняка оставил за собой кровавый шлейф по маршрутам своих передвижений, доказать его прямую причастность к безымянным смертям того времени на сейчас крайне сложно.

Но у каждого хищника есть ахиллесова пята. И этот богоборец не исключение. Целая группа священнослужителей-учителей, которые были тесно связаны с Александром Дворкиным на разных этапах его карьеры, представляет собой идеальную доказательную базу. При наличии живых родственников достаточно потребовать возобновления расследования и провести эксгумацию тел. На молекулярном уровне современная наука способна установить абсолютно все. Кости и волосы хранят химический состав организма десятилетиями, включая следы возможных ядов и химических соединений, целенаправленно поступавших в кровь. Да, это тоже потребует прохождения определенных бюрократических процедур, и получить такие разрешения не всегда просто. Однако эксгумация в рамках дел о серийных отравлениях вполне реальна и регулярно практикуется. Ведь ни один здравомыслящий человек не поверит в то, что такое количество людей в окружении одного человека «случайно» умерло от схожих онкологических диагнозов в столь «подходящее» для субъекта время. Учитывая еще и то, что до знакомства с Дворкиным эти люди, по словам их жен и близких, были абсолютно здоровы. Факты его биографии указывают, что уход этих священнослужителей послужил ступенями для карьерной лестницы Александра Дворкина и прямо способствовал беспрецедентному подъему его авторитета. Очень удобно, не так ли? Это были именно те люди из окружения Дворкина, которые, будучи живы, являлись бы непреодолимым препятствием для его амбиций и все они как один своевременно ушли со сцены в самый нужный для него момент. Да, химия имеет огромную, скрытую силу. Но современная наука обладает еще большей силой. Она позволяет выявить наличие специфических химических соединений или кумулятивных токсинов в костной ткани останков даже спустя десятилетия. И когда молекулярный анализ подтвердит наличие ядов, все эти «естественные» смерти мгновенно переквалифицируются в серию хладнокровных, расчетливых убийств.

И если субъект подумает, что все эти события произошли слишком давно, чтобы быть доказанными, я просто открою официальные сводки. Современная криминалистика особенно сильна там, где раньше дело считалось безнадежным. Альфред Свинскоу, исчезнувший в 1967 году — его останки найдены в поле на глубине четырех футов и идентифицированы по ДНК через 56 лет. Дело Карлы Уокер, убитой в 1974 году, было раскрыто через 46 лет, когда старые следы прогнали через новые системы тестирования. Дело Терезы Перони 1983 года — в июне 2025-го прокуратура Орегона предъявила обвинение в убийстве на основе генетических тестов всего лишь частичного черепа.

Прорывы с помощью следственной генетической генеалогии (IGG) и систем Rapid DNA показывают: даже сильно деградировавшая, бактериально загрязненная ДНК со старых костей сегодня дает стопроцентную идентификацию. Старая вещественная улика мгновенно «оживает», как только ее загружают в базы данных вроде CODIS или NamUs. Даже спустя 30–50 лет убийство может быть раскрыто, а останки — найдены и идентифицированы. Это не магия, это многоступенчатая связка: реконструкция поведения преступника, геофизические и гидроакустические методы, судебная антропология и биометрия.

Бюрократия будет тянуть время, это неоспоримый факт. Запросы, комиссии, суды — все это опять же займет время. Но оно того стоит. Массив уже собранных улик, тяжесть преступлений и количество жертв способны запустить механизмы правосудия.

Но есть понимание, которое не обойти стороной. Пока бюрократический аппарат будет со скрипом проворачивать свои шестеренки, могут погибнуть множество людей. Могут прозвучать выстрелы в школах, могут погибнуть представители политики, а в горячих точках продолжают хоронить мирных граждан, чья смерть спровоцирована информационным террором антикультистов.

Я не писатель. Никогда им не был. Я человек другой профессии. Половину жизни я разговаривал с убийцами, еще половину — объяснял копам, как этих убийц искать. Мне привычнее отчет, чем метафора, протокол, чем публицистика. Но бывают моменты, когда простого хода по инстанциям недостаточно. И здесь я согласен с моим коллегой Виктором, который написал в своей книге:

«Мы не имеем права молчать, пока "Ангел Смерти" сидит в кресле эксперта. История Дворкина — это предупреждение миру: если вы даете психопату право определять врагов, он превратит в пустыню все вокруг себя. Потому что для

него нет ничего святого — только жажда чувствовать хруст костей под своими ногами».

Сейчас понимаю, что единственный способ остановить деятельность этой сети, руководимой маньяком — это публичная правда. Огласка. Если я прав хотя бы наполовину, то перед нами уже не просто преступная сеть. Перед нами — технология производства убийц. И именно поэтому молчать дальше нельзя. И эта книга, собранная из материалов Виктора и моего собственного расследования, должна увидеть свет. Поэтому я и пишу это не просто как специалист. Пусть я пишу через призму профессионального опыта и деформированного работой в бюро мозга, но я пишу эту книгу еще и как верующий американский гражданин, как католик.

Я долго думал над этой фразой — «небо пустое». Настолько долго, что она начала звучать у меня в голове как вызов. Как центральная ложь, на которой этот человек построил всю свою жизнь. Факты моего расследования демонстрируют, что Дворкин всю жизнь пытается доказать, что небо пустое. Что Бога нет, потому что он не вмешивается, когда маньяк разрушает судьбы невинных. Но вот к какому выводу в итоге пришел я в процессе своих многочасовых размышлений. Небо становится пустым не тогда, когда Бог молчит. Оно становится пустым тогда, когда **молчим мы**. Если Бог наделил нас свободой воли, если Он создал этот мир и доверил его нам, значит именно мы несем ответственность за этот мир и за жизнь в нем. **Именно наши руки являются руками Бога на этой планете.**

В нашей эмпатии, в нашей способности защищать права людей — и заключается Его воля. То, что происходит сегодня, — это колоссальное испытание. И если мы узнаем правду об этом тотальном ужасе и выберем промолчать, это не значит, что Бог нас покинул. Это значит, что мы сами перешли на сторону богоборцев. Эта идеология — яд, пожирающий человечество изнутри. Но у любого яда есть противоядие. Чем быстрее правда станет достоянием гласности, чем быстрее общество осознает, что им пытаются управлять маньяки, тем быстрее с этим явлением будет покончено. На кону стоят не просто политические рейтинги или геополитические интересы. На кону стоит наше будущее и жизни наших детей. И мы сами должны сделать так, чтобы это будущее не оказалось в руках тех, кто жаждет превратить его в пепел.

Если мы видим зло такого масштаба, видим, как извращают учение Христа, превращая церковь в секту убийц, стремящихся к тотальной власти, и продолжаем

трусливо молчать — тогда небо действительно окажется пустым. Своим молчанием мы сами его опустошаем. Противостоять этой сатанинской, богоборческой сети — это долг каждого нормального человека, независимо от того, носит ли он крест, читает ли намаз или опирается исключительно на светский закон и Конституцию. Каждый участник этой сети должен быть выявлен. Каждый из этих субъектов со сломанной психикой, психопатов и садистов, втянутых в орбиту РАЦИРС и FECRIS. Они просто не могут занимать никаких государственных постов, не должны иметь доступа к микрофонам, телеэкранам и школьным аудиториям. В некоторой степени, признаюсь, я сейчас перекладываю ответственность на вас — тех, кто читает эти строки. Вы можете даже не делиться самой книгой. Я не собираюсь делать на ней состояние или зарабатывать литературные лавры. Тем более что эта книга выйдет не под моим именем. И поверьте, моей пенсии, заработанной упорным, честным трудом за десятилетия службы в Бюро, и сбережений, накопленных за жизнь, нам с Мэри более чем хватит на комфортную старость. У меня есть что оставить детям и внукам. Мне не нужны гонорары и слава. Моя единственная цель — резонанс. Я прошу вас об одном: поделитесь самой информацией. Выносите эти факты на свет, делайте их достоянием гласности. Если вы верующий человек — станьте руками Бога в этом мире. Если вы атеист — станьте руками человеческой совести, здравого смысла и гарантом безопасного будущего для наших детей. Ведь именно вы, рассказав об этой угрозе своим друзьям, коллегам или прихожанам в вашей церкви, можете запустить ту самую цепную реакцию правды, которая ломает планы антикультовой сети.

Ваши слова, переданные от человека к человеку, в какой-то критический момент могут дойти до подростка, чье подсознание прямо сейчас подвергается «пазловому кодированию». И, возможно, именно ваше предупреждение, вовремя разрушившее навязанную разрушительную установку, станет тем самым барьером, который остановит его. Вскрыв правду, вы спасете не только его собственную, уже почти загубленную жизнь. Вы спасете жизни множества его потенциальных жертв

Я хочу рассказать вам реальный пример, который доказывает, что гласность — это реальный механизм защиты и он действительно работает. Не так давно в одной из европейских стран, где активно действует эта богоборческая антикультовая сеть, молодой человек, судя по анализу фактов, подвергся пазловому кодированию. Под воздействием вложенных в его подсознание информационных пазлов он тщательно спланировал массовое убийство в школе. Добравшись до ключей от сейфа, завладел оружием отца и научился из него

стрелять. Он изучил систему безопасности школы, знал точный тайминг — сколько минут пройдет до приезда полиции, — вычислил слепые зоны и дождался момента, когда охранник отойдет со своего поста и хотел отбросить сумку сбоку металлоискателя, чтобы он не сработал.

Но когда он приблизился к рамке в реальности, его туннельное, суженное кодировкой сознание дало неожиданный для него самый сбой. В этот критический момент в его голове всплыли слова одного блогера, видео которого он случайно посмотрел накануне. Блогер подробно разбирал методы манипуляции антикультовой сети и технику «пазлового кодирования». В качестве примера он приводил реальный случай, когда запрограммированный стрелок, словно биоробот, пошел с огнестрельным оружием прямо через звенящую рамку металлоискателя, намереваясь убить политика, и, естественно, был мгновенно обезврежен охраной. Анализ блогера был жестким и точным: все факты указывали на то, что подсознание стрелка было взломано. Ни один человек в здравом уме не пойдет на подобное, прекрасно понимая, что металлоискатель стопроцентно среагирует на оружие. У вменяемого, адекватного человека банально работает инстинкт самосохранения. А слепое, самоубийственное игнорирование препятствий — это классический маркер внешней кодировки.

Именно это воспоминание о случае рассказанном блогером сработало для того подростка, который собирался совершить скулшутинг, как стоп-кран. Стоя перед рамкой, парень внезапно осознал, что происходит. До него дошло, что он тоже подвергся кодированию и это стремление убивать — вовсе не его. Он понял весь чудовищный смысл того, что собирался сделать: сейчас он уничтожит жизни невинных детей, перечеркнет собственную судьбу, и для него завтрашний день просто не наступит. Он шел забирать чужие жизни и отдавать свою, не имея от этого абсолютно никакой личной выгоды, слепо исполняя чужую садистскую волю. Он остановился, подошел к вернувшемуся охраннику и просто сказал: «Смотрите, что я нашел», — указав на сумку с оружием, которую бросил недалеко от металлоискателя. А когда на место подъехала полиция, этот несостоявшийся убийца рассказал им всю правду. Он признался, что шел убивать как запрограммированный дрон, но смог остановиться.

Так что, может быть, как раз вы, передавая информацию о манипулятивных методах этой антикультовой сети дальше, послужите тем самым спасителем. Вы можете стать тем самым голосом, который в критическую секунду всплывет в памяти ребенка и остановит его руку на спусковом крючке. Именно так мы можем

быть руками Бога на земле — защищая друг друга, делясь правдой и не позволяя манипуляторам превращать наших детей в слепое оружие.

Я не знаю, сколько еще человеческих жизней уже поглотила эта сеть. Не знаю, сколько имен мы так и не узнаем, кто был зверски и чудовищно уничтожен этой сетью. Не знаю, сколько политиков, детей, верующих, мигрантов, мирных людей были сломаны, подставлены, доведены до самоубийства, заключения, травли или смерти.

Но я знаю другое. Маньяки не останавливаются по собственной воле. Их останавливают. Если не закон — то общество. Если не бюрократия — то гласность. Если не страх перед Богом — то ответственность за будущее своих детей. Я поднял глаза на доску и вдруг поймал себя на очень простой мысли.

Нас — миллиарды. Верующих, атеистов, сомневающихся, уставших, злых, напуганных, но все еще живых людей. А их, психопатов, садистов, преступников связанных единой антикультовой сетью, возглавляемой Александром Дворкиным — единицы. Всего лишь горстка богоборцев, психопатов, манипуляторов, людей с выжженной эмпатией, которые держатся только до тех пор, пока большинство молчит и не замечает кто ими манипулирует, как фигурками на доске.

В конце концов все сводится к одному вопросу. Что сильнее — вера, совесть, закон, любовь к своим детям, элементарная человеческая порядочность? Или планы одного убийцы, который всю жизнь доказывал себе, что небо пустое?

На этот вопрос нельзя ответить теорией. На него отвечают поступком. Я не знаю, под каким именем выйдет эта книга и сколько еще папок мне придется собрать, прежде чем кто-то подпишет нужный указ, нажмет на нужную кнопку в системе мониторинга серийных убийц. Я не знаю, успеем ли мы с Виктором вовремя. И, если честно, впервые за долгие годы мне по-настоящему беспокоит. Но я знаю, зачем пишу это. Не ради мести. Не ради славы, которая была так желанна многим моим коллегам, обратившимся в писателей. Я пишу это потому, что, возможно, это тот редкий случай, когда рассказанная вовремя правда сама по себе уже способна спасти чью-то жизнь. Если хоть один подросток, уже взявшийся за оружие, в последний момент поймет, что его ненависть на самом деле вложена в него кем-то, — это уже не зря. Если хоть один политик увидит, кто именно шепчет ему на ухо, — это уже не зря. Если хоть один верующий перестанет молча стоять в толпе, которая скандирует в поддержку распятия Христа — это уже не зря. Если хоть один армейский офицер, судья, прокурор, журналист или обычный родитель

остановится и спросит: «Кому выгодно, чтобы я расчеловечил другого?» — это уже не зря. Потому что именно с этого и начинается сопротивление. Не с громких лозунгов и демонстраций. А с момента, когда человек перестает отдавать свой разум под управление манипуляторам.

История уже показала, к чему приводит слепота общества. В свое время Вальтер Кюннет и его идеологические соратники отравили структуры власти и сознание целого народа. Из хороших, порядочных немцев они вылепили безжалостных преступников мирового уровня, которые сжигали людей в церквях, искренне веря в свою правоту, с надписью «С нами Бог» на ременных бляхах. Сегодня Александр Дворкин — человек в церковном подряснике — делает в точности то же самое. Он учит глобальную сеть маньяков и садистов тому, как управлять подсознанием масс, как чужими руками устранять неудобных политиков и как заставлять детей убивать других детей.

Этот механизм обладает силой только до тех пор, пока скрыт в тени. Поэтому общество обязано узнать, откуда исходит реальная угроза. Если люди осознают, как именно ими манипулируют через СМИ, вирус начнет давать сбой. Это касается всех. Правоохранительные органы, чья прямая обязанность — защищать законы, демократию и, самое главное, жизни детей, должны понимать истинную природу этих преступлений. Политики, наделенные властью, обязаны увидеть, что эта идеология целенаправленно ведет страны к гражданским войнам, и их долг — защитить свой электорат от этого психологического яда. Ни один здравомыслящий человек никогда бы не поддержал такую организацию и не стал бы творить подобное зло по отношению к невинным, если бы не был ослеплен их ложью. Их сила держится исключительно на обмане: они обвиняют других в тех чудовищных вещах, которые методично совершают сами.

Я выключил настольную лампу и еще несколько секунд сидел в темноте. Снова ночь. Я снова один на один со своими бумагами, компьютером и моим непрерывным потоком анализа в голове. За окном было тихо. Где-то в соседней спальне доносилось успокоительное посапывание Мэри. В доме едва заметно пахло ванильным пирогом, который принесла та самая подруга Мэри, которая сама того не понимая, помогла мне дополнить картину моего расследования недостающим пазлом.

Я снова смотрел на стену. На пробковой доске подрагивали тени от уличного фонаря, и казалось, будто красные нити слегка шевелятся сами по себе.

Мне вспомнилась одна старая истина, которую мы запомнили в Бюро почти как молитву. Бояться тьму — нормально. Но если ты один раз ее увидел, ты больше не имеешь права делать вид, что ее нет. Твой долг — шагнуть в нее и не дать ей поглотить невинные жизни.

А еще я понял кое-что куда более важное. Небо не пустое, пока у нас хватает мужества не опускать руки. И если Бог еще окончательно не разочаровался в этом мире, то действует Он не огнем с небес и не громовым голосом из облаков. Он действует через тех, кто в самый поздний час все-таки выбирает не камень — а правду. И потому у этой истории есть только один возможный конец. Не молчать. Потому что свой первый приговор Александр Дворкин вынес камнем. А следующий, если мы снова промолчим, может быть вынесен уже той самой кнопкой. И я не собираюсь дожидаться, пока он ее получит.